

Д. И. ГОЛЬДБЕРГ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
ЯПОНИИ

(СЕНТЯБРЬ 1939 г. – ДЕКАБРЬ 1941 г.)

ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. А. ЖДАНОВА

Д. И. ГОЛЬДБЕРГ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
ЯПОНИИ

(СЕНТЯБРЬ 1939 г. — ДЕКАБРЬ 1941 г.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1959

Ответственный редактор
Л. А. БЕРЕЗНЫЙ

ВВЕДЕНИЕ

Вторая мировая война, порожденная противоречиями монополистического капитализма, была подготовлена силами международной империалистической реакции. Накануне и в первые годы войны (1936—1941) сформировались две противостоявшие друг другу коалиции — германо-японо-итальянская и англо-американо-французская; каждая намеревалась вытеснить своих конкурентов с мирового рынка, добиться мирового господства и получения монопольно высоких прибылей. Войну на Западе развязала гитлеровская Германия, а на Дальнем Востоке — империалистическая Япония.

В годы подготовки и в ходе минувшей войны наиболее отчетливо проявился хищнический характер японского милитаризма: стремление его правящих кругов поработить огромный Китай, захватить тихоокеанские владения главных империалистических соперников и конкурентов — США и Англии — и в особенности осуществить агрессивную войну против СССР с целью захвата его дальневосточных территорий. Японские монополисты пытались насильственным путем переделить колонии и зоны влияния, чтобы установить свое безраздельное господство в так называемой «восточно-азиатской сфере». Они стремились установить там свой «новый порядок» и в конечном счете добиться коренного изменения соотношения сил на Дальнем Востоке и на Тихом океане в своих интересах.

Реакционная внутренняя и агрессивная внешняя политика правящих кругов Японии была подчинена этим империалистическим целям, а также направлена на подавление революционного движения внутри страны и национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах.

После первой мировой войны империалистическая Япония раньше других стран вступила на путь нового передела мира. Оккупация Северо-Востока Китая — Маньчжурии*, вторжение в Северный Китай и Внутреннюю Монголию, развертывание большой войны против Китая и, наконец, начало войны на Тихом океане — таковы основные вехи подготовки и

* В литературе и источниках исследуемого периода Северо-Восточный Китай именуется обычно Маньчжурией. Поэтому автор пользуется этим наименованием.

развязывания Японией второй мировой войны, образования ее дальневосточного и тихоокеанского очагов. Агрессивная внешняя политика постоянно находилась в органической связи с реакционной внутренней политикой японского империализма.

Подготовка Японии к новой мировой войне началась с образования ее дальневосточного очага в 1931 г. и осуществлялась по всем линиям: экономической, военной, политической, идеологической и дипломатической.

Исключительно важное значение имела экономическая подготовка к войне и материальное обеспечение ее в период 1931—1939 гг.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. явился одним из факторов, ускоривших подготовку Японии к новой войне, и положил начало милитаризации народного хозяйства. Вторжение в Маньчжурию создало в Японии военно-инфляционную конъюнктуру, характерную чрезвычайно быстрым развитием военных отраслей промышленности. Японские монополии стремились путем милитаризации экономики усилить военно-промышленный потенциал Японии и таким образом подготовиться к большой войне на азиатском континенте и ко второй мировой войне.

Первостепенное внимание в период 1931—1939 гг. было обращено на форсированное расширение тяжелой промышленности, в первую очередь металлургии и машиностроения.

Милитаризация экономики, начавшаяся накануне оккупации Маньчжурии, увеличила несоответствие между первым и вторым подразделениями в японской промышленности. Она дезорганизовала народное хозяйство и явилась серьезной преградой для развития производительных сил. В условиях форсированной милитаризации экономики усиливались государственно-монополистические тенденции, экономические и политические позиции «дзайбацу». Крупнейшие японские монополии — Мицубиси, Фuyo, Сумитомо, Ясуда, Сибусава, Аюкава, Кухара, Накадзима и другие пытались еще больше подчинить государственный аппарат и ввести для этой цели систему «контроля» и «регулирования» промышленности.

Важнейшим мероприятием, определившим всю дальнейшую экономическую политику в условиях начавшейся войны против Китая, явился «Закон о всеобщей мобилизации нации», представленный правительством Коноэ на обсуждение парламента в конце февраля 1938 г. и вступивший в силу 5 мая того же года¹. Этот закон являлся важнейшим программным

¹ 28 февраля 1938 г. аналогичный закон был принят и правительством Маньчжоуго. О «Законе о всеобщей мобилизации нации» см.: 赤川博, 國防經濟治體制, 東京, 一九四二年. «Wartime legislation in Japan. Selection of important laws enacted or revised in 1941», Tokyo, 1942, p. 29—63 (японский текст, стр. 7—15).

документом, санкционировавшим под флагом государственного «контроля» ускоренный перевод японского народного хозяйства на военные рельсы. В нем была развернута программа «тотальной мобилизации» материальных и людских ресурсов для наиболее эффективного их использования в затяжной войне с Китаем и подготовки новых внешнеполитических авантюр против СССР, США, Англии и Франции.

«Закон о всеобщей мобилизации нации» и последующие экономические мероприятия правительств Коноэ и Хиракума свидетельствовали о дальнейшем развитии государственно-монополистического капитализма в Японии. Государственное «регулирование» в Японии не затрагивало частнокапиталистического характера ее экономики. Оно имело цель обеспечить за японскими «дзайбацу» использование государственного аппарата как орудия их обогащения, способствовавшего извлечению монополиями высоких прибылей.

Источниками высоких прибылей неизменно являлись эксплуатация и ограбление обнищавших и разорявшихся трудящихся, милитаризация экономики и колониальный грабеж Кореи, острова Тайвань и других оккупированных районов Китая, в первую очередь его северо-восточной и северной частей.

Крупные «дзайбацу» являлись подлинными хозяевами империалистической Японии, вдохновителями и организаторами захватнических войн.

Финансовая политика правящих кругов Японии, мобилизация всех материальных ресурсов для агрессивной войны имели своим последствием дальнейшее еще более усиленное наступление на жизненный уровень народных масс и в первую очередь рабочего класса.

В ходе милитаризации усиливалась эксплуатация рабочих, в особенности в тяжелой промышленности. В этом нашла свое выражение реакционная, антинародная внутренняя политика японских империалистов, тесно связанная с агрессивной внешней политикой.

Важное место в экономическом обеспечении войны занимал импорт в Японию необходимого военно-стратегического сырья из Маньчжурии и других стран так называемого «блока иены».

Большое значение имели также поставки из США дефицитных товаров, в том числе нефти, нефтепродуктов, а также некоторых видов готовых изделий — автомобилей, станков, частей самолетов и других предметов. Несмотря на уменьшение японского экспорта, объем внешней торговли между Японией и США в первые годы войны с Китаем почти не изменился. Это объяснялось прежде всего значительным увеличением ввоза в Японию стратегического сырья. Внешнеторговые связи Японии с США, а также с Англией приноси-

ли крупные барыши японским монополиям, резко повысившим цены на дефицитные импортные товары.

Снабжение Японии дефицитным военно-стратегическим сырьем и военными материалами благодаря непрерывавшимся внешнеторговым связям западных держав с Японией составляло экономическую основу политики «дальневосточного Мюнхена», проводившейся правящими кругами США и Англии.

Милитаризация экономики и усиленное развитие государственно-монополистического капитализма в Японии сопровождался обострением ее внутренних и внешних империалистических противоречий.

Канун и период второй мировой войны характеризуются острой борьбой конкурирующих групп японских монополистов по всем важнейшим вопросам внутренней и внешней политики Японии. Эта борьба развивалась в условиях фашизации страны и привела к выдвиганию на первый план наиболее реакционных и агрессивных политических группировок империалистов, мечтавших о войне «до победного конца».

Стремясь создать правительство «твердой руки» — открытую террористическую диктатуру — и усилить агрессивный внешнеполитический курс, наиболее реакционные круги японских монополистов организовали в 1931—1936 гг. ряд заговоров и путчей.

Серьезное значение в подготовке японских империалистов к новой войне имели провокационные инциденты, инспирированные ими как повод либо для грубого вмешательства во внутренние дела соседних государств, либо для военного вторжения на территорию этих государств. Во многих случаях целью таких инцидентов был захват важных стратегических пунктов для расширения района оккупации или подготовки новых военных конфликтов против Советского Союза.

Исключительно важную роль играла дипломатическая подготовка войны. В годы подготовки и в ходе самой войны, когда японские империалисты стремились обеспечить внезапность и, следовательно, максимальную эффективность военного нападения, проявились отличительные черты японской агрессивной дипломатии — коварство и вероломство.

Коварство японской империалистической дипломатии нашло выражение в одностороннем и грубом нарушении Японией международных договоров, которое обычно прикрывалось декларациями о «самообороне» и «защите» интересов азиатских народов.

Применяя различные дипломатические приемы и опираясь на компрадорские круги помещиков и буржуазии, японские правящие круги создавали на оккупированных территориях «независимые» и «автономные» режимы. Эти меры помогали грабить богатства оккупированных стран и районов и исполь-

зовать их людские ресурсы. Так обстояло дело в Маньчжурии и других районах Китая, а позднее — в странах Южных морей (Индокитай, Бирма, Индонезия, Филиппины и т. д.).

Большое значение в подготовке Японией новой мировой войны имела шовинистическая пропаганда среди населения. Существенное место в ней занимала расистская теория пан-азиатизма (демагогический лозунг «Азия для азиатов»), которая сочеталась обычно с антикоммунистической фразеологией.

Особое значение в годы подготовки и развязывания второй мировой войны наряду с паназиатизмом имела также пропаганда мальтузианских и геополитических «теорий», сторонники которых считают войны единственным и справедливым средством разрешения всех международных споров.

Основой воспитания японского народа в семье, школе и армии был культ императора, пропаганда самопожертвования во имя «священной» императорской династии.

Японские империалисты, стремясь оправдать вступление Японии в войну, объясняли его стремлением к «миру» и необходимостью «обороны», что являлось лишь дипломатической уловкой. Такая точка зрения имела место в выступлениях руководящих государственных деятелей, а также в дипломатической переписке Японии с Англией, Францией и США.

Несмотря на изощренные приемы и коварство японской агрессивной дипломатии, японские империалисты не смогли достигнуть своих внешнеполитических целей, и их стратегия потерпела крах.

Подготовив в течение 1931—1937 гг. большую войну против Китая, являющуюся крупной вехой на пути развязывания второй мировой войны, японские правящие круги намеревались поработить Китай и, вытеснив европейско-американских империалистических конкурентов, превратить его в свою колонию. Хотя Япония рассчитывала на «молниеносную войну» и в начальный период войны добилась военных успехов в Китае, тем не менее эта война превратилась для нее в затяжную и изнурительную.

Одновременно с новыми наступательными операциями в Китае японские империалисты большое внимание уделили «мирному» дипломатическому маневрированию, намереваясь с помощью скрытых (Чан Кай-ши) и открытых (Ван Цзин-вэй) капитулянтов взорвать единый национальный антияпонский фронт в Китае. Однако их попытки создать в течение июля 1937 г. — сентября 1939 г. «центральное» правительство из предателей китайского народа и дезорганизовать силы сопротивления в Китае потерпели крушение.

Возглавленное коммунистической партией героическое сопротивление великого китайского народа, полного решимости

довести войну до победы, явилось главной причиной поражения японских войск в Китае.

Политика «дальневосточного Мюнхена», проводившаяся правящими кругами Англии, США и Франции, облегчила агрессивную политику японских империалистов и содействовала изменению соотношения сил на Дальнем Востоке.

Американские монополисты, заинтересованные в прибылях, стремились затянуть китайско-японскую войну. Более того, они даже поддерживали агрессора. Так, если в 1937 г. США вывезли в Японию различных товаров на 288,4 млн. долл., то стоимость их экспорта в Китай составила 49,7 млн. долл.², т. е. была почти в шесть раз меньше.

Монополисты США проводили антикитайскую политику, помогая своему дальневосточному и тихоокеанскому сопернику вести войну в Китае и пополнять стратегические резервы для новых актов агрессии, в том числе против США и Англии. Эта политика поощрения агрессии на Дальнем Востоке во многом напоминала аналогичный курс американских монополий на Западе, когда американские банки и тресты накануне второй мировой войны помогли восстановить и развить военно-промышленный потенциал Германии. Разница состояла лишь в том, что если Германия создала мощную металлургию и военную промышленность при помощи американских долгосрочных и краткосрочных займов и кредитов, то Япония, не получая такой финансовой помощи (ее внешняя задолженность продолжала оставаться стабильной и не превышала в 1937—1939 гг. среднегодовой суммы 1,3 млрд. иен), имела возможность получать все необходимое для милитаризации экономики, накопления и пополнения военно-стратегических запасов преимущественно из Соединенных Штатов. Американские монополии оказали Японии большую помощь в создании и укреплении военно-экономической базы. Тем самым они не только содействовали расширению экспансии японского империализма, увеличению дальневосточного очага войны, но и оказали неоценимую помощь фашистским агрессорам в развязывании второй мировой войны. Правящие круги США и Англии, зная о том, что Япония крайне заинтересована в получении различных военно-стратегических материалов, не применяли к ней никаких действительных санкций. Они предпочли искать пути к сговору за счет китайского народа и Советского Союза.

Однако Советский Союз, разгромив японских империалистов на Хасане и Халхин-голе, нанес серьезный удар по планам фашистских агрессоров и реакционных кругов США, Англии и Франции. Он последовательно проводил свою не-

² Charles Gallan Tansill, *Back door to war. Roosevelt's foreign policy 1933—1941*, Chicago, 1952, p. 498.

зависимую миролюбивую внешнюю политику, политику обеспечения мира и безопасности на Дальнем Востоке.

Начало большой китайско-японской войны и провозглашение империалистической Японией программы построения «нового порядка» в Восточной Азии сопровождалось обострением межимпериалистических, японо-американских и японо-английских противоречий. Военные успехи японских вооруженных сил в начальной стадии войны в Китае поставили под серьезную угрозу позиции американских и английских монополий в этой стране. Попытки же «дальневосточных мюнхенцев» достичь компромисса с Японией явились лишь стимулом для дальнейшего наступления японских империалистов на позиции американских и английских соперников и конкурентов в Китае.

Политика правящих кругов Англии, Франции и США, проводившаяся в течение 1931—1941 гг. под флагом «конструктивного примирения» с Японией, закончилась провалом. Она создала благоприятные условия для ликвидации установленного Вашингтонской конференцией соотношения сил и имела последствием дальнейшее углубление межимпериалистических противоречий на Дальнем Востоке и Тихом океане, чреватое новым военным конфликтом. Углубление этих противоречий происходило в условиях обострения общего кризиса мировой капиталистической системы.

Готовясь к новой мировой войне, японские империалисты стремились создать военно-политический блок с Германией и Италией. Закладывая «антикоминтерновский пакт» и последующие военно-политические соглашения, они ставили своей целью осуществление стратегии «молниеносной войны» против Советского Союза, Китая и западных империалистических соперников для того, чтобы окончательно уничтожить Версальско-Вашингтонский послевоенный режим мира, построить фашистский «новый порядок» в Европе и на Дальнем Востоке.

Несмотря на общность агрессивных внешнеполитических целей Японии и Германии, накануне и в годы второй мировой войны между ними возникли серьезные разногласия и противоречия. Во взаимоотношениях Японии и Германии до возникновения второй мировой войны можно наметить следующие основные этапы:

1. Март 1933 г. — ноябрь 1936 г. Этот начальный этап характеризуется постепенным сближением Японии и Германии на базе общих агрессивных планов передела мира, выходом обеих стран из Лиги наций, подготовкой и заключением «антикоминтерновского пакта».

2. Декабрь 1936 г. — апрель 1939 г. В течение этого этапа Япония и Германия пытались осуществить на базе «антикоминтерновского пакта» координацию действий, в частности во

время событий в районе озера Хасан. Они стремились продолжить и завершить переговоры о превращении «антикоминтерновского пакта» в тройственный военно-политический союз фашистских агрессоров. Однако в ходе этих переговоров, в условиях усиливавшегося в Европе политического кризиса выявились острые японо-германские империалистические противоречия по важнейшим вопросам (о Китае, о судьбе бывших германских колоний на Тихом океане, о направленности тройственного союза и пределах обязательств его участников). Они оказались серьезной преградой для заключения в то время нового тройственного пакта. В апреле 1939 г. был заключен лишь двусторонний германо-итальянский военно-политический союз.

3. *Май — август 1939 г.* Этот период характеризуется новыми попытками Германии и Японии добиться более тесного сближения и образования тройственного блока на базе «антикоминтерновского пакта». Однако противоречия между обеими странами не были устранены — каждая стремилась решать свои внешнеполитические проблемы самостоятельно, исходя из собственных интересов и целей. Кульминационным пунктом противоречий «антикоминтерновских» партнеров был отказ Германии оказать помощь Японии во время событий на Халхин-голе и, главное, — заключение пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом, усилившее изоляцию Японии. Подписание советско-германского пакта явилось первым серьезным ударом по прогерманской ориентации правящих кругов Японии.

Прогерманская ориентация этих кругов являлась следствием антисоветского внешнеполитического курса, она вытекала из общности агрессивных целей «антикоминтерновских» союзников. Неспровоцированные войны Японии в районах Хасана и Халхин-гола отражали антисоветскую политику японских империалистов, их попытки координировать с Германией планы войны против СССР. Подготавливая захват Советского Дальнего Востока, японские империалисты разработали план «Оцу», основой которого являлась «молниеносная война» против Советского Союза. Составной частью этого плана были провокации японо-маньчжурских вооруженных сил на советско-китайской границе.

Агрессивная внешняя политика, как и реакционная внутренняя политика японских империалистов в годы, предшествовавшие второй мировой войне, встречала серьезное сопротивление прогрессивных сил страны во главе с коммунистической партией. Поскольку, однако, антивоенное движение в Японии охватило лишь передовые слои трудящихся, оно не смогло предотвратить ни возникновения войны против Китая, ни последующих актов агрессии японских империалистов.

* * *

Настоящая работа посвящена исследованию внешней политики Японии в период от возникновения второй мировой войны до начала войны на Тихом океане. Автор ограничивает свою задачу рассмотрением японо-советских и японо-китайских отношений, агрессии Японии в южном направлении и в этой связи подвергает анализу главным образом японо-американские империалистические противоречия. Автор в меру своих сил пытается вскрыть причины выбора японскими империалистами в качестве первоочередного южного, а не северного направления войны.

Данная работа отнюдь не претендует на исчерпывающее разрешение указанных выше проблем.

НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ

Декларация правительства Абэ

1 сентября 1939 г. гитлеровская Германия, стоявшая во главе блока фашистских поджигателей войны, напала на Польшу. «Вторая империалистическая война, — указывал Мао Цзэ-дун 1 сентября 1939 г., — уже вступает в новый этап. В Европе вот-вот разразится большая война между германо-итальянским и англо-французским империалистическими блоками за господство над колониальными народами»³.

3 сентября в войну вступили Англия и Франция. Население земного шара оказалось ввергнутым во вторую мировую войну, подготовленную империалистами всех стран, в первую очередь коалицией фашистских агрессоров.

В условиях резкого обострения империалистических противоречий и возникновения новой мировой войны должна была определить свою позицию и Япония. Новое японское правительство отставного генерала Абэ Нобуюки⁴, пришедшее на смену кабинету Хиранума в тот момент, когда окончательно определилось поражение Японии на Халхин-голе, 4 сентября 1939 г. опубликовало первую краткую декларацию о позиции Японии по отношению к европейской войне. В декларации, известной под названием «Невмешательство в войну в Европе»⁵, говорилось: «Япония не намерена участвовать в войне, которая только что вспыхнула, и будет концентрировать свои усилия на разрешении китайского инцидента»⁶. В таком же духе было выдержано и заявление министерства иностранных дел⁷. Тем самым кабинет Абэ заявил, что Япония намерена сохранить нейтралитет лишь по отношению к событиям в Европе, но отнюдь не собирается прекратить войну в Китае.

³ Мао Цзэ-дун, *Беседа с корреспондентом «Синьхуажибэо» о современной международной обстановке* (Избранные произведения, т. 3), стр. 58.

⁴ Английский посол в Японии Крейги называл премьер-министра Абэ «темной лошадкой», подчеркивая, что его политические способности были мало известны [см.: Robert Craigie, *Behind the Japanese mask*, London, 1942, p. 78].

⁵ 歐洲戦争への不介入.

⁶ 世界情勢と躍進日本外交史, 東京, 一九四一年, 130—131頁.

(далее — «Сэкай дзэсэй...»).

⁷ Там же, стр. 131.

Подлинные цели японских империалистов нашли весьма откровенное выражение в программном заявлении Абэ от 13 сентября 1939 г.

Значительное место в этом заявлении занимали внешнеполитические вопросы. В них в общей форме говорилось о необходимости урегулировать отношения Японии с иностранными державами, в том числе с Китаем. Разрешение «китайского инцидента» объявлялось важнейшей задачей. Подчеркивалось, что японское правительство намеревалось создать в недалеком будущем в Китае новое «центральное» правительство и в тесном контакте с ним предпринять «надлежащие и своевременные шаги» для полного разрешения «китайского инцидента». На этой основе предполагалось обеспечить солидарность между Японией и Маньчжоуго и установить новые отношения между Японией и Китаем.

Кабинет Абэ наметил также внутренние, в первую очередь экономические меры, рассчитанные на подготовку Японии к вступлению во вторую мировую войну, как только создастся благоприятная обстановка.

Во второй декларации, от 13 сентября, говорилось, что основными принципами «национальной политики» Японии являются усиление «национальной обороны» и обеспечение прожиточного минимума широким слоям населения. Пополнение вооружения и усиление военной и экономической мощи страны рассматривалось как мера, которая позволит Японии решать сложные и «деликатные» внешнеполитические вопросы и сохранять «независимую позицию империи». Правительство заявляло, что, учитывая напряженную международную обстановку, оно намерено ускорить осуществление планов расширения производственной мощи. Эти планы касались не только Японии; они имели прямое отношение к Маньчжоуго и «новому» Китаю.

Особое внимание уделялось созданию такой внутренней структуры, которая, по мнению японского правительства, была бы в состоянии обеспечить эффективную и полную мобилизацию материальных ресурсов. Иными словами, в декларации говорилось о необходимости дальнейшего развития «Закона о всеобщей мобилизации нации», принятого еще в 1938 г.

В заключении программного заявления демагогически сообщалось о намерении правительства «обновить» и «улучшить» деятельность административного аппарата. Японское правительство указывало на необходимость в новой обстановке осуществлять «принцип сотрудничества между правительством и народом, обеспечивать тесную связь и взаимопомощь между различными правительственными органами»⁸.

⁸ «Documents on American foreign relations July 1939—June 1940», vol. II, Boston, 1940, p. 274—275.

В программных декларациях Абэ от 4 и 13 сентября подчеркивалось, что правительство считало одной из главных целей своей внешней политики неучастие в европейской войне, осуществление нейтралитета или невмешательства.

Япония не выступила на стороне своих «антикоминтерновских» союзников по ряду причин. Во-первых, это объяснялось поражением, нанесенным Советскими Вооруженными Силами японским войскам на Халхин-голе; во-вторых, Япония не завершила своих военно-мобилизационных мероприятий, рассчитанных на обеспечение «большой войны»; в-третьих, война в Китае превратилась в затяжную, а участие Японии в войне на стороне Германии и Италии довело бы до предела экономические трудности и усилило социальные противоречия в стране; наконец, в-четвертых, наличие собственных планов захвата стран Восточной Азии и стран Южных морей и вытеснения из этого района западных империалистических соперников также понуждало правящие классы Японии проводить выжидательную политику и отложить вступление в войну до более благоприятной международной и внутренней обстановки.

Политика невмешательства в войну в Европе являлась одной из важных составных частей внешнеполитической стратегии японского империализма. По примеру первой мировой войны 1914—1918 гг. японские империалисты намеревались воспользоваться занятостью Англии и Франции в войне против Германии, ослаблением их позиций на Дальнем Востоке в целях скорейшего построения грабительского «нового порядка» в Восточной Азии. Правительство Абэ объявило центральным пунктом своей программы разрешение так называемого «китайского инцидента», то есть завершение войны в Китае с последующим превращением его в колонию Японии. Важнейшими мероприятиями, которые должны были обеспечить достижение этой главной цели, являлись: образование нового «центрального» правительства в Китае, создание японо-маньчжуро-китайского политического и экономического блока, осуществление широкой программы мобилизации всех ресурсов Японии, Маньчжоу, а также захваченных районов Китая.

С возникновением второй мировой войны японские империалисты решили прежде всего перейти в наступление на позиции своих западных империалистических конкурентов в Китае. Политика нейтралитета, или невмешательства, как они предпочитали ее называть, была использована для соответствующего давления на Англию, США и Францию, чтобы они прекратили какую-либо помощь Китаю. 5 сентября 1939 г. правительство Абэ сообщило участникам европейского вооруженного конфликта, что дальнейшее нахождение их войск в Китае и военных кораблей в его водах может привести к различным инцидентам и вредно отразиться на япон-

ской политике невмешательства. В представлении содержались «дружеский совет» добровольно вывести вооруженные силы европейских держав из Китая и предложение Японии принять на себя защиту жизни и собственности граждан этих стран⁹.

Программа кабинета Абэ получила одобрение на конференции губернаторов префектур, состоявшейся в начале октября 1939 г. В своем выступлении на конференции министр иностранных дел Номура Китисабуро стремился обосновать политику нейтралитета в отношении европейской войны и вновь подчеркнул, что разрешение «китайского инцидента» является неизменной целью «национальной политики» Японии¹⁰.

Наступление японских войск в Китае. Соглашение об организации «центрального» правительства в Китае от 30 декабря 1939 г.

В соответствии с политикой завершения «китайского инцидента» кабинет Абэ предпринял новое наступление в Китае, начавшееся 26 сентября 1939 г. Шестидесятитысячная японская армия, поддержанная военно-морскими силами и авиацией, атаковала город Чанша. Центральный Комитет Коммунистической партии Китая разгадал замыслы японских империалистов. «Политика японского империализма в новой международной обстановке, — говорилось в его решении, принятом 10 октября 1939 г. и озаглавленном «Современная обстановка и задачи партии», — заключается в том, чтобы бросить все свои силы в наступление на Китай, попытаться покончить с Китаем и тем самым подготовить расширение в будущем своих авантюр на международной арене»¹¹.

Это наступление, рассчитанное на скорейшее завершение «китайского инцидента», уже 5 октября было приостановлено, и японские войска, понесшие значительные потери, оказались вынужденными отступить. Тем не менее в середине ноября наступление было возобновлено, и к 19 ноября японские части продвинулись к границе провинции Гуанси. В конце месяца в результате ожесточенных боев был занят город Наньнин.

Однако дальнейшие попытки японцев продолжить наступательные операции на юге Китая и добиться коренного улучшения положения на фронте закончились и на этот раз

⁹ F. C. Jones, *Japan's new order in East Asia. Its rise and fall 1937—45*, London — New York — Toronto, 1954, p. 153.

¹⁰ «Japan-Manchoukuo year-book», Tokyo, 1940, p. 91.

¹¹ Мао Цзэ-дун, *Современная обстановка и задачи партии* (Избранные произведения, т. 3), стр. 121—122.

поражением. Объяснялось это прежде всего мужественным сопротивлением китайского народа.

В самом начале второй мировой войны клика Чан Кай-ши вновь попыталась заключить мир с Японией при посредничестве Соединенных Штатов. Чан Кай-ши обратился к Рузвельту с подобным предложением в первые же дни после нападения Германии на Польшу. В нем выражалась надежда, что Рузвельт «смог бы немедленно предпринять меры для того, чтобы приостановить войну между Китаем и Японией». Чан Кай-ши был заинтересован в том, чтобы инициатива заключения мира с Японией исходила якобы от Рузвельта¹².

Этот новый маневр скрытых капитулянтов в Китае закончился провалом: американские империалисты вовсе не хотели уступать Японии своих позиций в Китае.

Наступательные операции Японии в Китае после возникновения второй мировой войны, а также «мирные» маневры гоминдановской клики осенью 1939 г. не смогли прекратить упорного сопротивления китайского народа. Моральная и материальная поддержка Советского Союза вдохновляла китайский народ в его справедливой борьбе за свободу и независимость родины. «С тех пор, как началась война против японских захватчиков, — писал Мао Цзэ-дун 20 декабря 1939 г., — ни одно из правительств империалистических государств не оказало нам подлинной помощи — один только Советский Союз помог нам военной авиацией и материальными ресурсами»¹³.

Поражения японских вооруженных сил в Китае осенью 1939 г. и в начале 1940 г. еще раз показали, что китайско-японская война стала затяжной войной, требующей длительного напряжения всех сил Японии. Это не могло не вызвать усиления разногласий и колебаний даже в японских военных кругах, вынужденных признать эффективность сопротивления китайского народа¹⁴.

Натолкнувшись на сильное сопротивление на китайском фронте, грозившее серьезными политическими последствиями, правительство Абэ решило компенсировать поражения японских войск дипломатическим наступлением.

30 декабря 1939 г. между представителем японского военного командования генерал-лейтенантом Кагэса и предателем китайского народа Ван Цзин-вэем было заключено соглашение об организации «центрального» правительства в Китае. В основу его были положены пять «условий» Коноэ, сформу-

¹² Charles Callan Tansill, *Back door to war...*, p. 618.

¹³ Мао Цзэ-дун, *Сталин — друг китайского народа* (Избранные произведения, т. 3), стр. 190.

¹⁴ См.: «China Forum», 1939, 2 September.

лированных им еще в декабре 1938 г. Это соглашение называлось «Основные принципы для установления новых китайско-японских отношений» и провозглашало «новый курс» сотрудничества между двумя странами. Оно предусматривало признание Китаем Маньчжоуго и обязательство сотрудничать с Японией и Маньчжоуго в экономической области; присоединение Китая к «антикоминтерновскому пакту»; признание Северного Китая и Внутренней Монголии специальными японскими «зонами обороны» и экономического развития; признание за Японией экономических привилегий в нижнем течении реки Янцзы и доминирующего положения в ряде пунктов и островов вдоль южного побережья Китая, включая Амой и остров Хайнань, и предоставление японцам права иметь свои вооруженные силы в стратегических районах Северного Китая и Внутренней Монголии, в долине Янцзы и на островах в южных водах; разрешение Японии контролировать железнодорожные и авиационные линии, почту и телеграф, а также необходимые порты и водные пути в районах расположения войск; обязательство немедленно возместить Японии все расходы, связанные с «китайским инцидентом»; признание за Японией привилегий в эксплуатации экономических ресурсов Китая и права посылать своих советников в аппарат «центрального» правительства и в местные органы отдельных «зон китайско-японского сотрудничества»; введение специальных тарифов и таможенных пошлин, благоприятствующих развитию японской торговли с Китаем.

Соглашение от 30 декабря 1939 г. свидетельствовало о стремлении японских империалистов добиться полного подчинения Китая и по существу означало лишение страны самостоятельности во внешней и внутренней политике. Важное значение для вытеснения западных империалистических конкурентов имело предоставляемое Японии «право» разместить в Китае свои вооруженные силы.

Стремясь компенсировать затраты на ведение войны в Китае, японские милитаристы пытались навязать Китаю обязательство полностью возместить эти расходы. Наряду с этим соглашение от 30 декабря 1939 г. являлось свидетельством предательства национальных интересов кликой Ван-Цзин-вэя.

Японские империалисты стремились разрешить «китайский инцидент» путем раскола единого антияпонского фронта, создания марионеточного «центрального» правительства в Китае, а также подавлением сопротивления китайского народа и в частности партизанского движения. Тем самым они намеревались обеспечить освоение экономических ресурсов захваченной территории, вытеснить соперников и конкурентов из Китая и установить здесь свое безраздельное господство.

Японо-американские и японо-английские отношения

Политика японских империалистов в Китае вызвала резкую реакцию в западных странах. Американские и английские империалисты были обеспокоены позицией Японии, считанной на нейтралитет в европейской войне и превращение Китая в монопольную японскую колонию. Военные действия, начатые японскими войсками в Китае в конце сентября 1939 г., вызвали ряд дипломатических акций США. Однако американские империалисты стремились заставить японцев лишь ограничить свои агрессивные устремления, чтобы не нарушать интересов США в Китае и на Дальнем Востоке в целом и достигнуть компромиссного соглашения. Этот дипломатический нажим имел в виду добиться нового сговора между американскими и японскими империалистами за счет Китая. Но чтобы ускорить сговор и обеспечить для себя наиболее выгодные условия, Соединенные Штаты провели ряд демонстративных мер, которые должны были создать впечатление, что США полны решимости действительно отстаивать целостность и неприкосновенность Китая.

Одним из таких демонстративных маневров явилась речь американского посла в Японии Джозефа Грю, произнесенная им 19 октября 1939 г. в Токио.

В своей речи Грю выразил недовольство Соединенных Штатов тем, что в результате военных операций Японии в Китае нарушаются «американские права и интересы», что провозглашенный Японией «новый порядок в Восточной Азии», несовместимый с политикой «открытых дверей и равных возможностей», лишает американцев давно установленных ими «прав» в Китае. В речи американского посла откровенно говорилось, что ему понятны задачи, которые решают японские вооруженные силы в Китае, стремящиеся к созданию «действительной безопасности и стабильности на Дальнем Востоке», но что цели Японии «могут быть достигнуты без нарушения каких бы то ни было американских прав».

В заключение Грю заявил, что дружба между Японией и Соединенными Штатами является традиционной и, по его мнению, должна сохраниться навсегда. Он подчеркнул, что японо-американские отношения могут быть улучшены путем «конструктивных шагов», если позиция американского правительства будет «надлежащим образом» понята¹⁵.

Таким образом, Грю давал понять Японии, что возможны серьезные уступки со стороны США. Вместе с тем, обращаясь к правительству США, Грю призвал не «раздражать» японских соперников и исключить «тон угрозы». Эти призывы свидетельствовали о стремлении американских империалистов

добиться компромисса с Японией за счет интересов Китая, МНР и Советского Союза; территория этих государств укачивалась как зона желательного направления японской экспансии. Сожалее о нарушении американских «прав и интересов» в Китае, Грю оставил в стороне важнейший вопрос о нарушении его целостности и суверенитета.

Кабинет Абэ не мог не считаться с дипломатическим нажимом Соединенных Штатов. Объяснялось это рядом причин. Во-первых, возникновение войны в Европе неблагоприятно отразилось на внешней торговле Японии. Оказались нарушенными экономические связи с Германией, откуда Япония ввозила машины и химикалии, и с другими европейскими странами, поставлявшими ей машинное оборудование и стратегическое сырье. В таких условиях усиливалась зависимость Японии в области внешней торговли от США. Уже в первые два месяца войны (сентябрь—октябрь 1939 г.) импорт Японии из США увеличился более чем на одну треть. Учитывая отсутствие договорных отношений с Соединенными Штатами, предупредившими еще 26 июля 1939 г. о расторжении японо-американского торгового договора 1911 г., Япония настойчиво искала путей к временному примирению и всемерному расширению торговли со своим заокеанским соперником. В этой связи следует рассматривать решение кабинета Абэ, вынесенное через пять дней после речи Грю, о выходе Японии из стерлингового блока и присоединении к долларовой. Министр иностранных дел адмирал Номура в декабре 1939 г. заявил о готовности Японии отменить введенное в 1938 г. запрещение иностранным торговым судам плавать по реке Янцзы от ее устья до Нанкина. Заявление Номура было недвусмысленным намеком на возможность сговора между двумя главными империалистическими соперниками.

В таких условиях осенью 1939 г. происходили кратковременные переговоры между Номура и Грю, во время которых Япония добивалась урегулирования экономических отношений с Соединенными Штатами на основе заключения нового торгового договора. Однако в ходе переговоров вновь выявились острые японо-американские противоречия. Правительство США под давлением американской общественности, критиковавшей политику уступок японскому агрессору, заняло твердую позицию. В результате новый торговый договор не был подписан, что не помешало американским монополиям увеличить экспорт в Японию некоторых необходимых ей военно-стратегических материалов. Так, например, импорт в Японию железного лома и стали из США за 10 месяцев 1940 г. составил 293 тыс. т против 199 тыс. т за тот же период 1939 г.

В целом же объем внешней торговли Японии и США в 1939 и 1940 гг. не подвергся значительным изменениям и оставался примерно на одном уровне. Это подтверждается

¹⁵ Joseph C. Grew, *Ten years in Japan*, New York, 1944, p. 294—297.

следующими цифрами: стоимость ввоза в Японию из США в 1939 г. составила 232,1 млн. долл., а в 1940 г. — 227,2 млн. долл.; стоимость вывоза из Японии в США соответственно: 161,2 млн. долл. и 158,3 млн. долл.¹⁶.

Данные о японо-американских внешнеэкономических связях показывают, что американские монополисты, не желая открыто заключить новый японо-американский торговый договор, недвусмысленно давали понять своим конкурентам, что, несмотря на предпринятые ими антияпонские акции, они готовы к очередной компромиссной сделке.

Японское правительство намеревалось с помощью монополистов США получить достаточное количество военно-стратегического сырья и завершить всестороннюю подготовку к войне. Однако некоторые группировки японской монополистической буржуазии высказывались за временное соглашение с США при условии обязательного признания ими «нового порядка» в Восточной Азии.

Ослабление позиций Англии и Франции на Дальнем Востоке после возникновения военного конфликта в Европе создало благоприятные условия для усиленного наступления японских империалистов на своих конкурентов.

В начале сентября 1939 г. правительство Абэ предъявило Англии и Франции требование о выводе их вооруженных сил из Китая. В ответ на это правительство Чемберлена стало добиваться возобновления переговоров с Японией, имея в виду оградить свои интересы в Китае и отвести угрозу от английских владений в юго-западной части Тихого океана.

Действия английских империалистов свидетельствовали о намерении продолжать в новой международной обстановке прежнее попустительство и поощрение агрессии на Дальнем Востоке, о желании добиться сговора с Японией за счет Китая. Стремясь защитить свои позиции в Китае, английские монополисты были готовы вновь предоставить Японии экономическую и финансовую помощь. Они надеялись использовать Японию в качестве орудия подавления национально-освободительного движения в Китае и борьбы против Советского Союза. «В Японии сейчас, — указывал Мао Цзэ-дун 1 сентября 1939 г., — очень сильны тенденции к компромиссу с Англией. Английская реакция неизбежно будет стремиться к тому, чтобы на условиях совместного раздела Китая и в обмен на финансовую и экономическую помощь Япония стала сторожевым псом английских интересов на Востоке, подавляла национально-освободительное движение в Китае и сковывала Советский Союз»¹⁷.

¹⁶ «Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945 гг.)», М., 1951, стр. 478.

¹⁷ Мао Цзэ-дун, *Беседа с корреспондентом «Синьхуажэбао» о современной международной обстановке* (1 сентября 1939 г.), стр. 60.

Японские империалисты, стремясь использовать благоприятную обстановку на Дальнем Востоке, усилили нажим на Англию и Францию, чтобы добиться еще больших уступок. Одной из первоочередных задач они считали усиление блокады и изоляции Китая. Японское правительство потребовало закрыть дороги Бирма — Китай и Индокитай — Юньнань, по которым транспортировались английские и французские военные материалы. Соответствующие демарши были сделаны в Лондоне и Париже. Французский посол в Токио Анри отклонил 12 декабря 1939 г. протест Японии, одновременно выразив готовность вести переговоры по спорным вопросам¹⁸. Это был явный намек на возможность со стороны Франции, как и Англии, пойти на серьезные уступки. Английские империалисты также зондировали почву для заключения англо-японского соглашения на антикоммунистической и антисоветской основе.

Однако Абэ в беседе с английским послом в Токио Крейги заявил, что, принимая во внимание радикальные изменения, совершившиеся в Европе и на Дальнем Востоке, японское правительство считает невозможным вести переговоры на прежних основаниях. В итоге англо-японские переговоры не состоялись. Ответ Абэ отражал непримиримость японо-английских империалистических противоречий и вместе с тем показывал, что стремление англо-французских «миролюбивцев» «умиротворить» дальневосточного агрессора путем новых уступок привело лишь к поощрению внешней экспансии японских империалистов, часто применявших шантаж и угрозы. Примером подобной тактики является заявление министерства иностранных дел Японии в ноябре 1939 г., в котором выражался протест против английской блокады германского экспорта. Японское правительство предупреждало, что оно никогда не согласится терпеть ущерб от санкций, предпринятых Англией, и будет вынуждено применить соответствующие эффективные контрмеры¹⁹.

Такова была политика японских империалистов в отношении Англии и Франции, ставившая целью использовать войну в Европе для усиления своих позиций в Китае и в Восточной Азии.

Взаимоотношения Японии и Германии

Заключение 22 августа 1939 г. советско-германского пакта о ненападении вызвало отрицательное отношение к этому

¹⁸ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 48872. — В данной работе ссылки на «Стенограмму Токийского процесса» обозначены порядковой нумерацией страниц и нумерацией, принятой в Центральном Государственном Архиве Октябрьской Революции (ЦГАОР) и указывающей номер фонда, описи дела и листы дела (т. е. страницы).

¹⁹ «The Times», 1939, 17 November.

акту со стороны Японии, правящие круги которой рассматривали поведение Германии как измену «антикоминтерновскому пакту» и сильный удар по существовавшим ранее дружественным и союзническим отношениям Японии и Германии.

Сразу же после возникновения второй мировой войны гитлеровская Германия делала попытки восстановить дружественные отношения с империалистической Японией. Такого рода шаги диктовались стратегическими соображениями: Германии было выгодно использовать своего японского партнера для того, чтобы сковать силы Англии, США и Франции на Дальнем Востоке и Тихом океане и тем самым облегчить войну на Западе.

В начале сентября 1939 г. Риббентроп в беседе с японским послом в Берлине Осима заявил, что судьба Японии тесно связана с судьбой Германии. Поражение Германии приведет к тому, что коалиция западных держав сможет воспрепятствовать дальнейшей японской экспансии и подорвать позиции Японии в Китае. Если же Япония укрепит свои отношения с Германией, то военные успехи последней будут содействовать осуществлению целей Японии. Риббентроп указал на необходимость заключить соглашение трех держав — Японии, Германии и Италии, которое было бы направлено против Англии. В ходе переговоров Риббентроп рекомендовал Японии усилить экспансию в южном направлении, подчеркнув при этом, что жизненные интересы Японии сосредоточены в районе Юго-Восточной Азии²⁰. Подобного рода советы отвечали интересам Германии, поскольку экспансия Японии в южном направлении могла в значительной степени отвлечь внимание и силы западных империалистических соперников.

Несмотря на явную несостоятельность прогерманской внешнеполитической ориентации Японии, ее правящие круги предприняли некоторые меры для укрепления прежних дружественных отношений с Германией, руководствуясь при этом собственными целями: использовать успехи Германии для укрепления своих позиций на Дальнем Востоке за счет вытеснения западных держав. Кроме того, Япония была заинтересована в сохранении внешнеторговых связей с Германией, которая поставляла ей необходимое оборудование и оказывала помощь в развитии самолетостроительной промышленности и авиации.

Желая улучшить свои отношения с Германией, японские империалисты предполагали после завершения соответствующей военной и экономической подготовки развязать новую войну на Дальнем Востоке. Поэтому всякого рода декларации о необходимости принять меры против распространения европейской войны на Дальний Восток имели цель лишь за-

²⁰ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 48882.

маскировать выжидательную политику Японии. Японские империалисты настойчиво выжидали дальнейшего развития «странной войны» (strange war) в Европе и готовились к новым актам агрессии.

Начавшиеся после возникновения второй мировой войны переговоры между Японией и Германией по поводу укрепления союзных отношений отражали намерение обоих «антикоминтерновских» партнеров достичь нового соглашения на основе общности и единства агрессивных целей. Наряду с этим они отразили японо-германские разногласия и империалистические противоречия, стремление каждой из сторон использовать другую в собственных интересах.

Японо-советские отношения

В условиях начавшейся второй мировой войны правительство Абэ должно было определить свое отношение к Советскому Союзу. Перед ним открывались два возможных пути: либо продолжать политику обострения отношений и вооруженных конфликтов, подобных конфликтам в районе озера Хасан и реки Халхин-гол, и осуществить, наконец, тщательно разработанные планы большой войны против СССР, либо, учитывая усилившуюся внешнеполитическую изоляцию Японии и углубление империалистических противоречий на Дальнем Востоке, стать на путь урегулирования взаимоотношений с Советским Союзом. Японское правительство решило временно урегулировать отношения с СССР, чтобы эффективно подготовиться к новым антисоветским провокациям. Это решение вызывалось тем, что Советские Вооруженные Силы нанесли сокрушительное поражение японской армии во время боев на Халхин-голе. Однако японские империалисты не намеревались отказаться от своего антисоветского внешнеполитического курса. Эта тактика на том этапе совпадала с интересами германского союзника Японии, к содействию которого она и обратилась.

По поручению правительства японский посол в Берлине Осима просил Германию оказать «добрые услуги» в переговорах с СССР о заключении японо-советского пакта²¹. Демарш японского посла был связан также с усилившимся в Японии движением за урегулирование отношений с СССР. Однако не демарш Осима в Берлине, а разгром японских вооруженных сил на Халхин-голе создал условия для быстрого урегулирования отношений с Советским Союзом. В результате переговоров между правительствами СССР и Японией 15 сен-

²¹ Там же, стр. 48878.— Антисоветская политика японского империализма в 1939—1941 гг. (от начала войны в Европе до войны на Тихом океане) показана в неопубликованной кандидатской диссертации Ю. Н. Осколкова (Л., 1954).

тября 1939 г. было подписано соглашение, предусматривавшее прекращение с 16 сентября всяких военных действий между японо-маньчжоугоскими и советско-монгольскими войсками. Кроме того, стороны договорились об организации смешанной комиссии из представителей советско-монгольской стороны и Японии совместно с Маньчжоуго в целях уточнения границы между МНР и Маньчжоуго.

Заключение соглашения от 15 сентября 1939 г. позволило перейти к переговорам между Японией и Советским Союзом и по вопросам, касавшимся советско-японской торговли, а также последнего взноса за КВЖД и рыболовной конвенции. В результате этих переговоров 31 декабря 1939 г. стороны подписали новое соглашение, предусматривавшее уплату Японией последнего взноса. Одновременно было подписано соглашение и по рыболовному вопросу: Советский Союз согласился продлить рыболовную конвенцию до конца 1940 г.; кроме того, была достигнута договоренность о заключении рыболовной конвенции на более длительный срок.

Отставка правительства Абэ и формирование кабинета Ёнаи

Несмотря на настойчивые попытки правительства Абэ добиться быстрой победы в Китае и урегулировать отношения с Германией, его существование оказалось недолговечным. Пробыв у власти менее пяти месяцев, кабинет Абэ 14 января 1940 г. подал в отставку.

Важнейшей причиной правительственного кризиса был китайский вопрос. Кабинет Абэ оказался не в состоянии завершить «китайский инцидент», что являлось главной целью правительственной программы. Наступательные операции японских вооруженных сил в районе Чанша и в провинциях Гуанси и Гуандун, как было указано выше, закончились поражением. Программа образования «центрального» марионеточного правительства в Китае под руководством изменника Ван Цзин-вэя еще не была завершена.

Кабинет Абэ не смог выполнить и другую часть своей внешнеполитической программы. Японо-американские переговоры, в ходе которых японская сторона пыталась добиться подписания нового торгового договора с США взамен денонсированного, также не дали положительных результатов.

Одной из немаловажных причин ухода в отставку правительства Абэ была и его неспособность умело использовать в интересах правящих кругов благоприятно сложившуюся международную обстановку. По этой причине различные группы японской монополистической буржуазии были настроены оппозиционно по отношению к правительству. Начальная стадия второй мировой войны характеризовалась обострением политической борьбы между тремя главными группировками

японских монополистов за власть, за решающее влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны.

Первая группировка (Коноэ, Сайондзи, Кидо, Икэда и др.) отражала интересы так называемых «умеренных» кругов японской монополистической буржуазии; она исходила из факта превращения китайско-японской войны в затяжную и огромного экономического и финансового перенапряжения Японии. Ее сторонники предлагали закрепить захваченные территории и организовать эксплуатацию богатейших ресурсов Китая, что позволило бы улучшить экономическое положение Японии и обеспечить получение монопольно высоких прибылей за счет колониального грабежа. Эта группа стояла также за возобновление прямых переговоров с правительством скрытых капитулянтов во главе с Чан Кай-ши. Она не без основания надеялась в ходе этих переговоров добиться «мирным» путем серьезных уступок со стороны Чан Кай-ши. Что касается западных империалистических конкурентов, интересы которых в Северном и в особенности Центральном Китае уже были нарушены, то предлагалось пойти с ними на временный компромисс, который был бы нарушен, как только Япония завершит всестороннюю подготовку к тихоокеанскому конфликту.

Вторая группировка (Араки, Итагаки, Тодзэ и др.) отражала интересы наиболее агрессивных кругов монополистической буржуазии — концернов Аюкава, Кухара, Накадзима и других. Она резко выступала против любого компромисса с правительством Чан Кай-ши и настаивала на продолжении и усилении наступления японских войск, чтобы сломить сопротивление Китая и заставить его капитулировать. Эта группа явно спешила решить исход войны в Китае лобовым ударом, имея в виду подготовку новой войны на Дальнем Востоке, и настаивала на скорейшем создании в Китае нового марионеточного «центрального» правительства, полностью зависящего от Японии.

Главной целью второй группировки являлось осуществление «континентальной политики», провозглашенной в свое время генералом Танака и направленной против Советского Союза. Поддерживая лозунг построения «нового порядка» в Восточной Азии, сторонники этой группы добивались также скорейшего вытеснения западных империалистических конкурентов из Китая и всего восточноазиатского района и установления здесь безраздельного господства японского империализма.

Третья группировка (Суэцугу, Нагано и др.), игравшая на том этапе менее значительную роль, чем первые две, отражала интересы монополистов, тесно связанных с кораблестроительной промышленностью. Ее сторонники считали агрессию Японии в районе Южных морей (Индонезия, Малайя)

главным направлением, рассчитывая при этом максимально использовать военно-морской флот, а также территориальную близость Японии к тихоокеанским владениям США, Англии, Франции и Голландии.

Основной целью этой группировки был захват районов, богатых нефтью, каучуком и оловом, чтобы ликвидировать зависимость Японии от ввоза стратегического сырья из США и Англии и обеспечить необходимые источники пополнения запасов на случай новой большой войны на Тихом океане.

Таким образом, между всеми тремя группировками японской монополистической буржуазии не было каких-либо принципиальных расхождений по вопросам агрессивного внешнеполитического курса и конечных целей экспансии. Разногласия касались лишь частных вопросов направления агрессии и методов ее осуществления.

Однако эти частные расхождения приводили к обострению внутриполитического положения Японии и даже к правительственному кризису, который нередко возникал в результате наступления крайне реакционных групп монополистов на «мягкотелое» правительство.

Такого рода положение сложилось вскоре после образования кабинета Абэ.

Менее чем через месяц после прихода его к власти, 26 сентября 1939 г., на заседании правительства было принято решение о расширении прав премьер-министра, которому «ввиду чрезвычайного времени» предоставлялось право контроля за проведением «Закона о всеобщей мобилизации». Однако Тайный совет отказался санкционировать это решение правительства.

Еще более сильный удар получило правительство Абэ на открывшейся в конце 1939 г. парламентской сессии, когда 240 депутатов от партий Сэйюкай и Минсэйто, объединившись в антиправительственной блоке, приняли резолюцию недоверия правительству. Эта резолюция, внесенная на рассмотрение парламента, мотивировалась отсутствием доверия правительству, которое квалифицировалось как «слабое» и неспособное справиться с важнейшими задачами. Отставка военного министра Хата Сюнроку и отказ руководства армии выделить другую кандидатуру окончательно решили судьбу кабинета.

В середине января 1940 г. закончилось формирование нового кабинета во главе с адмиралом Ёнаи Мицумаса. Военным министром вновь стал генерал Хата Сюнроку, министром иностранных дел Арита Хатино, занимавший тот же пост в кабинете Хиранума. Крупнейшие политические партии согласились поддержать новое правительство.

Кабинет Ёнаи объединил в своем составе сторонников первых двух упомянутых выше политических группировок,

пытавшихся договориться о принципиальных линиях, задачах и методах внешней политики. Вначале декларации нового правительства носили общий характер и скрывали подлинные внешнеполитические цели Японии до момента, когда окончательно определится обстановка на Западном фронте.

В декларации по поводу правительственной программы, опубликованной в день формирования нового кабинета, Ёнаи отмечал, что международное и внутреннее положение Японии чрезвычайно серьезно, а потому усилия правительства будут направлены по трем линиям: 1) разрешения «китайского вопроса»; 2) установления нормальных отношений с иностранными государствами, в первую очередь с Советским Союзом, Соединенными Штатами, Англией и Францией; 3) «упорядочения» внутренних проблем.

Разрешение «китайского вопроса» вновь объявлялось важнейшей задачей правительства. В качестве практических мер намечались всемерная поддержка марионеточных режимов в оккупированных районах Китая, и в особенности скорейшее создание нового «центрального» китайского правительства.

По второму пункту программы Ёнаи заявил о намерении правительства урегулировать отношения с иностранными государствами на основе независимой позиции Японии. Новое правительство решило по-прежнему придерживаться политики невмешательства в европейскую войну, которая открывала перед Японией широкие перспективы наступления на позиции западных империалистических держав на Дальнем Востоке и в районе Южных морей. Наряду с этим, как показал на Токийском процессе тогдашний министр иностранных дел Арита, кабинет Ёнаи стремился поддерживать хорошие отношения с Германией²², что, однако, не имело в виду предоставления ей помощи в войне в Европе и тем более участия Японии в этой войне. С такой политикой сглашалась и прогерманская группировка в правящих кругах Японии²³.

Касаясь политики Японии в отношении СССР, Ёнаи высказался положительно о политике своего предшественника, заключившего с СССР соглашения от 15 сентября и 31 декабря 1939 г.

По третьему вопросу правительственной программы было обещано всемерно поощрять развитие национальных ресурсов.

Программа кабинета Ёнаи подверглась обсуждению на 75-й сессии парламента. В речи, произнесенной 1 февраля 1940 г., Ёнаи заявил о том, что правительство считает своей центральной задачей проводить такую политику, которая не вовлекла бы Японию в войну за пределами Дальнего Востока.

²² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 48886.

²³ Там же, стр. 48935—48936.

ка, и вместе с тем сконцентрировать все усилия на разрешении китайского вопроса. Его поддержал министр иностранных дел Арита²⁴.

«Китайский вопрос» на 75-й сессии парламента. Создание марионеточного «центрального» правительства Ван Цзин-вэя

В центре внимания 75-й сессии парламента стоял китайский вопрос. Выступления Ёнаи и Арита на сессии с декларациями о необходимости первоочередного разрешения «китайской проблемы» вызвали разочарование в кругах японских монополистов, поскольку в этих декларациях не предлагалось каких-либо конкретных мер для ее разрешения. Поэтому не случайно программа кабинета Ёнаи встретила скептическое отношение со стороны некоторых депутатов парламента, а также наиболее реакционных органов буржуазной печати²⁵.

Неспособность правительства разрешить «китайскую проблему», а также общий характер деклараций нового кабинета вызвали беспрецедентный взрыв недовольства на парламентской сессии. 2 февраля 1940 г. на заседании парламента выступил один из лидеров партии Минсэйто — Сайто Такао. В своей речи он подверг суровой критике программу построения «нового порядка» в Восточной Азии и заявил, что нельзя говорить о «китайском инциденте», так как в Китае происходит «невиданная война с огромными жертвами». Он подчеркнул, что народ хочет услышать от правительства программу действительного разрешения «китайского вопроса» и получить ответ, как долго будет длиться этот «инцидент». Подвергнув критике программу кабинета в «китайском вопросе» и назвав ее «неосуществимыми мечтами», Сайто в заключение предложил вывести японские войска из Китая.

Выступление Сайто отражало недовольство различных кругов японского общества по поводу превращения китайско-японской войны в затяжную. Учитывая экономическое и финансовое перенапряжение страны, дальнейшее продолжение войны в Китае грозило серьезными осложнениями в политической жизни Японии. Выступление Сайто было связано с внутренней борьбой различных групп японской монополистической буржуазии по поводу путей разрешения «китайского вопроса».

²⁴ Claude A. Buss, *War and diplomacy in Eastern Asia*, New York, 1941, p. 176. — Речь Ёнаи на 75-й сессии парламента см.: «Documents on American foreign relations», vol. II, p. 275—278; речь Арита см.: «Documents on American foreign relations», vol. II, p. 279—285; «Documentary background of world war II, 1931 to 1941» (compiled and edited James W. Gantenbein), New York, 1948, p. 852—857.

²⁵ «Хоти» (知報), 1940, 16 января.

Наиболее агрессивные группы японских монополистов настаивали на активизации военных действий в Китае, на организации новых наступательных операций, чтобы покончить, наконец, с сопротивлением китайского народа, вытеснить западных империалистических конкурентов из Китая и обеспечить построение «нового порядка» в Восточной Азии.

Другие группировки японских монополистов считали нецелесообразным продолжать наступательные операции в Китае и предлагали сосредоточить главное внимание на «мирном наступлении», чтобы взорвать с помощью прояпонской клики капитулянтов единый национальный антияпонский фронт, создать марионеточное «центральное» правительство Ван Цзин-вэя, организовать с его помощью освоение богатейших ресурсов оккупированных районов Китая и добиться построения «нового порядка» в Восточной Азии.

Вместе с тем речь Сайто в известной мере свидетельствовала и о недовольстве народных масс, выносивших на своих плечах главную тяжесть войны в Китае. Это недовольство оказалось настолько сильным, что выступления некоторых представителей буржуазно-помещичьих политических партий в известной мере отражали антивоенные и антиправительственные настроения трудовых слоев японского народа.

«Дело Сайто» значительно обострило внутривластическую обстановку в Японии и усилило борьбу различных группировок японских монополистов. Реакционные милитаристские круги рассматривали выступление Сайто как удар по престижу армии; они потребовали исключения его из парламента, опасаясь неблагоприятного политического резонанса в случае безнаказанности. 7 марта дисциплинарный комитет нижней палаты исключил его из состава членов парламента. Одновременно руководство Минсэйто исключило Сайто из партии²⁶.

Инцидент с Сайто вызвал большое брожение в политических кругах. Наиболее ярко разногласия по «делу Сайто» проявились в социалистической партии Сякай тайсюго. Пять видных членов «ортодоксальной» фракции Сэйюкай покинули ряды партии, многие были исключены.

Суровая критика программы разрешения «китайского инцидента» заставила правительство принять новые меры, которые должны были создать впечатление победы, если не в военной области, то хотя бы в дипломатической.

Прежде всего была сделана попытка добиться перелома на фронтах военных действий. 10 февраля 1940 г. японский флот начал десантные операции на северо-восточном побережье провинции Чжэцзян, в районе Чжэньхая, с целью захватить порт Нинбо.

²⁶ F. C. Jones, *Japan's new order...*, p. 160.

Новое военное наступление японских войск в феврале—марте 1940 г. закончилось очередным провалом. Чтобы компенсировать военное поражение правительство Енаи перешло к дипломатическому наступлению в китайском вопросе. Главное внимание было уделено теперь подготовке провозглашения марионеточного «центрального» правительства под руководством Ван Цзин-вэя. В начале марта «Июкогама спэши банк» вручил Ван Цзин-вэю «заям» в сумме 40 млн. долл. на расходы по созданию правительства. Формальное провозглашение «центрального» правительства состоялось в Нанкине 30 марта 1940 г. после конференции в Циндао, на которой было решено слить воедино все существовавшие в то время «правительства» отдельных районов оккупированного Китая.

Японская буржуазная пресса всячески превозносила создание «нового режима» в Китае. Журнал «Гэккан Росия» квалифицировал это событие как «огромное качественное изменение в современном положении Китая», как решительный шаг и этап «в построении нового порядка в Восточной Азии»²⁷. В статье «Образование нового режима и положение на Дальнем Востоке», помещенной в том же журнале, утверждалось, что создание правительства Ван Цзин-вэя открыло «новый путь процветания Азии», и на Ван Цзин-вэя возлагается бремя ответственности за «длительный мир в Восточной Азии и «новый порядок»»²⁸.

Японские империалисты, создавая «центральное» правительство из предателей китайского народа, намеревались осуществить «покорение Китая руками китайцев», расколоть единый антияпонский национальный фронт и тем самым ускорить капитуляцию Китая. Однако китайский народ под руководством коммунистической партии мужественно боролся за независимость своей родины.

Ухудшение японо-американских отношений. Японо-английские отношения

Попытки кабинета Енаи осуществить военное и дипломатическое наступление в Китае и создание «центрального» правительства Ван Цзин-вэя привели к значительному обострению японо-американских империалистических противоречий. Японская буржуазная печать всячески поощряла антиамериканские настроения. Реакционная газета «Мияко» в феврале 1940 г. писала, что если Америка попытается воспрепятствовать выполнению целей Японии при помощи оружия, то Япония готова принять вызов.

²⁷ «Гэккан Росия» (月刊ロシヤ), 1940, № 5, стр. 5.

²⁸ Там же, стр. 6, 8.

Со своей стороны правительство США заявило о непризнании «правительства» Ван Цзин-вэя²⁹.

Однако такого рода протест Соединенных Штатов не мог остановить японских империалистов, тем более что американские монополисты продолжали на деле проводить политику поощрения японской агрессии в Китае, стремясь за счет китайского народа достичь компромиссного соглашения с Японией.

Примером такой политики как в отношении Китая, так и Советского Союза являлась позиция Соединенных Штатов в вопросе о внешней торговле с Японией.

Когда 26 января 1940 г. денонсация японо-американского договора вступила в силу, а новый договор подписан не был, в Японии поднялась новая волна антиамериканских настроений.

Прояпонские элементы в США продолжали попытки сговориться с японским агрессором. Сенатская комиссия по иностранным делам американского конгресса 23 февраля отклонила предложение о введении эмбарго на экспорт в Японию. Несмотря на отсутствие договора между Японией и США, масштабы американского экспорта в Японию не сокращались. Главный империалистический соперник на Тихом океане оставался арсеналом японского империализма.

Пользуясь «мягкой» политикой американских монополий и их стремлением пойти на сговор, японские империалисты сделали очередным объектом своей экспансии Голландскую Индию (Индонезию).

В начале февраля 1940 г. кабинет Енаи сделал попытку добиться экономических привилегий в Голландской Индии, чтобы в дальнейшем захватить контроль над важнейшими видами военно-стратегического сырья (нефть, каучук, олово). Япония настаивала на отмене ограничений на ввоз японских товаров в Индонезию и, кроме того, требовала предоставления Маньчжоуо возможности для капиталовложений в Индонезию³⁰.

Экономическая экспансия на юг сопровождалась усиленной пропагандой тезиса о том, что «новый порядок в Восточной Азии» распространяется и на Индонезию. Тем самым подготавливалось вмешательство во внутренние дела голландской колонии и последующая ее оккупация. Весной 1940 г., когда фашистская Германия напала на Данию и Норвегию, а затем вторглась на территорию Бельгии и Голландии, японская буржуазная пресса стала писать о том, что Япония не потерпит вмешательства США и Англии в дела Индонезии, угрожая в противном случае применить вооруженную

²⁹ 長谷川了, 日米陸戦の真相, 東京, 一九四三年, 39頁.

³⁰ Стенограмма Токийского процесса, стр. 48931.

силу. Министр иностранных дел Арита в своем выступлении 15 апреля заявил о необходимости сохранения статус-кво в Индонезии³¹.

Реальная угроза, нависшая над Индонезией, вызвала новые дипломатические акции со стороны Соединенных Штатов. 17 апреля 1940 г. государственный секретарь Хэлл заявил, что вмешательство во внутренние дела Индонезии или изменение ее статус-кво нанесет ущерб стабильности, миру и безопасности во всем бассейне Тихого океана. Он призывал отказаться от политики силы и сохранять мир на основе уважения каждой нацией прав других наций, взаимного невмешательства во внутренние дела, соблюдения договорных обязательств с изменением их лишь в случае необходимости, да и то мирным и «законным» порядком³².

Будучи крайне заинтересованными в Индонезии, американские монополисты под предлогом обеспечения мира не хотели допустить усиления позиций Японии в этой стране. Они не желали, чтобы японские империалисты овладели столь важной стратегической базой в юго-западном районе Тихого океана.

Переговоры о судьбе Индонезии между Хэллом и японским послом в Вашингтоне Хориноути не дали положительных результатов, так как японский посол настаивал на включении Индонезии в сферу «нового порядка» в Восточной Азии.

Позиция Японии объяснялась изменениями, происшедшими на европейском театре второй мировой войны: переход от «странной войны» к активным операциям со стороны гитлеровской Германии явился для «нейтральной» Японии стимулом к выдвиганию новых требований в отношении стран Южных морей, а в скором времени — и к отказу от политики «нейтралитета».

Английские империалисты по-прежнему стремились добиться сговора с Японией на «мюнхенской» основе. Это желание, ставшее еще более настойчивым после возникновения второй мировой войны, ослабившей позиции Англии на Дальнем Востоке, привело к новым большим уступкам со стороны английских правящих кругов за счет Китая. Так, после двухмесячной блокады японцами британской концессии в Тяньцзине 15 марта 1940 г. между английским послом в Токио Крейги и вице-министром иностранных дел Тани было подписано соглашение о передаче принадлежавшего китайскому правительству серебра, находившегося на территории этой концессии, под совместный контроль японских и английских властей.

³¹ «Documents on American foreign relations», vol. II, p. 305.

³² Ibid., p. 305—306.

Политика кабинета Ёнаи в отношении Советского Союза

В январе—феврале 1940 г. японская дипломатия возобновила вопрос о заключении с СССР пакта о ненападении. Вместе с тем Арита, выступая на парламентской сессии 31 января 1940 г., заявил, что Япония будет продолжать свою политику тесного сотрудничества с державами, подписавшими «антикоминтерновский пакт». Несколько позднее он отметил, что помощь Советского Союза Китаю и отношение советской прессы к японской политике в Китае являются серьезными препятствиями для сближения Японии и СССР³³. Тем не менее кабинет Ёнаи предпринял некоторые практические меры, направленные на улучшение отношений между Японией и Советским Союзом. Японские правящие круги считали, что это позволит им усилить агрессивные действия в южном направлении. Хотя переговоры об уточнении границы МНР и Маньчжоуго были прерваны³⁴, министр иностранных дел Арита заявил на 75-й сессии парламента, что Япония намерена добиваться разрешения важнейших неурегулированных вопросов между СССР и Японией. Переговоры были возобновлены, и 9 июня, наконец, подписано соглашение об уточнении границы в районе Халхин-гола, о чем на следующий день было объявлено в печати³⁵. Благодаря твердой позиции Советского Союза, отстаивавшего интересы мира и безопасности на Дальнем Востоке, Япония оказалась вынужденной подписать это соглашение.

Правительство адмирала Ёнаи продолжало проводить выжидательную политику, начатую кабинетом Абэ. Под маской нейтралитета и невмешательства в европейские события правящие круги Японии готовили новые акты агрессии на Дальнем Востоке и оказывали сильнейший нажим на позиции своих соперников. Они стремились максимально использовать занятость Англии и Франции в войне против гитлеровской Германии для того, чтобы вырвать у них возможно больше уступок. На первом этапе войны в Европе (сентябрь 1939 г.—июнь 1940 г.) японские империалисты по внешнеполитическим и внутривнутриполитическим причинам считали преждевременным активизацию агрессии. Однако наиболее агрессивные группировки японских монополистов настаивали на изменении внешней политики Японии и, в частности, на отказе от политики невмешательства в войну на европейском театре. Ряд депутатов на заседаниях бюджетной комиссии требовал официального расторжения договора девяти держав о сохранении территориальной целостности Китая и заключения более тесного союза с Германией и Италией.

³³ F. C. Jones, *Japan's new order...*, p. 188.

³⁴ «Известия», 1940, 1 февраля.

³⁵ «Известия», 1940, 10 июня.

Тем не менее правительство Ёнаи продолжало проводить политику нейтралитета в отношении европейских событий и выжидать благоприятного момента для изменения своей внешней политики. Отвечая на критику в парламенте (март 1940 г.), Арита утверждал, что необходимость осуществления главной цели — завершения войны в Китае — не позволяет Японии вмешаться в войну на Западе. Официальное провозглашение нового «центрального» правительства во главе с Ван Цзин-вэем рассматривалось как этап, приближающий завершение войны в Китае.

Глава II

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ В ПЕРИОД ОТ КАПИТУЛЯЦИИ ФРАНЦИИ ДО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ТРОЙСТВЕННОГО ПАКТА

Внутриполитическая борьба в Японии по вопросу об активизации экспансии в районе Южных морей

Вторжение германских войск на территорию Дании, Норвегии, Бельгии и Голландии внесло существенные изменения в ход второй мировой войны. Период «странной войны» (strange war) сменился стремительным наступлением немецких войск. Вслед за Бельгией и Голландией ареной ожесточенных сражений сделалась Франция. Правительство национальной измены маршала Петэна капитулировало перед гитлеровской Германией, и Франция выбыла из войны. Соотношение сил временно изменилось в пользу германо-итальянской коалиции.

Активизация военных операций в Европе и особенно поражение Франции содействовали новой расстановке сил империалистических соперников на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана. Создались благоприятные условия для активизации экспансии империалистической Японии. Некоторые группировки японских монополистов потребовали немедленного и максимального использования «золотого случая» — решительного отказа от политики «нейтралитета» и перехода к наступательным действиям в районе Южных морей для подготовки большой тихоокеанской войны против США и Англии.

Еще в 1938 г. Мао Цзэ-дун предупреждал: «Начав войну с Китаем, Япония, если Китай не нанесет ей в войне смертельного удара и если она сохранит еще достаточно сил, неизбежно попытается начать наступление на страны Южных морей...»¹.

Японский посол в Лондоне в своих донесениях летом 1940 г. настаивал на том, чтобы Япония воспользовалась обстановкой в Европе для усиления своих позиций в Восточной Азии и не оставалась более «объектом эксплуатации западных держав»².

¹ Мао Цзэ-дун, *О затяжной войне (май 1938 года)* (Избранные произведения, т. 2), стр. 323

² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 48928.

Кабинет Енаи, выражая интересы монополистов — сторонников активизации Японии на внешнеполитической арене, стал готовиться к новым актам агрессии. В одном из выступлений в мае 1940 г. японский премьер-министр отметил, что быстрое развитие военных событий в Европе не дает возможности предсказать, как далеко может распространиться пожар войны. Поэтому необходимо поставить всю нацию «на военную основу», без этого нельзя отстаивать интересы нации и достичь конечной цели в Китае. Выступление Енаи свидетельствовало о явном намерении японских агрессоров еще более усилить милитаризацию экономики, чтобы в полной готовности приступить к осуществлению новых империалистических планов.

Соединенные Штаты — главный тихоокеанский соперник Японии — продолжали добиваться компромисса с Японией. Ожидая активизации действий японских империалистов после капитуляции Франции, правящие круги США попытались вновь подготовить почву для соглашения. 24 июня 1940 г. американский посол в Токио Грю строго конфиденциально предложил произвести обмен нотами между Японией и США по вопросу сохранения статус-кво в тихоокеанских владениях воюющих европейских держав, особо оговорив те случаи, когда это положение может быть изменено мирными средствами. Однако попытка смягчить напряженность в отношениях между США и Японией в условиях расширявшейся второй мировой войны не увенчалась успехом. Предложение США было отклонено под предлогом того, что прежде всего необходимо устранить разногласия, существующие между обеими странами³. В этом ответе сквозило явное нежелание Японии пойти на компромисс в благоприятной для нее обстановке, тем более что японское правительство уже подготавливало конкретные планы активизации своей внешней политики, которые отнюдь не предусматривали сохранения за западными державами их тихоокеанских владений.

28 июня 1940 г. японский кабинет министров принял «Новые основы внешней политики Японии». Основное содержание этого документа сводится к следующему: 1) Япония категорически отказывается признать какое-либо изменение статус-кво в Восточной Азии, могущее помешать разрешению «китайского конфликта», на котором сосредоточены в настоящее время ее усилия; 2) Япония проявляет большую тревогу в связи с попытками изменения статус-кво в Восточной Азии, будь то со стороны Великобритании, США или Германии и Италии; 3) Япония придерживается политики невмешательства в европейскую войну. Однако Япония будет действовать

независимо от того, какое влияние окажет европейская война на Восточную Азию.

Решение японского правительства на следующий день было прокомментировано министром иностранных дел Арита, который заявил, что миссия Японии состоит в построении «нового порядка» в Восточной Азии. Он утверждал, что страны Восточной Азии и района Южных морей очень тесно связаны с географической, исторической, экономической и расовой точки зрения и «самой судьбой» предназначены сотрудничать друг с другом и удовлетворять взаимные потребности в целях «взаимного благополучия и процветания». При этом Арита указал, что ответственность за развитие этих стран возложена на Японию, являющуюся будто бы стабилизирующей силой в Восточной Азии⁴.

Утверждение японским правительством «Новых основ внешней политики Японии» и комментарии Арита показали стремление правящих кругов Японии сохранить статус-кво в Индокитае, Индонезии и в других странах Южных морей до того момента, когда Япония окажется подготовленной к захвату этих территорий. Заявление Арита было явным предупреждением западным соперникам и конкурентам об «особых правах» Японии на французские и голландские колониальные владения. В этой связи становится очевидной подлинная сущность японской политики невмешательства, тем более что японское правительство декларировало о своем намерении действовать независимо от влияния, которое окажет европейская война на Восточную Азию. Заявление министра иностранных дел Арита о том, что Япония не приемлет вмешательства Германии и Италии, имело лишь формальное значение, так как в это время между державами «оси» уже велись переговоры по вопросу о положении в странах Южных морей. Более того, 28 июня, когда японский кабинет министров принял соответствующее решение, в Берлин был направлен специальный представитель Японии Сато, в задачу которого входило обсудить вопрос о дальневосточных владениях Франции, Англии и Голландии в связи с капитуляцией Франции и оккупацией Голландии.

В соответствии с программой усиления экспансии в районе Южных морей на новом этапе второй мировой войны первоочередными объектами наступательных действий Японии были намечены французские и голландские владения на Дальнем Востоке: Индокитай и Индонезия.

⁴ Robert J. Kerner, *The Pacific in the diplomatic conflict of the war* (в сборнике: *The Southwest Pacific and the war*, Los Angeles, 1944), p. 114.— О речи Арита и «сфере процветания» Восточной Азии см.: *Documents on American foreign relations July 1939—June 1940*, vol. II, Boston, 1940, p. 287—289.

³ Там же, стр. 48931—48932

Подготовка оккупации Индокитая

Поражение Франции, значительно подорвавшее ее позиции на Дальнем Востоке, создало благоприятные условия для отказа Японии от прежней политики нейтралитета и перехода к «новому курсу». Сложившиеся благоприятные условия для решительного нажима Японии на французские дальневосточные владения, причем с особой остротой встал вопрос об Индокитае — «жемчужине французской колониальной империи». Этому содействовали захват островов Хайнань и Спратли, а также территориальная близость Японии к Индокитаю.

Подготавливаясь к захвату Индокитая, который отныне стал первоочередным объектом агрессии, японские империалисты осуществили ряд военных и дипломатических мер. В течение непродолжительного времени они создали в восточной части острова Хайнань, в Вэньчжане, новую военно-морскую базу и сконцентрировали здесь часть своего флота. Всего же на острове было сосредоточено не менее 100 тыс. солдат.

12 июня 1940 г. Япония заключила пакт о ненападении с Таиландом, открывший дальневосточному агрессору путь к полному порабощению этой страны. Японо-тайландский договор представлял собой на редкость лицемерный документ, который лишь формально назывался равноправным соглашением. В статье 1-й указывалось, что оба государства будут взаимно уважать территориальную целостность каждой из сторон и тем самым «вновь укрепят постоянный мир и вечную дружбу, существующую между ними». В статье 2-й говорилось о «дружеском контакте» обеих сторон в целях обмена сведениями и взаимной консультации по поводу любого возникающего вопроса, представляющего обоюдный интерес. В статье 3-й указывалось, что в случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению любой третьей державы или держав, другая сторона обязуется не оказывать им никакой помощи. Последние две статьи предусматривали возможно быструю ратификацию пакта и обмен ратификационными грамотами в Бангкоке. Предполагалось, что договор будет действовать в течение пяти лет. В том случае, если ни одна из сторон не предупредит другую за шесть месяцев до истечения указанного срока о своем намерении прекратить действие договора, последний сохранит силу в течение одного года⁵.

Укрепив, таким образом, свои позиции в Таиланде, японские империалисты попытались прочнее закрепиться в соседних районах Индокитая. 18 июня на заседании «внутреннего кабинета» Японии было решено потребовать от властей Индо-

⁵ «Documents on American foreign relations», vol. III, July 1940—June 1941, Boston, 1941, p. 268.

китай подавления на его территории всякой прокитайской деятельности. В противном случае Япония угрожала применить силу⁶.

Было постановлено также обратиться к Германии и Италии с представлением по поводу того, что Япония придает большое значение вопросу о прекращении поставок оружия японскому правительству по дороге Индокитай — Юньнань. Япония просила Германию и Италию занять благожелательную позицию в вопросе об Индокитае и Индонезии. Послы в Риме и Берлине Амо и Курусу по поручению кабинета министров довели до сведения правительств Германии и Италии, что Япония крайне заинтересована в перераспределении французских колоний. 20 июня вице-министр иностранных дел Японии Тани заявил французскому послу в ультимативной форме о том, что если помощь Китаю по дороге Индокитай — Юньнань не будет прекращена, то Япония начнет «необходимые» военные операции против Индокитая. Аналогичное требование предъявило в тот же день и японское министерство иностранных дел⁷.

Столь настойчивая и ультимативная форма заявления японского правительства объяснялась отнюдь не пропускной способностью дороги Индокитай — Юньнань (Ханой-Куньминской), а главным образом политическими соображениями. Японские империалисты стремились узаконить политику диктата в отношении французской колонии⁸.

В результате усиленного нажима японских империалистов правительство Виши согласилось с 20 июня прекратить транзит некоторых грузов по этой дороге (газолин, грузовики). Однако такая уступка не удовлетворила Японию, потребовавшую у Франции согласия на посылку группы японских контролеров в наиболее важные пограничные пункты французской колонии и Китая. Правительство Виши приняло и это требование. Вслед за этим японцы установили контрольные посты в пяти пунктах вдоль железной дороги и шоссе, соединяющих Китай с Индокитаем.

Одновременно в Японии развертывалась шовинистическая пропаганда. Реакционные организации Тохокай и Мэйринкай приняли на своих чрезвычайных собраниях резолюции, в которых настаивали на решительном пересмотре внешней политики Японии и предлагали немедленно осуществить оккупацию Индокитая.

Нажим на правительство Виши сочетался с наступательными действиями японских войск в Южном Китае, имевшими

⁶ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 48924.

⁷ «Documents on American foreign relations», vol. II, p. 270—272.

⁸ См.: «Economist», 1940, 23 January. — Пропускная способность Ханой-Куньминской дороги составляла в начале 1940 г. всего лишь 1000 т в сутки.

цель отрезать Китай от Индокитая и занять выгодные плацдармы для вторжения во французскую колонию. В конце июня японцы начали наступление в провинции Гуанси и заняли Силосян и Бэйцзян, находящиеся в 20—25 км от индокитайской границы. 9 июля с Тайваня и Хайнаня вышли пять японских линкоров и восемь крейсеров с задачей сосредоточиться в районе Индокитая и Гонконга для предстоящих десантных операций. 15 июля главнокомандующий японским флотом в китайских водах вице-адмирал Симада заявил о том, что иностранным судам запрещен заход в порты, расположенные вдоль побережья провинции Чжэцзян и Фуцзянь. Тем самым устранялась возможность для иностранных держав, в первую очередь Англии и Франции, помешать предстоящим операциям японских вооруженных сил.

Решительный нажим, предпринятый Японией с целью отторжения Индокитая от Франции, объяснялся не только боязнью упустить «золотой случай» для укрепления своих позиций в благоприятной международной обстановке. Японские империалисты, захватив богатейшие сырьевые ресурсы дальневосточной колонии Франции⁹, хотели ослабить чрезвычайное напряжение экономики.

Учитывая широкие агрессивные планы подготовки «большой войны» против США и Англии, Япония спешила завладеть Индокитаем — важной стратегической базой на главных морских путях из Индийского океана в Тихий и на подступах к американским и английским тихоокеанским владениям.

Борьба в правящих кругах Японии по индокитайскому вопросу. Отставка кабинета Ёнаи

Вопрос о захвате Индокитая стал в течение июня — июля 1940 г. предметом острой внутриполитической борьбы в Японии. Хотя все группировки японских монополистов сходились на необходимости оккупации французской колонии, тем не менее существовали разногласия относительно *темпов* подготовки вторжения и *сроков* выступления. Крайне реакционные круги выражали недовольство нерешительностью кабинета адмирала Ёнаи и требовали немедленного выступления. Наиболее острые формы борьба приняла внутри правительства. Советник кабинета, председатель так называемой «ортодоксальной» фракции партии Сэйюкай Кухара вышел в отставку, мотивируя ее разногласиями с премьер-министром по вопросам внешней политики, внутренней «национальной структуры» и состояния военной подготовленности Японии¹⁰.

⁹ Об экономическом значении Индокитая см.: 南方年鑑, 一九四三年, 東京, 326—447頁 (далее — «Нампо венкан»).

¹⁰ «Japan times», 1940, 8 June.

Отставка Кухара, представителя наиболее реакционных кругов японской монополистической буржуазии, послужила сигналом к усилению нападков на внешнюю и внутреннюю политику кабинета Ёнаи. Дополнительным поводом для критики действий правительства явилась декларация Арита о внешней политике Японии от 29 июня 1940 г. Японский министр иностранных дел в ответ на запрос военных кругов вновь заявил, что Япония должна и впредь продолжать политику невмешательства в войну на европейском театре и сохранять статус-кво в странах Южных морей, в частности в Индокитае и Индонезии.

Наиболее агрессивные круги японских монополистов квалифицировали внешнюю политику Арита как «пассивную» и ведущую к потере «золотого случая» для новой агрессии на Дальнем Востоке, для которой после капитуляции Франции создалась исключительно благоприятная обстановка. Они потребовали проведения более решительного курса во внешней политике Японии. В результате Арита пришлось извиниться перед руководством армии и признать излишнюю «мягкость» своей позиции.

Инцидент с декларацией Арита весьма показателен. Выступление этого яркого защитника «нового порядка» в Восточной Азии и сторонника активизации внешней политики Японии вызывалось тактическими соображениями. Оно имело в виду, не обостряя преждевременно отношений с США, Англией и Францией, скрытно, под маской сохранения статус-кво в районе Южных морей, подготовить вторжение в Индокитай¹¹, а затем и в Индонезию, чтобы таким образом поставить западных соперников перед совершившимся фактом. Наиболее же агрессивные круги японских монополистов считали, что благоприятная международная обстановка позволяет действовать открыто, без всякой маскировки. Они признавали неотложными немедленные действия в Индокитае и настаивали на осуществлении радикальных мероприятий по улучшению «национальной структуры» как основы для ведения активной дипломатии.

Поэтому не случайно реакционные круги подвергли особенно резкой критике позицию правительства в отношении движения за «новую политическую структуру», одним из идеологов и инициаторов которого выступал Кухара. Летом 1940 г. он предложил распустить существующие политические парламентские партии и создать единую тоталитарную партию, но, не встретив поддержки, ушел в отставку. Поскольку

¹¹ Еще на 75-й сессии парламента депутат Ютани Ёсихару внес 10 февраля 1940 г. интерпелляцию, в которой обвинил Арита в проведении «холопской дипломатии» в отношении США и Англии и потребовал от правительства более твердых и эффективных мер (см.: «Far Eastern review», 1940, № 2, p. 45).

японские монополисты придавали большое значение радикальным внутренним мерам для обеспечения активной дипломатии, во главе движения за «новую политическую структуру» решено было поставить Коноэ, который 24 июня ушел в отставку с поста председателя Тайного совета, чтобы руководить этим движением.

Одновременно реакционные круги считали необходимым как можно скорее сменить кабинет Енаи, оказавшийся неспособным действовать быстро и решительно на внешнеполитической арене и эффективно использовать благоприятную обстановку. Наибольшую активность проявила военная клика, являвшаяся орудием самых реакционных кругов монополистической буржуазии. По решению руководящей тройки армии (военный министр, начальник генерального штаба армии и генеральный инспектор военного обучения) военный министр в кабинете Енаи генерал Хата Сюнроку вышел из состава кабинета. При этом было заявлено, что другой кандидатуры на вакантный пост выделено не будет. 16 июля 1940 г. правительство Енаи в полном составе подало в отставку¹².

Таким образом, недостаточная решительность и оперативность в использовании благоприятной международной обстановки в империалистических целях, медленные темпы развертывания агрессии в южном направлении привели правительство Енаи к падению. Одной из главных причин отставки правительства являлось невыполнение обещанной программы завершения войны в Китае. «Предыдущий кабинет Абэ, — писал в июне 1940 г. журнал „Far Eastern review“, — пал из-за того, что не добился успеха в разрешении китайского вопроса. Такая же судьба может постигнуть и Енаи»¹³.

Второй кабинет Коноэ и его программа

Новый кабинет было поручено сформировать Коноэ. Вторичный выбор его кандидатуры был далеко не случаен¹⁴. Коноэ был тесно связан с дворцовыми и финансово-промышленными кругами, его политические взгляды, нередко маскируемые либеральной фразеологией, вполне удовлетворяли самые реакционные группировки монополистической буржуазии. Он являлся автором декларации о построении «нового порядка» в Восточной Азии, определявшей программу уста-

¹² F. C. Jones, *Japan's new order in East Asia. Its rise and fall 1937-45*, London — New York — Toronto, 1954, p. 192.

¹³ C. J. Laval, *Japan and european war* («Far Eastern review», 1940, № 6), p. 202—203.

¹⁴ После отставки кабинета Енаи была введена система выдвижения кандидатуры нового премьер-министра на совещании бывших премьер-министров с участием председателя Тайного совета — «дзюсин» (重臣) эта кандидатура рекомендовалась императору.

новления японского господства на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана. Под его непосредственным руководством разрабатывался «Закон о всеобщей мобилизации нации». Наконец, Коноэ возглавил движение за создание «новой политической структуры», развернутое японской реакцией в агрессивных и антинародных целях.

В течение 17—22 июля 1940 г. Коноэ сформировал новое правительство, ведущие посты в котором получили представители наиболее реакционных групп японских монополистов. Военным министром был впервые назначен реакционер и ярый враг Советского Союза генерал Тодзэ Хидэки, министром иностранных дел — бывший председатель правления ЮМЖД Мацуока Ёскэ. Политические парламентские партии в правительстве не были представлены, что свидетельствовало о намерении японской реакции покончить с ними. После того как был сформирован кабинет, Коноэ прямо заявил о необходимости создать «новую политическую структуру» взамен существующих политических партий.

В конце июля 1940 г. были приняты «Основные черты национальной политики Японии», определившие ее внешнеполитические цели. Важнейшими из них, как и прежде, правительство считало: установление «нового порядка» в Восточной Азии и разрешение «китайского инцидента». Выступая с разъяснением внешнеполитической программы правительства, новый министр иностранных дел Мацуока указал, что главной задачей является создание «сферы процветания» в Восточной Азии¹⁵. Правительство включило в «сферу процветания» Индокитай, Индонезию, Таиланд, Малайю, Бирму, Британское Борнео, Филиппины, а в дальнейшем имело в виду даже Индию, Австралию и Новую Зеландию¹⁶.

Это была широкая программа установления господства Японии в бассейне Тихого и Индийского океанов, основанная на лозунге «Азия для азиатов», или, точнее, «Азия для японцев». Используя буддистский принцип «хакко иттю»¹⁷ («все семь углов под одной крышей»), японские империалисты намеревались сделать Японию такой крышей для восьми стран Восточной Азии и Южных морей.

1 августа 1940 г. новое правительство опубликовало важное решение о программе своей деятельности, получившее название «Об основных принципах национальной политики»¹⁸. В разделе «Основная политика» указывалось, что политика Японии

¹⁵ A. L. Sadler, *A short history of Japan*, Sydney — London, 1946, p. 306, 308. — О внешнеполитической программе второго кабинета Коноэ, принятой 26 июля 1940 г., см. Willard H. Elsbree, *Japan's role in Southeast Asian nationalist movements 1940 to 1945*, Cambridge, 1953, p. 15.

¹⁶ K. Hauserman, *Some aspects of Japan's coprosperity sphere*, South Melbourne, 1945, p. 3.

¹⁷ 八純一宇.

¹⁸ «Documents on American foreign relations», vol. III, p. 253—255.

«...прежде всего направлена на создание нового порядка в великой Восточной Азии на основе прочного сотрудничества между Японией, Маньчжоуго и Китаем, причем центром его будет данная империя (Япония. — Д. Г.)»¹⁹. Так была определена цель создания военно-политического и экономического блока этих трех стран под руководством Японии.

В качестве предварительного условия для создания «нового порядка» в Восточной Азии и восточноазиатского блока в решении от 1 августа указывалось на необходимость успешного урегулирования «китайского инцидента».

В разделе «Обновление внутренней структуры» говорилось, что перед лицом «невиданного испытания» Япония должна произвести быстрый и основательный пересмотр всей системы государственного управления; отмечалась необходимость создания новой мощной политической структуры, «обновления» парламента, который, по замыслам авторов решения, должен был превратиться в орган содействия трону.

В заключение говорилось об увеличении вооружений и мобилизации всех сил нации в целях завершения «национальной обороны» государства²⁰.

Это решение японского правительства широко комментировалось министрами и различными органами печати. Так, Коноэ подчеркнул, что его правительство будет стремиться к созданию сильной внутренней политической структуры и к обновлению внешней политики «в направлении еще большей независимости и решительности, отвечающей международному положению». Он указал, что Японии должна принадлежать «руководящая роль в перестройке мира». Особое внимание Коноэ уделил экономическому сотрудничеству между Японией, Маньчжоуго и Китаем, которое, по его мнению, должно обеспечить экономическую независимость Японии от иностранных государств. Министр иностранных дел Мацуока, комментируя официальную правительственную декларацию от 1 августа, заявил, что создание нового порядка в великой восточноазиатской сфере означает достижение «общего процветания восточноазиатских наций и в первую очередь Японии, Маньчжоуго и Китая»²¹.

Вместе с тем японские империалисты намеревались в создавшейся благоприятной международной обстановке усилить агрессию в южном направлении и приступить к непосредственному захвату Индокитая и Индонезии. Вся японская реакционная пресса в связи с образованием кабинета Коноэ настойчиво требовала скорейшего разрешения вопроса о странах Южных морей.

¹⁹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 6271, 6307.

²⁰ Там же, стр. 48964, 48977.

²¹ «Documents on American foreign relations», vol. III, p. 258.

В течение августа—сентября 1940 г. японское правительство, совещание четырех министров и «Комитет по координации действий»²² приняли ряд решений, развивающих программу кабинета, провозглашенную 1 августа. Главное внимание обращалось на активизацию экспансии в южном направлении. Ее первоочередными объектами, как и прежде, намечались Индокитай, Индонезия, а также Малайя, Филиппины, Гуам и другие владения западных держав, которые подлежали включению в «сферу процветания Восточной Азии»²³.

Таким образом, кабинет Коноэ определил главное направление и цели внешней и внутренней политики Японии в новых, благоприятных для нее международных условиях. В области внешней политики программа правительства заключалась в отказе от *выжидательной* политики нейтралитета и переходе к *активным* наступательным действиям в районе Южных морей для создания необходимых плацдармов будущей войны против главных империалистических конкурентов Японии. В области внутренней политики правительство Коноэ намечало под маской «новой политической структуры» осуществить дальнейший план фашизации страны, чтобы обеспечить тыл для новых военных авантур. Японская правящая клика рассматривала осуществление этого плана как необходимое и важнейшее условие обеспечения агрессии в Китае, в районе Южных морей и подготовки большой войны на Тихом океане.

Движение за создание «новой политической структуры» в Японии²⁴

Движение за «новую политическую структуру», или за «обновление политической системы» непосредственно предшествовало вторжению японских империалистов в Индокитай.

История движения за «обновление» политической системы и ликвидацию политических партий в Японии восходит к началу 1931 г., когда крайне реакционные круги стремились вовлечь Японию в войну против Китая. Известный лидер реакционно-шовинистического движения Хасимото Кингоро еще в марте 1931 г. настаивал на ликвидации парламентской системы, а в начале оккупации Маньчжурии — на немедленном роспуске политических партий.

Движение за «укрепление внутренней политической систе-

²² В состав совещания четырех министров входили: премьер-министр, министр иностранных дел, военный и морской министры. В состав «Комитета по координации действий» входили представители правительства и высшего военного и военно-морского командования.

²³ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49410, 49411.

²⁴ 新政治體制 Этой теме посвящена работа И. А. Латышева «Внутренняя политика японского империализма накануне войны на Тихом океане 1931—1941», М., 1955.

мы» усилилось после прихода к власти кабинета Ёнаи, весной 1940 г., накануне активизации войны на Западе. В конце марта сто реакционных депутатов парламента, именовавших себя «обновленцами», учредили «Лигу (депутатов) по завершению священной войны»²⁵. В программной декларации Лиги указывалось на необходимость «добиться замены прежней системы либерализма твердой структурой военного времени». На роспуске политических партий настаивали и реакционные милитаристские круги, которые одновременно требовали замены кабинета Ёнаи новым, способным проводить «твердый курс» внешней политики.

Процесс образования «новой политической структуры» происходил в апреле—сентябре 1940 г. Весной этого года Кидо и Арима, ближайшие советники императора, приступили к разработке вопроса о реорганизации политической системы в Японии²⁶. В конце мая Коноэ и Кидо обсудили планы смены кабинета Ёнаи и создания новой политической партии²⁷. Тогда же было решено добиваться отставки правительства Ёнаи и образования кабинета Коноэ, который должен был осуществить перестройку политической системы²⁸. В результате совещания оба советника пришли к выводу о необходимости ликвидации тех политических организаций, которые отнеслись бы отрицательно к политике нового правительства.

Движение за создание «новой политической структуры» усилилось с июля 1940 г., когда Коноэ возглавил это движение.

Тем временем развивалась активность и «Лига (депутатов) по завершению священной войны». В начале июля в составе этой Лиги был образован «Комитет по перестройке внутренней структуры». Одновременно была опубликована декларация, в которой указывалось на необходимость появления такой «новой политической силы», которая могла бы устранить недовольство нации, вызванное слабостью политического руководства, сплотить государство в единый организм и, таким образом, обеспечить осуществление «политических целей нации».

План организации «новой политической структуры» стал осуществляться вскоре после отставки кабинета Ёнаи. Этот план активно поддержали промышленно-финансовые круги. 18 июля Исполнительный комитет национальной промышленной Федерации принял решение присоединиться к движению за создание «новой политической структуры». Через два дня после образования нового правительства Коноэ вновь при-

²⁵ 聖職貴族議員聯盟。

²⁶ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 48942—48942а.

²⁷ 木戸日記，極東國際軍事裁判研究會，東京，一九四七年 61頁。（далее — Кидо никики...）

²⁸ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 48942а.

звал полностью искоренить существующие политические партии, созданные «на базе либерализма, демократии и социализма».

Первой на путь создания «новой политической структуры» встала «ортодоксальная» группа партии Сэйюкай во главе с Кухара. В день отставки кабинета Ёнаи она объявила о самороспуске и присоединилась к движению за «новую политическую структуру». 24 июля произошел раскол в Минсэйто, а 15 августа эта партия объявила о своем роспуске. Незадолго до этого самораспустилась реакционная Кокуминдомэй. Аналогичное решение приняли Сэйюкай, Сякай тайсюто и другие организации. Наконец, 20 сентября лидер Тохокай Накано Сэйго, руководитель Дайнихон сэйэнто Хасимото Кингоро и председатель «Лиги строительства Восточной Азии» адмирал Суэцугу Нобумаса заявили о роспуске этих фашистских организаций, чтобы облегчить осуществление «новой политической структуры». В резолюции Тохокай указывалось на необходимость передачи руководства политической страны «лагерю подлинного обновления», который рассматривался как единственная сила, способная осуществить коренной переворот и во внешней политике.

Роспуск и самороспуск крупнейших политических партий создавал необходимые предварительные условия для организационного оформления движения за «новую политическую структуру».

22 августа 1940 г. под председательством Коноэ был образован организационный комитет, в который вошли представители реакционных политических организаций. Было создано также «Общество содействия созданию новой политической структуры».

В течение месяца организационный комитет разработал формы «новой политической структуры». Ее центром должен был стать возглавляемый премьер-министром центральный национальный штаб (совет) в составе 300 членов. Штаб состоял из совета директоров, секретариата, а также консультантов и советников. Кроме того, было создано также специальное бюро по делам Восточной Азии. Устав «новой политической структуры» предусматривал создание на периферии префектурных советов, в состав которых входили и губернаторы префектур.

В конце сентября предложения организационного комитета о форме «новой политической структуры» и составе руководящих ее органов подверглись обсуждению на заседании правительства. Решено было назвать созданную организацию «Ассоциацией помощи трону». Правительство утвердило также кандидатуры членов центрального штаба: Арима Ёриасу (генеральный директор и начальник департамента общих дел), Маэда Ёнэдзо (начальник департамента по парламент-

ским делам), а также Хасимото Кингоро, Накано Сэйго, лидера «молодой бюрократии» Гото Фумио и других.

Создание «новой политической структуры» отвечало интересам японских монополистов, интересам всей японской реакции. Ее инициаторами и учредителями являлись главным образом представители различных фашистских и реакционно-шовинистических организаций, отражавших интересы наиболее реакционных групп правящих кругов Японии.

Главная цель движения за «новую политическую структуру» состояла в том, чтобы в новой международной обстановке покончить с остатками буржуазно-демократических институтов и осуществить фашизацию государственного строя по типу Германии и Италии.

Активизация военных действий на Западном фронте весной — летом 1940 г. и стремление японских империалистов усилить экспансию в южном направлении и построить как можно скорее «новый порядок» в Восточной Азии ускорили процесс ликвидации политических партий и создание фашистской «новой политической структуры». Реакционные круги намеревались при помощи этой новой системы подавлять всякое сопротивление их агрессивным планам, в первую очередь сопротивление японского народа, и таким образом обеспечить себе безопасный тыл.

Организаторы «новой политической структуры» всячески стремились скрыть подлинные ее цели. Коноэ утверждал, что сутью «структуры» является достижение единства и сотрудничества между правительством и военными кругами, достижение полной гармонии между различными министерствами кабинета и устранение соперничества между законодательной и исполнительной властями. Выступая на парламентской сессии, Коноэ заявил, что «Ассоциация помощи трону» не была создана в результате движения какой-либо политической партии и не является политическим обществом, а представляет якобы особое, специфически японское явление. Однако в своих «Записках», вышедших после окончания войны, Коноэ прямо указывал, что «Ассоциация помощи трону» была по существу организацией нацистского типа²⁹.

Процесс фашизации политического строя Японии по сравнению с Германией и Италией имел свои особенности. Существующий в стране культ императора не допускал появления японского «фюрера». Поэтому создание единой фашистской организации производилось под предлогом оказания помощи

²⁹ 近衛文麿公の手記, 失はれし政治, 東京, 一九四六年, 26—27頁 (далее — «Коноэ Фумимаро ко-но сюки»); см. также: 東京戦半決, 極東國際軍事半所半決文, 東京, 一九四九年, 119—120, 220頁 (далее — «Токио сайбан ханкэцу...»). — Движению за «новую политическую структуру» и роли в нем Коноэ посвящена книга Ода Госюки 小田俊興, 翼賛運動と近衛公, 東京, 一九〇四年.

трону. Эту специфику и пытались подчеркнуть инициаторы движения за «новую политическую структуру». Адмирал Суэцугу утверждал, что «японский тоталитаризм фундаментально отличается от европейского»³⁰. Однако в действительности его отличие заключалось лишь в том, что фашистское движение в Японии развивалось под эгидой монархии.

«Новая политическая структура» означала определенную перегруппировку в лагере господствующих классов. На первый план выдвинулись наиболее авантюристические реакционные группы монополистической буржуазии, открыто установившие террористическую диктатуру. Политический строй Японии становился фашистским.

«Новая политическая структура» знаменовала и новую фазу во внутренней политике, политике решительного наступления на рабочее движение, на любую оппозицию. Усиление полицейского террора и эксплуатации трудящихся, разгром всякой оппозиции «новому курсу» правительства рассматривались как неперемное условие подготовки тыла для активизации внешней экспансии. «Развитие внутренней политики Японии, — отмечал Мао Цзэ-дун в труде „О загнивающей войне“, — может пойти только по одному из двух путей: либо правящие классы скоро потерпят крах, власть перейдет к народу и следствием этого будет прекращение войны — однако такой возможности пока нет, — либо помещики и буржуазия будут с каждым днем все больше фашизироваться и продолжать войну вплоть до своей гибели; это и есть тот путь, которым Япония идет сейчас. Третьего пути нет»³¹.

Инициаторы и творцы «новой политической структуры» не скрывали своих агрессивных внешнеполитических целей. Они неоднократно подчеркивали необходимость завершения войны в Китае, построения «нового порядка» в Восточной Азии, развертывания экспансии в южном направлении. Коноэ цинично признавал, что главная идея («новой политической структуры». — Д. Г.) заключается в полной координации всех усилий и национальных ресурсов для того, чтобы успешно завершить «китайский инцидент», поставить Японию во главе новой сферы в Восточной Азии, сделать ее способной предпринять независимые решительные действия, а также расширить границы империи в момент, когда возникнет соответствующая ситуация³².

Последующие события показали, что на самом деле означали «независимые решительные действия» японских монополистов, которые предполагалось совершить в момент, когда создастся «соответствующая ситуация».

³⁰ «Asia», 1941, № 2, p. 58.

³¹ Мао Цзэ-дун, О загнивающей войне (май 1938 года), стр. 322.

³² «Far Eastern review», 1940, № 9, p. 307.

**Вторжение японских империалистов в Индокитай.
Провокация японскими империалистами конфликта между
Таиландом и Индокитаем. Сопротивление вьетнамского
народа японским оккупантам**

После прихода к власти второго кабинета Коноэ японские империалисты усилили подготовку к захвату Индокитая, который, как было указано выше, рассматривался как первоочередной объект вторжения. Этому в большой степени способствовала политика национального предательства, проводившаяся кликой Виши.

Выбор Японии был далеко не случаен, если учесть планы активизации агрессии в южном направлении и подготовки удобных плацдармов для новой войны. Индокитай занимает выгодное стратегическое положение в юго-западном районе Тихого океана и поэтому для японских империалистов он был важным плацдармом для дальнейшего расширения агрессии в направлении Таиланда, Малайи, Филиппин и Индонезии.

Индокитай привлекал также внимание Японии как один из богатейших колониальных районов. Японские империалисты были заинтересованы в приобретении многих товаров и в том числе индокитайского риса, ежегодный урожай которого составлял 7,1 млн. т³³. Вывоз риса из Индокитая до второй мировой войны достигал 1 млн. т в год. В весовом выражении это составляло около 70% всего вывоза из колонии.

Большое внимание привлекало и стратегическое сырье, особенно каучук, добыча которого равнялась в среднем 70 тыс. т в год, что составляло 6,6% мировой продукции³⁴. Немалое значение для Японии имело индокитайское олово, а также каменный уголь. В 1939 г. Индокитай дал 1800 т олова, а ежегодная добыча каменного угля составляла в среднем 2,3 млн. т. Весьма интересовали Японию и залежи цинка, фосфатов, меди, железа, марганца и вольфрама. Добыча остальных ископаемых исчислялась в 1937 г. почти в 20 тыс. т³⁵.

Вывоз всех видов сырья из Индокитая оценивался в 1939 г. в 3495 млн. фр.³⁶.

³³ Jack Chen, *Japan and the Pacific theatre of war*, London, 1942, p. 74.

³⁴ Ibid.

³⁵ «Нампо нэнкан, 1943», стр. 411.

³⁶ Там же, стр. 423.— Япония была крайне заинтересована в расширении внешнеторговых связей с Индокитаем. В течение 1936—1939 гг. она стремилась увеличить ввоз каменного угля, каучука, соли, риса. Вывоз же в Индокитай систематически уменьшался. Об этом свидетельствуют следующие данные (в тыс. тен):

	1936 г.	1938 г.	1939 г.
Экспорт в Индокитай	4697	3182	1981
Импорт из Индокитая	20154	20301	26651

(См.: Andrew Roth, *Japan strikes South. The story of French Indo-China passing under Japanese domination*, New York, 1941, p. 108).

Таким образом, богатства Индокитая имели большое значение для пополнения военно-стратегических запасов Японии.

Завершая подготовку нападения на Индокитай, японские милитаристы пытались создать впечатление, что они готовятся к «обороне» от западных держав, якобы намеревавшихся в связи с быстрым развитием войны на европейском театре вторгнуться в «восточноазиатскую сферу процветания». Определенную роль в подготовке оккупации французской колонии играл нажим японских правящих кругов на клику Виши. В начале августа 1940 г. Япония потребовала от правительства Петэна предоставления ей военно-морских баз на индокитайском побережье, согласия пропустить войска на территорию колонии, а также заключения экономического соглашения, предусматривавшего значительное увеличение экспорта из Индокитая в Японию железной руды, олова и угля. Одновременно японцы сосредоточили у границы китайской провинции Гуанси около 10 тыс. солдат, готовых по первому сигналу вторгнуться на территорию французской колонии. 10 августа начались японо-французские переговоры, а 13 августа Япония уже получила согласие на предоставление ей сухопутных, воздушных и морских баз на территории Индокитая и на установление экономического сотрудничества между обеими странами. Воспользовавшись этим обстоятельством, японские империалисты увеличили переброску в Индокитай дополнительных контингентов войск. 17 августа на Хайнань прибыли 15 тыс. солдат для десантных операций в Хайфоне. 24—26 августа на границе Индокитая произошли столкновения между японскими и французскими войсками.

30 августа между Японией и Францией было подписано так называемое «соглашение Мацуока—Анри», предусматривавшее «временный характер» оккупации северной части Индокитая³⁷ и согласие Франции на ввод японских войск в эту часть колонии, который, однако, произошел позднее. Подлинные цели соглашения были замаскированы японо-французским коммюнике, в котором говорилось: «В Токио в августе месяце между министром иностранных дел Мацуока и французским послом в Токио Анри в дружественной обстановке достигнуто соглашение относительно Индокитая с целью внесения вклада в дело создания нового порядка в Восточной Азии и урегулирования китайского инцидента»³⁸.

В своих показаниях на Токийском процессе Тодзэ утверждал, что основной целью вторжения японских войск в северную часть Индокитая было якобы обеспечение необходимой

³⁷ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49449.— О переговорах Японии и Франции см. там же, стр. 49447—49451.

³⁸ Там же, стр. 26844, 47354.

поддержки военных действий в Китае³⁹. На деле же «соглашение Мацуока—Анри» во многом напоминало «соглашение Крейги—Арита», заключенное в 1938 г.: оба документа под всякими предлогами удовлетворяли требования агрессора.

Накануне японского вторжения в Индокитай правительство Петэна ограничилось лишь декларациями о необходимости организации отпора Японии. Наряду с этим оно заверяло китайское правительство в своей решимости оказать сопротивление японским войскам.

Однако правительство Петэна, верное политике национального предательства, отказалось использовать китайские войска, которые совместно с Францией могли бы оказать действенное сопротивление японским вооруженным силам. Своими декларациями оно лишь обманывало китайский народ и мировое общественное мнение. В действительности же правительство Петэна решило принять требования японских империалистов и открыть им путь в Индокитай.

С начала сентября 1940 г. давление японских милитаристов на Индокитай усилилось. Этот нажим осуществлялся одновременно по двум линиям: на правительство Петэна и на губернатора Индокитая Деку.

3 сентября японцы ультимативно потребовали от губернатора французской колонии выполнения выдвинутого им ранее условия о транзите японских войск через Индокитай, мотивируя это необходимостью продолжать военные операции против Китая. Северо-восточное побережье Индокитая было блокировано. Власти колонии сначала отклонили ультиматум о транзите японских войск, но после того как представитель японского военного командования генерал-майор Нисихара ультимативно заявил, что если его требования не будут удовлетворены, то 6 сентября войска вступят на территорию колонии, — местные власти дали согласие на высадку в трех пунктах 12 тыс. японских солдат.

Серьезные уступки индокитайских властей еще более поощрили японских империалистов. Вслед за ультиматумом, предъявленным 3 сентября, японцы потребовали предоставления им возможности создать свои аэродромы в Хайфоне и других пунктах Индокитая; права полетов над его территорией японских военных и гражданских самолетов; установления японского контроля над всеми портами колонии; прекращения создания оборонительных сооружений; предоставления права прохода японских войск через территорию Индокитая в случае появления китайских войск близ границы; содействия местных и французских властей развитию японских торговых предприятий.

³⁹ Там же, стр. 36198, 47306.

Стремясь заставить французские власти скорее принять эти требования и намереваясь расширить экспансию за счет соседних территорий, японские империалисты спровоцировали конфликт между Таиландом и Индокитаем.

Еще в самый острый период боев на Западном фронте, накануне падения Парижа, 12 июня 1940 г. Япония подписала с Таиландом договор «О дружбе и взаимном уважении территориальной целостности»⁴⁰, который фактически открывал Японии дорогу в Таиланд. Подлинное значение «дружбы» и обязательств сохранить территориальную целостность вскоре определилось.

Уже к середине августа 1940 г. Япония предъявила Таиланду следующие требования: 1) создание японских морских баз в Сиамском заливе; 2) создание японских военно-воздушных баз на территории Таиланда; 3) установление льгот для транспортировки японских грузов по железным дорогам Таиланда и 4) заключение пакта о взаимопомощи между Японией и Таиландом.

В свою очередь 13 сентября правительство Таиланда потребовало от властей Индокитая уточнения границы с Таиландом, проведя ее по самому глубокому руслу реки Меконг, и немедленной передачи Таиланду 40 прибрежных островов; кроме того, предлагалось уступить Таиланду район Луанг-Прабанг и Бассак вдоль северо-восточной и восточной границы Таиланда; а также предоставить гарантии безопасности лицам сямской национальности, населяющим территорию Лаоса в северо-западной части Индокитая; в случае же отказа за предоставить эти гарантии указанная территория должна быть передана Таиланду.

Претензии Таиланда нашли поддержку у Японии. Японские империалисты намеревались применить план обхода Индокитая со стороны Таиланда и получить таким путем удобный плацдарм для вторжения во французскую колонию не только с моря и со стороны южных китайских провинций, но и с запада.

Японская буржуазная пресса пыталась представить положение таким образом, что будто бы осуществляется «мирное» проникновение в Индокитай. На деле же происходил комбинированный нажим со всех сторон, рассчитанный на полную капитуляцию Франции в индокитайском вопросе.

Уже после заключения соглашения Мацуока—Анри генерал-губернатор Французского Индокитая Деку попытался оказать некоторое сопротивление японскому нажиму: 19 сентября были отклонены требования Таиланда о пересмотре границы между Таиландом и Индокитаем. Такой же ответ был дан через два дня на новый японский ультиматум о про-

⁴⁰ «Documents on American foreign relations», vol. III, p. 268.

пуске 23 тыс. японских солдат к китайской границе и предоставлении Японии права постройки военно-морских и военно-воздушных баз на территории Индокитая. Отклонение японских притязаний ускорило давно подготавливавшееся вторжение. 22 сентября Деку принял японский ультиматум и подписал «договор», в результате которого Япония получила в Тонкине три военновоздушные базы и разрешение разместить в них для «охраны» шесть тысяч солдат⁴¹.

Несмотря на фактическую капитуляцию французских властей, японские сухопутные силы и части морской пехоты вторглись 23 сентября на его территорию. В тот же день состоялось подписание в Ханое японо-французского соглашения о предоставлении Японии «льготных условий» в Индокитае для операций против Китая⁴².

Это соглашение вызвало справедливый протест китайского правительства. Министр иностранных дел правительства Виши Бодуэн, тесно связанный с индокитайским банком, пытался оправдать подписанное соглашение утверждением о том, что японцам якобы предоставлялось право высадить на индокитайской территории лишь небольшой контингент войск, исчисляемый всего лишь несколькими тысячами человек. Одновременно Бодуэн лицемерно заявил, что Франция не может допустить, чтобы китайские войска перешли границу Индокитая.

Тем временем японские войска продолжали высаживаться в различных пунктах французской колонии. 26 сентября они появились в Хайфоне. Одновременно производилась концентрация японских сил в южной части Гуанси, на островах Хайнань и Вэйчао.

Таким образом, вследствие предательской политики петэновского правительства и его представителя Деку Северный Индокитай был оккупирован японскими войсками. «Как только началась вторая мировая война, — отмечало Вьетнамское центральное информационное агентство, — правительство Петэна отдало Францию германскому фашизму, а правительство Деку отдало Индокитай японскому империализму. Немецкие войска наводнили Францию, а японские войска — Индокитай»⁴³.

Успех вторжения Японии в Индокитай объяснялся и поддержкой, которую она получила от гитлеровской Германии. Гитлеровская клика оказывала давление на вишійскую администрацию и заставила ее уступить требованиям Японии.

Оккупация Индокитая облегчилась также позицией правящих кругов США и Англии. Еще за три месяца до япон-

⁴¹ T. A. Bisson, *America's Far Eastern policy*, New York, 1945, p. 105.

⁴² 世界情勢と躍進日本外交史, 東京, 一九四一年, 158頁.

⁴³ «Viet-Nam national united front» [S. 1.], Viet-Nam central information service, 1951, p. 11.

ского вторжения, 20 июня, заместитель государственного секретаря Уэллес заявил французскому послу в Вашингтоне Сэн-Кантэну, что Соединенные Штаты не станут вмешиваться, «если эта держава (Япония. — Д. Г.) нападет на Индокитай»⁴⁴. В августе 1940 г. правительство США информировало администрацию Виши, что оно не предпримет «никаких практических мер по сохранению статус-кво (в Индокитае)». Государственный департамент, как пишет один из видных французских дипломатов Поль Бодуэн, считал себя не в праве «упрекать Францию за предоставление Японии военных привилегий»⁴⁵.

Американский посол в Токио Грю, один из столпов политики «дальневосточного Мюнхена», называвший «умиротворение» агрессора политикой «конструктивного примирения»⁴⁶, с эпическим спокойствием сообщал в Вашингтон о нарастающей угрозе Индокитаю, не предлагая, однако, никаких контрмер. В телеграмме, направленной государственному департаменту 12 сентября 1940 г., он писал, что японские правящие круги рассматривают создавшуюся в мире ситуацию как «золотой шанс», дающий возможность реализовать их планы. Японское правительство, внимательно наблюдая за позицией Соединенных Штатов, пришло к выводу, что «оно не встретит эффективного сопротивления со стороны США»⁴⁷. Эта уверенность Японии в позиции западных «мюнхенцев» не была поколеблена и тогда, когда в сентябре 1940 г. в Вашингтоне начались секретные переговоры между представителями США, Англии, Австралии и Голландии⁴⁸. Необходимость ведения этих переговоров вызывалась усиливавшейся японской экспансией в южном направлении и нарастающей угрозой Индокитаю.

Единственной силой, оказавшей сопротивление японским империалистам, явился вьетнамский народ, боровшийся против гнета французских и японских колонизаторов.

Еще в середине июня 1940 г., вскоре после капитуляции Франции, Коммунистическая партия Индокитая призвала народ сплотиться перед лицом опасности нападения империалистической Японии и на случай вторжения японских милитаристов готовиться к ведению партизанской войны и к организации саботажа. Народные массы на митингах и демонстрациях решительно протестовали против предательского

⁴⁴ «France et Viet-Nam. Le conflit franco-vietnamien d'après les documents officiels», Genève, 1947, p. 12.

⁴⁵ Paul Baudouin, *Neuf mois au gouvernement*, Paris, 1948, p. 282, 307.

⁴⁶ Joseph C. Grew, *Report from Tokyo, A message to the American people*, New York, 1942, p. 38.

⁴⁷ «Peace and war. United States foreign policy 1931—1941», Washington, 1943, p. 569.

⁴⁸ T. A. Bisson, *America's Far Eastern policy*, p. 109.

соглашения французских властей колонии с японцами. Как сообщила кохинхинская охранка, в июле месяце было распространено большое количество листовок и плакатов, «призывавших к борьбе с японским фашизмом и империализмом...»⁴⁹

После вторжения японских войск в Индокитай народные массы колонии организовали сопротивление интервентам. В сентябре 1940 г. вспыхнуло восстание в Бак-Соне. В октябре происходили волнения в Ланг-Соне; народность тхо присоединилась к партизанам для отпора японцам⁵⁰.

С конца 1940 г. выступления народных масс происходили на юге страны⁵¹. В ноябре вспыхнуло крупное восстание солдат и местных жителей в Сайгоне.

В начале января 1941 г. в связи с дальнейшим расширением японской агрессии в Индокитае было организовано вооруженное выступление народных масс в Ланг-Соне, в котором приняло участие 30 тыс. человек. Восстание произошло также в Тонкине, Сайгоне и других пунктах.

Все эти волнения были жестоко подавлены⁵².

Важнейшим уроком поражения восстаний, происшедших в сентябре 1940 — январе 1941 г., явилась необходимость объединения и сплочения народных сил и организации вооруженной борьбы.

19 мая 1941 г. на антифашистском конгрессе был создан «Демократический фронт борьбы за независимость Вьетнама» — «Вьетминь», организатором которого являлась Коммунистическая партия Индокитая.

Несмотря на упорное сопротивление народных масс, японским империалистам удалось закрепиться на территории Индокитая.

Опасная политическая игра, затеянная правящими кругами США и Англии, закончилась для них новым провалом. Захват Индокитая имел большое значение для Японии, получившей выгодный плацдарм для нападения в недалеком будущем на американские и английские владения на Тихом океане.

Вторжение японских империалистов в Индокитай создавало благоприятные условия для расширения масштабов войны на Дальнем Востоке и, следовательно, для дальнейшего разжигания второй мировой войны.

⁴⁹ «Правда о Вьетнаме», М., 1949, стр. 44.

⁵⁰ «Viet-Nam's fight against fascism (1940—1945)», Viet-Nam delegation in France, Information service, Paris, 1948, p. 4.

⁵¹ «Правда о Вьетнаме», стр. 45; Труонг Шин, Августовская революция во Вьетнаме, М., 1954, стр. 86.

⁵² George Sheldon, Status of Viet-Nam («Far Eastern survey», vol. IV, 1946, № 25), p. 375.

Подготовка и подписание тройственного пакта от 27 сентября 1940 г. Японо-германские империалистические противоречия

Важным фактором, способствовавшим расширению масштабов второй мировой войны, явился тройственный пакт фашистских агрессоров, заключение которого было ускорено японской оккупацией Индокитая.

Стремление укрепить взаимоотношения Японии с державами «оси» относилось к сентябрю 1939 г., а затем к весне 1940 г., ко времени пребывания у власти кабинета Ёнаи. Была сделана попытка упрочить японо-германский союз, подорванный заключением советско-германского пакта о ненападении.

Определенные шаги в том же направлении были предприняты и со стороны гитлеровской Германии, которая стремилась действовать в рамках «антикоминтерновского пакта», который хотя и продолжал определять японо-германские отношения, но в новых условиях не удовлетворял партнеров. К этому времени относятся переговоры Мацуока и специального посла Германии Г. Штамера, происходившие в Токио. В ходе переговоров обсуждению подверглись вопросы о целях и направленности тройственного военного союза. Как писал в своих мемуарах Коноэ, Штамер заявил, что Германия якобы не желает превращения войны против Англии и Франции в мировую войну и намерена способствовать ее скорейшему окончанию, что Германия не требует военной помощи Японии в войне против Англии и предлагает Японии принять все меры к тому, чтобы не допустить вовлечения США в войну. От имени Германии и Италии Штамер обещал обеспечивать Японию военным снаряжением. Он заверил Мацуока, что Германия признает руководящую роль Японии в Восточной Азии⁵³.

Токийские переговоры Штамера и Мацуока свидетельствовали о намерении Германии усилить «антикоминтерновский» блок новым, тройственным соглашением военного характера, который возложил бы на Японию более определенные обязательства. Существо демагогических заявлений Штамера о намерении Германии не допустить расширения масштабов второй мировой войны заключалось в том, чтобы не допустить вовлечения Соединенных Штатов в войну или, по меньшей мере, отдалить его и таким путем сосредоточить все силы на разгроме Англии, а затем уже обрушиться на американского соперника, то есть разбивать противников поодиночке.

⁵³ «Коноэ Фумимаро ко-но сюки», стр. 30—32; см. также: Joseph W. Ballantine, Mukden to Pearl Harbor. «The foreign policies of Japan» («Foreign affairs», vol. XXVII, 1949, № 4), p. 658.

Хотя переговоры в Токио имели лишь предварительный характер, они все же сыграли определенную роль в подготовке тройственного союза.

Однако миссия Штамера не завершилась подписанием договора. Правящие круги Японии решили временно воздержаться от подписания соглашения, поскольку положение на Западном фронте не предвещало еще значительного изменения соотношения сил германо-итальянского и англо-французского блоков.

Все же Германия и Япония предпринимали некоторые меры для большего сближения, которые не выходили, однако, за рамки «антикоминтерновского» договора. В начале апреля 1940 г. в Берлине была создана японо-германская комиссия по культурным вопросам. Статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Вейцзекер в приветственной телеграмме по этому поводу отметил успехи в отношениях между двумя державами и высказал пожелание об укреплении взаимной дружбы.

Дальнейшее улучшение отношений между Германией и Японией намечалось после вторжения германских войск на территорию Бельгии и Голландии, а в особенности после капитуляции Франции. В порядок дня встал вопрос о перспективах японской экспансии в южном направлении и, в частности, о судьбе голландских и французских колоний на Дальнем Востоке, о «правах» Германии и Японии.

В этой связи весьма характерны заявления обоих «антикоминтерновских» союзников и их интерпретация. 22 мая 1940 г. Япония обратилась к германскому правительству с просьбой сделать заявление о том, что Германия не заинтересована в Индонезии. Это был пробный шар, имевший цель определить перспективы японо-германских отношений на новом этапе второй мировой войны и выяснить возможность соглашения между Японией и Германией по вопросу о голландских и французских колониях на Дальнем Востоке. В ответ на просьбу Японии Германия сделала официальное заявление о своей незаинтересованности в Индонезии.

Буржуазная печать Японии рассматривала это заявление как полное одобрение японской политики в отношении голландской колонии, как предоставление Японии свободы действий⁵⁴. Однако по мере быстрого продвижения германских войск в Европе эти оптимистические декларации сменялись опасениями, что успехи Германии усложнят возможность Японии договориться со своим партнером о судьбе колониальных владений Голландии и Франции. Опасения эти были реальными, так как Германия, объявившая о своей незаинтере-

сованности в Индонезии, не намеревалась отказываться от получения необходимого ей военно-стратегического сырья и предполагала заключить выгодное соглашение с Японией.

Добиваясь поддержки Германии в осуществлении агрессии в южном направлении, японский посол в Берлине передал германскому правительству согласие Японии выступить в роли посредника по закупке для Германии важнейших военных материалов в Индонезии и на Дальнем Востоке. В начале октября 1940 г. между двумя державами было подписано соответствующее соглашение⁵⁵.

Таким образом, после захвата Германией Бельгии, Голландии и капитуляции Франции японские империалисты, искавшие сближения с Германией, опасались, что распространение японского господства на Восточную Азию и район Южных морей натолкнется на сопротивление Германии и тем самым возможности для завершения экспансии на юге будут упущены⁵⁶. Они предполагали, что Германия будет претендовать на голландское и французское колониальное «наследство» на Дальнем Востоке.

По этой причине японские империалисты явно спешили договориться с Германией и Италией по поводу нового военно-политического блока, предусматривающего разделение сфер «нового порядка» в Европе и на Дальнем Востоке. В связи с этим выдвигались предложения пересмотреть категорическую позицию невмешательства Японии в европейскую войну и найти более гибкую формулу оказания помощи Германии в ее войне против Англии.

В критические дни поражения Франции японские империалисты решили поставить вопрос о заключении более тесного военного союза с державами «оси». 19 июня 1940 г. японский посол в Берлине Курусу высказал пожелание установить более дружеские отношения с Германией. Он затронул, в частности, вопрос о сотрудничестве Германии в развитии тяжелой промышленности Японии, подчеркнул, что будущее его страны находится на юге, и указал на готовность японского правительства вывозить в Германию сырье из контролируемых Японией районов. Затем японский посол дал понять, что теперь, в новой обстановке, его правительству нет уже надобности продолжать политику нейтралитета в отношении европейской войны⁵⁷.

Министр иностранных дел Арита, выступая с речью 29 июня 1940 г., высказался за необходимость действовать в сотрудничестве с Германией, но при этом подчеркнул, что Япония считает себя «сюзереном» всего района Восточной и Юго-

⁵⁵ Там же, стр. 49464.

⁵⁶ Там же, стр. 48971.

⁵⁷ Там же, стр. 48925—48927.

⁵⁴ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49407—49408.

Восточной Азии и, в частности, Индонезии⁵⁸. После капитуляции Франции кабинет Енаи направил в Берлин специального представителя, бывшего министра иностранных дел Сато Наотакэ, который 8 июля 1940 г. в беседе с Риббентропом подчеркнул необходимость сотрудничества между Японией и Германией в различных сферах. Сато высказался также за усиление экономических связей между Японией и Германией, указав, что Япония готова предоставить Германии экономические привилегии в Китае⁵⁹. Он подчеркнул, что Германия сможет укрепить свои позиции в Европе лишь при условии усиления ее влияния на Дальнем Востоке. Сато пытался также выяснить отношение Германии к политике Японии в Индокитае и Индонезии⁶⁰.

В ответ на заявление Сато Риббентроп, приветствуя стремление Японии к сотрудничеству с Германией, в то же время дал понять, что Германия уверена в победе в Европе, а потому не придает большого значения помощи со стороны Японии. Германский министр иностранных дел не ответил на вопрос о позиции Германии в отношении Индокитая и других тихоокеанских владений⁶¹.

Заявление Риббентропа отражало изменения, происшедшие в международной обстановке. После капитуляции Франции правителям гитлеровской Германии казалось, что европейский «блицкриг» близится к концу и все военные трофеи станут монополией Германии. Вследствие этого германский министр иностранных дел заявил Сато, что помощь Японии, да к тому же весьма проблематичная, по существу не имеет какого-либо значения для Германии. Этим же объяснялось и нежелание Германии в новых условиях определить позицию в отношении Индокитая и других колониальных владений тихоокеанского бассейна. Кроме того, ответ Риббентропа имел цель вынудить Японию пойти на уступки, поскольку она была заинтересована в разрешении индокитайской проблемы и готовилась к захвату французской колонии.

В разгар подготовки Японией оккупации Индокитая между японским правительством и гитлеровской Германией была, наконец, достигнута договоренность по важнейшим вопросам, которая затем была закреплена тройственным пактом. 12 июля 1940 г. представителями Германии и Японии был составлен предварительный план, получивший наименование «Усиление

⁵⁸ Там же, стр. 48933—48934.

⁵⁹ Joseph W. Ballantine, *Mukden to Pearl Harbor...*, p. 657.

⁶⁰ «Стевограмма Токийского процесса», стр. 48947.

⁶¹ Там же, стр. 48947. — Как явствует из интервью Риббентропа — Сато от 8 июля 1940 г., германский министр иностранных дел был уверен в том, что Япония заинтересована в установлении тесной связи с «осью Берлин — Рим» (см.: Charles Callan Tansill, *Back door to war. Roosevelt foreign policy 1933—1941*, Chicago, 1952, p. 626).

гармонии между Японией, Германией и Италией». Наиболее существенны обязательства, взятые на себя Германией и Японией. Германия обещала Японии: 1) не вмешиваться в вопросы статута Индокитая, Индонезии и других стран района Южных морей и признать, что этот район находится в сфере влияния японского политического руководства; 2) оказать поддержку в разрешении «китайского инцидента»; 3) благоприятно рассмотреть вопрос о японской торговле и других экономических отношениях с Европой и Африкой.

В свою очередь Япония обещала Германии: 1) содействовать германской политике в Европе и в Африке и поддерживать европейский «новый порядок» под германским руководством; 2) принять ряд мер к тому, чтобы сковать Англию в Восточной Азии и тем самым ускорить ее капитуляцию; 3) снабдить Германию необходимым сырьем из Китая и района Южных морей и благоприятно рассмотреть вопрос об экономической деятельности Германии в Китае и в районе Южных морей⁶².

План «усиления гармонии» между державами «оси» свидетельствовал о взаимных уступках договаривающихся сторон и в первую очередь — Германии и Японии. Германия признала «права» Японии на включение Индокитая и Индонезии в японскую сферу влияния и согласилась содействовать своему союзнику в завершении войны в Китае. Япония в свою очередь признала Европу сферой влияния Германии и обещала поддерживать ее политику. Что же касается участия Японии в европейской войне, то она соглашалась осуществить лишь ряд мер против Англии в Восточной Азии, чтобы облегчить военные действия Германии в Европе. Наряду с этим Япония еще раз подтвердила свое предложение снабжать Германию необходимыми ей военно-стратегическими материалами из Китая и стран Южных морей.

После прихода к власти кабинета Коноэ (22 июля 1940 г.) японо-германские переговоры о подписании нового военного соглашения были продолжены. Обе стороны определили свои позиции и сформулировали предложения.

Новый министр иностранных дел Японии Мацуока, выступая 1 августа 1940 г., изложил внешнеполитическую линию правительства. Он указал, что принцип невмешательства в европейские дела, провозглашенный в начале сентября 1939 г. кабинетом Абэ, должен быть радикально пересмотрен и без колебания отброшен⁶³. Однако кабинет Коноэ принял решение не брать на себя обязательства вмешаться в европей-

⁶² План «Усиления гармонии между Японией, Германией и Италией» был одобрен на совещании с участием представителей военного и морского министерств и министра иностранных дел Японии, созванном 12 июля 1940 г. в Токио в связи с подготовкой тройственного пакта.

⁶³ «Documents on American foreign relations», vol. III, p. 258.

скую войну. Мацуока в тот же день заявил германскому послу в Токио о желании Японии укрепить связи с Германией и Италией, добавив, что Япония твердо намерена продолжать войну в Китае до победы, которая может быть достигнута и без помощи Германии. Кроме того, он заявил о решимости Японии реализовать свои планы на юге⁶⁴.

Выступление Мацуока вызвало тревогу в правящих кругах гитлеровской Германии, так как оно свидетельствовало не о сближении точек зрения двух партнеров по «оси», а о стремлении Японии добиться признания ее самостоятельных целей и достижения более выгодного для нее соглашения.

Желая ускорить подписание нового военного договора, Германия вновь направила в Токио своего специального представителя Г. Штамера⁶⁵.

В это время усилилась гитлеровская пропаганда, внушавшая Японии мысль об исключительной выгоде для нее союза с Германией — вероятной, по ее мнению, победительницей во второй мировой войне⁶⁶.

Еще до приезда Штамера в Токио (он прибыл 7 сентября) в Японии разрабатывался подробный план трехстороннего военного союза с Германией и Италией. 4 сентября в Токио состоялось совещание четырех министров под председательством Коноэ, которое обсудило «стратегический курс» переговоров между Японией и Германией. Решено было, что настал благоприятный момент для возобновления переговоров с Германией и что в основу соглашения должно быть положено разделение сфер господства в Европе и Азии для установления здесь «нового порядка» держав «оси». В сферу Восточной Азии намечалось включить Бирму, Австралию, Новую Зеландию и ряд стран Южных морей⁶⁷. Признавалось необходимым, чтобы Япония предприняла меры, которые содействовали бы окончанию войны и оказали помощь Германии и Италии в борьбе за разгром Англии и предотвращение американского вмешательства. Решение совещания четырех министров предусматривало, что Япония, Германия и Италия должны разработать общий политический курс в отношении Англии, США и СССР и условия всесторонней взаимопомощи. Особое внимание уделялось согласованным действиям на

⁶⁴ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 48986—48987.

⁶⁵ 清澤剛, 現代日本文明史, 外交史, 第三卷, 東京, 一九四一年, 556頁. Edgar
— О второй августовской миссии Штамера в Токио см. также: Mc Innis, *The war: second year*, London—Toronto—New York, 1941, p. 46—47.

⁶⁶ Вместе с тем Штамер на тайном совещании с Мацуока утверждал, что Германия на этом этапе не рассчитывает на военную помощь Японии против Англии; он выразил также убеждение в том, что война между Японией и США неизбежна (см.: «Стенограмма Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 192, л. 91).

⁶⁷ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 6314, 48990—48991.

случай войны одной из договаривающихся сторон против Советского Союза. Решено было также определить характер и масштабы экономической взаимопомощи дополнительным соглашением. При этом имелось в виду, что Германия будет оказывать Японии техническую помощь и поставлять необходимые военные материалы, которые ранее доставлялись из США. В постановлении совещания четырех министров указывалось, что Япония должна оказать помощь Германии и Италии в их войне против Англии и вытеснить последнюю с Дальнего Востока. При этом Япония оговаривала за собой право принимать самостоятельные решения в случае необходимости использовать вооруженные силы против Англии и США. Отмечалось также, что Япония не начнет войну против западных держав, пока не закончится война в Китае⁶⁸. Характерной чертой переговоров о заключении тройственного пакта, начавшихся 9 сентября 1940 г., являлось то, что они велись преимущественно между Японией и Германией, которая поддерживала контакт с Италией и фактически вела переговоры и от ее имени. Более активное участие Италии имело место лишь незадолго до подписания договора.

В ходе переговоров Штамер заявил Мацуока, что Германия заинтересована лишь в том, чтобы Япония сковала США и предотвратила бы вступление Америки в войну, которое усилит позиции Англии. Германия, подчеркнул Штамер, готова поставлять Японии военное снаряжение. Она признает ведущую политическую роль Японии в Восточной Азии, но считает необходимым, чтобы экономические интересы Германии в этом районе были бы обеспечены. Германия совместно с Италией готова поставлять Японии необходимое оборудование. Он отметил, что Германия рассматривает Японию как союзника в борьбе за установление мирового господства и сделает все от нее зависящее, чтобы предотвратить войну между Японией и США, хотя считает, что вряд ли удастся ее избежать. Посол высказал мнение, что война в Европе неизбежно перерастет в борьбу против всего англо-саксонского мира, и поэтому союз трех держав должен быть длительным⁶⁹.

Переговоры между Штамером и Мацуока продолжались до 11 сентября⁷⁰. От имени своего правительства немецкий эмиссар предложил текст договора, который основывался на высказанных им принципах. Мацуока внес свой контрпроект. При сопоставлении предложений выяснились разногласия, главные из которых касались 3-й статьи договора, определявшей обязательства сторон в случае войны. В результате была достигнута договоренность о следующей формулировке

⁶⁸ Там же, стр. 48989—48994.

⁶⁹ Там же, стр. 48994—48995.

⁷⁰ Там же, стр. 27983—28007, 48996.

этой статьи: если одна из сторон подвергнется нападению со стороны третьего государства, не участвующего в европейском конфликте и в китайско-японском конфликте, то остальные договаривающиеся стороны окажут ей помощь политическими, экономическими и военными средствами⁷¹. Когда эта формулировка была направлена Риббентропу на утверждение, имперский министр предложил другую редакцию, предусматривавшую оказание всесторонней помощи в том случае, если одна из держав подвергнется нападению третьей страны, не участвующей в европейской войне и китайско-японском конфликте в открытой или скрытой форме⁷² (имелось в виду оказание США помощи Англии).

Проект тройственного соглашения 16 сентября был представлен Мацуока на рассмотрение Тайного совета. Через три дня проект обсуждался на имперском совещании⁷³. Одновременно продолжались переговоры относительно секретного протокола, дополнительного к пакту. Япония предложила включить в этот протокол пункт о создании совместных военных, морских и экономических комиссий, а также пункт об оказании возможной помощи Японии в случае нападения на нее третьей державы⁷⁴. Однако Германия сочла эти предложения односторонними и отказалась подписать протокол.

19 сентября Риббентроп совещался в Риме с Муссолини и Чиано по поводу проекта основного соглашения. По мнению Риббентропа, это соглашение должно быть направлено против Советского Союза и против Соединенных Штатов, причем его антисоветская направленность должна всячески маскироваться⁷⁵. С антисоветской направленностью тройственного пакта согласилась и фашистская Италия.

После обсуждения в Японии проекта тройственного пакта и совещаний Риббентропа в Риме вопрос о 3-й статье договора, оказавшийся наиболее спорным, все еще не был полностью решен. 21 сентября Штамер предложил следующую редакцию этой статьи: если держава, не участвующая в происходящих в настоящее время конфликтах в Европе и на Дальнем Востоке, совершит акцию против одной из договаривающихся сторон, Япония, Германия и Италия объявляют войну этой стране и окажут друг другу помощь всеми политическими, экономическими и военными средствами⁷⁶. Это предложение было принято.

⁷¹ Там же, стр. 27985—27986.

⁷² Там же, стр. 27987.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же, стр. 28001.

⁷⁵ «The Ciano diaries 1939—1943», New York, 1946, p. 293; см. также: «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7922, 48996; ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 833.

⁷⁶ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 27987—27988.

Наконец, было преодолено еще одно препятствие, касающееся места подписания пакта. После кратких споров решено было произвести официальное подписание договора в Берлине.

К 24 сентября окончательный текст тройственного соглашения был составлен и согласован между сторонами, а через два дня вопрос поступил на рассмотрение так называемого Исследовательского комитета Тайного совета.

Характер обсуждения текста тройственного соглашения весьма показателен. Участники совещания высказали опасения по поводу возможного влияния тройственного соглашения на японо-американские отношения и подняли вопрос о размерах помощи, которую можно ожидать от Германии, если Япония окажется вовлеченной в войну. Комитет принял решение, в котором указывалось, что все же необходимо избегать действий, которые могли бы спровоцировать Англию и США на преждевременное военное выступление против Японии. Однако одновременно подчеркивалась необходимость проведения подготовки на случай, если такое наступление произойдет⁷⁷.

Выступивший на заседании морской министр Оикава заявил, что подготовка кораблей японского военно-морского флота к военным действиям против тихоокеанских соперников в основном закончена, что Япония якобы обладает военными материалами, в особенности нефтью, в количестве, достаточном для обеспечения операций в течение определенного времени. Вместе с тем он признал, что в случае затяжной войны серьезным затруднением для Японии будет проблема пополнения запасов военных материалов, а потому необходимо принять все возможные меры для увеличения производства синтетической нефти⁷⁸.

Выступления членов комитета свидетельствовали о том, что заключение тройственного пакта предусматривало усиление военных приготовлений и приближение угрозы новой агрессивной войны.

В тот же день, 26 сентября, текст тройственного пакта был рассмотрен и одобрен Тайным советом. В постановлении была сделана специальная оговорка о том, что пакт не должен влиять на существующие политические отношения между Японией, Германией и Италией с одной стороны и Советским Союзом — с другой⁷⁹. Эта оговорка в действительности имела целью замаскировать антисоветский характер соглашения трех агрессоров. Мацуока, выступая на заседании указанного комитета Тайного совета 26 сентября 1940 г., подчеркнул, что «данный договор (тройственный пакт. — Д. Г.) отныне будет

⁷⁷ Там же, стр. 6352—6378, 6380, 48998—48999.

⁷⁸ Там же, ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 15.

⁷⁹ Там же, стр. 6883.

являться основой внешней политики империи»⁸⁰. Далее он заявил: «Хотя и существует договор о ненападении (советско-германский. — Д. Г.), однако Япония поддержит Германию в случае советско-германской войны, а Германия поможет нам в случае столкновения Японии с Советским Союзом...»⁸¹. Японский министр иностранных дел добавил, что если и будет иметь место улучшение японо-советских отношений, то оно вряд ли продлится более трех лет, скорее же всего отношения между Японией, СССР и Германией будут пересмотрены уже через два года⁸².

На маскировке антисоветского характера подготавливаемого тройственного союза настаивала и гитлеровская Германия. В телеграмме японского посла в Берлине Курусу, отправленной 26 сентября 1940 г. в Токио, сообщалось, что германский посол в Москве Шуленбург выезжает в Берлин для получения инструкций относительно дальнейших отношений Германии с СССР в связи с предполагавшимся подписанием тройственного соглашения. «Германское правительство, — телеграфировал посол, — намеревается дать указания своей прессе о том, чтобы особо подчеркивался тот факт, что договор не предусматривает войны с Россией. Но, с другой стороны, Германия концентрирует войска в восточных районах для того, чтобы сковать Россию»⁸³.

27 сентября 1940 г. в Берлине официально был подписан договор о тройственном союзе Германии, Японии и Италии. Ввиду чрезвычайной важности этого документа для внешнеполитического курса Японии был опубликован специальный императорский рескрипт⁸⁴.

В день подписания пакта с речами выступили Коноэ и Мацуока. Японский министр иностранных дел подчеркнул, что с заключением тройственного союза значительно повысилась ответственность Японии за построение «нового порядка» в

⁸⁰ «Токио сайбан ханкэцу...», стр. 133.

⁸¹ «Стенограмма Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 275, л. 18.

⁸² Там же, ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 275, л. 19. — Подчеркивая необходимость укрепления взаимоотношений стран фашистского блока, Мацуока заявил: «...во внешней политике — прежде всего объединиться с Германией и Италией, стремления и политика которых идентичны с нашими, а позднее — с теми державами, которые смогут сотрудничать с нами...» [см.: «Официальные сообщения, касающиеся внешней политики», издание Бюро информации (кабинета министров), Токио, 1940, стр. 153 (цит. по «Стенограмме Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 275, л. 230)].

⁸³ «Стенограмма Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 482, л. 833; см. также: ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 275, л. 247.

⁸⁴ 御詔勅集, 大日本國民教會, 東京, 一九四三年, 85—86頁. — О подписании тройственного пакта см. также: 大平洋戰爭史, 歴史學研究會, 東京, 一九五三年226頁 «Papers relating to the foreign relations of the United States Japan: 1931—1941», vol. II, Washington, 1943, p. 165—166.

Восточной Азии и поэтому обстоятельства могут потребовать принятия «ответственных мер». Этим выступлением японские империалисты декларировали возможность активизации своих агрессивных действий в новых условиях международной обстановки, в условиях консолидации сил германо-японо-итальянской коалиции.

Весьма характерны отдельные статьи этого пакта. Статья 1. Япония признает и уважает руководство Германии и Италии в деле создания нового порядка в Европе.

Статья 2. Германия и Италия признают и уважают руководство Японии в деле создания нового порядка в восточно-азиатском пространстве.

Статья 3. Германия, Италия и Япония согласны сотрудничать на указанной выше основе. Они далее берут на себя обязательство поддерживать друг друга всеми политическими, хозяйственными и военными средствами, в случае, если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и в китайско-японском конфликте...

Статья 5. Германия, Италия и Япония заявляют, что данное соглашение никоим образом не затрагивает политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников соглашения и Советским Союзом⁸⁵.

В день подписания тройственного союза было достигнуто дополнительное секретное соглашение о том, что Япония и после окончания второй мировой войны сохранит власть над Маршалловыми, Марианскими и Каролинскими островами (ранее принадлежавшими Германии и полученными Японией в 1919 г. по мандату Лиги наций). Остальные бывшие германские колонии, находившиеся в распоряжении других держав, подлежали возвращению Германии⁸⁶. Значение тройственно-

⁸⁵ «Известия», 1940, 28 сентября.

⁸⁶ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49001—49002, ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 275, л. 248. — Тройственный пакт, как и «антикоминтерновское» соглашение, содержал секретные статьи, предусматривавшие оказание Японии помощи в установлении контроля над Индокитаем, Индонезией и в обеспечении эксплуатации их естественных богатств. Имелось в виду также посредничество Германии в «китайском инциденте» путем дипломатического вмешательства в Чундяне (см.: Joseph C. Grew, *Ten years in Japan*, New York, 1944, p. 333). — При подписании тройственного пакта уполномоченные трех правительств — Риббентроп, Чиано и Курусу — сделали заявления о значении нового соглашения (см.: «Documents on American foreign relations», vol. III, p. 305—309).

Несмотря на рекламирование прессой фашистских стран «исторического» и «переломного» значения тройственного пакта, подписание его было встречено без особого энтузиазма. В своем дневнике Чиано скептически расценивал возможность выполнения Японией обязательств, вытекавших из пакта. Он подчеркнул, что война, несомненно, будет длительной, а помощь Японии, ввиду ее отдаленности, весьма сомнительна («The Ciano diaries...», p. 296).

го пакта для развития международных отношений на Западе и Дальнем Востоке заключалось в том, что он имел цель координировать действия фашистских агрессоров, направленные на расширение масштабов второй мировой войны и нанесение решающего поражения их западным соперникам. Это позволило бы установить господство каждой из договаривающихся сторон в соответствующей, предусмотренной договором сфере и извлекать высокие прибыли за счет колониального грабежа захваченных территорий.

Как показывает анализ статей тройственного пакта и история его подготовки, пакт имел агрессивный характер и был направлен как против Советского Союза, так и против западных держав⁸⁷.

Многие государственные деятели Японии в своих мемуарах, вышедших после окончания минувшей войны, пытались фальсифицировать подлинное значение и направленность тройственного пакта, а также извратить свою собственную позицию в этом вопросе.

Коноэ и Сигэмицу лицемерно стремились доказать, что тройственный пакт замыслился как средство урегулирования советско-японских отношений и что Япония, Германия и Италия ставили целью привлечь Советский Союз в качестве одного из его участников⁸⁸. Явная лживость этих утверждений совершенно очевидна из вышеизложенных материалов, подтверждающих антисоветскую направленность тройственного соглашения.

Ряд японских государственных деятелей (Коноэ, Тодзэ, Мацуока, Номура) доказывал, что тройственный пакт имел будто бы «оборонительные» цели и что смысл его состоял в том, чтобы воспрепятствовать территориальному расширению второй мировой войны и, в частности, не допустить вступления Соединенных Штатов в войну⁸⁹. Мацуока заявил на парламентской сессии в начале февраля 1941 г., что присоединение Японии к тройственному союзу якобы не являлось актом, способствовавшим расширению войны, а, наоборот, содейст-

⁸⁷ В специальном номере журнала «Дзичутё-но нихон» («Деловая Япония»), посвященном подписанию тройственного пакта, Исимацу Тода писал, что заключение японо-германо-итальянского соглашения имело целью построить «новый мировой порядок» см.: 硯麿太, 日獨伊同盟と太平洋戦争, «實業之日本», 一九四〇年, 十月, 十五日, 特別増大號, 東京, 58頁。
— Черчилль, выступая в парламенте 8 октября 1940 г., заявил, что ближайшей целью тройственного пакта было нападение на Соединенные Штаты, а затем на Советский Союз (см.: *The war speeches of Rt. Hon. Winston S. Churchill*, vol. I, London, 1951, p. 275).

⁸⁸ «Коноэ Фумимаро ко-но сюки», стр. 37, 40—42. 重光葵, 昭和の亂, 第二卷, 東京, 一九五二年, 17—20頁。

⁸⁹ 野村吉三郎, 米國に於して, 日本交渉の回顧, 東京, 一九四六年, 2頁 (далее — Номура Китисабуро, *Бэйкоку-ни цукайситэ...*); «Кидо никки», стр. 68; «Коноэ Фумимаро ко-но сюки», стр. 33, 46.

вовало сохранению мира в Азии и Европе⁹⁰. Тодзэ в своих показаниях на Токийском процессе утверждал, что целью пакта было улучшение международного положения Японии, которое явилось бы решающим фактором в урегулировании «китайского инцидента» и в предотвращении распространения европейской войны на Восточную Азию⁹¹. Одновременно он заявил, что пакт являлся средством «избежать» войны с США и Англией⁹². Номура в своих мемуарах также пытался доказать, что пакт трех держав заключался отнюдь не для нанесения удара по США и Англии, а, наоборот, должен был служить средством «урегулирования» японо-американских отношений⁹³. Коноэ в своих «Записках» утверждал, что одной из важных целей тройственного пакта являлось стремление договаривающихся сторон не допустить вовлечения в войну США, поэтому он якобы не ставил целью нападение на США⁹⁴. Коноэ оспаривал утверждение, что тройственный пакт являлся одной из причин возникновения японо-американской войны. Он мотивировал свою точку зрения тем, что Япония обязана была объявить войну США лишь в случае их вступления в войну против Германии, а также тем, что в манифесте императора от 8 декабря 1941 г. об объявлении Японией войны США нет ни единого слова об обязательствах, вытекавших из тройственного пакта, следовательно, и с юридической точки зрения тройственный союз не мог быть причиной японо-американской войны⁹⁵. В отличие от других дипломатов Того утверждал, что истинный смысл соглашения фашистских государств заключался якобы лишь в координации их действий против Англии и США⁹⁶.

⁹⁰ Robert Aura Smith, *The Triple-axis pact and american reactions* («The Annals of the american academy of political and social sciences», May, 1941, p. 130.— Тогда же Мацуока заявил, что Япония не имеет намерения уклониться от выполнения обязательств, вытекавших из тройственного пакта, и условия этого договора будут ею точно соблюдены. Это заявление расходилось с его декларацией о «мирном» и «оборонительном» характере тройственного союза. Незадолго до выступления на парламентской сессии, 9 декабря 1940 г., Мацуока заявил, что союз с державами «оси» является единственным стержнем внешней политики Японии.

⁹¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 36194, 47223.

⁹² Там же, стр. 47331.

⁹³ Номура Китисабуро, *Бэйкоку-ни цукайситэ...*, стр. 2.

⁹⁴ «Коноэ Фумимаро ко-но сюки», стр. 33—34.

⁹⁵ Там же, стр. 43.— Это утверждение Коноэ о том, что тройственный пакт не мог привести к войне с США и Англией, находится в явном противоречии с его интервью, данным в октябре 1940 г., в котором он заявил, что если США откажутся признать «действительные намерения» держав фашистского блока и будут проводить вызывающую политику, то не останется иного пути, кроме войны (см.: Otto D. Tolischus, *Tokyo record*, New York, 1943, p. 27).

⁹⁶ 東郷茂徳, 伐時の一画, 大戦外交の手記, 東京, 一九五二年, 119—120頁。

В мемуарах Сайондзи-Харада Коноэ приписывается мнение о том, что посредством пакта и с помощью Германии можно было достичь компромиссного мира с Чан Кай-ши⁹⁷ и урегулировать, наконец, военный конфликт с Китаем⁹⁸.

Коноэ и Кидо доказывали, что они якобы являлись противниками тройственного пакта. Кидо мотивировал это тем, что укрепление союза Японии, Германии и Италии могло стать причиной возникновения японо-американской войны, а также тем, что он являлся сторонником сотрудничества с Соединенными Штатами и Англией⁹⁹. Кидо также писал, что флот был якобы «против тройственного союза»¹⁰⁰.

Широкое распространение имела версия о том, что и последний «гэнро» — принц Сайондзи являлся противником тройственного союза¹⁰¹.

Все эти заявления руководящих деятелей Японии о том, что они были «противниками» подписания тройственного пакта, имели своей целью выгородить их авторов и доказать «непричастность» тех или иных лиц к этому орудию войны.

Совершенно очевидно, что попытки самооправдания находятся в явном противоречии с утверждениями руководящих деятелей относительно «оборонительного» характера пакта и его целей в отношении Советского Союза, Соединенных Штатов и Англии.

Фальсификация некоторыми японскими государственными деятелями подлинных целей тройственного пакта опровергнута не только дальнейшим ходом международных событий, но и заявлениями японских дипломатов. Один из видных представителей агрессивной японской дипломатии Сиратори определял тройственный союз как средство создания «нового мирового порядка» и как кульминационный пункт движения, которое впервые нашло свое выражение в завоевании Маньчжурии. По мнению японского посла в Берлине Осима, кабине Коноэ уже осенью 1940 г. ориентировался на то, что создание «сферы великой Восточной Азии», которое предусматривалось статьей 2 тройственного пакта, может быть достигнуто только продвижением японских войск на юг. Единственный вопрос, заявил он, который стоял на повестке дня, заключался в том, «когда начнутся события»¹⁰².

Несмотря на очевидную направленность тройственного пакта и против западных держав, в американской и английской буржуазной литературе, преимущественно мемуарной, также имеют хождение фальсифицированные оценки позиции

⁹⁷ F. C. Jones, *Japan's new order...*, p. 201.

⁹⁸ Ibid.

⁹⁹ «Кидо никки», стр. 56, 67.

¹⁰⁰ Там же, стр. 55.

¹⁰¹ «Стеинограмма Токийского процесса», стр. 49000.

¹⁰² Там же, стр. 48999.

различных японских кругов относительно тройственного союза фашистских агрессоров. Сюда следует отнести в первую очередь мемуары американского и английского послов в Японии Джозефа Грю и Роберта Крейги, которые неправильно определяют причины появления и характер тройственного пакта. Английский посол в Токио Крейги (1937—1940 гг.) пытался доказать, что «дзайбацу» будто бы выступали против тройственного пакта, на заключении которого настаивали лишь армейские круги. В действительности те и другие были сторонниками пакта. Точку зрения, аналогичную Крейги, отстаивает и бывший американский посол в Токио Джозеф Грю, который в своих мемуарах поддерживает версию о том, что Коноэ выступал решительно против тройственного пакта¹⁰³. Эта версия не имеет никаких оснований.

В действительности японские империалисты рассматривали тройственный пакт как важный этап в подготовке Японией новых актов агрессии в Юго-Восточной Азии и в районе Южных морей, как дипломатический маневр, содействующий обеспечению агрессивных целей. Поэтому они были крайне заинтересованы в укреплении своих отношений с германо-итальянским блоком, поскольку это, с точки зрения японских империалистов, могло помочь активизации агрессивной политики в южном направлении, обеспечить «новый порядок» в так называемой «восточноазиатской сфере процветания»¹⁰⁴ и в конечном итоге изменить соотношение сил на Тихом океане в пользу Японии. Стремление укрепить блок фашистских агрессоров свидетельствовало об их решимости перейти от политики соглашений и компромиссов с «мюнхенскими» деятелями западных держав к политике форсированной подготовки наступления на Англию, Францию и США, к политике развязывания вооруженного конфликта на Тихом океане.

Некоторые разногласия между армией и флотом по поводу направленности тройственного пакта объяснялись тем, что армейские круги настаивали на действиях фашистских агрессоров главным образом в континентальном направлении — против СССР и Китая. Морские круги считали необходимым, чтобы тройственный пакт обеспечивал в первую очередь войну против Соединенных Штатов и Англии, то есть южное, морское направление агрессии. В ходе подготовки пакта эти разногласия, не имевшие принципиального характера, были в

¹⁰³ «Я узнал из достоверных источников, — записал в своем дневнике Грю, — что император и Коноэ были категорически против тройственного пакта...» (см.: Joseph C. Grew, *Ten years in Japan*, p. 347).

¹⁰⁴ Японские империалисты уже в сентябре 1940 г. приступили к активной подготовке к вторжению в страны Южных морей. Подтверждением этого являлось, в частности, распоряжение правительства начать печатание «оккупационной валюты» или военных банкнот, предназначенных для использования в Индонезии, на Филиппинах, в Бирме и Малайе (см.: Марк Гейн, *Японский дневник*, М., 1951, стр. 301).

значительной мере смягчены. Тройственный союз, фактически предусматривавший оба направления агрессии, их первоочередность в зависимости от международной и внутренней обстановки, отражал новый компромисс конкурирующих клик японской монополистической буржуазии.

Как показали последующие события, заключение тройственного пакта послужило сильным толчком для форсирования подготовки войны против США и Англии. «...Начиная с этого времени (подписания договора 27 сентября 1940 г. — Д. Г.), — говорится в приговоре Нюрнбергского международного военного трибунала, — вплоть до нападения на СССР, подсудимый Риббентроп вместе с другими подсудимыми пытался побудить Японию напасть на британские владения на Дальнем Востоке. Считали, что это ускорит поражение Англии и предотвратит вступление Соединенных Штатов в войну»¹⁰⁵.

Несмотря на подписание тройственного пакта, каждая из договаривающихся сторон желала прежде всего удовлетворить свои собственные империалистические цели.

Гитлеровская Германия стремилась к тому, чтобы превратить Японию в «Италию Дальнего Востока», то есть в орудие для выполнения захватнических целей. Поэтому она не хотела допустить, чтобы Япония использовала благоприятную международную обстановку в своих интересах. Вступление Японии в войну, предусмотренное тройственным соглашением, должно было рассредоточить силы стран — противников фашистского блока, чтобы облегчить их разгром поодиночке.

Японские империалисты со своей стороны стремились всемерно использовать благоприятно сложившуюся международную обстановку также в своих собственных империалистических интересах. Они не хотели брать на себя особые обязательства в отношении Германии и не намеревались делить с нею колониальную добычу на Дальнем Востоке. В их планы входило использование своего союзника для того, чтобы облегчить осуществление собственных агрессивных целей. Вот почему при подписании тройственного пакта Япония оговорила себе восточноазиатскую сферу «нового порядка» как монопольный район для эксплуатации и грабежа колониальных народов¹⁰⁶.

Японские империалисты всячески стремились локализовать свои действия районом Восточной Азии и Тихого океана

¹⁰⁵ «Нюрнбергский процесс. Сборник материалов», т. II, М., 1952, стр. 448.

¹⁰⁶ В японской буржуазной исторической литературе в годы второй мировой войны неоднократно подчеркивалось, что «сфера процветания» Восточной Азии основана на «теории больших сфер»; эта «теория» по существу означала непрерывное расширение японской экспансии в целях создания огромной колониальной империи. 國松久彌, 東亞共榮圈の地理 東京, 一九四三年, 4頁.

на и отказывались поэтому принять непосредственное участие в войне на европейском театре.

Японо-германские империалистические противоречия, различие целей двух союзников проявились сразу после заключения тройственного пакта. В октябре 1940 г. японские империалисты разработали сепаратный план, заключающийся в том, чтобы в подходящий момент выступить в роли посредника в целях заключения мира между Англией и Германией. Ценой этого посредничества должно было явиться признание Англией японского господства в Юго-Восточной Азии и в прилегающих районах Тихого океана. В компенсацию за это Япония обещала признать сохранение за Британской империей Австралии и Новой Зеландии¹⁰⁷.

Участники германо-японо-итальянского блока всячески пытались замаскировать подлинную суть тройственного пакта и ввести в заблуждение мировое общественное мнение.

Весьма характерным в этом отношении документом является японское «Заявление Соединенным Штатам относительно тройственного пакта», которое вручил министр иностранных дел Мацуока американскому послу в Токио Грю¹⁰⁸. Это заявление является одним из лицемернейших документов агрессивной японской дипломатии, призванной облегчить подготовку и развязывание новых военных авантюр и тщательно готовившей, в частности, войну на Тихом океане. Лейтмотивом «Заявления» явилось требование Японии признать ее монопольные «права» на установление «нового порядка» в Восточной Азии и в странах Южных морей. В нем изложены претензии Японии к США и к другим западным державам по вопросу о Китае. Вместе с тем японские империалисты утверждали, что «оборонительный» тройственный союз заключен с целью «сопротивления нажиму держав», но что он якобы не предусматривает нападения на какое-либо государство, а имеет в виду лишь «мирное» разрешение всех спорных вопросов на основе «дружбы» с Соединенными Штатами.

Однако несмотря на это «Заявление», тройственный пакт иначе оценили в Соединенных Штатах и в других странах. Так, морской министр США Нокс в день подписания тройственного пакта откровенно заявил, что пакт «явно направлен против Соединенных Штатов»¹⁰⁹.

Американские буржуазные исследователи оценивали присоединение Японии к тройственному союзу как ее серьезное дипломатическое поражение, представлявшее результат просчета японских дипломатов и значительную «ревизию» внешней политики Японии. Так, Роберт Смит доказывал, что Япо-

¹⁰⁷ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49436.

¹⁰⁸ Joseph C. Grew, *Ten years in Japan*, p. 341—342.

¹⁰⁹ «Japan chronicle», 1940, 10 October, p. 447.

ния потерпела дипломатическое поражение потому, что присоединение ее к тройственному блоку заставит Соединенные Штаты рано или поздно предпринять ответные действия. Наряду с этим он отмечал незначительную роль пакта трех держав в военном отношении¹¹⁰.

Утверждения Смита о том, что присоединение Японии к тройственному блоку означало ревизию внешнеполитического курса Японии, глубоко ошибочны. Японские империалисты предпочитали временно воздержаться от рискованной операции нападения на английские владения на Дальнем Востоке, поскольку эта операция в условиях военной неподготовленности повлекла бы войну против Англии и США. Как было указано выше, Япония хотела сохранить свободу действий и сама решать вопрос о том, когда произвести нападение, исходя при этом из обязательств, вытекавших из тройственного пакта и из своих интересов.

Весьма характерно, что после подписания тройственного пакта буржуазные общественные деятели стали призывать к активным действиям против Японии. Р. Смит в упомянутой статье утверждал, что притязания японских милитаристов на господство в Восточной Азии не смогут быть реализованы и в первую очередь потому, что политика Соединенных Штатов на Тихом океане больше не должна быть политикой умиротворения дальневосточного агрессора¹¹¹. В этом утверждении явно сквозило вынужденное признание банкротства политики попустительства дальневосточному агрессору, проводившейся правящими кругами Соединенных Штатов и Англии и обратившейся против ее инициаторов. Тем не менее, как мы увидим ниже, поиски путей к сговору с японскими империалистами продолжались, несмотря на то что японцы расширяли масштабы своей агрессии в районе Южных морей и тем самым наносили новые удары по позициям США и Англии. Правда, накануне и в особенности после заключения тройственного союза Соединенные Штаты предприняли ряд мер, ограничивавших вывоз в Японию предметов военного значения.

Однако американские монополии всячески стремились нарушить эти ограничения и продолжать снабжать Японию дефицитными военными материалами, тем самым помогая ей вооружаться и готовить новую войну.

¹¹⁰ Robert Aura Smith, *The Triple-axis pact...*, p. 127, 129. — Черчилль придерживался той же точки зрения. Выступая в парламенте 8 октября 1940 г., он заявил, что блок с Германией и Италией невыгоден для Японии, да и трудно представить, каким образом Япония будет получать помощь от своих западных союзников (см.: *The war speeches...*, vol. I, p. 275).

¹¹¹ Robert Aura Smith, *The Triple-axis pact...*, p. 132.

Глава III

РАСШИРЕНИЕ АГРЕССИИ ЯПОНИИ В ЮЖНОМ НАПРАВЛЕНИИ. СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ДО ВЕРОЛОМНОГО НАПАДЕНИЯ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ НА СССР. ПЕРВАЯ СТАДИЯ ЯПОНО- АМЕРИКАНСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ

Обострение конфликта между Таиландом и Индокитаем и «посредничество» Японии

Тройственный пакт был впоследствии использован в целях расширения мировой войны, форсированной подготовки нападения Японии на США и Англию и еще большего усиления агрессивного внешнеполитического курса японских империалистов.

Заключение тройственного союза сопровождалось завершением разработки планов японской экспансии в южном направлении.

На другой день после подписания пакта, 28 сентября 1940 г., японское правительство приняло «Программу внешней политики Японии», которая провозглашала целью «установление мира между Японией и Китаем» и создание «сферы процветания Восточной Азии» в составе Индокитая, Индонезии, Малайи, Таиланда, Филиппин, Британского Борнео и Бирмы, причем ядром этой «сферы» должны были явиться Япония, Маньчжоу-го и Китай¹. Естественно, что эта программа не могла не натолкнуться на сопротивление главного тихоокеанского империалистического соперника Японии — Соединенных Штатов, которые не хотели уступить своих колониальных владений и сфер влияния и отказаться от одного из важнейших источников извлечения высоких прибылей. Это отчетливо понимали японские империалисты, ускорившие после подписания тройственного пакта подготовку к войне на Тихом океане. Угрозы в адрес Соединенных Штатов сочетались с расширением японской агрессии в Индокитае и сознательным обострением конфликта между Индокитаем и Таиландом, который был спровоцирован японскими империалистами.

4 октября 1940 г. японское правительство объявило «Проект плана действий в отношении южных районов». Этот проект предусматривал, в частности, оккупацию Малайи с Синга-

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49297.

пуром и Индонезии; предложение посредничества Японии в прекращении европейской войны, которое должно было компенсироваться признанием Англией японской «сферы процветания»; заключение Японией пакта о ненападении с США, которые также должны были признать «сферу процветания» в Восточной Азии, за что Япония соглашалась уважать независимость Филиппин; успешное завершение войны в Китае².

Учитывая политику попустительства агрессии, проводимую западными империалистическими державами, японские империалисты намеревались добиться от них признания «сферы процветания» в широких границах.

Японская дипломатия стремилась реализовать намеченную после подписания тройственного пакта внешнеполитическую программу усиления экспансии в южном направлении. С этой целью были осуществлены различные демарши, носившие явно наступательный характер. 17 февраля 1941 г. Мацуока направил Идену ноту, содержащую в осторожной форме предложение о посредничестве. Однако 24 февраля английское правительство отклонило предложение Японии³. Через три дня Мацуока направил послание Черчиллю, в котором выразил притворное удивление по поводу того, что его нота Идену воспринята как предложение о посредничестве. Вместе с тем Мацуока дал понять, что он разделяет эту идею и что при определенных условиях в будущем Япония может выступить в роли посредника в англо-германской войне⁴.

Выдвигая предложение о посредничестве, японские империалисты исходили при этом вовсе не из интересов Германии, а из своих собственных.

Заключение тройственного пакта оказало определенное влияние на дальневосточную политику Англии и США. С момента возникновения второй мировой войны правящие круги англо-саксонских держав оказывали Японии лишь робкое, подчас формальное сопротивление. Они надеялись, что японская агрессия усилится в «северном» направлении, в районах, близко расположенных от Советского Союза, и неизбежно приведет к японо-советской войне. Политика попустительства захватническим действиям японских империалистов, проводившаяся правящими кругами Англии и США, имела цель направить агрессию Японии на Советский Союз и на антисоветской, а также на антикитайской основе достичь очередного компромиссного соглашения.

Оккупация Индокитая и подписание тройственного пакта показали, что все эти расчеты были построены на непрочной

² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49411—49412; ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 888—889; см. также: Joseph W. Ballantine, *Mukden to Pearl Harbor. The foreign policies of Japan* («Foreign affairs», vol. XXVII, 1949, № 4), p. 659.

³ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49439.

⁴ Там же, стр. 49440—49441.

основе. Японские империалисты использовали антисоветские и антикоммунистические тенденции в политике своих соперников и, учитывая большой риск новой антисоветской авантюры, решились наступать по линии наименьшего сопротивления — в южном направлении. Поскольку японская агрессия стала непосредственно угрожать английским и американским владениям в районе Южных морей, правящие круги Англии и США несколько усилили противодействие мероприятиям Японии, одновременно продолжая попытки найти пути к компромиссу.

Однако японские империалисты, заключив тройственный пакт и не встретив эффективного сопротивления своей экспансионистской политике, решили приступить к осуществлению плана широкой агрессии против Соединенных Штатов и Англии. На этом настаивали наиболее реакционные круги японской монополистической буржуазии, спешившие использовать благоприятную обстановку, чтобы создать плацдармы, необходимые для нанесения решающего удара своим тихоокеанским соперникам и конкурентам. Один из руководителей военно-морского флота, адмирал Такахаси Санкити, говорил: «Япония не может приостановить свой натиск в южном направлении. У нас нет другого выбора, как броситься в самый центр урагана. Это наш последний шанс продвинуться в южном направлении»⁵.

Планы расширения агрессии в южном направлении были конкретизированы еще во время переговоров о тройственном пакте. Первоочередными объектами по-прежнему оставались Индокитай и Индонезия.

8 октября 1940 г. главные японские силы вступили в Ханой. К этому времени численность японских войск в Индокитае достигла 36 тыс. человек. Вслед за отправкой нового контингента войск в Индокитай прибыла экономическая миссия во главе с Мацумия якомбы для подписания торгового договора. В результате переговоров этой миссии с местными военными властями 31 октября было достигнуто соглашение о транзите японских вооруженных сил по индокитайским железным дорогам и о поставках сырья в Японию.

Тем временем конфликт между Индокитаем и Таиландом продолжал обостряться. Пограничные инциденты перерастали в крупные столкновения. 29 ноября 1940 г. войска Таиланда вторглись на территорию Индокитая, а с начала декабря развернулись военные действия между тайландскими и французскими войсками.

В создавшихся условиях Япония предложила обеим сторонам свое «посредничество» в разрешении конфликта, ею же спровоцированного. 20 декабря по приглашению японских «посредников» в Токио прибыли представители правительства Виши и Индокитая для ведения переговоров. Однако и это не

⁵ «Japan chronicle», 1940, 7 November, p. 589—590.

привело к прекращению военных действий. Более того, в начале января 1941 г. тайландские войска вторглись в северную часть Камбоджи, а к 13 января оккупировали значительную часть приграничной территории.

В условиях «малой войны», начавшейся между Таиландом и Индокитаем, последовало новое посредническое предложение Японии. Оно обосновывалось необходимостью создания «сферы сотрудничества» Восточной Азии под главенством Японии, «сферы», в которой каждое государство должно найти свое «надлежащее место».

25 января 1941 г. обе стороны согласились принять предложение Японии. 29—30 января на борту японского крейсера «Нагоя», прибывшего в Сайгон, происходили переговоры между делегатами Индокитая и Таиланда при участии японских «посредников». Во время переговоров, 30 января, в Токио было созвано совещание «Комитета по координации действий», принявшее решение о посредничестве в пограничном споре между Индокитаем и Таиландом для укрепления позиций Японии и расширения экспансии в южном направлении. Кроме того, комитет решил обратиться с просьбой к германскому правительству помешать концентрации французских войск в Индокитае, чтобы облегчить осуществление «посреднической миссии» Японии⁶. Гитлеровская Германия оказала помощь своему японскому союзнику: правительству Виши было запрещено посылать в Индокитай подкрепления⁷.

В результате японского «посредничества» и нажима Германии власти Индокитая 31 января 1941 г. подписали соглашение о перемирии. Оно предусматривало прекращение военных действий на границе и установление двенадцатимильной зоны между позициями войск Индокитая и Таиланда до завершения мирных переговоров в Токио.

Посредничество Японии позволило ей усилить свои позиции в Индокитае. 2 февраля 1941 г. Япония добилась нового соглашения, предоставившего ей монопольное право на закупку риса, каучука и угля в Индокитае и на эксплуатацию минеральных и других ресурсов французской колонии. Это соглашение предусматривало размещение японских гарнизонов на границе Китая и Индокитая. Японии предоставлялись индокитайские авиабазы и разрешалось строительство новых. Она приобретала также важную военно-морскую базу в Камране и концессию в Сайгоне.

5 февраля в Токио прибыла делегация Таиланда для ведения переговоров с Индокитаем. Началу токийских переговоров предшествовало прибытие японских военных кораблей в Таиланд и увеличение численности японских войск в Индокитае.

⁶ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49480.

⁷ Там же.

Поскольку, однако, переговоры на начальном этапе не дали определенных результатов, перемирие между Таиландом и Индокитаем было продлено. 7 марта было опубликовано коммюнике, подписанное Японией, Францией и Таиландом, сообщавшее о достижении предварительного соглашения по поводу урегулирования конфликта. Вслед за этим, 11 марта, представители Таиланда и Индокитая парафировали предварительное соглашение, по условиям которого Таиланд получил территорию западнее Меконга площадью в 30 тыс. кв. км с населением в 1 млн. человек. Япония со своей стороны гарантировала выполнение данного соглашения, а также свое «посредничество» в случае возникновения любых конфликтов между Таиландом и Индокитаем⁸.

Соглашение между Таиландом и Индокитаем не могло быть прочным, поскольку оно заключалось на империалистической основе. Как только стороны приступили к его осуществлению, сразу же возникли разногласия, которые помешали заключению мирного договора. Поэтому 15 апреля 1940 г. в Бангкоке объявили, что подписание его отложено на неопределенное время.

Мирный договор между Индокитаем и Таиландом был наконец подписан 9 мая 1941 г. в Токио. В дополнение к предварительному соглашению он предусматривал передачу Таиланду не только большей части Камбоджи, но и округов Пак-Лай и Бассак с условием демилитаризации этих территорий. Согласно этому договору Япония закрепляла за собой «право» посредничества. Статья 10 договора гласила: «Любые возможные недоразумения между двумя державами относительно толкования и применения условий настоящей конвенции должны быть разрешены в дружественном духе путем дипломатических переговоров. Если вопрос не может быть таким путем разрешен, его необходимо передать на рассмотрение японского правительства, выполняющего функции посредника»⁹.

Тем самым японские империалисты сохраняли за собой возможность под предлогом «посредничества» вмешиваться во внутренние дела Таиланда и Индокитая в своих агрессивных целях.

Одновременно с подписанием договора от 9 мая между Японией и Таиландом и Японией и Францией были подписаны протоколы о гарантии и о «политическом взаимопонимании». Согласно японо-французскому протоколу Япония гарантирова-

⁸ John R. Andrus and Katrine K. C. Greene, *Recent developments in Indo-China 1939—1943* (supplement to the Charles Robequain, *The economic development of French Indo-China*, London—New York—Toronto, 1944, p. 366; см. также: 世界情勢と躍進日本外交史, 東京, 一九四一年, 93頁 (далее — «Сэкай дзёсэй...»).

⁹ «Viet-Nam's fight against fascism (1940—1945)», Viet-Nam delegation in France. Information service, Paris, 1948, p. 40.

ла окончательное разрешение спора на основании подписанного соглашения. Франция со своей стороны обязалась установить дружественные и добрососедские отношения между Японией и Индокитаем и от имени последнего дала гарантии, что Индокитай не подпишет в будущем каких-либо соглашений, направленных прямо или косвенно против Японии.

Помимо указанных соглашений, был подписан протокол о гарантии и политическом взаимопонимании между Японией и Индокитаем, а также две конвенции: 1) о статуте резидентов и правилах навигации и 2) о тарифах, торговле и платежах¹⁰. Одна конвенция предусматривала преимущественные права японских подданных в таких вопросах, как въезд в Индокитай, расселение, приобретение и владение движимой и недвижимой собственностью, торговля и промышленная деятельность. Вторая устанавливала возможность участия японских капиталов в различных отраслях хозяйства Индокитая. Все коммерческие платежи должны были отныне производиться в иенах и иастрах через японский «Июкогама спэши банк» и Индокитайский банк.

Однако и эти конвенции не удовлетворили японских империалистов, намеревавшихся полностью захватить в свои руки Индокитай. Осуществить эти замыслы удалось позднее, когда создалась более благоприятная обстановка. Спровоцированный конфликт между Таиландом и Индокитаем создал условия для вторжения Японии в эти страны в недалеком будущем.

Поражения японских войск в Китае. Новое соглашение Японии с «правительством» Ван Цзин-вэя от 30 ноября 1940 г.

Успехи японских империалистов в Индокитае и Таиланде не могли в полной мере обеспечить осуществление их агрессивных планов. По-прежнему самым серьезным препятствием являлось мужественное сопротивление великого китайского народа, который, вопреки усилиям открытых и скрытых капитулянтов и «дальневосточных мюнхенцев», под руководством коммунистической партии продолжал борьбу за национальную независимость. Под нажимом наиболее агрессивных группировок японских монополистов правительство Коноэ решило принять новые меры к скорейшей ликвидации «китайского инцидента» как военным, так и дипломатическим путем.

В июле—сентябре 1940 г. вновь были предприняты попытки добиться перелома на фронтах военных действий, но они не дали положительных результатов.

¹⁰ Конвенции подписали: с японской стороны Мацуока и Мацумия, с французской — посол в Токио Анри Арсен и глава французской делегации по переговорам Робен Рене.

Поражения японских войск, еще раз продемонстрировавшие неспособность империалистической Японии покончить с затянувшейся войной, заставили японских империалистов принять меры, рассчитанные на закрепление своих позиций в оккупированных районах Китая. В начале октября были введены новые ограничения экспорта из Северного Китая, предусматривавшие обязательное разрешение военных властей на вывоз любых товаров и право японцев в любой момент инспектировать китайские предприятия и склады. Одновременно Япония полностью монополизировала торговлю нефтепродуктами в оккупированных районах Центрального Китая. Ввиду возрастающего сопротивления китайского народа новые военные операции японцев не привели и не могли привести к окончанию войны в Китае. Поэтому правительство Коноэ попыталось установить связи со скрытыми капитулянтами, чтобы добиться заключения компромиссного мира. Вскоре после образования второго кабинета Коноэ Мацуока предпринял некоторые шаги с целью достичь соглашения с правительством Чая Кай-ши, в связи с чем было решено временно отсрочить заключение договора с нанкинским «правительством» Ван Цзин-вэя. В Гонконг были направлены советники министерства иностранных дел Тадзири и Мацумото, которым поручалось установить контакт с так называемым чунцинским правительством. Однако эта миссия закончилась неудачей¹¹. Не дали желаемых результатов и попытки другого представителя Японии, Кагэса, предпринятые им в Чунцине¹².

Поскольку, как было указано выше, Коноэ рассматривал военный конфликт в Китае как препятствие для осуществления новых актов агрессии в южном направлении, его кабинет продолжал искать пути разрешения «китайского инцидента». Было решено просить своих партнеров по тройственному пакту, а также Индокитай взять на себя миссию посредничества при подписании мира с Китаем. 4 ноября 1940 г. послы Германии, Италии и правительства Виши обратились к китайскому правительству с предложением заключить мир с Японией. Но этот демарш в Чунцине закончился безрезультатно. Отрицательный ответ китайского правительства, вынужденного учитывать настроение широких масс китайского народа, был подкреплен наступлением китайских войск в районе шоссе Нанкин — Ханьчжоу. Тем не менее японские империалисты продолжали свои дипломатические маневры. Придавая большое значение «правительству» Ван Цзин-вэя в разрешении «китайского инцидента», японский кабинет назначил «послом» при этом правительстве бывшего премьер-министра Абэ Нобуюки. Вслед за этим 30 ноября 1940 г. Абэ и Ван Цзин-вэем был подписан «Договор

¹¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 30913.

¹² Там же, стр. 24002.

об основных взаимоотношениях между Японией и Китаем»¹³. Этой дипломатической «победой» Япония стремилась укрепить свои позиции в Китае. Формально договор имел в виду сотрудничество обеих договаривающихся сторон в политической, экономической и культурной областях. Однако главное заключалось в том, что Япония получала право разместить свои военно-морские силы в определенных пунктах Китая. Под предлогом «поддержания мира и порядка» японские вооруженные силы, находившиеся в Китае, оставались здесь на неопределенный срок, причем условия их эвакуации подлежали определению лишь «в будущем».

Договор от 30 ноября 1940 г. являлся кабальным соглашением, новым актом предательства кликой Ван Цзин-вэй национальных интересов Китая; под маской «сотрудничества» и определения взаимоотношений между двумя государствами Япония закрепляла право неограниченного экономического контроля, фактически уже установленное ею в оккупированных районах Китая. Договор юридически оформлял зависимость марионеточного правительства Ван Цзин-вэй от Японии в вопросах внешней и внутренней политики и предусматривал включение его в совместную с Японией борьбу «против коммунизма».

К официальному договору прилагались два секретных соглашения и дополнительный протокол. В первом соглашении говорилось о совместных дипломатических действиях обеих сторон и о согласии «центрального» правительства Ван Цзин-вэй предоставить японским войскам все виды коммуникаций, находящихся в районе расположения вооруженных сил. Второе секретное соглашение разрешало японским кораблям «свободно входить в порты, принадлежащие Республике и становиться в них на якорь». Кроме того, в нем говорилось: «Правительство Ван Цзин-вэй согласилось сотрудничать в деле планирования разработки и использования специальных ресурсов, в особенности стратегических ресурсов, необходимых для национальной обороны и находящихся в Амое, на острове Хайнань и соседних островах для того, чтобы способствовать удовлетворению стратегических потребностей Японии»¹⁴.

В дополнительном протоколе сроки эвакуации японских войск из Китая после окончания войны определялись в два года. В течение этого времени Японии разрешалось предпринимать «любые шаги к достижению своих военных целей». В качестве компенсации Япония соглашалась отказаться от экстре-

¹³ 太平洋戦争史, 歴史学研究会, 東京, 一九五二年, 第三卷, 268—269頁, (далее — «Тайхэйэй сэисоси...»); 清澤例, 現代日本文明史, 第三卷, 外交史, 東京, 一九四一年, 563—564頁 (далее Киёдзава Киёси, *Нихон гайкоси...*).

¹⁴ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49300.— Текст дополнительного соглашения к договору Абэ — Ван Цзин-вэй см.: Киёдзава Киёси, *Нихон гайкоси*, стр. 564—565.

риториальных прав в Китае и передать свои концессии «правительству» Ван Цзин-вэй. Протокол предусматривал тесное экономическое сотрудничество, в особенности в развитии торговли в нижнем бассейне реки Янцзы, а также компенсацию «ущербов», нанесенного в связи с событиями в Китае правам и интересам японских граждан в этой стране со времени возникновения «китайского инцидента».

В особом письме на имя Абэ Ван Цзин-вэй обещал оказывать Японии всестороннюю поддержку в проведении военных операций в Китае до их полного победоносного завершения¹⁵.

30 ноября была опубликована также «совместная декларация правительств Японии, Маньчжоуго и Китая», в которой говорилось о взаимном уважении суверенитета и сохранении территориальной целостности каждой из сторон. Декларация предусматривала принятие необходимых мер для осуществления тремя государствами сотрудничества, в первую очередь экономического, и установление дружественных добрососедских отношений в целях «совместной обороны» против коммунизма¹⁶.

Образование «правительства» Ван Цзин-вэй и подписание упомянутых соглашений вызвали возмущение китайского народа. Желая скрыть свои тайные маневры, рассчитанные на заключение компромиссного мира с Японией, правительство Чан Кай-ши 1 декабря 1940 г. объявило документы, подписанные Ван Цзин-вэй, незаконными, а самого Ван Цзин-вэй — предателем¹⁷. Следует добавить, что и местные власти Уханя присоединились к этому заявлению. Вместе с тем эти соглашения вызвали большие трения среди созданных японцами марионеточных властей, так как и бэйпинское «правительство» претендовало на превращение его в «центральное».

Таким образом, внешнеполитические и внутривнутриполитические соображения, а также неудачные наступательные операции в Китае заставили японских империалистов ускорить создание «центрального» правительства Ван Цзин-вэй и заключение с ним основного договора и дополнительных соглашений.

Однако соглашения с Ван Цзин-вэй свидетельствовали не о силе японского империализма, а о его слабости. Они были вызваны тем, что японским войскам не удалось лобовым ударом при помощи нового военного наступления сломить героический китайский народ, который к началу второй мировой войны, как указывал Мао Цзэ-дун, перешел от первого этапа — стратегического отступления — ко второму этапу — этапу стра-

¹⁵ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49300—49301.

¹⁶ Там же, стр. 49301.— Текст декларации см.: «Тайхэйэй сэисоси...», т. III, стр. 270; 井上一次, 大東亞共榮圏の北方經論, 大阪, 一九四二年, 62—63頁 (далее — Иноуэ Итидзи, *Дайтоа кэйэйкэн...*).

¹⁷ F. C. Jones, *Japan's new order in East Asia. Its rise and fall 1937—45*, London — New York — Toronto, 1954, p. 208.

тегического равновесия сил, одновременно являющемуся и подготовкой к контрнаступлению¹⁸.

Японские империалисты попытались использовать соглашение с Ван Цзин-вэем для усиления своих позиций в Китае и завершения затянувшейся войны.

11 декабря 1940 г. Абэ получил указание о необходимости содействовать укреплению положения нанкинского «национального» правительства. Кроме того, посол был информирован о том, что, учитывая затяжной характер войны в Китае, его правительство намерено принять меры для обеспечения победоносного исхода этой войны.

После подписания договора с Ван Цзин-вэем японские империалисты решили продолжить наступательные операции в Китае. Сосредоточив в районе Кантона около 80 тыс. солдат, они в первых числах января 1941 г. начали крупное наступление в провинции Гуандун. Большое значение придавалось действиям военно-морского флота, в особенности блокаде китайского побережья. По приказу главнокомандующего японским флотом в китайских водах в конце марта блокада была распространена на побережье Южного Китая. «Военное наступление японского империализма, преследовавшее цель силой принудить Чан Кай-ши к капитуляции, — говорилось в директиве ЦК КПК от 25 мая 1941 г., написанной Мао Цзэ-дуном, — в настоящее время прекратилось; за этим, несомненно, последуют попытки добиться капитуляции при помощи посулов. Это — повторение старой политики врага: сначала ударить, потом приласкать, вновь ударить и вновь приласкать»¹⁹.

Однако и это наступление в Южном Китае не дало ожидаемых результатов.

Рассматривая национально-революционные армии Китая как своего главного врага, японские империалисты вновь сделали попытку использовать гоминдановских реакционеров для разгрома демократических сил. Крупной провокацией явилось предательское разоружение войсками реакционного гоминдановского генерала Гу Чжу-туна совместно с японскими интервентами Новой 4-й армии Китая в январе 1941 г. Агентство Домэй цусин в своем сообщении из Нанкина подтверждало факт взаимодействия японских и гоминдановских сил. Это означало, что японские империалисты согласовывали с преступной кликой Чан Кай-ши — Хэ Ин-циня планы совместных военных операций против народно-революционных сил, успешные действия которых являлись главным препятствием на пути завоевания японскими империалистами всего Китая.

¹⁸ Мао Цзэ-дун, *Беседа с корреспондентом «Синьхуажибэо» о современной международной обстановке (1 сентября 1939 года)* [Избранные произведения, т. 3], стр. 62.

¹⁹ Мао Цзэ-дун, *Разоблачать интриги организаторов «дальневосточного Мюнхена»* (Избранные произведения, т. 4), стр. 39.

Скрытые предатели национальных интересов Китая — клика Чан Кай-ши — рассматривали ликвидацию 4-й армии не только в плане военного разгрома опорной базы демократических сил в Центральном Китае, но связывали эту операцию с возможностью заключить с Японией капитулянтский мир.

Наряду с этим гоминдановские реакционеры намеревались также заключить сделку с Японией при посредничестве Соединенных Штатов, правящие круги которых усилили поиски средств для разрешения китайской проблемы на базе политики «дальневосточного Мюнхена»²⁰.

Политические маневры японских империалистов в Китае, новые дипломатические «победы», подобные соглашениям с «центральным» правительством Ван Цзин-вэя, не укрепили позиции Японии и ее агентуры в Китае и не приблизили завершения китайско-японской войны. «Китайский инцидент» по-прежнему оставался тяжелым грузом для японских империалистов, подготовлявших новые акты агрессии и не желавших отказаться от плана победоносного завершения войны в Китае и построения колониального «нового порядка» в Восточной Азии²¹.

Обострение японо-английских империалистических противоречий

Вторжение японских империалистов в Индокитай, заключение тройственного пакта и подписание соглашений между Абэ и Ван Цзин-вэем значительно обострили межимпериалистические, в частности японо-английские противоречия.

Японские империалисты, воспользовавшись капитуляцией Франции, усилили наступление на позиции своего английского соперника на Дальнем Востоке. Поводом к этому послужила помощь, оказываемая ими китайскому правительству через Бирму и Гонконг. 24 июня 1940 г. заместитель министра иностранных дел Тани Масаюки вручил Крейги требование немедленно прекратить транзит военных материалов через Бирму и Гонконг. Японское правительство настаивало на установлении контроля над дорогой, ведущей в Китай, закрытии английских фирм в международном селтльменте Шанхая и отозвании оттуда английских вооруженных сил. В надежде на новый компромисс 17 июля английское правительство подписало с Японией соглашение о закрытии дороги Бирма — Китай²². Оно преду-

²⁰ Г. Ефимов, *Очерки по новой и новейшей истории Китая*, М., 1951, стр. 370.

²¹ Коноэ в январе 1941 г. заявил, что, принимая ответственность за превращение войны в Китае в затяжную, он торжественно обещает довести эту войну до победы (см.: Hallet Abend, *Japan unmasked*, New York, 1941, p. 181).

²² H. Quigley, *Far Eastern war 1937—1941*, New York, 1942, p. 239—240; «Documents on American foreign relations», vol. III, July, 1940—June 1941, Boston, 1941, p. 270—271.

считавало запрещение транзита через Бирму военных материалов, а также материалов для строительства железных дорог на трехмесячный срок с 18 июля 1940 г., то есть на период дождливого сезона, когда движение по дороге фактически невозможно.

В заявлении, сделанном 18 июля в палате общин, Черчилль признал, что решение о закрытии дороги Бирма — Китай было принято по настоянию Японии²³. Английский премьер сообщил также, что запрещение ввоза определенных товаров в Бирму распространяется и на Гонконг.

Заявление Черчилля отражало старые мюнхенские тенденции английских консерваторов, стремившихся достигнуть соглашения с японскими империалистами за счет интересов Китая. Желая оправдать антикитайские действия правительства, 8 октября 1940 г. Черчилль отметил, что, принимая японское требование о закрытии дороги Бирма — Китай, английское правительство руководствовалось желанием дать возможность Японии и Китаю достичь того, что на дипломатическом языке называется «правильным и справедливым разрешением вопроса». Однако, подчеркнул с притворным сожалением Черчилль, такого разрешения достичь не удалось и, более того, борьба Японии за подчинение Китая значительно усилилась²⁴.

Англо-японское соглашение от 17 июля 1940 г. явилось еще одним проявлением враждебной политики английских империалистов по отношению к Китаю, подвергнутому блокаде. Оно представляло новый акт английской политики попустительства агрессору.

Соглашение вызвало справедливый протест Китая. Тем не менее правительство Черчилля, стремясь ускорить сговор с Японией, санкционировало также отзыв своих войск из Шанхая и Северного Китая.

Однако японские империалисты не удовлетворились новыми уступками своих английских соперников и стали искать повода для дальнейшего наступления. Таким поводом послужило «дело Кокса»²⁵, за которым последовали многочисленные аресты английских подданных в Японии.

«Дело Кокса» и аресты англичан, проживавших в Японии, вызвали отрицательную реакцию в Англии. Английский банк отказался учитывать японские счета и наложил запрет на кре-

²³ «Documents on American foreign relations», vol. III, p. 271—272.

²⁴ «The war speeches of the Rt. Hon. Winston S. Churchill», vol. I, London, 1951, p. 275.

²⁵ «Дело Кокса» заключалось в следующем. В конце июля 1940 г. японцы обвинили корреспондента агентства Рейтер Кокса в шпионаже и арестовали его. Во время допроса в токийском штабе военной полиции Кокс выбросился из окна третьего этажа и разбился насмерть. Обыск в его квартире, проведенный японской полицией, якобы обнаружил секретные данные относительно японской армии и флота.

диты японским банкам. В Бирме и Гонконге были арестованы видные японские промышленники.

В свою очередь мероприятия Англии способствовали разрыву антианглийской кампании в Японии. Японская буржуазная пресса писала о «низкой британской мести» и требовала разрыва дипломатических отношений с Англией. Кульминационным пунктом упомянутой кампании явился антианглийский митинг, созданный 12 августа 1940 г. в парке Хибия «Антибританской лигой».

Стремясь сохранить свои позиции и отвести удар Японии, английские империалисты попытались установить совместный англо-американский фронт. 2 сентября 1940 г. состоялось подписание англо-американского соглашения, по которому Соединенные Штаты в обмен на 50 эсминцев приобрели несколько английских военно-морских и военно-воздушных баз в западном полушарии. 5 октября был заключен новый англо-американский договор об объединенных действиях на Тихом океане. В связи с тем, что истекал срок соглашения о временном закрытии дороги Бирма—Китай, английское правительство 8 октября 1940 г. известило Японию об открытии дороги с 18 октября. Японские империалисты ответили демонстративными бомбардировками Бирмано-Китайской дороги. 8 октября части японского военно-морского флота высадили десант на острове Лючун, у северного побережья Шаньдунского полуострова.

Английское правительство приняло ряд контрмер. В середине ноября был учрежден пост главнокомандующего английскими вооруженными силами на Дальнем Востоке, на который был назначен маршал авиации Роберт Бруклопэм. После того как 30 ноября японские правящие круги подписали соглашение с Ван Цзин-вэем, 1 декабря английское правительство заявило о том, что оно будет и впредь признавать лишь «национальное» правительство Китая, а 10 декабря, вслед за Соединенными Штатами, предоставило ему заем в сумме 10 млн. ф. ст. Кроме того, в английских доминионах было введено эмбарго на вывоз железного лома и олова в Японию. С начала 1941 г. в связи с дальнейшим обострением японо-английских отношений Англия предприняла дополнительные военные меры по защите своих тихоокеанских владений. 16 февраля был минирован Сингапурский пролив, 19 февраля в Сингапурский порт прибыло большое количество австралийских войск. Возросла и численность английской авиации на Дальнем Востоке.

Однако мероприятия правительства Черчилля не предусматривали решительного противодействия японскому агрессору, а имели цель обмануть английское общественное мнение и путем некоторого нажима на Японию ускорить очередной англо-японский сговор за счет свободолюбивых народов, в первую очередь китайского народа, на основе принципов «дальневосточного Мюнхена».

Подготовка Японией захвата Индонезии и усиление межимпериалистической борьбы за Индонезию

Как было указано выше, японские империалисты намеревались вслед за Индокитаем сделать очередным объектом агрессии Индонезию.

Причина экспансии японских империалистов в Индонезию заключалась в том, что эта колония являлась крупнейшим в мире источником военно-стратегического сырья: каучука, олова, нефти и т. д.

В 1939 г. Индонезия дала 35,4% всей мировой добычи каучука, заняв после Малайи второе место в мире (в 1938 г. было добыто 302,4 тыс. т, в 1941 г. — 378 тыс. т)²⁶. Такое же место занимала она и по добыче олова — в Индонезии добывалось ежегодно 28—30 тыс. т оловянной руды, что составляло 17% мировой добычи²⁷. Большое значение имела нефть, среднегодовая добыча в 1939—1941 гг. достигала почти 8 млн. т²⁸.

Кроме того, Индонезия являлась крупнейшим производителем и экспортером перца, хинина, табака, копры, пальмового масла, растительного волокна, чая и других ценных товаров²⁹.

Общая сумма иностранных инвестиций в Индонезии к началу 1939 г. исчислялась примерно в 3,5 млрд. голландских гульденов (1755 млн. долл.)³⁰. Инвестиции Соединенных Штатов составляли 378 млн. гульденов, инвестиции Англии — 204 млн. гульденов. Японские капиталовложения едва достигали 23 475 тыс. долл. Наибольший интерес японские компании проявляли к нефти. Старейший концерн Мицуи и компания «Ниппон» имели на острове Борнео нефтяные концессии. Другие японские монополии являлись обладателями крупнейших каучуковых плантаций, занимавших почти 160 тыс. га. Япония усиленно проникала в лесное хозяйство Индонезии и рассчитывала овладеть различными ископаемыми — бокситами, никелем. Японские промышленники получили рыболовную концессию на острове Целебес. Была образована полуправительственная «Компания по эксплуатации Южных морей», которая сумела закрепить за Японией важные экономические позиции в Индонезии.

К 1939 г. во внешней торговле Индонезии Япония заняла третье место. Если в 1939 г. экспорт товаров из Индонезии в

²⁶ Jack Chen, *Japan and the Pacific theatre of war*, London, 1942, p. 75.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid., p. 75. — 4,5 млн. т нефти добывали на Суматре, 2 млн. т — на Борнео и 1 млн. т — на Яве.

²⁹ Jack Chen, *Japan and the Pacific theatre of war*, p. 75.

³⁰ «Far Eastern survey», 1940, 17 January, p. 13.

Японию составлял 24,5 млн. гульденов, то в 1940 г. эта сумма достигла уже 48 млн. гульденов³¹.

Помимо богатых сырьевых запасов, Индонезия, расположенная в центре владений империалистических держав на Тихом океане, имела и огромное стратегическое значение. Именно поэтому, учитывая незавершенность подготовки Японии к войне со своим тихоокеанским соперником, в апреле 1940 г. императорская ставка приняла решение об установлении прежде всего тесных экономических связей с Индонезией.

Вторжение гитлеровских войск на территорию Голландии послужило сигналом для активизации действий японских империалистов, которые, не считаясь с планами своего союзника, стали проявлять повышенный интерес к богатой голландской колонии. 15 апреля 1940 г. министр иностранных дел Арита следующим образом определил позицию Японии в отношении Индонезии. «Япония, — заявил Арита, — экономически связана с районом Южных морей, в особенности с Индонезией... Если военные действия в Европе распространятся на Индонезию и окажут там свое влияние, то это... создаст нежелательную ситуацию с точки зрения сохранения мира и стабильности в Восточной Азии»³².

Вслед за этой декларацией Арита сделал 11 мая 1940 г. новое заявление, в котором предупредил, что правительство Японии будет пристально следить за всеми изменениями в Индонезии, которые могут возникнуть в результате расширения масштабов войны в Европе. Одновременно он сделал представление послам Англии и Франции о том, что Япония считает себя особо заинтересованной в разрешении вопроса о судьбе голландской колонии.

Декларации Арита от 15 апреля и 11 мая 1940 г. свидетельствовали о стремлении японских империалистов воспользоваться событиями на европейском театре второй мировой войны, связанными с вторжением войск гитлеровской Германии на территорию Бельгии, Голландии, а затем и Франции. «Глубокая заинтересованность» Японии являлась по существу претензией империалистического хищника, который под маской «сохранения мира и стабильности в Восточной Азии» готовился захватить Индонезию и превратить ее в источник пополнения стратегических ресурсов, в удобный плацдарм для дальнейшей агрессии на Тихом океане.

Японская буржуазная печать предупреждала о том, что

³¹ Jan O. M. Broeck, *Economic development of the Netherlands Indies*, New York, 1942, p. 113. — Япония вывозила в Индонезию хлопчатобумажные ткани, цемент, удобрения и краски. Предметами ее импорта являлись нефть, каучук, олово, бокситы, металлолом, лес, манис, соль.

³² M. Azis, *Japan colonialism and Indonesia*, Hague, 1955, p. 108; см также: «Documents on American foreign relations July 1939 — June 1940», vol. II, Boston, 1940, p. 305.

любые изменения статус-кво в Индонезии, сделанные без согласия Японии, вызовут с ее стороны соответствующие контрмеры и решительный пересмотр ранее принятой политики невмешательства. Эти угрозы чаще всего адресовались Соединенным Штатам и Англии.

Еще большую нервозность японские империалисты стали проявлять после того, как Индонезия объявила войну Германии. Высадка 13 мая английских и французских моряков Голландской Восточной Индии вызвала у них опасение, что такие же события могут произойти и в Индонезии, а это означало бы, что богатейшие ресурсы голландской колонии перейдут в распоряжение Соединенных Штатов и Англии.

С этого момента японские империалисты пересматривают вопрос о сохранении статус-кво в Индонезии, рьяными сторонниками которого они выступали ранее.

Однако японские империалисты учитывали необходимость применения в отношении Индонезии иных, более гибких методов для осуществления своих империалистических целей. Это объяснялось тем, что правящие круги США и Англии претендовали на голландские колониальные владения на Тихом океане, а потому захват их Японией в тот момент мог бы вызвать преждевременный военный конфликт с тихоокеанскими соперниками, к которому японские империалисты еще не были готовы. Однако наиболее агрессивные политические и военные деятели выступали с требованием захватить Индонезию. Генерал Ямада и полковник Хасимото, адмиралы Накамура и Соса предлагали немедленно направить в Индонезию сильную военно-морскую эскадру, высадить десант и «временно» оккупировать страну. Газета «Токио нити-нити» в передовой статье предлагала произвести захват Индонезии, «даже если придется воевать с США из-за их вмешательства в действия Японии»³³.

Однако наиболее трезвые группы японских монополистов все же полагали, что пока еще не назрел момент для вооруженного захвата голландской колонии. Главное внимание на этом этапе (до подписания тройственного пакта) уделялось захвату важных экономических позиций. Эта тенденция проявилась вскоре после формирования второго кабинета Коноэ. 27 июля на совещании «Комитета по координации», на котором определялись основные принципы внешней политики в новых условиях, в целях получения необходимых стратегических материалов было решено активизировать действия в отношении Индонезии³⁴.

Незавершенность подготовки Японии к новой большой войне за американские и английские владения на Тихом океане

³³ «Токио нити-нити» (東京日日), 1940, 15 июля.

³⁴ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49459.

явилась главной причиной того, что японские империалисты стремились пока действовать более осторожно. Другая важная причина, объясняющая позицию Японии в отношении методов наступления на Индонезию, заключается в том, что японские империалисты рассчитывали, что их соперники будут продолжать проводить политику «дальневосточного Мюнхена» в вопросе об Индонезии и не откажутся снабжать Японию важнейшим дефицитным военно-стратегическим сырьем. Действительно, японские круги американских монополистов, для которых интересы бизнеса были превыше всего, по-прежнему стремились «умиротворить» своего японского соперника. Лучшим средством они считали снабжение Японии металлом и нефтью, в частности из Индонезии. В. Рут в своей книге «Секретная история войны» по этому поводу пишет: «В основе подобного отношения к Японии лежала теория, что Япония стремилась овладеть Индонезией из-за имеющихся там нефти и металлов и что если снабдить ее в достаточном количестве нефтью и металлами, то опасность захвата Индонезии уменьшится»³⁵. Иронизируя по поводу экономической политики западных держав, снабжавших Японию военно-стратегическим сырьем почти до начала тихоокеанской войны, Рут добавляет: «Однако еще никогда не случалось, чтобы государственный департамент регулярно выдавать взломщикам по пятидолларовой ассигнации»³⁶.

В целях реализации экономических задач, поставленных ранее правительственными органами, 26 августа министр торговли и промышленности Кобаяси был назначен главой специальной миссии, выехавшей для переговоров в Индонезию.

Переговоры между Кобаяси и представителями индонезийских властей происходили в Батавии в течение сентября — ноября 1940 г. В ходе переговоров, после заключения тройственного пакта, как показывают секретные документы министерства иностранных дел Японии, выявилось стремление японских империалистов выйти за рамки экономических переговоров и навязать Индонезии политическое соглашение, отдающее ее в руки Японии.

Однако миссии Кобаяси удалось добиться лишь экономического соглашения, которое было подписано 12 ноября 1940 г.³⁷ Оно предусматривало ежегодную закупку японскими

³⁵ Waverley Root, *The secret history of the war*, vol. II, New York, 1945, p. 276.

³⁶ Ibid.

³⁷ «Documents on American foreign relations», vol. III, p. 300; см. также: Bernard H. M. Vlecke, *The story of the Dutch East Indies*, Cambridge, 1946, p. 203. — Различные документы, касающиеся переговоров Кобаяси в Батавии (заявления японской и голландской делегаций, обмен письмами и нотами), см.: Dr. H. J. Van Mook, *The Netherlands Indies and Japan. Their relations, 1940—1941*, London, 1944, p. 42—66.

импортерами сырой нефти и нефтепродуктов в количестве 1,8 млн. т, что в два раза превышало обычные японские закупки за границей. Попытки Кобаяси добиться аннулирования индонезийскими властями договора с Англией, согласно которому весь высокосортный авиационный бензин экспортировался в Англию, не увенчались успехом. В то же время усиленно разрабатывались планы вторжения японских войск в Индонезию и даже репрессивные меры на случай разрушения нефтепромыслов властями колонии. Так, в документе министерства иностранных дел Японии, названном «Предварительный проект японской политики в отношении южных районов» и датированном 4 октября 1940 г., говорилось, что если какие-либо важные естественные ресурсы Индонезии будут уничтожены, то лица, имеющие отношение к этому делу, в том числе правительственные чиновники, будут жестоко наказаны³⁸.

Однако японские империалисты добивались не только монополии на покупку в Индонезии нефти и нефтепродуктов. После заключения тройственного пакта они стали выдвигать на первый план требования политического характера, сочетая их с новыми притязаниями на богатые ресурсы колонии. Важнейшим из них являлось требование признать Индонезию составной частью «сферы процветания» в Восточной Азии, которое, однако, не было принято. Отказ Индонезии объяснялся тем, что Соединенные Штаты и Англия опасались усиления своего соперника в условиях приближавшегося вооруженного конфликта на Тихом океане.

Не добившись включения Индонезии в «сферу процветания» Восточной Азии, японские империалисты с конца 1940 г. усилили дипломатическое наступление на Индонезию.

В конце 1940 г. в Батавию прибыла новая японская миссия во главе с Ёсидзава Ютака³⁹. Требования Ёсидзава сводились к следующему: ограничить вывоз товаров из Индонезии в Японию и импорт японских товаров в Индонезию, а также судоходство; все внешнеторговые операции производить на основе клиринга; предоставить Японии сельскохозяйственные концессии, неограниченные права на рыбную ловлю в водах Индонезии и участие в горной промышленности; Ёсидзава настаивал на установлении воздушной и телеграфной связи между Токио и Батавией; помимо того, он добивался разрешения на массовую иммиграцию японцев в Индонезию.

Наряду с экономическими требованиями, удовлетворение которых поставило бы голландскую колонию под контроль японских монополистов, Ёсидзава, как и его предшественник,

³⁸ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49631.

³⁹ О миссии Ёсидзава см.: «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49457—49472. — Различные документы, касающиеся переговоров Ёсидзава (меморандумы японской и голландской делегаций), см.: Dr. H. J. Van Mook, *The Netherlands Indies and Japan...*, p. 66—101.

пытался навязать Индонезии требование о включении ее в «сферу процветания» Восточной Азии.

Это требование было официально высказано министром иностранных дел Мацуока, который в речи на парламентской сессии 21 января 1941 г. заявил, что Индонезия также «находится в сфере процветания великой Восточной Азии»⁴⁰. Однако в ходе переговоров предложение Японии было вновь отклонено. Несмотря на это, японские империалисты продолжали оказывать давление на индонезийские власти, игнорируя голландское правительство, находившееся в то время в Лондоне. В ход были пущены угрозы разрешить неурегулированные вопросы силой. Это вызвало в середине февраля 1941 г. ответное заявление голландского посланника в Соединенных Штатах Лоудона о том, что Индонезия окажет вооруженное сопротивление любой державе, решившей произвести на нее нападение.

В результате решительного противодействия японским притязаниям Ёсидзава был вынужден отказаться от выдвинутых им политических требований и 20 февраля 1941 г. возобновил переговоры по экономическим вопросам.

Поддержка США и Англии позволила Индонезии занять не менее решительную позицию и в отношении японских притязаний по экономическим вопросам. 11 марта индонезийские власти установили квоты на экспорт сырья в Японию в довоенных размерах. Соединенные Штаты и Англия недвусмысленно дали понять Японии, что они заинтересованы не только в использовании индонезийских ресурсов, но и в осуществлении ряда мер для организации совместной англо-американо-голландской обороны в юго-западном секторе Тихого океана. В связи с этим 4 апреля в Маниле открылась конференция представителей Англии, Соединенных Штатов и Голландии. Дальнейшие попытки Японии добиться изменения позиции Индонезии продолжали наталкиваться на противодействие, которое так и не удалось сломить. 17 июня в Батавии было опубликовано коммюнике, подписанное делегациями Японии и Индонезии, о прекращении экономических переговоров⁴¹. На следующий день информбюро японского правительства опубликовало сообщение об экономических отношениях с Индонезией⁴², которое являлось вынужденным признанием провала миссии Ёсидзава и фальсификацией подлинных целей Японии в

⁴⁰ Harold G. Moulton and Louis Marlio, *The control of Germany and Japan*, Washington, 1944, p. 78. — Речь Мацуока см.: «Documents on American foreign relations», vol. III, p. 260—267.

⁴¹ «Documents on American foreign relations», vol. III, p. 300; О намерениях Японии превратить Индонезию в свое «жизненное пространство» см.: B. A. Ubani, O. K. Durrani and Mohd-Moein, *Indonesian struggle for independence*, Aundh, 1946, p. 104—105.

⁴² «Documents on American foreign relations», vol. III, p. 300—303.

этом вопросе. Попытку извратить действительную историю переговоров в Батавии сделал на Токийском процессе Ёсидзава, привлеченный в качестве свидетеля. В своем показании он заявил: «В течение всех переговоров японское правительство уважало суверенные права Голландии и занимало все время миролюбивую позицию, чтобы достичь соглашения, которое поможет осуществить экономическое сотрудничество между Японией и Голландской Восточной Индией»⁴³.

Таким образом, попытки японских империалистов методами экономической экспансии и дипломатического нажима захватить ключевые позиции в экономике Индонезии и добиться включения ее в восточноазиатскую «сферу процветания» не дали положительных результатов. Боязнь преждевременно вызвать войну на Тихом океане в условиях военной неподготовленности заставила Японию временно отступить.

В связи с проблемой Индонезии столкнулись также интересы Японии и Германии.

Вскоре после вторжения в Голландию и Бельгию, 22 мая 1940 г., Германия заявила о своей незаинтересованности в Голландской Индии⁴⁴. Тем самым Японии предоставлялась здесь свобода действий. Аналогичное заявление было повторено немецким послом в Токио в беседе с министром по делам колоний Коисо, состоявшейся вскоре после капитуляции Франции, 24 июня 1940 г. Отт подтвердил прежние заявления о том, что Германия не имеет интересов в Индонезии. Он высказал желание Германии, чтобы Япония при помощи угрозы нападения на Филиппины и Гавайи сковала действия Соединенных Штатов на Тихом океане⁴⁵. Это был явный намек на то, что Германия должна будет предоставить компенсацию Японии за ее действия, направленные против США.

Однако, хотя Германия не претендовала на превращение Индонезии в свою колонию, она все же хотела сохранить за собой право эксплуатации ее естественных богатств и получения прибылей от различных предприятий⁴⁶. Японские империалисты не могли не считаться с этими притязаниями своего союзника.

Во время переговоров с Риббентропом Осима заявил, что Япония готова действовать в качестве агента Германии по закупке военных материалов на Дальнем Востоке в целом и в Индонезии в частности, в обмен на поддержку Германией японского продвижения в южном направлении⁴⁷.

Индонезийская проблема вскрыла японо-германские империалистические противоречия между партнерами тройственного блока. Германия, признавая особую заинтересованность Японии в вопросе об Индонезии, не оказала ей какой-либо реальной помощи в достижении целей миссий Кобаяси и Ёсидзава. Гитлеровская клика сама претендовала на богатства Индонезии, но реально получить хотя бы некоторую часть их могла лишь через посредство Японии. Япония же считала пока преждевременным принять конкретные меры для оказания помощи Германии в войне против Англии.

Экономические мероприятия правительства Коноэ. «Новая экономическая структура». Обострение внутриполитической борьбы

Стремление японских империалистов после поражения Франции и подписания тройственного пакта развернуть в широких масштабах агрессию в южном направлении и обеспечить продолжение войны в Китае, а также подготовка войны против тихоокеанских соперников и Советского Союза вызвали новые чрезвычайные экономические и политические мероприятия.

Важнейшее значение для обеспечения войны по-прежнему имел закон «о всеобщей мобилизации нации», который японское правительство неоднократно дополняло новыми пунктами, направленными на усиление государственного «контроля» и «регулирования».

Большую роль играла и «новая экономическая структура», которую японские империалисты пытались создать в дополнение к «новой политической структуре». В начале августа — сентября 1940 г. появились ее первые проекты⁴⁸. Плановое бюро кабинета министров во главе с Хосино Наоки разработало первый вариант плана «новой экономической структуры», предусматривавший жесткий государственный «контроль» над промышленностью и различными компаниями как в сфере производства, так и в сфере обращения. Такой план, регламентировавший право объединения и деятельность деловых кругов, вызвал возражения отдельных групп японской монополистической буржуазии. Семь крупнейших объединений во главе с японской экономической федерацией выступили против пред-

⁴³ 18 июля 1940 г. исполнительный комитет национальной промышленной федерации принял резолюцию, призывавшую ее членов активно участвовать в движении за создание «новой структуры» в промышленности.

Создавая «новую экономическую структуру», японские империалисты стремились максимально использовать опыт «трудового фронта» в гитлеровской Германии, о чем откровенно писала японская буржуазная пресса. (см.: 梶足計, 新經濟への展望, 中央公論, 一九四〇年, 十月, 34—43頁.)

⁴³ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 25278, 47448.

⁴⁴ 東京裁半半決, 極東國際軍事裁判所半半決文, 東京 一九四九年, 114—115頁 (далее «Токио сайбан ханкэцу...»).

⁴⁵ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49408.

⁴⁶ Waverley Root, *The secret history...*, vol. 11, p. 5.

⁴⁷ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49464.

лагаемого плана, мотивируя это тем, что он «отрицает голос капитала в хозяйственном управлении»⁴⁹.

В результате план Хосино был отвергнут.

Однако отклонение его отнюдь не означало отказа от введения «новой экономической структуры», в создании которой были заинтересованы крупные монополии — подлинные хозяева Японии. Крупнейшие промышленно-финансовые организации предлагали кабинету министров свои проекты⁵⁰. На их основе к концу 1940 г. и была завершена разработка «новой экономической структуры». 30 сентября был создан Институт тотальной войны, в функции которого входил контроль над исследованием военных и экономических проблем, связанных с ведением тотальной войны. Новый «Указ об использовании фондов банков и других финансовых учреждений», опубликованный 19 октября, предусматривал усиление правительственного контроля над финансами различных учреждений, в особенности в области капиталовложений. Одновременно был издан императорский указ о контроле над капиталами корпораций⁵¹.

Все эти указы имели целью «регулировать» капиталовложений и финансовой деятельности промышленно-финансовых корпораций, подчинение их интересам войны, максимальное приспособление экономики и финансов страны к задачам агрессивной внешней политики⁵².

На основе проектов крупнейших концернов кабинет министров в ноябре 1940 г. наметил предварительный план объединения компаний в различных отраслях промышленности в крупные отраслевые ассоциации; руководители этих организаций должны были назначаться правительством. Одновременно информационное бюро кабинета министров опубликовало «Краткое изложение программы экономического строительства», которая намечала создание экономической структуры на основе «самоснабжения». Схема «новой экономической структуры» была утверждена правительством в окончательном виде 7 декабря. Она представляла компромиссный план, составленный на основе проектов Хосино, японской экономической феде-

⁴⁹ Газета «Japan times» писала, что в концепциях правительственных лидеров и деловых кругов по поводу того, какие изменения должны произойти в экономике в связи с созданием «новой политической структуры», имеется существенная разнота (см.: «Japan times», 1940, 22 August).

⁵⁰ «Trans-Pacific weekly», 1940, 19 September, p. 23; 1940, 31 October, p. 20.

⁵¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49415—49416.

⁵² О законодательстве, развивающем «новую экономическую структуру», см.: 統制法の課題, 統制法研究会叢書, 東京, 一九四四年. «Wartime legislation in Japan Selection of important laws enacted or revised in 1941», Tokyo, 1942.—Имеются японский и английский тексты).

рации и японской торгово-промышленной палаты. Создание «новой экономической структуры» имело цель организовать однородные промышленные, внешнеторговые, торговые и финансовые «отраслевые ассоциации», которые под контролем правительства получали право регулировать производство, распределение и потребление.

Центральным органом «новой экономической структуры» стал «Всеяпонский экономический совет», объединивший все компании. Его задачей являлось осуществление новой системы контроля правительства над всеми отраслями народного хозяйства и проведение программы всеобщей мобилизации материальных ресурсов страны для обеспечения войны.

Правительство приняло также и «новую структуру труда», во многом напоминавшую гитлеровский трудовой фронт. Взамен рабочих профсоюзов, которые были либо запрещены, либо распущены, 23 ноября 1940 г. была создана «Патриотическая промышленная ассоциация великой Японии», также находившаяся под правительственным контролем⁵³.

10 января 1941 г. плановое бюро кабинета министров дополнительно разработало план «новой экономической структуры сельского хозяйства», который распространял правительственный контроль на сельское хозяйство и предусматривал осуществление «координации сельскохозяйственного производства» и государственного контроля над производством и распределением риса, пшеницы, ячменя и овса.

Создание «новой экономической структуры» отражало обострение общего кризиса капиталистической системы и стремление японских монополистов с помощью государственного «контроля» и «регулирования» создать благоприятные условия для осуществления широких агрессивных и антинародных целей и укрепить капиталистический строй, устранив анархию производства. Крупнейшие объединения японских монополистов стремились еще больше подчинить государственный аппарат своим интересам. Путем создания «контрольных ассоциаций» они добивались установления жесткого контроля над экономикой страны и полного подчинения ее задачам обеспечения войны в Китае, построения «нового порядка» в Восточной Азии и подготовки новой империалистической войны на Тихом океане.

Известный японский буржуазный экономист Такахаси Камэкичи изображал «сферу процветания великой Восточной Азии», или так называемый «новый порядок в Восточной Азии»⁵⁴, в виде трех окружностей. Внешняя окружность на-

⁵³ 大日本産業報國會; Устав и программу «Ассоциаций» см.: 森戸辰男, 獨逸労働戦線と産業報國運動, 東京, 一九四一年, 202—212頁. Текст декларации см.: 戦時勤勞管理の諸問題, 東京, 一九四三年, 34—35頁.

⁵⁴ 高橋龜吉, 戦時經濟と新經濟體制, 東京, 一九四〇年, 241頁.

зывается «внешней сферой», в нее входят различные страны Восточной Азии и Южных морей; следующая окружность именуется «свободной сферой», в состав которой входят Япония и Китай; внутренняя окружность — «центр», под которым следует понимать Японию.

«Новая экономическая структура» должна была обеспечить закрепление Японии в «свободной сфере» и вторжение ее во «внешнюю сферу».

Введение «новой экономической структуры» сопровождалось усилением концентрации производства и централизации капитала. Быстрыми темпами развивался процесс слияния различных корпораций и создания крупных отраслевых объединений.

Уже в начале создания «новой экономической структуры» выявилась острая конкурентная борьба между отдельными группами японских монополистов. Отдельные монополистические группы возражали против чрезмерной регламентации производства, распределения и потребления промышленных и сельскохозяйственных товаров, поскольку она ограничивала свободу частной инициативы. Это свидетельствовало о наличии хотя и существенных, но не принципиальных разногласий в правящих кругах Японии по вопросам экономического обеспечения войны.

Столкновения между различными группами японской монополистической буржуазии сопровождались значительным обострением внутривнутриполитического положения в стране. В парламенте и печати усилились нападки на «новую экономическую структуру» и на тесно связанную с ней «новую политическую структуру», а следовательно, и на кабинет Коноэ. Был разработан новый план установления государственного контроля над экономикой, несколько отличавшийся от проектов, составленных в конце 1940 — начале 1941 г. Этот план, согласованный с крупнейшими концернами, представлял собой компромисс между различными группами японских правящих кругов.

Однако наличие разногласий по отдельным частным вопросам внутренней, а также внешней политики в правящих кругах Японии не исключало единства взглядов различных группировок монополистов по вопросу о подготовке новой войны против США и Англии и о тройственном пакте. Об этом, в частности, свидетельствовало интервью министра иностранных дел Мацуока, данное им в декабре 1940 г. иностранным корреспондентам в условиях исключительно напряженного внутривнутриполитического положения Японии⁵⁵. Выступление Мацуока, отражавшее точку зрения правящих кругов, имело цель зама-

⁵⁵ Joseph C. Grew, *Report from Tokyo. A message to the American people*, New York, 1942, p. 79—80.

скировать усиление японской агрессии в южном направлении, ставшее очевидным фактом после заключения пакта трех держав. Мацуока пытался доказать, что заинтересованность Японии в странах Южных морей имеет лишь экономический характер и что Япония является якобы противником захватов и эксплуатации. Это была фарисейская попытка оправдать захватническую политику японских империалистов в борьбе за господство в «сфере процветания» в Восточной Азии, в этом японском «жизненном пространстве»⁵⁶. Наряду с этим Мацуока откровенно заявил: «Япония определенно вступит в войну, если Соединенные Штаты начнут войну с Германией. Внешняя политика Японии определяется тройственным пактом... Если США будут втянуты в европейскую войну, то государства, подписавшие пакт, должны будут консультироваться в соответствии со статьей 3-й...».

Пытаясь сгладить столь решительное заявление о вероятных действиях Японии, Мацуока добавил, что «разногласия между Японией и США никогда не приведут к военной катастрофе»⁵⁷. Более того, он заявил, что японо-американская война означала бы гибель цивилизации⁵⁸.

Готовясь к «большой войне», японские империалисты приняли ряд мер военного характера, которые разрабатывались на особых военных совещаниях и конференциях. Так, в начале февраля 1941 г. в Токио состоялась конференция начальников штабов японской армии, созданная, по сообщению агентства «Домэй цусин», для обсуждения мер по повышению боевых качеств армии, ее морального состояния и укреплению дисциплины.

В марте в столице происходили неоднократные совещания по военным вопросам, в том числе объединенные заседания членов правительства с высшим командованием армии и флота и с императорской ставкой.

Одновременно японские империалисты уделяли много внимания и военно-экономическим мероприятиям. 76-я парламентская сессия в течение февраля—марта 1941 г. утвердила ряд законов, имевших цель обеспечить и ускорить подготовку Японии к новой войне.

Сессия приняла решение о пересмотре ряда законов, в том числе о всеобщей мобилизации нации⁵⁹, об обеспечении национальной обороны⁶⁰, о важнейших отраслях машиностроения

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Hallet Abend, *Japan unmasked*, New York, 1941, p. 25.

⁵⁸ 長谷川了, *日米開戦の真相*, 東京, 一九四三年, 1頁. (далее — Хасэгава Сатоси, *Нитибэй кайсэн но синсо*); см. также: 堀田吉明, 富水謙吾, 長谷川了, *大東亞戦史*, 東京, 一九四四年, 30頁.

⁵⁹ «Wartime legislation in Japan...», p. 7—15, p. 29—63.

⁶⁰ Ibid., p. 1—7 (японский текст), p. 1—28 (английский текст).

ния⁶¹, о контроле над лесоматериалами⁶², новый закон об обеспечении порядка⁶³, а также закон о контроле над внешней торговлей⁶⁴ и об охране торговых судов.

Важное значение для подготовки к войне имело создание различных шовинистических организаций. 8 февраля 1941 г. генералы Араки, Мадзаки и адмирал Ямамото создали «Общество по изучению государственной политики стран Восточной Азии» («Тоа кокусэй кэнкюкай») с задачей «довести до сведения всего народа конкретные цели, которые преследует Япония». Через несколько дней в Токио была организована реакционная националистическая «Народная лига» («Кокумин досикай»), провозгласившая своей главной целью мобилизацию японского народа на преодоление «создавшихся затруднений».

Все упомянутые военные, экономические и идеологические мероприятия имели своей целью обеспечить продолжение войны в Китае, расширение агрессии в южном направлении и подготовку новых внешнеполитических авантюр — войны на Тихом океане и против Советского Союза.

Несмотря на разногласия и острую внутривластную борьбу различных конкурирующих клик японской монополистической буржуазии по вопросам «новой экономической структуры» и «новой политической структуры», все рассмотренные мероприятия были направлены на продолжение войны в Китае, расширение агрессии в южном направлении и подготовку новых конфликтов на Тихом океане и против Советского Союза, в которых были заинтересованы все группировки правящих кругов Японии.

Японо-советские отношения. Подготовка плацдарма в Маньчжурии для войны против СССР. «План Оцу»

Усиление японской агрессии в районе Южных морей, вызвавшее обострение межимпериалистических противоречий на Дальнем Востоке, отнюдь не означало, что японские империалисты отказались от планов войны против Советского Союза. Наоборот, заключение тройственного союза означало, что подготовка антисоветской войны будет активизирована, причем предполагалось, что отныне эти действия будут координироваться с общими планами германо-японо-итальянской коалиции.

Большое значение по-прежнему уделялось укреплению маньчжурского плацдарма, а также перевооружению Квантунской армии, которой отводилась роль авангарда в антисоветском походе.

⁶¹ Ibid., p. 136—164.

⁶² Ibid., p. 184—200.

⁶³ Ibid., p. 16—25 (японский текст), p. 69—104 (английский текст).

⁶⁴ Ibid., p. 104—117.

В течение 1947—1941 гг. общая численность Квантунской армии увеличилась в четыре раза; пограничных гарнизонов стало девять вместо одного, личный состав артиллерийских полков возрос в два с половиной раза. Число орудий увеличилось более чем в четыре раза, число танков — в два раза, самолетов — в три раза⁶⁵. Следовательно, японские империалисты уделяли внимание не только увеличению численности войск, но и усилению их технической оснащённости.

Была значительно расширена аэродромная сеть Маньчжоуго: общее количество авиабаз, аэродромов и посадочных площадок увеличилось со 150 в 1936 г. до 287 в 1941 г.; помимо того, 53 военных аэродрома насчитывалось в 1941 г. в Корее⁶⁶.

С каждым годом расширялись масштабы железнодорожно-го строительства: к 1941 г. общая протяженность всех железных дорог Маньчжоуго достигла 10 500 км⁶⁷, причем, как признал на Токийском процессе бывший командующий Квантунской армией генерал Минами Дзиро, железные дороги строились в направлении к советской границе⁶⁸. Сеть автомобильных дорог в том же 1941 г. достигла 6 тыс. км⁶⁹.

Большое значение в подготовке маньчжурского плацдарма для нападения на СССР придавалось строительству укрепленных районов. К 1941 г. на границе с Советским Союзом было построено 13 укрепленных районов протяженностью более 700 км. Их расположение и малая глубина свидетельствовали о том, что они предназначались для наступательных, а не оборонительных действий⁷⁰.

Антисоветские цели имело и строительство складского хозяйства: большая часть складов боеприпасов и военного имущества размещалась вблизи границ Советского Союза⁷¹.

Помимо военного оборудования маньчжурского плацдарма, японские империалисты продолжали форсировать развитие в Маньчжоуго тяжелой промышленности. Среднегодовые инвестиции в промышленность Маньчжоуго в течение 1939—1941 гг. составили 7787 млн. иен⁷².

Японское правительство уделяло особое внимание разработке различного рода программ экономического развития Маньчжоуго как члена «сферы сотрудничества» Восточной Азии. 5 ноября 1940 г. информационное бюро кабинета министров

⁶⁵ Данные об увеличении Квантунской армии см.: «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7531, 23194, 23555—23556.

⁶⁶ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7551, 7589, 23210.

⁶⁷ Иноуэ Итидзи, *Дайго кэйкэн...*, стр. 84.

⁶⁸ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 19952.

⁶⁹ Иноуэ Итидзи, *Дайго кэйкэн...*, стр. 84.

⁷⁰ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7552—7553.

⁷¹ Там же, стр. 7554, 7555, 7592, 7594.

⁷² Andrey Grajdanzev, *Japan's economy since Pearl Harbor* («Far Eastern survey», 1943, 14 June), p. 150.

опубликовало «Краткое изложение программы экономического строительства, охватывающего Японию, Маньчжоуго и Китай». Главной целью программы было «создание в течение десяти лет экономической структуры на основе самоснабжения» и усиление позиций Восточной Азии в мировой экономике⁷³.

Наибольшую активность в содействии экономическому развитию Маньчжоуго проявляли принадлежавшая Кухара и Аюкава «Акционерная компания тяжелой промышленности Маньчжурии» («Мансю дзюкогё кайся»), под контролем которой находились металлургическая, угольная, горнорудная, золотодобывающая, автомобильная и авиационная промышленность; концерн ЮМЖД («Нанмантэцу кайся»), владевший всеми железными дорогами Маньчжоуго, а также концерны Мицуи, Мицубиси и Окура.

В результате экономических мероприятий японских властей и активности монополий в Маньчжоуго значительно увеличилось выплавка чугуна, стали, проката, а также добыча каменного угля и железной руды.

Маньчжурия становилась важной военно-промышленной базой, имевшей большое значение в антисоветских и антикитайских планах японского империализма.

Превращение Маньчжурии в военно-стратегический плацдарм для нападения на Советский Союз тесно связывалось с программой, зашифрованной под названием «плана Оцу». «План Оцу» на 1940 г., разработанный генерал-лейтенантом Томинага Киёси, отличался от ранее составленных, в частности от плана 1939 г. В соответствии с новым планом предполагалось нанести основной удар из района Ханка в направлении на Хабаровск, чтобы отрезать Советское Приморье. Для его осуществления предназначалось использовать 12 пехотных дивизий, поддержанных двумя артиллерийскими и тремя танковыми полками, двумя кавалерийскими бригадами и пятью бомбардировочными авиаполками. Вслед за ударом по Хабаровску и занятием района Владивостока в наступление должен был включиться «северный фронт» в составе семи дивизий, одной артиллерийской бригады и других частей. В задачу «северного фронта» входило нанести главный удар на Читу, а затем продвинуться на запад и захватить всю территорию до озера Байкал.

«План Оцу» был сохранен и для 1941 г. (до нападения Германии на СССР)⁷⁴. Стратегический замысел остался тот же, изменения касались лишь направления ударов японских вооруженных сил. Существо «плана Оцу» 1941 г. состояло в том,

⁷³ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49315.

⁷⁴ Сохранение «Плана Оцу» и на 1941 г. подтвердил на Токийском процессе свидетель — бывший подполковник штаба Квантунской армии Сёдзима Рюдзо, служивший в 1940—1941 гг. в оперативном отделе японского генерального штаба.

чтобы сосредоточить в восточной части Маньчжурии главные военные силы и вторгнуться с ними на территорию Советского Дальнего Востока. На первом этапе захвату подлежали Ворошилов, Владивосток, Иман, Благовещенск и Куйбышевка-Восточная; на втором этапе — Северный Сахалин, Петропавловск-Камчатский, Николаевск-на-Амуре, Комсомольск и Советская Гавань⁷⁵.

Бывший командующий 3-м фронтом генерал Усироку Дзюн изложил на Токийском процессе план использования боевой авиации в Маньчжурии в 1941 г. Он сказал следующее: «В случае возникновения войны главные силы авиации должны были действовать на восточном направлении против советских войск, находящихся в Приморье, подавить эти войска и способствовать развитию операций японских наземных войск»⁷⁶.

«Планом Оцу» предусматривались и шпионско-диверсионные действия против СССР. Предлагалось усилить подрывную деятельность, которая «в будущем, одновременно с началом войны», помогла бы «установить на Дальнем Востоке автономную антикоммунистическую политическую власть». Не была забыта также подготовка кадров для управления советскими территориями на Дальнем Востоке, намеченными к оккупации японскими вооруженными силами⁷⁷.

Таков был коварный план захвата советских дальневосточных территорий, подготовленный японскими империалистами в 1939—1941 гг., накануне вероломного нападения Германии на Советский Союз. Он свидетельствовал об их стремлении отторгнуть Советский Дальний Восток и создать здесь марионеточный режим по типу Маньчжоуго и оккупированного Китая.

Стремясь скрыть существование антисоветского «плана Оцу» и превращение Маньчжоуго в плацдарм для нападения

⁷⁵ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 8098, 23373—23374. Свидетель подполковник Сёдзима Рюдзо показал на Токийском процессе: «По плану 1941 г. в случае войны с СССР Квантунская армия должна была сосредоточить свои главные силы в направлении на Советское Приморье. Часть сил предполагалось сосредоточить на направлении Благовещенск — Куйбышевка, а часть сил — в районе Хайлара. Резервы должны были находиться в районе Харбина. Наступление предполагалось начать в районе станции Пограничная в направлении на г. Ворошилов, и из района Хэйхэ в направлении на города Благовещенск и Куйбышевка. В районе Хайлара войска должны были держать оборону, чтобы обеспечить наступательные операции в других направлениях. Целью наступления в Приморье являлось занятие Приморской области, а наступление на Благовещенск — Куйбышевку имело цель перерезать железную дорогу и тем самым прекратить подвоз подкреплений и военных материалов с запада» (см.: «Стенограмма Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 230, л. 19—20).

⁷⁶ «Стенограмма Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 229, л. 274.

⁷⁷ Там же, стр. 7662—7663.

на СССР, японское правительство предприняло ряд дипломатических мер. Важнейшей из них было предложение Советскому Союзу заключить пакт о нейтралитете с Японией (этот пакт японские правящие круги намеревались расторгнуть, как только создастся благоприятная обстановка для военного нападения).

В июле 1940 г. японский посол в Москве Того Сигэнори сделал официальное предложение о подписании советско-японского пакта о нейтралитете. Правительство СССР дало принципиальное согласие. Но ввиду нежелания японской стороны найти взаимоприемлемую основу пакт не был заключен. В октябре новый посол генерал-лейтенант Татэкава Ёсидзугу, участник русско-японской войны, сделал другое предложение — заключить пакт о ненападении, аналогичный договору, подписанному между СССР и Германией 23 августа 1939 г. Советское правительство ответило, что оно предпочитает заключить пакт о нейтралитете, аналогичный советско-германскому пакту о нейтралитете, подписанному в 1926 г.

Будучи заинтересованной в усилении экономических связей с Советским Союзом, Япония в течение ноября 1940—января 1941 г. вела с ним переговоры по ряду экономических вопросов. В результате 20 января 1941 г. было заключено советско-японское соглашение о продлении до конца года прежней рыболовной конвенции и об организации советско-японской комиссии по выработке новой рыболовной конвенции⁷⁸.

Успешное завершение экономических переговоров между Японией и СССР создало основу для возобновления переговоров относительно подписания советско-японского пакта о нейтралитете. Представители японских правящих кругов сделали на 76-й парламентской сессии ряд заявлений о желании урегулировать все спорные вопросы во взаимоотношениях обеих сторон. Более того, Мацуока заявил, что его правительство прилагает все усилия к тому, чтобы «осуществить фундаментальные и далеко идущие изменения в дипломатических отношениях» Японии и Советского Союза.

Подлинное значение этих многообещающих деклараций становится ясным в свете берлинских переговоров между Риббентропом и Осима, а затем и Мацуока, которые предшествовали подписанию советско-японского пакта о нейтралитете.

Японо-германские переговоры в Берлине (март—апрель 1941 г.)

Главной целью японо-германских переговоров, происходивших в Берлине в марте—апреле 1941 г., являлись обмен мнениями и достижение соглашения по поводу взаимоотношений

⁷⁸ «Известия», 1941, 21 января.

Японии и Германии. Японское правительство хотело выяснить планы германского союзника, направление его ближайших ударов, а также перспективы дальнейшего территориального распространения войны, чтобы наиболее эффективно использовать международную обстановку в своих интересах. Поездка Мацуока в Берлин⁷⁹, приуроченная к открытию японо-американских переговоров в Вашингтоне, имела также цель оказать давление на правящие круги США, побудить их к заключению выгодного для Японии соглашения. Одной из важнейших задач берлинских переговоров являлся обмен мнениями и достижение соглашения о политике Японии по отношению к Советскому Союзу, о скорейшем развязывании антисоветской войны. Правящие круги Японии хотели выяснить возможности использования Германии для давления на СССР в целях укрепления позиций Японии на Дальнем Востоке в условиях подготовки ею войны против США и Англии.

Знаменательным документом, проливающим свет на подлинные цели японо-германских переговоров, является запись беседы Риббентропа и Осима, происходившей в Фушле 23 февраля 1941 г.⁸⁰ Германский министр иностранных дел заявил, что после заключения германо-японского союза основным является вопрос о его дальнейшем развитии. Указав на намерение Германии закончить войну как можно скорее, Риббентроп подчеркнул, что Япония должна вступить в войну не только в интересах Германии, но и «в своих собственных интересах». Тогда Англия потеряла бы свои ключевые позиции на Дальнем Востоке, а Япония в значительной мере укрепила бы свое положение в этом районе земного шара. Кроме того, неожиданное вмешательство Японии вынудило бы США воздержаться от участия в войне, поскольку они еще не закончили необходимой подготовки. Япония же, воспользовавшись «беспомощностью» своего тихоокеанского соперника, смогла бы занять Филиппины. Подписание тройственного пакта, ликвидация Франции как дальневосточной державы, ослабление позиций Англии в результате побед Германии в Европе и глубокого проникновения Японии в английскую сферу интересов в Китае, по мнению Риббентропа, открыли бы Японии путь в Сингапур⁸¹.

Особое место в беседе Риббентропа с Осима занял вопрос о необходимости тесной координации военных действий держав

⁷⁹ Впервые Мацуока получил приглашение Риббентропа приехать в Берлин в дни подписания тройственного пакта, затем оно было повторено 19 декабря 1940 г. (F. C. Jones, *Japan's new order...*, p. 210).

⁸⁰ Документ 1834-ПС, США-129 («Нюрнбергский процесс», Сборник материалов, т. I, М., 1952, стр. 401—403); «Nazi conspiracy and aggression. Office of United States chief of counsel for prosecution of axis criminality», United States government printing office, vol. I, Washington, 1946, p. 639, 794, 843—846, 862—863.

⁸¹ «Стенограмма Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 275, л. 216.

тройственного союза в общих империалистических интересах. «Если Германия когда-нибудь ослабнет,— шантажировал имперский министр японского посла,— Япония в самый краткий срок окажется перед всемирной коалицией. Мы впряглись в одну колесницу. Судьба обоих народов предопределена теперь на будущие века. Разгром Германии будет означать также и крах империалистических планов Японии»⁸².

В беседе Риббентропа и Осима был затронут также актуальный вопрос о политике двух держав в отношении Советского Союза⁸³. Гитлеровская клика считала необходимым совместное участие Германии и Японии в войне против Советского Союза.

К этому времени германское правительство довело до сведения своего дальневосточного партнера принятое им решение о военном выступлении против Советского Союза. Риббентроп при этом заявил, что Япония «должна возможно быстрее вступить в дело»⁸⁴.

Содержание беседы Риббентропа с Осима, как и другие многочисленные свидетельства, представленные на Нюрнбергском и Токийском процессах, показывает, что Япония уже в феврале — марте 1941 г., до поездки Мацуока в Берлин, была информирована о подготовке Германией нападения на Советский Союз. Министр иностранных дел Японии Мацуока обещал Германии всемерную поддержку.

В связи с предполагавшейся поездкой Мацуока в Берлин, Рим и Москву 5 марта 1941 г. в Берлине была издана совершенно секретная директива за № 24 «О сотрудничестве с Японией», в которой указывалось, что «целью сотрудничества, основанного на тройственном пакте с Японией, является заставить Японию как можно скорее предпринять активные действия на Дальнем Востоке»⁸⁵; под «Дальним Востоком» подразумевались Англия, США и СССР.

В интересах «сотрудничества» обеих держав, или, точнее, содействия агрессивным планам Германии, предусматривались меры по усилению военного потенциала Японии. В частности, предполагалась передача Японии информации по военно-экономическим и техническим вопросам⁸⁶. Однако в целом содержание этой директивы «о сотрудничестве» в значительной ме-

⁸² «Нюрнбергский процесс», т. I, стр. 402—403.

⁸³ Осима, направленный в Берлин в марте 1934 г. в качестве военного атташе, получил от японского генерального штаба инструкцию «наблюдать за германо-советскими отношениями и выяснить, какими возможностями располагает Германия, чтобы предпринять реальные действия «в случае войны с Советским Союзом» («Стенограмма Токийского процесса», стр. 5913, 34073—34075, 49339).

⁸⁴ Там же, стр. 7938, 7952—7953.

⁸⁵ Документ С-75, США-151 («Нюрнбергский процесс», т. I, стр. 403); см. также: «Trial of the major war criminals before the international military tribunal», vol. III, Nuremberg, p. 376.

⁸⁶ «Trial...», vol. III, p. 376; vol. II, p. 135.

ре напоминало требование, предъявленное Германией Японии. Основные положения, изложенные в директиве, сводились к следующему: нужно быстро разбить Англию и тем самым удержать США от вступления в войну. Помимо этого, Германия не имеет никаких экономических, военных или политических интересов на Дальнем Востоке, которые шли бы вразрез с требованиями Японии.

Германия успешно наносит большой урон торговому флоту противника. Необходимо, чтобы Япония использовала свои военно-морские силы для той же цели. Следует также всячески поддерживать германские военные операции против торгового флота противника.

Державы «оси» нуждаются в сырьевых ресурсах, а потому Япония должна захватить те территории, которые будут ей особенно необходимы, если в войну вмешаются Соединенные Штаты. Нужно продолжать поставку Германии резиновых изделий и после того, как Япония вступит в войну, поскольку они жизненно необходимы Германии.

Захват Сингапура — опорного пункта Англии на Дальнем Востоке — явится решающим условием успеха войны, которую ведут три державы. Кроме того, нападение на другие базы британского флота, а также на базу американского военного флота (последнее лишь в том случае, если невозможно будет предотвратить вступление США в войну) приведет к ослаблению всей системы баз противника в этом районе и, так же как нападение на морские коммуникации, свяжет все другие силы (в частности Австралию). Пока нет возможности установить точную дату для оперативной разработки этих мер.

В военной комиссии, которая будет учреждена в соответствии с пактом трех держав, должны разрешаться только те вопросы, которые касаются трех держав, заключивших договор, прежде всего — вопросы экономической войны. Разработка деталей возлагается на «Главную комиссию» в сотрудничестве с верховным командованием вооруженных сил.

Японцам не следует предоставлять никаких данных по поводу «плана Барбаросса»⁸⁷.

Содержание директивы, подписанной начальником штаба верховного командования вооруженными силами (ОКВ) Кейтелем, весьма характерно для взаимоотношений между Германией и Японией. Германия, еще раз подтвердив признание интересов Японии на Дальнем Востоке, требовала, чтобы действия Японии соответствовали стратегическим планам германского

⁸⁷ Документы С-75, США-151 («Нюрнбергский процесс», т. I, стр. 404); см. также: «Trial...», vol. III, p. 376—377, 390; «Nazi conspiracy and aggression...», vol. I, p. 847—849; vol. VI, p. 906—908. Выдержки из допроса адмирала Редера относительно директивы «О сотрудничестве с Японией» см.: «Nazi conspiracy and aggression...», Supplement A, p. 1015—1016.

генерального штаба. Недоверием к своему дальневосточному союзнику пронизан пункт о нежелательности предоставления Японии каких бы то ни было сведений о «плане Барбаросса». Гитлеровская клика сама намеревалась полностью воспользоваться результатами задуманного ею вероломного нападения на Советский Союз.

Вопрос о координации военных усилий Германии и Японии подвергся обсуждению на совещании 18 марта 1941 г. с участием Гитлера, адмирала Редера и других офицеров. Редер сообщил, что Япония дала согласие выступить лишь после того, как Германия произведет высадку на английском побережье. Он предлагал усилить нажим на Японию, чтобы заставить ее действовать немедленно, утверждая, что захват Японией Сингапура решит все остальные вопросы в отношении США и Англии (Гуам, Филиппины, Борнео, Индонезия)⁸⁸.

Выступление Редера отражало наличие разногласий между Германией и Японией, нежелание Японии действовать против Англии и США преждевременно, в невыгодных для нее условиях, до того как будут завершены необходимые подготовительные меры военного, экономического и дипломатического порядка.

В ходе японо-германских переговоров японские империалисты, уже приступившие к интенсивной подготовке нападения на своих империалистических соперников, стремились добиться полной ясности в вопросе о пределах взаимных обязательств держав фашистского блока в случае возникновения военного конфликта на Тихом океане. Ставя целью обеспечить «южный вариант» войны, несколько не ослабляя подготовки к «северному варианту», то есть к войне против СССР, и стремясь замаскировать свои агрессивные цели и очередность военного нападения, японские империалисты всячески пытались создать впечатление, что они на деле хотят урегулировать отношения с Советским Союзом. Не случайно поэтому в решении «Об основных принципах политики в изменяющейся международной обстановке», принятом вторым кабинетом Конэ, указывалось на необходимость «принять активные меры для урегулирования дипломатических отношений с Советским Союзом»⁸⁹.

В середине марта 1941 г. японское правительство решило направить в Берлин, Рим и Москву министра иностранных дел Мацуока. В официальном заявлении японского министра иностранных дел указывалось, что поездка Мацуока тесно связана с подписанным недавно тройственным пактом и якобы имеет цель лишь установить личный контакт с руководителями

⁸⁸ Документ С-152, ВБ-122 («Нюрнбергский процесс», т. I, стр. 405); см. также: «Trial...», vol. XIV, p. 113—116; vol. III, p. 378, 391—392.

⁸⁹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 11794, 47361.

Германии и Италии. Сам же Мацуока заявил 12 марта 1941 г., что он намерен не только добиться усиления сотрудничества держав «оси», но и разъяснить японскую теорию «всеобщего мира»⁹⁰.

Эти туманные, весьма неопределенные заявления о причинах поездки Мацуока скрывали одну из главных целей его миссии: согласовать с Германией вопрос о подписании пакта о нейтралитете с Советским Союзом и пределах его действия, договориться о поводах для его нарушения и об оказании помощи Германии на случай возникновения советско-германской войны. Одним из свидетельств этой вероломной политики, намеченной еще до подписания пакта, является телеграмма Риббентропа германскому послу в Токио от 5 мая 1941 г. В ней сообщалось, что вопрос о японо-советском пакте о ненападении и нейтралитете обсуждался им с Мацуока 26 марта 1941 г. Во время этой беседы Мацуока сделал следующее важное заявление: «Никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел не сумеет заставить Японию остаться нейтральной, если между Германией и Советским Союзом возникнет конфликт. В этом случае Япония принуждена будет... напасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой пакт о нейтралитете»⁹¹.

Заявление Мацуока является одним из ярчайших свидетельств вероломства, антисоветской направленности японской дипломатии и ее попыток завершить сговор с Германией по вопросу о совместной агрессии.

В ходе берлинских совещаний Мацуока получил ряд подтверждений, что Германия готовит нападение на СССР. Риббентроп побуждал Японию вступить в войну против СССР как можно скорее⁹². Пытаясь добиться обязательств Японии выступить против СССР в случае «неизбежного конфликта» Германии с Советским Союзом, Риббентроп настаивал на участии в войне японской армии, в частности находящейся в Китае.

Одним из центральных пунктов в берлинских переговорах был вопрос о политике Японии по отношению к Советскому Союзу в случае подписания советско-японского пакта о нейтралитете.

⁹⁰ «Mr. Matsuoka's tour» («Oriental affairs», 1941, April), p. 184—185. Защитник Блюэт в своей речи на Токийском процессе пытался доказать, что поездка Мацуока в Берлин и Рим была «с визитом вежливости» и была будто бы связана с планами Риббентропа ускорить заключение договора между Японией и Советским Союзом (см.: «Стенограмма Токийского процесса», стр. 47362).

⁹¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49381.
⁹² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7938, 49380; ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 482, л. 861. Коноэ в своих мемуарах писал, что Гитлер и Риббентроп определенно заявили Мацуока о намерении Германии напасть на Советский Союз [(см.: 近衛文麿公の手記失はれし政治, 東京, 一四六年, 37—38頁 (далее — «Коноэ Фумимаро ко-но сюки»)].

27 марта 1941 г. вопрос этот стал предметом обсуждения Гитлера и Мацуока в присутствии Риббентропа, а также Отта и Осима. Гитлер отметил, что международная обстановка благоприятствует успеху совместных действий стран тройственного блока против Советского Союза, он утверждал, что будущее оправдает риск, связанный с этим выступлением⁹³.

В ходе дальнейших переговоров Риббентроп пытался отговорить Мацуока от намерения заключить с Советским Союзом пакт о ненападении, по-прежнему настаивая на немедленном нападении Японии на Сингапур. Во время беседы, состоявшейся 29 марта, Риббентроп рекомендовал «не заводить разговоры с русскими слишком далеко» и обещал, что «Германия ударит немедленно, если Россия когда-либо нападет на Японию»⁹⁴.

Мацуока заверил Риббентропа, что «Япония будет всегда лояльным союзником, который посвятит себя общим усилиям, а не займет пассивной позиции»⁹⁵.

Кроме того, Риббентроп вновь вернулся к проблеме Сингапура, поскольку нападение Японии на «Дальневосточный Гибралтар» могло облегчить осуществление стратегических планов Германии. Он доказывал, что захват Сингапура выгоден Японии, так как последняя сможет приобрести значительное влияние в Индонезии. Однако Мацуока высказал ряд возражений: захват Сингапура, по его мнению, потребует минимум полугодового срока; помимо того, японский министр указал на желательность письменного обещания Германии оказать Японии помощь в проведении Сингапурской операции. Риббентроп обещал помочь в разработке плана операции, а также предоставить в распоряжение Японии опытных военно-воздушных экспертов.

Проблема Индонезии также неоднократно обсуждалась во время берлинских переговоров. Немцы настаивали на немедленном нападении, руководствуясь при этом двумя целями: привлечь внимание и оборонительные усилия США к Дальнему Востоку и удержать Австралию от посылки войск на европейский театр военных действий⁹⁶. Но Мацуока, учитывая главные цели Японии на том этапе, вновь выдвинул различные возражения. Он заявил, что Япония не может отозвать 300 тыс. солдат из Китая, так как это явится тяжелейшим ударом по ее интересам⁹⁷. Кроме того, он подчеркнул, что в слу-

⁹³ «Стенограмма Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 275, л. 259.

⁹⁴ Документ 1877-ПС, США-152 («Нюрнбергский процесс», т. I, стр. 405). О беседе Риббентропа с Мацуока 29 марта 1941 г. см. также: «Стенограмма Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, л. 275, л. 251—258; «Nazi conspiracy and aggression...», vol. I, p. 850—852, 854, 863; vol. IV, p. 520—522.

⁹⁵ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49380.

⁹⁶ Waverley Root, *The secret history...*, vol. II, p. 316.

⁹⁷ *Ibid.*, p. 306.

чае наступления Японии на Индонезию будут подожены нефтяные вышки и на возобновление нефтедобычи потребуется затратить один-два года.

Несмотря на настойчивые требования гитлеровской Германии, договоренности по вопросу об Индонезии достигнуто не было.

В ходе дальнейших переговоров рассматривался вопрос о возможности вступления Соединенных Штатов в войну и о мерах двух держав, связанных с расширением масштабов войны. Мацуока, мотивируя тем, что война против США будет неизбежно затяжной, добивался предоставления в распоряжение японского военно-морского флота различных технических усовершенствований и изобретений⁹⁸, чтобы обеспечить его полную боевую готовность. Германия обещала «нанести удар без задержки в случае столкновения между Японией и Америкой»⁹⁹, чтобы предотвратить опасность разгрома держав тройственного союза поодиночке.

Это заявление было сделано Гитлером во время беседы с Мацуока, состоявшейся 4 апреля 1941 г. в присутствии Риббентропа. В ходе беседы Мацуока заявил, что он считает войну Японии против США неизбежной и полагает, что Япония должна взять на себя инициативу нападения¹⁰⁰.

Мацуока просил Германию оказать помощь Японии при нападении на Сингапур, а также в случае вступления США в войну. На это он получил согласие Гитлера¹⁰¹.

В беседе Риббентропа с Мацуока, состоявшейся на следующий день, были подведены некоторые итоги берлинских переговоров. Имперский министр заявил, что «между Японией и Германией не существует столкновения интересов»¹⁰² и базой для урегулирования их взаимоотношений должна по-прежнему являться договоренность о разделе сфер влияния: Восток — Японии, Европа и Африка — Германии и Италии. Риббентроп вновь подчеркнул необходимость скорейшего вступления Японии в войну. Он утверждал, что победа в войне может быть ускорена вступлением в нее Японии, которое якобы более выгодно последней, чем Германии. Риббентроп мотивировал это тем, что оно «предоставляет ей единственную возможность, которая вряд ли еще повторится», для осуществления стоящих

⁹⁸ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49445.

⁹⁹ Документ 1881-ПС, США-33 («Нюрнбергский процесс», т. I, стр. 408); см. также «Нюрнбергский процесс», т. II, стр. 448; «Trial...», vol. II, p. 297—301 (полный текст).

¹⁰⁰ «Нюрнбергский процесс», т. I, стр. 408, 409. Документ обнаружен в архиве министерства иностранных дел Германии.

¹⁰¹ Запись беседы Гитлера и Мацуока от 4 апреля 1941 г. см. также: «Trial...», vol. III, p. 393, 394; «Nazi conspiracy and aggression...», vol. I, p. 403—407, 863—864, 866; vol. IV, p. 522—526.

¹⁰² Документ 1882-ПС, США-153 («Нюрнбергский процесс», т. I, стр. 410); полный текст см.: «Trial...», vol. III, p. 378—381.

перед Японией национальных задач и, в частности, «позволит ей занять ведущее место в Восточной Азии...»¹⁰³.

Это заявление Риббентропа, резюмирующее требования Германии, как и весь ход берлинских переговоров в марте — апреле 1941 г., свидетельствовало о том, что гитлеровская клика, широко применяя шантаж и угрожая Японии опасностью «опоздать» к разделу Советского Дальнего Востока, стремилась немедленно вовлечь Японию в войну. Японская дипломатия, считавшая тихоокеанскую войну неизбежной, не соглашалась тогда на немедленное вступление в войну, хотя в принципе вопрос о присоединении к своему германскому союзнику был японскими империалистами решен и согласован в Берлине. Это означает, что сроки нападения Японии на США и Англию еще не были определены. Причиной этого явилось различие интересов, стремление каждого союзника решить в первую очередь свои задачи, осуществить свои цели. В этой связи понятны настойчивые требования Германии о немедленном нападении Японии на Сингапур и вступлении ее в войну, так как в интересах Германии было рассредоточить силы Англии¹⁰⁴.

Но на данном этапе это не устраивало Японию, поскольку она не завершила своей военной подготовки. Японская дипломатия со своей стороны стремилась сохранить свободу действий и в отношении направления очередной агрессии и в отношении сроков выступления, стремилась самостоятельно решать важнейшие внешнеполитические вопросы в духе интересов японского империализма. Она рассчитывала, что решающие успехи гитлеровских вооруженных сил, несомненно, создадут благоприятные условия для выступления Японии, которое должно быть совершено по ее инициативе, чтобы добиться максимальных территориальных выгод при минимальных затратах и жертвах.

Японо-германские противоречия сказались во время берлинских переговоров и в вопросе о Китае. Мацуока выдвинул вопрос, который неоднократно поднимался в начале японо-китайской войны, — об оказании Германией помощи правительству Чан Кай-ши. Японский министр иностранных дел выразил протест против оказания технической помощи и по поводу того, что капитан Штенес все еще является военным советником Чан Кай-ши¹⁰⁵. Наряду с этим он добивался признания Германией нанкинского «правительства» Ван Цзин-вэя.

¹⁰³ «Нюрнбергский процесс», т. I, стр. 410; т. II, стр. 448; см. также: «Trial...», vol. II, p. 135.

¹⁰⁴ Гитлер в письме к Муссолини писал, что Япония не согласна принять на себя какие-либо определенные обязательства, связанные с нападением на Сингапур, которое могло бы иметь большое значение для Германии и Италии.

¹⁰⁵ Waverley Root, *The secret history...*, vol. II, p. 316.

В ходе переговоров между Японией и Германией японские империалисты стремились обеспечить себе тыл для большой тихоокеанской войны, не прекращая в то же время всесторонней подготовки к войне против Советского Союза.

Берлинские переговоры по важнейшему вопросу согласования политики двух держав в отношении СССР и советско-японского пакта о нейтралитете не могли удовлетворить Германию в силу японо-германских разногласий. Гитлеровская дипломатия всячески предостерегала Мацуока от заключения советско-японского пакта и требовала от Японии сохранения напряженности в ее взаимоотношениях с СССР. Япония же, исходя из своих внешнеполитических целей и интересов, и на том этапе предпочитала придерживаться другой тактической линии. Об этом свидетельствует позиция Мацуока во время переговоров в Москве, завершившихся подписанием советско-японского пакта о нейтралитете.

Подписание советско-японского пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. и его значение

Подписание советско-японского пакта о нейтралитете являлось одним из важнейших международных событий весны 1941 г.

Переговоры происходили в Москве в течение 7—13 апреля 1941 г. и закончились подписанием советско-японского пакта о нейтралитете. Пакт имел в виду обязательства обеих сторон «поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой договаривающейся стороны». Он предусматривал, что «в случае если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий одной или нескольких держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта». Одновременно обе стороны подписали декларацию о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности Монгольской Народной Республики и Маньчжоуо¹⁰⁶. 25 апреля 1941 г. император Японии ратифицировал пакт о нейтралитете между СССР и Японией и одобрил декларацию, подписанную одновременно с пактом. В тот же день пакт был ратифицирован Президиумом Верховного Совета СССР, одобренным также и декларацию¹⁰⁷.

¹⁰⁶ «Известия», 1941, 15 апреля; см. также: 日露年鑑, 一九四二年, 東京, 825—826頁. «Сэкай дзёсэй...», стр. 158; Harriet L. Moore, *Soviet Far Eastern policy 1931—1945*, Princeton, 1945, p. 200—201.

¹⁰⁷ «Известия», 1941, 26 апреля. — Обмен ратификационными грамотами произошел в Токио 20 мая 1941 г.

Подписание пакта с СССР было встречено японской буржуазной печатью положительно. Это диктовалось интересами маскировки и инспирировалось правительством. Как сообщает в своих мемуарах американский посол в Токио Грю, кабинет Коноэ издал 16 апреля инструкцию, в которой разъяснял, как японская пресса должна освещать и оценивать подписание советско-японского пакта. В инструкции указывалось, что не следует создавать впечатления, будто бы Япония недовольна подписанием пакта, и предлагалось публиковать поэтому только положительные оценки¹⁰⁸. Этими же целями маскировки была продиктована и телеграмма Мацуока из Ярославля на обратном пути в Японию. Мацуока писал, что, заключив пакт, «мы направили наши нации на новый путь дружбы. Я верю, что этот документ послужит нам маяком в улучшении наших отношений»¹⁰⁹.

Значение советско-японского пакта о нейтралитете может быть правильно определено лишь с учетом целей каждой из сторон, его подписавших.

Японские империалисты стремились заключить пакт о нейтралитете с Советским Союзом, руководствуясь своими агрессивными целями, и собирались выполнять его лишь до определенного момента. Правящие круги Японии хотели усыпить бдительность Советского Союза. Главный их расчет заключался в том, чтобы, введя в заблуждение СССР относительно своих подлинных агрессивных целей, замаскировать подготовку вероломного нападения и произвести его в благоприятных для Японии условиях. Такая оценка главной цели японской дипломатии при подписании советско-японского пакта о нейтралитете полностью подтвердилась после его заключения, в особенности после начала Великой Отечественной войны, когда нейтралитет Японии по отношению к СССР являлся завуалированной формой ее участия в войне на стороне гитлеровской Германии.

Как было указано выше, подписывая советско-японский пакт, Мацуока уже знал о готовившемся нападении Германии на Советский Союз. Японское правительство предполагало, что, как только начнется германо-советская война, СССР, полагаясь на пакт с Японией, перебросит значительную часть своих войск с Дальнего Востока на Западный фронт и тогда японской армии нетрудно будет захватить его дальневосточные территории. При обсуждении на заседании Тайного совета советско-японского пакта о нейтралитете, Мацуока откровенно заявил, что статью 5-ю договора следует понимать таким образом, что военное выступление Японии против СССР в случае возникновения советско-германской войны не исключено.

¹⁰⁸ Joseph C. Grew, *Ten years in Japan*, New York, 1944, p. 381.

¹⁰⁹ «Известия», 1941, 15 апреля.

О подлинных антисоветских намерениях Японии свидетельствовала и речь начальника штаба Квантунской армии, произнесенная в апреле 1941 г. в Чанчуне на совещании командиров соединений. Касаясь советско-японского пакта о нейтралитете, он указал, что договор является дипломатической мерой, осуществленной «в интересах укрепления тройственного союза». Поэтому «нельзя думать о том, что мы можем сейчас же вступить в дружественные отношения, учитывая позицию, занимаемую Японией в настоящее время. Следовательно, для того чтобы сделать этот пакт эффективным, наша армия совершенно не может допустить снижения темпов подготовки к военным операциям. Эффективности этого пакта будет содействовать постоянное усиление и расширение этих приготовлений...»¹¹⁰.

Командование Квантунской армии, предназначенной для нападения на Советский Союз, внушало своим солдатам и офицерам, что, несмотря на наличие советско-японского пакта о нейтралитете, политика Японии определяется только тройственным соглашением. Поэтому и существование пакта с СССР будет зависеть от германо-советских отношений, от изменений во взаимоотношениях Германии и Советского Союза. В то же время японские империалисты, подписывая пакт с СССР, рассчитывали обеспечить себе свободу действий и маневрирования в рамках тройственного союза, чтобы лучше противодействовать непрекращавшемуся нажиму своего германского партнера и не дать ему вовлечь Японию в невыгодную для нее внешнеполитическую авантюру.

Заключение Японией пакта с Советским Союзом вызвало недовольство гитлеровской Германии, которая была заинтересована в усилении напряженности в японо-советских отношениях. Коноэ в своих мемуарах подчеркнул, что во время берлинских переговоров Гитлер и Риббентроп резко отрицательно отзывались о Советском Союзе и призывали Японию нанести удар СССР. Он приводит весьма многозначительный ответ Мацуока: «На обратном пути, остановившись в Москве, я подумаю о том, как на словах урегулировать отношения между Японией и Советским Союзом»¹¹¹. Риббентроп заметил, что с СССР «будет очень трудно говорить». «Хотя и трудно, — ответил Мацуока, — но все же возможно»¹¹².

Коноэ писал далее, что советско-японский пакт о нейтралитете был подписан «вопреки ожиданиям Германии» и что в связи с этим «Риббентроп выразил Осима сожаление»¹¹³.

Сигэмицу в своих мемуарах также утверждает, что Мацуока, подписав в Москве пакт с Советским Союзом, «ощеломил

¹¹⁰ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49369—49370; ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 482, л. 851—852; д. 275, л. 60—61.

¹¹¹ «Коноэ Фумимаро ко-но сюки», стр. 38. — Курсив наш. — Д. Г.

¹¹² Там же, стр. 38—39.

¹¹³ Там же, стр. 39.

Германию»¹¹⁴. Это означало, что немцы, зная о переговорах, которые Мацуока вел в Москве, не ожидали все же, что он подпишет пакт о нейтралитете с СССР, против заключения которого они откровенно и решительно возражали во время берлинских переговоров.

Сообщая Японии накануне и в дни берлинских переговоров о своем решении совершить вероломное нападение на Советский Союз, гитлеровские дипломаты пытались уверить своего дальневосточного союзника в том, что война против СССР продлится не более трех месяцев, а потому Японии крайне выгодно принять в ней участие на стороне Германии. Подписание же советско-японского пакта о нейтралитете квалифицировалось в Берлине как препятствие к использованию Японии в интересах Германии, как документ, противоречивший тройственному пакту и предоставлявший Японии большую свободу действий.

Американские и английские империалисты тоже отрицательно отнеслись к заключению советско-японского пакта о нейтралитете. Английский посол в Токио Крейги в своих мемуарах выразил сожаление по поводу того, что Германия не совершила нападения на Советский Союз тремя месяцами раньше. В этом случае, указывает Крейги, советско-японский пакт о нейтралитете оказался бы невозможным, а японские вооруженные силы, вместо того чтобы маршировать по странам Южных морей, нанесли бы удар по Советскому Союзу¹¹⁵. Не менее откровенно высказался известный американский сенатор Ванденберг. В конце 1940 г., когда происходил обмен мнениями между правительствами СССР и Японии по поводу начала переговоров и характера будущего пакта, Ванденберг заявил, что, если только договор будет подписан, Соединенные Штаты немедленно введут эмбарго на экспорт американских товаров в Японию¹¹⁶.

Заявления Крейги и Ванденберга отражали антисоветские планы английских и американских империалистов, заинтересованных в использовании Японии как орудия борьбы против СССР.

Американские фальсификаторы истории второй мировой войны пытались извратить подлинное значение советско-японского пакта. Подобно тому, как они утверждали, что советско-германский пакт о ненападении будто бы развязал новую мировую войну, они с таким же упорством заявляют, что аналогичную роль в другой части земного шара сыграл пакт между Японией и СССР. Так, например, профессор Калифорнийского университета Роберт Кернер утверждал, что советско-японский

пакт о нейтралитете якобы «ускорил конфликт» на Тихом океане¹¹⁷.

Однако, если учесть те цели, которыми в отличие от Японии руководствовался Советский Союз при заключении упомянутого пакта, клеветнический характер подобных рассуждений становится совершенно очевидным.

Подписание советско-японского пакта продемонстрировало неизменное желание СССР улучшить взаимоотношения с Японией и тем самым разрядить напряженность, которую систематически поддерживали на Дальнем Востоке реакционные круги японской монополистической буржуазии. «Пакт о нейтралитете и Декларация, публикуемые сегодня, — говорилось в передовой «Правды», — являются документами большой политической важности, ибо они представляют собой крупный шаг вперед по пути улучшения взаимоотношений СССР и Японии»¹¹⁸.

Многие буржуазные исследователи признают огромную победу Советского Союза, заключившего с Японией пакт о нейтралитете. Американский буржуазный политический деятель Джонс пишет, что «в действительности пакт с Японией явился триумфом советской дипломатии и поражением Мацуока»¹¹⁹. Японские империалисты оказались связанными в реализации своих планов антисоветской войны и не смогли открыто выступить против Советского Союза на стороне гитлеровской Германии после возникновения советско-германской войны. Сорванными оказались и планы англо-американских творцов политики «дальневосточного Мюнхена», упорно пытавшихся направить японскую агрессию против Советского Союза.

Заключение пакта с Японией явилось победой миролюбивой внешней политики СССР, направленной на обеспечение мира и безопасности на Дальнем Востоке и отвечавшей коренным интересам свободолюбивых народов в условиях сложной международной обстановки. Советский Союз стремился ограничить возможность территориального распространения второй мировой войны и не допустить приближения ее к своим границам.

Подписание пакта с Японией представляло блестящий образец трезвого, глубоко научного понимания расстановки сил на международной арене, дальновидности и умелого маневрирования советской дипломатии. Советский Союз точно учел и умело использовал в интересах мира японо-германские империалистические противоречия, стремление каждой из сторон блока «оси» руководствоваться главным образом своими интересами и целями. Планы совместных и одновременных агрес-

¹¹⁷ Robert J. Kerner, *The Pacific in the diplomatic conflict of the war* (в сборнике: «The South West Pacific and the war», Los Angeles, 1944), p. 119.

¹¹⁸ «Правда», 1941, 14 апреля.

¹¹⁹ F. C. Jones, *Japan's new order...*, p. 214.

¹¹⁴ 重光葵, 昭和の動亂, 第二卷, 東京, 一九五二年, 30—33頁。(далее — Сигэмицу Мамоу, *Сэва-но доран*).

¹¹⁵ Robert Craigie, *Behind the Japanese mask*, p. 117.

¹¹⁶ «Amerasia», 1940, No 12, p. 448.

тивных действий против СССР, в течение длительного времени обсуждавшиеся во время переговоров Германии и Японии в Берлине и Токио, оказались нарушенными.

Заклучение Советским Союзом пакта о нейтралитете с Японией явилось важнейшим мероприятием нашего государства, направленным на обуздание агрессоров и обеспечение мира и международной безопасности.

Обострение японо-американских империалистических противоречий. Подготовка Японии к войне на Тихом океане. Разработка военных планов в Японии и США

Берлинские переговоры Мацуока и заключение советско-японского пакта о нейтралитете происходили в условиях международной напряженности, в условиях подготовки фашистскими агрессорами новых военных авантур. Гитлеровская Германия готовилась к новым актам агрессии в Европе и главное к вероломному нападению на Советский Союз. Империалистическая Япония тщательно подготавливалась к большой войне на Тихом океане и при наличии благоприятных условий к нападению на СССР.

Весна 1941 г. характеризовалась резким ухудшением взаимоотношений и обострением империалистических противоречий между двумя главными тихоокеанскими соперниками и конкурентами — Японией и США.

Как было указано выше, подписание тройственного пакта, оккупация Японией Индокитая и ее экономическое давление на Индонезию обостряли японо-американские империалистические противоречия и приближали вооруженный конфликт в тихоокеанском бассейне между Японией и Соединенными Штатами. Каждая из стран поспешно готовилась к решающему столкновению, к борьбе за установление господства на Тихом океане.

После поражения Франции Соединенные Штаты стали лихорадочно укреплять свой военно-морской флот¹²⁰.

Одновременно было объявлено об усилении экономических санкций в отношении Японии, но проводились они, как и ранее, крайне непоследовательно. Тем не менее это вызвало резкую антиамериканскую реакцию в японской буржуазной печати¹²¹.

Американские империалисты не ограничивались мерами экономического давления или, точнее, угрозой их применения. Одновременно принимались меры по укреплению англо-американской коалиции, по созданию совместного фронта против

¹²⁰ Т. А. Bisson, *America's Far Eastern policy*, New York, 1945, p. 46.

¹²¹ См.: «Токио нити-нити», 1940, 27 июля.

Японии. В начале октября 1941 г. США и Англия заключили соглашение об объединенных действиях на Тихом океане.

В середине октября в Соединенных Штатах вступил в силу закон о введении эмбарго на экспорт железного и стального лома в Японию. В ответ на подписание соглашения между Японией и «центральным» правительством Ван Цзин-вэя Соединенные Штаты предоставили 1 декабря правительству Чан Кай-ши заем в размере 100 млн. долл.

Американским гражданам, проживавшим в Японии, Китае, Корее и Индокитае, было рекомендовано возвратиться на родину.

В то же время Япония предприняла ряд мер военного характера. В августе 1940 г. командование японского военно-морского флота представило Тайному совету предварительный план, предусматривавший завершение подготовки войны против США и Англии в восьмимесячный срок.

С момента подписания тройственного пакта темпы подготовки Японии к войне значительно усилились. На совещании «Исследовательского комитета» Тайного совета, созванном вскоре после подписания указанного пакта, один из представителей военно-морского флота заявил, что его командование считает войну на Тихом океане неизбежной. Начальник планового бюро кабинета Хосино подчеркнул, что проводится тщательное планирование на случай войны с США, создаются запасы важных военных материалов, в том числе нефти; он указал, что имеющихся запасов нефти достаточно лишь для кратковременной «решительной» войны. На случай превращения войны в затяжную предлагалось использовать ресурсы Индонезии и других территорий, намеченных к оккупации японскими вооруженными силами.

Ход заседания «Исследовательского комитета» Тайного совета показывал, что японские империалисты исходили из неизбежности тихоокеанской войны и составляли планы ее обеспечения, как в случае если она будет скоротечной, или «молниеносной», так и в случае затяжного ее характера.

Осуществляя военные приготовления, японские империалисты рассчитывали, что в дальнейшем Соединенные Штаты будут втянуты в войну против Германии, что должно было облегчить реализацию агрессивных планов Японии в тихоокеанской войне. 11 декабря 1940 г. Мацуока заявил, что если США вступят в войну против Германии, то Япония будет вынуждена объявить войну Соединенным Штатам. В таком же духе выступали представители военно-морских кругов Японии, активные сторонники агрессии в южном направлении. Так, бывший командующий японским флотом адмирал Такахаси настаивал на необходимости укрепления позиций на севере, чтобы наилучшим образом реализовать экспансию в южном направлении.

Оба тихоокеанских соперника поспешно увеличивали свой военно-морской флот. К началу 1940 г. преимущество Соединенных Штатов было совершенно явным. Это подтверждают данные о соотношении находившихся в строю военно-морских кораблей (табл. 1).

Таблица 1
Состояние военно-морских флотов США и Японии на 1 января 1940 г.*

Класс кораблей	США		Япония	
	количество	тоннаж	количество	тоннаж
Линкоры	15	464 300	9	272 070
Авианосцы	5	120 100	6	88 470
Тяжелые крейсера } Легкие крейсера }	35	175 200	12	107 800
Эсминцы	218	157 775	15	97 535
Подводные лодки	95	236 070	84	113 476
		71 175	35	52 432
Всего	368	1224 620	161	731 783

* John Günther, *Our pacific frontier* («Foreign affairs», vol. XVIII, 1940, № 4), p. 591; Хасэгава Сатоси, *Нитубэй кайсэн-но синсо*, стр. 143; Hallet Abend, *Japan unmasked*, p. 159.

Следовательно, Соединенные Штаты имели на 1 января 1940 г. почти в 2,3 раза больше кораблей и почти в 1,7 раза больший тоннаж, чем Япония. Особенно значительным было преимущество по классам линкоров, эсминцев и подводных лодок.

Однако с 1 января 1940 по 1 января 1941 г. в результате усиленного развития японской кораблестроительной промышленности соотношение военно-морских флотов двух держав изменилось, дистанция между ними сократилась. Об этом свидетельствуют следующие данные (табл. 2).

Приведенные данные показывают, что японские империалисты стремились как можно быстрее ликвидировать отставание своего флота от американского, чтобы тем самым обеспечить дальнейшее расширение агрессии в южном направлении.

Несмотря на известные успехи, Япония в течение долгого времени не могла состязаться с Соединенными Штатами, которые чрезвычайно быстро развивали кораблестроительную промышленность. На 1 января 1941 г. в США строилось 368 новых кораблей, в Японии же — только 36¹²².

Япония уступала Соединенным Штатам и в вооружении своих кораблей, в особенности линкоров. Если американский линкор имел на вооружении 24 шестнадцатидюймовых и 124 че-

¹²² Harold Sprout, *Changing power relations in the Pacific*, p. 113.

Таблица 2

Состояние военно-морских флотов США и Японии на 1 января 1941 г.*

Класс кораблей	США		Япония	
	количество	тоннаж	количество	тоннаж
Линкоры	15	464 300	10	301 400
Авианосцы	6	134 800	8	108 570
Авианосцы для гидропланов	—	—	6	68 050
Тяжелые крейсера	37	171 200	18	158 750
Легкие крейсера	37	157 775	24	125 255
Эсминцы	159	207 600	126	167 043
Подводные лодки	105	106 560	78	102 591
Всего	322	1 242 235	270	1 031 659

* Составлено на основании: Хасэгава Сатоси, *Нитубэй кайсэн-но синсо*, стр. 143; Harold Sprout, *Changing power relations in the Pacific* («Annals of the American academy of political and social science», 1941, vol. 215, № 5), p. 113.—Уменьшение количества эсминцев у США объясняется передачей Англии свыше 50 кораблей этого класса, осуществленной на основании англо-американского соглашения от 2 сентября 1940 г.

тырнадцатидюймовых орудия, то японский линкор имел соответственно лишь 16 и 80 орудий. Только в одном Япония превосходила США — в скорости движения линкоров: японский линкор делал 24,1 узла в час, американский — 21,5 узла¹²³.

Военные и дипломатические мероприятия Японии и США свидетельствовали об остроте империалистических противоречий между ними, о том, что два главных тихоокеанских конкурента готовились разрешить их при помощи военного конфликта.

Наибольшую активность проявляли японские империалисты. Соединенные Штаты имели уже в январе 1941 г. сведения о подготовке Японией нападения на Пёрл-Харбор. Американский посол в Токио Джозеф Грю 27 января 1941 г. сообщил в государственный департамент о том, что из различных источников ему стало известно о подготовке Японией нападения на Пёрл-Харбор, во время которого предполагается использовать все японские вооруженные силы¹²⁴.

¹²³ Ibid., p. 133.

¹²⁴ Joseph C. Grew, *Turbulent era. A diplomatic record of forty years 1904—1945*, vol. II, Boston, 1952, p. 1233.

Высшее военно-морское командование США считало реальной угрозой японского нападения на Пёрл-Харбор. 24 января 1941 г. морской министр

Сообщения Грю были достоверными, хотя и неполными.

В действительности в это время в Японии интенсивно разрабатывался план тихоокеанской кампании и прежде всего план нападения на Пёрл-Харбор; инициатором его был командующий Объединенным флотом¹²⁵ адмирал Ямамото Исороку. Именно ему принадлежит идея внезапного воздушного нападения на Пёрл-Харбор, положенная в основу Гавайской операции.

Японское командование придерживалось того мнения, что наибольшую опасность представлял американский военно-морской флот, сосредоточенный в районе Гавайских островов.

«Если нам придется воевать с Соединенными Штатами,— заявил Ямамото представителю военно-морских кругов Ониса,— мы не можем питать какой-либо надежды на победу, пока американский флот на Гавайских островах не будет уничтожен»¹²⁶.

В течение нескольких месяцев план Гавайской операции разрабатывался оперативным отделом морского генерального штаба, штабом Объединенного флота и штабом 1-го воздушного флота.

Усиленно проводилась и практическая подготовка к войне.

Во время маневров Объединенного флота в апреле — мае 1941 г. были организованы учения на тему нападение бомбардировщиков-торпедоносцев. Как сообщает бывший начальник штаба этого флота вице-адмирал Фукудомэ, было установлено,

Нокс в письме к военному министру Маршаллу заявил: «Если произойдет война с Японией, то вполне можно представить себе, что военные действия начнутся с неожиданной атаки на флот или морскую базу в Пёрл-Харборе». В письме указывалось, что Япония может бомбардировать американский флот с воздуха с помощью самолетов-торпедоносцев, атаковать его подводными лодками, минировать или подвергнуть его артиллерийскому обстрелу [см.: «Full text of report to president on Pearl Harbor investigation» («Army and navy journal», 1942, 31 January), p. 601].

Руководитель военно-морской разведки США контр-адмирал Захарияс в марте 1941 г. информировал командующего военно-морскими силами США в районе Гавайских островов Киммеля о вероятности начала японского нападения с воздушной атаки американского флота без объявления войны в какое-либо воскресное утро и скорее всего в северном секторе Тихого океана. Он мотивировал это тем, что державы оси обычно начинают свои действия в субботу или воскресенье, или в день национального праздника тех стран, которые подвергаются нападению. Поэтому, указывал Захарияс, необходимо быть в такие дни особенно бдительными [см.: T. B. Kittredge, *The Muddle before Pearl Harbor — inside story* («United States news and world report», 1954, 3 December), p. 60].

¹²⁵ В состав Объединенного флота Японии входили 1, 2, 3, 4, 5 и 6-й флоты (часть японских военно-морских сил находилась в китайских водах). Объединенный флот был подчинен морскому генеральному штабу и предназначался для активных боевых операций главным образом на Тихом океане.

¹²⁶ «Report of the Joint committee on the investigation of the Pearl Harbor attack», Washington, 1946, p. 53.

что в результате такого нападения флот понес тяжелые повреждения, наполовину уменьшившие его силу.

В январе 1941 г. проводились аэрофотосъемки, необходимые для десантных операций в Кота Бару (Малайя).

В мае 1941 г. части особого назначения в составе кораблей и военно-морской авиации в строжайшем секрете готовились к тихоокеанской кампании в заливе Кагосима (на Кюсю), в условиях местности, весьма сходной с Пёрл-Харбором.

В это же время военное министерство совместно с министерством финансов подготавливало специальные денежные знаки для районов, намеченных к оккупации. Эти знаки предназначались в первую очередь для Индонезии, Таиланда, Малайи и Британского Борнео.

Важнейшей составной частью тихоокеанской кампании должен был явиться внезапный уничтожающий удар по американскому флоту в Пёрл-Харборе. Этот удар имел целью установить господство Японии на море, которое являлось необходимым условием для последующих военных операций.

Основной целью военной кампании на Тихом океане японские империалисты считали уничтожение англо-саксонского господства в Юго-Восточной Азии и в западной части Тихого океана, а также установление безраздельного господства японского империализма в Китае и на Тихом океане. В ходе войны намечались захват Филиппин, Малайи, Бирмы и Индонезии и создание «оборонительной линии», идущей от Курильских островов через Маршалловы острова, архипелаг Бисмарка, Новую Гвинею и Тимор к Суматре и границам Индии. На захваченной территории предполагалось создать неприступную военную крепость и построить самообеспечивающуюся «сферу процветания», «новый порядок», во главе которого находилась бы независимая в экономическом отношении Япония¹²⁷.

Важную роль в войне на Тихом океане должен был сыграть японский военно-морской флот, который в течение полустолетия воспитывался в наступательном духе. Этот «наступательный дух» рассматривался как единственный путь к достижению победы. Такая концепция исключала какие бы то ни было оборонительные действия¹²⁸.

Вслед за осуществлением плана молниеносного разгрома главных военно-морских сил США в районе Гавайских островов японские империалисты, обеспечив свой фланг, предполагали развернуть столь же молниеносное наступление против американских и английских владений в юго-западном районе Тихого океана и немедленно овладеть ими. Они намеревались

¹²⁷ «Основной план войны за великую Восточную Азию», см.: «Кампания войны на Тихом океане», М., 1956, стр. 4.

¹²⁸ Shigeru Fukudome, *Hawai operation* («United States naval institute proceedings», vol. 81, 1955, № 12), p. 1315.

заставить Соединенные Штаты пойти на мирные переговоры, в ходе которых рассчитывали продиктовать своему главному тихоокеанскому сопернику такие условия мира, которые признали бы монопольное господство Японии в бассейне Тихого океана. Адмирал Ямамото Исороку хвастливо заявлял: «Если возникнет война (с США. — Д. Г.), то недостаточно захватить Гуам и Филиппины, даже Гавайи и Сан-Франциско. Мы должны будем дойти до Вашингтона и подписать там мирный договор, то есть продиктовать условия мира в Белом доме»¹²⁹.

План «Гавайской операции» предусматривал создание боевой группы для воздушного нападения на тихоокеанский флот США, находившийся в Пёрл-Харборе. В целях маскировки это оперативное соединение должно было направиться по северному пути, обычно используемому торговыми судами. Большое значение придавалось подводному соединению, которое должно было одновременно выйти по другому маршруту и с исходного пункта наступления взаимодействовать с авиацией боевой группы кораблей морского флота. Существенное место в плане занимала разработка различных видов вооружения, могущих усилить эффект нападения, в частности мелководных торпед и сверхмалых, «карманных» подводных лодок специального назначения¹³⁰.

Готовясь к войне на Тихом океане, японские империалисты уделяли большое внимание укреплению мандатных островов.

Уже в течение 1934—1939 гг. была разработана программа укрепления четырех баз (Сайпан, Палау, Трук и Понапе), которая предусматривала строительство аэродромов и нефтескладов, оборудование гаваней и средств связи. Для того чтобы обойти запрещение строительства баз и возведения укреплений, принятое на Вашингтонской конференции, японские вла-

¹²⁹ Claude A. Buss, *The Far East. A history of recent and contemporary international relations in East Asia*, New York, 1955, p. 413.

¹³⁰ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49478. Вопрос об использовании сверхмалых подводных лодок возник в 1936 г., вскоре был построен специальный корабль — носитель сверхмалых лодок. С начала 1941 г. начались интенсивные испытания, а в октябре того же года было признано целесообразным использовать в случае войны эти лодки для нападения на американский флот, находившийся в Пёрл-Харборе, однако при условии принятия мер для возвращения команд лодок на корабль после атаки. В результате пять больших (океанских) подводных лодок были оборудованы специальным устройством, позволяющим нести на палубе сверхмалые подводные лодки (см.: Мотицура Хасимото, *Потопленные. Японский подводный флот в войне 1941—1945 гг.*, М., 1956, стр. 32). Данные о сверхмалых подводных лодках см.: Toshiyuki Yokoi, *Kamikazes and the Okinawa campaign* («United States naval institute proceedings», vol. 80, 1954, № 5), p. 505—513; John Long, *Japan's «Underseas carriers»* («United States naval institute proceedings», vol. 76, 1950, No 6), p. 607—613. О строительстве «карликовых подводных лодок», или «человекоторпед», см.: Anri le Masson, *Les constructions de la marine impériale japonaise pendant la guerre de 1941—1945* («La Revue maritime», 1954, Jule), p. 857—866.

сти заявляли, что проведенные ими меры направлены на улучшение экономики островов.

В программу 1939—1940 гг. включалось новое строительство на мандатных островах применительно к нуждам военно-морского флота. Летом 1939 г. было решено создать новые ключевые базы на Кваджелейне, Вотье, Малоэлапе и Джалауте. В 1940 г. началось строительство четырех баз на Маршалловых островах, всего же намечалось создать восемь баз. В июне и августе 1941 г. были выделены дополнительные средства (около 2,6 млн. иен) на оборудование в указанных базах зенитной артиллерии; к началу ноября 1941 г. на Понапе, Кваджелейне и Труке было завершено строительство баз для подводных лодок. К концу ноября 1941 г. ассигнования на укрепление баз на мандатных островах превысили 120 млн. иен.

С конца 1940 г. на этих островах стали создаваться постоянные береговые гарнизоны, подчиненные 4-му военно-морскому флоту, на который возлагалась также ответственность за завершение программы строительства баз. Гарнизоны на мандатных островах в ноябре—декабре 1941 г. насчитывали 36 тыс. человек¹³¹.

В соответствии с обязательствами тройственного пакта и договоренностью, достигнутой во время берлинских переговоров, японские империалисты поставили в известность гитлеровскую Германию о разработке ими плана войны против английских владений на Тихом океане, не упомянув, однако, о подготовке «Гавайской операции».

27 февраля 1941 г. японский посол в Берлине Осима сообщил Риббентропу о том, что приготовления к нападению на Сингапур будут закончены к концу мая¹³². В дальнейших беседах Риббентроп вновь подчеркнул важность захвата Японией Сингапура и одновременно рекомендовал захватить Филиппины¹³³.

Аналогичную информацию о подготовке нападения на Сингапур получил германский посол в Токио, с которым обсуждался даже план нападения. Рассматривался, в частности, вопрос об участии немецких пикирующих бомбардировщиков в сингапурской операции. В конце мая 1941 г. Мацуока договорился с Герингом о том, что эта операция будет поддержана немецкой авиацией, за что Япония обещала увеличить поставки каучука Германии¹³⁴.

Таким образом, в новой обстановке, когда подготовка Японии к тихоокеанской войне значительно продвинулась, япон-

¹³¹ Thomas Wilds, *How Japan fortified the Mandated islands* («United States naval institute proceedings», vol. 81, 1955, No. 4), p. 402, 403, 405, 406.

¹³² Joseph W. Ballantine, *Mukden to Pearl Harbor...*, p. 660.

¹³³ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49442.

¹³⁴ Там же, стр. 49443.

ские империалисты пытались добиться непосредственной военной помощи Германии во время проведения операции по захвату Сингапура в обмен на иллюзорную и практически неосуществимую поставку каучука. Переговоры Осима с Риббентропом и Мацуока с германским послом в Токио Оттом свидетельствовали о стремлении японских империалистов использовать своих союзников в собственных целях в соответствии со стратегическими планами развертывания войны на Тихом океане.

Соединенные Штаты, располагая данными о разработке Японией конкретных планов нападения, продолжали также принимать меры военного порядка. Главное внимание было уделено пересмотру прежних военных планов и разработке новых, отвечавших изменившейся обстановке.

После первой мировой войны американские империалисты разрабатывали стратегические планы войны с Японией. При этом командование сухопутных войск США считало главной задачей оборону Соединенных Штатов. При определении цели они исходили из тех соображений, что не следует ввязываться в войну с Японией, поскольку война эта будет длительной и дорогостоящей и нельзя будет предотвратить потерю Филиппин. В отличие от армейских кругов руководители военноморских сил, основываясь на превосходстве американского флота, отстаивали наступательную стратегию США на Тихом океане.

Нападение Японии на Китай летом 1937 г. заставило американские военные круги по-иному оценить вероятные перспективы и последствия японской агрессии. 21 февраля 1938 г. Объединенный совет, состоявший из начальника штаба армии и начальника морских операций, военный и морской министры одобрили тот вариант «Оранжевого плана» («план Ориндж»), который исключал наступательную стратегию и выдвижение американского флота в западную часть Тихого океана, но ставил задачей охранять вход в Манильский залив от «оранжевых» (японских) морских сил¹³⁵.

Усиление гитлеровской агрессии в Европе заставило штабных специалистов продолжить пересмотр военных планов. Особое внимание уделялось возможности согласованных действий блока фашистских агрессоров. В отличие от планов 20—30-х годов XX в., каждый из которых имел в виду операции против одной державы (например, «Оранжевый» против Японии), в течение мая — июля 1939 г. было подготовлено пять новых военных планов, получивших название «Рейнбоу» («Радуга») № 1, 2, 3, 4 и 5 и исходивших из возможности войны против

¹³⁵ М. Мэтлофф и Э. Сизэл, *Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941—1942 гг.*, М., 1955, стр. 12. «Оранжевыми» планами назывались планы войны против Японии, составленные впервые после первой мировой войны.

нескольких противников на нескольких театрах войны¹³⁶. Все эти планы предусматривали объединенные военные действия армии и флота для защиты Западного полушария и охраны «жизненных интересов» США в западной части Тихого океана. После возникновения второй мировой войны главное внимание уделялось дальнейшей разработке плана «Рейнбоу-2», который намечал согласованные действия США, Англии и Франции в Европе и на Тихом океане при том условии, что США принимают на себя охрану интересов западных держав на Тихом океане и выполнение задач, «имеющих существенное значение для защиты этих интересов и для разгрома сил противника на Тихом океане»¹³⁷.

После вторжения гитлеровской Германии в Бельгию, Голландию, Данию, Норвегию и капитуляции Франции все внимание было уделено разработке плана «Рейнбоу-4», который получил 14 августа 1940 г. санкцию Рузвельта. Исходным положением этого плана явилось отражение нападения противника на американский континент и владения США на Тихом океане до линии о. Уналаиска и о. Мидуэй включительно¹³⁸.

Нарастающая угроза вторжения Германии в Англию и усиление экспансии Японии в южном направлении настойчиво выдвинули вопрос о координации военных планов и усилий Англии и США. 12 ноября 1940 г. начальник военно-морских операций адмирал Старк представил морскому министру Ноксу меморандум, в котором излагался план «Дог», или «план Д.»¹³⁹. Исходя из реальной опасности для США потерять все, в случае если Англия потерпит поражение в войне, Старк предлагал план согласованных действий англичан и американцев. Он подчеркивал опасность одновременной войны на Атлантическом и Тихом океанах и вместе с тем предостерегал от ведения «неограниченной» войны, то есть против принятия Соединенными Штатами неограниченных обязательств в отношении Англии на Тихом океане. Старк придерживался оборонительной стратегии на Тихом океане. План «Дог» встретил одобрение военного министра и был утвержден президентом. На совещании по вопросам военной политики, созванном Рузвельтом в середине января 1941 г. для окончательного обсуждения плана «Дог», президент указал, что Соединенные Штаты должны занимать

¹³⁶ Maurice Matloff, *Prewar military plans and preparations* («United States naval institute proceedings», vol. 79, 1953, No. 7), p. 741—743. О стратегических военных планах США, направленных против Японии, см.: Т. В. Киттридж, *The Muddle before Pearl Harbor...*, p. 52—63, 110—139; Tracy Barret Kittredge, *A military danger. The revelation of secret strategic plans* («United States naval institute proceedings», vol. 81, 1955, No 7), p. 731—743.

¹³⁷ М. Мэтлофф и Э. Сизэл, *Стратегическое планирование...*, стр. 15—21.

¹³⁸ Там же, стр. 25.

¹³⁹ Т. В. Киттридж, *The Muddle before Pearl Harbor...*, p. 55—56; Tracy Barret Kittredge, *A military danger...*, p. 732.

оборону на Тихом океане, базируя свой флот на Гавайях, и в случае войны продолжать материальную помощь Англии¹⁴⁰. Уже тогда имелось в виду, что в случае вступления Японии в войну США станут на сторону Англии, причем США будут действовать в центральной части Тихого океана и на Дальнем Востоке, а главные военные усилия Англии будут сосредоточены в Атлантическом океане или на Средиземном море¹⁴¹.

Разработка плана «Дог» явилась прелюдией к обсуждению и утверждению согласованных англо-американских планов на совместных совещаниях представителей Англии и США. Такие совещания представителей штабов обеих стран происходили в январе — марте 1941 г. в Вашингтоне. После 14 заседаний был подготовлен итоговый доклад, получивший название плана «АВС-1»¹⁴². Этот план предусматривал оборонительную стратегию обеих сторон на Дальнем Востоке в случае вступления Японии в войну и главной целью считал нанесение поражения Германии¹⁴³. На одном из вашингтонских совещаний было принято также решение рекомендовать своим правительствам немедленно обменяться военными миссиями и обеспечить систематическое получение взаимной информации.

После того как план «АВС-1» получил одобрение начальников штабов армии и флота США, был издан приказ о подготовке плана «Рейнбоу-5». Проект этого плана был завершён 7 апреля 1941 г. и к концу месяца представлен американскому Объединенному совету армии и флота. Стратегическая цель союзных держав заключалась в разгроме Германии и ее сателлитов, в обороне Англией и США западного полушария и обеспечении безопасности Англии. План «Рейнбоу-5» имел в виду использование экономической блокады, финансовых санкций в отношении держав «оси», непрерывное воздушное наступление на Германию, помощь нейтральным странам, быстрый разгром Италии¹⁴⁴. На Тихом океане он предусматривал защиту американской армией территории союзных держав, охрану флотом США морских коммуникаций союзных держав и нарушение морских коммуникаций держав «оси», оборону островов Мидуэй, Джонстон, Пальмира и Гуам. Американский флот должен был также поддерживать силы союзников в зоне Тихого океана, отвлекать силы противника от Малайи и Индонезии и подготовить захват японских подмандатных островов в центральной части Тихого океана. Планом предусматривалась оборона Филиппин силами США¹⁴⁵.

¹⁴⁰ М. Мэтлофф и Э. Снэлл, *Стратегическое планирование...*, стр. 44.

¹⁴¹ Там же, стр. 46.

¹⁴² «ADC» — начальные буквы английских слов: American — British Conversation. О плане «АВС-1» см.: Т. В. Китредж, *The Muddle before Pearl Harbor...*, p. 56.

¹⁴³ Maurice Matloff, *Prewar military plans...*, p. 744—745.

¹⁴⁴ М. Мэтлофф и Э. Снэлл, *Стратегическое планирование...*, стр. 62.

¹⁴⁵ Там же, стр. 64.

План «Рейнбоу-5» и доклад «АВС-1» 14 мая 1941 г. были утверждены на Объединенном совете армии и флота, а затем одобрены военным и морским министрами¹⁴⁶ и правительствами Англии и США.

Одновременно с уточнением плана «Рейнбоу» и согласованием доклада «АВС-1» англо-американскими союзниками 21—27 апреля 1941 г. в Сингапуре происходило американо-голландско-английское совещание (ADB)¹⁴⁷. Было решено отстаивать позиции союзных держав на Дальнем Востоке в случае японского наступления; особое значение придавалось обеспечению безопасности Сингапура и Лусона. В качестве одного из средств борьбы против Японии предлагалась экономическая блокада, воздушные бомбардировки оккупированных ею территорий и самой Японии и действия подводных лодок на морских коммуникациях, связывающих Японию с оккупированными странами.

Растущая угроза японо-американского военного конфликта стала предметом обсуждений и американского конгресса, в особенности с начала 1941 г. 11 января конгресс утвердил новые ассигнования на военно-морское строительство, сооружение и расширение баз на Тихом океане: в Гуаме, Самоа, Джонстоне и Пальмире. Однако и Япония и Соединенные Штаты были заинтересованы в том, чтобы несколько оттянуть войну и наилучшим образом подготовиться к неотвратимому военному конфликту. Япония, кроме того, была заинтересована в том, чтобы максимально обеспечить внезапность и эффективность военного нападения на США и Англию. По этой причине японское правительство назначило в Вашингтон нового посла, адмирала Номура Китсабуру, которому поручалось начать переговоры об «урегулировании» японо-американских отношений, чтобы замаскировать подготовку войны¹⁴⁸. В телеграмме Мацуока, направленной Номура 7 февраля 1941 г., японский министр иностранных дел предлагал объяснить Рузвельту и влиятельным лицам «действительные намерения» Японии. «Никто в нашей стране, — лицемерно заявлял Мацуока, — не желает вести войну с Америкой. Если, к несчастью, между Японией и Америкой произойдет столкновение, то его, безусловно, начнут американцы, поскольку Америка никогда не начинала войну пассивно»¹⁴⁹.

Японский премьер-министр Коноэ в конце февраля 1941 г. также заявил, что ничто не остановит его правительство в стремлении добиться от США «действительного понимания

¹⁴⁶ Maurice Matloff, *Prewar military plans...*, p. 745.

¹⁴⁷ «ADB» — начальные буквы английских слов: American — Dutch — British.

¹⁴⁸ 22 января 1941 г. Мацуока дал Номура соответствующие инструкции (см.: Сигэмицу Мамору, *Сёва-но доран*, т. II), стр. 60—61.

¹⁴⁹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 9652.

подлинных намерений Японии»¹⁵⁰. По сути говоря, это было предложение начать японо-американские переговоры, в ходе которых Коноэ предполагал заключить соглашение на выгодных для Японии условиях.

Первая стадия японо-американских переговоров (8 марта — 22 июня 1941 г.)¹⁵¹.

Началу официальных японо-американских переговоров предшествовали неофициальные «частные переговоры», которые происходили в конце 1940—начале 1941 г. Сначала в Вашингтон прибыла японская делегация во главе с Хасимото, которая вела переговоры с представителями государственного департамента, закончившиеся, однако, безрезультатно¹⁵².

Министр иностранных дел Мацуока сделал попытку действовать через духовных лиц, которые были тесно связаны с видными американскими миссионерами, долгое время проживавшими в Японии. В ноябре 1940 г. он просил епископа Уолша и священника Драута взять на себя миссию сообщить Рузвельту о желании японского правительства начать переговоры с США по поводу заключения мирного соглашения на условиях выхода Японии из блока трех держав, предоставления гарантий вывода всех японских военных сил из Китая и восстановления территориальной и политической целостности страны¹⁵³.

¹⁵⁰ Т. А. Bisson, *America's Far Eastern policy*, p. 116.

¹⁵¹ Предлагаемая нами периодизация японо-американских переговоров в Вашингтоне расходится с периодизацией Б. В. Родова, который определяет первую стадию отрезком времени с 8 марта по 24 июля 1941 г. (захват Японией южного Индокитая), вторую — с первых чисел августа по 2 октября 1941 г. (окончательное отклонение правительством США японского предложения о встрече Коноэ с Рузвельтом) и третью — октябрь — декабрь 1941 г. (до разрыва переговоров и нападения на Перл-Харбор) (см.: Б. Родов, *Роль США и Японии в подготовке и развязывании войны на Тихом океане 1938—1941 гг.*, М., 1951, стр. 88, 111, 114, 140, 141, 166).

Периодизация Б. В. Родова не учитывает значения Великой Отечественной войны. С момента ее возникновения начался новый период в истории второй мировой войны, оказавший огромное воздействие на ход японо-американских переговоров. С этого времени, в условиях коренных изменений, происшедших в расстановке сил на международной арене, началась вторая стадия вашингтонских переговоров (22 июня — 29 июля 1941 г.), далее — третья (29 июля — 18 октября 1941 г.) и, наконец, последняя стадия (18 октября — 7 декабря 1941 г.), которые, как будет показано далее, принципиально отличались от начальной стадии переговоров, происшедших до возникновения Великой Отечественной войны — главного и решающего фронта второй мировой войны.

¹⁵² Charles Callan Tansill, *Back door to war. Roosevelt foreign policy 1933—1941*, Chicago, 1952, p. 629.

¹⁵³ *Ibid.*, p. 628. Б. Родов, опираясь на мемуары Коноэ и Номура, впервые обратил внимание на закулисные предварительные переговоры Уолша, Драута и Уоркера, с одной стороны, и Икава (ближайший сотрудник Номура) и Ивэ хата — с другой (см.: Б. Родов, *Роль США и Японии...*, стр. 87).

В действительности Япония ставила цель выяснить лишь возможность начала переговоров с США. Выдвижение указанных условий являлось демагогическим маневром, и «частный» характер неофициальной миссии давал японскому правительству возможность в любой момент дезавуировать им же предложенные условия.

Уолш и Драут после принятия предложения Мацуока встретились с начальником одного из отделов военного министерства генералом Муто, который заверил их в том, что «он и его соратники в японской армии поддерживают усилия, направленные к достижению мирного соглашения»¹⁵⁴. Кроме того, Драут имел беседы с Икава, который являлся неофициальным агентом Коноэ и ближайшим сотрудником Номура¹⁵⁵.

Вслед за этим Уолш и Драут выехали в Вашингтон и 23 января 1941 г. были приняты Рузвельтом и Хэллом¹⁵⁶.

Однако «дипломатическая разведка», предпринятая Уолшем и Драутом, не дала положительных результатов. Американское правительство ожидало прибытия в Вашингтон нового официального посла Японии Номура Китисабуро, который 24 февраля 1941 г. вручил свои верительные грамоты Рузвельту.

Выполняя инструкции правительства, требовавшие постоянного разъяснения того, что Япония не намеревалась и якобы не собирается напасть на Соединенные Штаты, Номура пытался вести неофициальные переговоры с представителями американских военных кругов.

После осторожного зондирования почвы для выяснения условий соглашения между Японией и США 8 марта 1941 г. было приступлено к официальным переговорам. С этого времени началась первая стадия вашингтонских переговоров между Японией и США, длившаяся до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

Во время первой встречи с Хэллом, 8 марта, Номура заявил, что он не мыслит себе войны между двумя странами ввиду разрушительных последствий, которые она может повлечь за собой¹⁵⁷. В дальнейших своих беседах японский посол настойчиво доказывал отсутствие у Японии каких-либо воинственных намерений и возможность мирного японо-американского соглашения. Он мотивировал свою точку зрения тем, что «любое соглашение лучше войны» и что война между обоими государ-

¹⁵⁴ Charles Callan Tansill, *Back door to war*, p. 629; см. также: William L. Langer and Everett Gleason, *The undeclared war 1940—1941*, New York, 1950, p. 315.

¹⁵⁵ *Ibid.*, p. 467.

¹⁵⁶ *Ibid.*, p. 629. О миссии Уолша и Драута см. также: Julius W. Pratt, *A history of United States foreign policy*, New York, 1955, p. 650.

¹⁵⁷ Меморандум Хэлла о переговорах с Номура 8 марта 1941 г. см.: «Peace and war. United States foreign policy 1931—1941», Washington, 1943, p. 620—627.

ствами явилась бы «преступлением против многих невинных людей».

9 апреля Япония предложила «проект японо-американского понимания» — основу урегулирования отношений между обеими странами. Соединенным Штатам предлагалось признать Маньчжоуго и побудить правительство Чан Кай-ши начать мирные переговоры с Японией. Япония со своей стороны выразила согласие восстановить принцип «открытых дверей» в Китае и соглашалась вывести оттуда свои войска. Как показал последующий ход Вашингтонских переговоров, и эти японские условия носили лицемерный характер. Тогда же Япония предложила Соединенным Штатам признать «оборонительный» характер тройственного пакта¹⁵⁸.

14 апреля Соединенные Штаты сделали неофициальные предложения по поводу круга вопросов, который следовало бы обсудить во время переговоров¹⁵⁹.

Вслед за этим 16 апреля государственный секретарь США Хэлл вручил Номура американский проект, содержащий четыре основных принципа как базу для японо-американских переговоров и соглашения между США и Японией: 1) уважение территориальной целостности и суверенитета всех государств; 2) невмешательство во внутренние дела других стран; 3) равные торговые возможности и 4) изменение статус-кво на Тихом океане только мирными средствами¹⁶⁰.

Решение японского правительства направить в Вашингтон нового посла и начать переговоры с США, в особенности предложения, получившие название «четырёх принципов Хэлла», вызвали беспокойство гитлеровской Германии, не заинтересованной в подписании соглашения между Японией и США. Американский посол в Токио Грю в своих мемуарах, в записи от 3 января 1941 г., отметил, что германская дипломатия делала все возможное, чтобы не допустить поездки Номура в Вашингтон и, более того, добиться полного разрыва дипломатических отношений между Японией и США¹⁶¹. В связи с начавшимися переговорами Риббентроп запросил Осима о целях этих переговоров и совместимости их с существующими японо-гер-

¹⁵⁸ «The memoirs of Cordell Hull», vol. II, New York, 1952, p. 995; см. также: «Papers relating to the foreign relations of the United States. Japan: 1931—1941», vol. II, Washington, 1943, p. 398—402.

¹⁵⁹ 東郷茂徳, 時代的一面, 大戦外交の手記, 東京, 一九五二年, 155頁. (далее — Того Сигэори, *Дзидай-но итэмэн...*, стр. 155). Полный текст «Проекта японо-американского понимания», предложенный Хэллом, см. там же, стр. 154—159. 12 апреля 1941 г. Коноэ в интервью заявил: «Я думаю, что наступит предел давления Соединенных Штатов на Японию путем экономических рестрикций...» (см.: Otto D. Tolischus, *Tokyo record*, New York, 1943, p. 95).

¹⁶⁰ «Papers...» vol. II, p. 407, 658; см. также: William Neumann, *The genesis of Pearl Harbor*, 1945, p. 15. 森正蔵, 旋風二十年, 下巻, 東京, 一九四六年, 頁 (далее — Мори Сэдзо, *Сэмпу нидзюэн*).

¹⁶¹ Joseph C. Grew, *Ten years in Japan*, p. 365.

манскими отношениями и взаимными обязательствами. Японский посол ответил, что его правительство не намеревается заключить какой-либо договор с США на условиях, сформулированных Хэллом 16 апреля 1941 г. Однако Риббентроп остался неудовлетворен этим ответом и выразил от имени своего правительства недовольство тем, что японское правительство отказалось от своего плана нападения на Сингапур и тем самым подорвало доверие германского правительства¹⁶².

Позиция гитлеровской Германии объяснялась тем, что она стремилась руками своего дальневосточного партнера сковать силы США и не допустить их использования на Западном фронте.

Американские предложения подвергались обсуждению на совещании 18 апреля, в котором приняли участие премьер-министр Коноэ, военный министр Тодзё, морской министр Есида, министр внутренних дел Ясуи и вице-министр иностранных дел Охаси. Участники совещания склонялись к тому, чтобы согласиться в принципе с предложениями США, хотя в действительности они не собирались принимать их за основу японо-американского соглашения, которое предстояло выработать во время дальнейших переговоров. Кроме того, они пришли к выводу, что тройственный пакт не должен быть затронут, равно как и японо-германские отношения¹⁶³.

3 мая было созвано новое совещание японских министров, которое приняло проект Мацуока, предложившего подписать пакт о нейтралитете с Соединенными Штатами¹⁶⁴. Вслед за этим Мацуока направил Номура телеграфные инструкции, содержавшие ответ на американские предложения. В них говорилось, что участие США в европейской войне может лишь превратить ее в длительную. Япония, говорилось далее, никогда не будет предпринимать каких-либо мер, нарушающих или ущемляющих положение ее союзников — Германии и Италии. Номура предлагалось выяснить возможность заключения японо-американского договора о нейтралитете¹⁶⁵.

Во время состоявшейся 7 мая беседы Номура и Хэлла выяснилось, что США скептически относятся к японскому предложению подписать пакт о нейтралитете. Несколько позднее Хэлл сообщил Номура, что американское правительство предпочло бы заключить «пакт о взаимопонимании»¹⁶⁶.

¹⁶² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49489.

¹⁶³ «Hearings before Joint committee on the investigation of the Pearl Harbor attack», Congress of United States, seventy-ninth congress, first session, part 20, Washington, 1946, p. 3986.

¹⁶⁴ Ibid., p. 3988. Полный текст проекта Мацуока см.: 野村吉三郎, 米國に於て, 日本交渉の回顧, 東京, 一九四六年, 11—12頁 (далее — Номура Китисабуро, *Бэйкоку-ни цукайситэ...*).

¹⁶⁵ «Hearings...», part 20, p. 3988.

¹⁶⁶ Ibid.

Вопрос о японо-американских отношениях и позиции Японии в случае вступления США в войну обсуждался 9 мая на совещании, созванном Коноэ, в котором приняли участие лишь военный и морской министры. Был также затронут вопрос относительно мер, которые Япония должна будет принять в том случае, если Германия сделает представление по поводу японо-американских переговоров.

10 мая Коноэ, информируя императора относительно совещания 9 мая, заявил, что если США вступят в европейскую войну, то Япония должна произвести нападение на Сингапур. Он указал, что вступление США в войну сделает ее продолжительной и в таких условиях станет возможным столкновение Германии и СССР. В этом случае, заявил премьер-министр, Япония должна будет расторгнуть советско-японский пакт о нейтралитете, выступить на стороне Германии и в ходе военных действий продвинуться «по крайней мере до Иркутска». Вместе с тем Коноэ высказался за разрешение «китайского инцидента», по-прежнему рассматривая его как важнейшую задачу внешней политики Японии. Учитывая военно-промышленный потенциал США, он одобрил американские предложения, назвав их «наилучшей и единственной возможностью»¹⁶⁷.

Переговоры полуофициального и официального характера, происходившие в течение 8 марта — 10 мая 1941 г., и решения совещаний японских министров относительно японо-американских отношений во многом показательны. Обе стороны пытались выяснить возможные условия и круг вопросов, подлежащих обсуждению и разрешению. Соединенные Штаты предложили «четыре принципа» Хэлла, которые имели целью обезопасить американские позиции на Тихом океане. Япония же, хотя и предлагала подписать с США пакт о нейтралитете, считала первоочередной задачей разрешить в свою пользу «китайский инцидент» и непременно сохранить тройственный пакт. Весьма характерно заявление Коноэ о возможности расторжения советско-японского пакта о нейтралитете в случае возникновения советско-германской войны и намерении захватить территорию Советского Дальнего Востока до Иркутска.

В ходе дальнейших переговоров Хэлл пытался выяснить позицию Японии по наиболее спорным вопросам, непосредственно затрагивающим интересы США¹⁶⁸. 12 мая 1941 г. Номура вручил Хэллу новые официальные предложения Японии об основах соглашения между двумя странами¹⁶⁹, являвшиеся ответом на американские предложения от 16 апреля.

¹⁶⁷ Ibid., p. 3989.

¹⁶⁸ О беседе Номура с Хэллом 11 мая 1941 г. см.: «Peace and war...», p. 653—656.

¹⁶⁹ «Papers...», vol. II, p. 420—422; см. также: Meribeth E. Cameron, Thomas H. D. Mahoney, George E. Mc Reynolds, *China, Japan and the powers*, New York, 1952, p. 489—490.

Во вступительной части японского проекта говорилось, что США и Япония «могут установить справедливый мир на Тихом океане», чему, по мнению Японии, не может воспрепятствовать тройственный пакт, имеющий «оборонительный характер» и цель «предотвратить от вступления в европейскую войну нации, которые непосредственно не охвачены этой войной». Важное место в проекте занимал «китайский вопрос».

Несмотря на то, что правящие круги США были готовы заключить с Японией «мюнхенскую» сделку на антикитайской основе, «китайский вопрос» все же являлся одним из центральных спорных пунктов во время японо-американских переговоров в 1941 г. Япония упорно отвергала американские предложения о выводе японских войск из Китая и настаивала на сохранении их на оккупированной ею территории. При таких обстоятельствах Китай фактически оставался японской монополюющей колонией, что исключало применение там американского принципа «открытых дверей и равных возможностей». Тем самым Япония приобретала серьезные преимущества во время Вашингтонских переговоров. Соединенные же Штаты настаивали на выводе японских войск из Китая, имея в виду, что даже формальное принятие этого предложения усилит их позиции в ходе переговоров. Учитывая, однако, что это предложение будет, очевидно, отклонено, США намеревались оказать давление на Японию, чтобы добиться от нее уступок по другим спорным вопросам.

Отправным пунктом для разрешения «китайского вопроса» в проекте Номура предлагалось считать «три принципа Коноэ», сформулированные еще 30 ноября 1940 г.:

1) добрососедская дружба Японии и Китая; 2) совместная оборона обеих стран против коммунизма; 3) экономическое сотрудничество различных стран, при этом Япония не намерена устанавливать экономическую монополию в Китае и ограничивать там интересы третьих держав¹⁷⁰. Япония настаивала не только на признании Соединенными Штатами этих принципов. Она добивалась также опубликования совместной декларации Японии, Маньчжоуго и Китая о единстве внешнеполитических целей. Вывод японских войск из Китая предусматривался заключением специального соглашения между Японией и Китаем. Кроме того, японское предложение о создании фронта «совместной защиты от коммунизма» имело в виду сохранить войска Японии в Китае на неопределенный срок. Наконец, японский проект предлагал Соединенным Штатам воздействовать на правительство Чан Кай-ши, чтобы оно начало мирные переговоры с Японией; в случае отказа США предлагалось прекратить помощь «режиму Чан Кай-ши» и признать независимость Маньчжоуго.

¹⁷⁰ «Peace and war...», p. 660.

Япония требовала признания ее права на создание «сферы процветания», охватывающей Китай и страны Южных морей, при условии, что экспансия Японии в этих районах будет носить «мирный характер» и что она будет сотрудничать с США в разработке естественных богатств этих районов.

В проекте Номура предлагалось урегулировать торговые взаимоотношения Японии и США, в частности, снабжать друг друга необходимыми товарами. В разделе, посвященном «политической стабилизации» в бассейне Тихого океана, говорилось, что правительства обеих держав совместно гарантируют независимость Филиппин при условии сохранения ими постоянного нейтралитета; что касается иммиграции японцев в Соединенные Штаты, предлагалось ликвидировать всякую дискриминацию в отношении японской национальности.

Японское правительство, наконец, предлагало США воздержаться от оказания помощи Англии и ее союзникам.

Предложения Японии свидетельствовали об остроте японо-американских империалистических противоречий, о желании японского правительства добиться урегулирования отношений с Соединенными Штатами на выгодных Японии условиях.

В наиболее спорном, китайском вопросе предлагались известные уступки. Это была новая попытка Японии предложить Соединенным Штатам разрешить вопрос о Китае на «мюнхенской» основе. «Япония, США и Чан Кай-ши, — говорилось в директиве ЦК Коммунистической партии Китая от 25 мая 1941 г., озаглавленной «Разоблачать интриги организаторов „восточного Мюнхена“», — вынашивают новый коварный план — план «восточного Мюнхена», заключающийся в том, чтобы путем компромисса между Японией и США за счет Китая создать условия для борьбы против коммунистов и против Советского Союза»¹⁷¹.

Что касается вопроса о Маньчжоуго, то Япония по-прежнему настаивала на признании его «независимости». Аналогичным образом обстояло дело и с вопросом о признании «сферы процветания» в Восточной Азии, включавшей и страны Южных морей, хотя в вопросах экономического сотрудничества с США Япония шла на определенные уступки.

Предложение Японии урегулировать торговые взаимоотношения с Соединенными Штатами имело цель восстановить в полной мере действие японо-американского торгового договора 1911 г., чтобы обеспечить бесперебойное снабжение Японии стратегическим сырьем, необходимым ей для подготовки новой большой войны.

О непримиримости японо-американских империалистических противоречий свидетельствовало и предложение Японии Сое-

¹⁷¹ Мао Цзэ-дун, *Разоблачать интриги организаторов «дальневосточного Мюнхена»* (Избранные произведения, т. 4), стр. 39.

диненным Штатам воздержаться от оказания помощи Англии, содержавшее явную угрозу привести в действие обязательства тройственного пакта и начать военные действия против США. Этот пункт японских предложений соответствовал интересам не только Японии, но и гитлеровской Германии, по-прежнему подозрительно относившейся к вашингтонским переговорам.

С самого начала вашингтонских переговоров выявились японо-германские империалистические противоречия. Гитлеровская Германия отрицательно отнеслась к начавшимся японо-американским переговорам, поскольку она не была заинтересована в сближении Японии и США и намеревалась использовать Японию против Англии и США, исходя из общих стратегических замыслов тройственного союза.

Начатые без консультации с немецким и итальянским правительствами эти переговоры вызвали явное неудовольствие Риббентропа. Он продолжал упорно настаивать на немедленном нападении Японии на Сингапур, выгодном гитлеровской Германии, широко рекламировавшей подготовку вторжения на английские острова. Осима, сообщая мнение Риббентропа, говорил, что если Япония упустит эту возможность продвинуться на юг и напасть на Сингапур, то она «вызовет презрение со стороны Германии и Италии»¹⁷².

В тот же день, 12 мая, гитлеровская Германия направила японскому правительству официальный ответ на информацию, переданную ей относительно хода японо-американских переговоров и, в частности, о предложениях Японии. В нем говорилось, что Соединенные Штаты стремятся к примирению с Японией, очевидно, потому, что они намерены вступить в войну против Германии. В ответе содержалось настойчивое требование японо-германских консультаций до отправки в Вашингтон окончательных предложений. Аналогичное представление сделало и правительство Италии¹⁷³.

Однако японские империалисты не хотели допустить такого вмешательства западных партнеров в японо-американские переговоры, поскольку оно могло воспрепятствовать осуществлению их собственных целей на Дальнем Востоке. Поэтому японское правительство продолжало действовать самостоятельно, не согласовывая своих действий с Германией.

Это вызвало новый демарш Берлина. 19 мая посол в Токио Отт сделал японскому правительству представление по поводу того, что любой договор, подписанный без взаимного согласования одной из участниц тройственного союза, может лишь ослабить общий фронт стран «оси». Германия требовала, чтобы правительство США приняло на себя обязательство не вмешиваться в войну между Англией и странами тройственного сою-

¹⁷² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49492.

¹⁷³ «Hearings...», part 20, p. 3990.

за, а Япония выполнила обязательства, принятые ею при подписании тройственного пакта. Посол Японии в Берлине Осима телеграфировал в Токио о том, что нацистские лидеры Германии относятся крайне отрицательно к американским предложениям¹⁷⁴.

Нажим Германии усилил разногласия в правящих кругах Японии, о чем свидетельствовали совещания министров, происходившие 15 и 22 мая 1941 г. В новых демаршах гитлеровская клика настаивала на том, чтобы Япония напала на Сингапур.

Тем временем во второй половине мая продолжались переговоры между Номура и Хэллом, во время которых обсуждались вопросы о формах соглашения двух держав по тихоокеанской проблеме, о тройственном пакте и Китае.

Лишь 21 июня 1941 г. последовал официальный ответ Хэлла на проект Номура¹⁷⁵.

Во вступительной части американских предложений говорилось, что оба государства должны стремиться к установлению и сохранению мира не только на Тихом океане, но и во всем мире. Далее указывалось, что США и Япония должны направить свою национальную политику на создание основы для длительного мира, на открытие новой эры взаимного доверия и сотрудничества между двумя народами.

Важное место в проекте Хэлла занимали контрпредложения по «китайскому вопросу». Суть их заключалась в том, что правительство США предлагало совместно с японским правительством разработать общие условия, в рамках которых Япония предложит правительству Чан Кай-ши начать мирные переговоры для разрешения конфликта, в соответствии с упомянутыми выше «тремя принципами Коноэ». При таких обстоятельствах США соглашались предложить китайскому правительству, чтобы оно приступило к переговорам о прекращении военных действий и возобновлении мирных отношений.

Что касается контрпредложений Соединенных Штатов по экономическим вопросам, то они предусматривали взаимоснабжение необходимыми товарами, принятие мер для возобновления нормальных торговых отношений и даже подписание нового торгового договора. Американский проект предусматривал также сотрудничество обоих государств в поставках необходимого стратегического сырья (нефть, каучук, олово, никель).

В проекте Хэлла японскому правительству предлагалось подтвердить оборонительный характер тройственного пакта, который на деле имел агрессивный характер. Наряду с этим правительство США заявляло, что его отношение к европейской

¹⁷⁴ Ibid., p. 3991.

¹⁷⁵ «Papers...», vol. II, p. 486—490; см. также: Номура Китисабуро, *Гайкоку-ни цукаиситэ...*, стр. 75—78 (приложение).

войне будет определяться интересами «самозащиты и национальной безопасности». В предложениях США говорилось далее о политической стабилизации в районе Тихого океана: сохранять и поддерживать мир в этом районе и не выдвигать каких-либо территориальных притязаний.

Наконец, в заключительном разделе выражалось согласие с заявлением правительства Японии о готовности войти с правительством США в переговоры относительно подписания договора о нейтралитете Филиппинских островов после получения ими независимости.

Американский проект соглашения с Японией от 21 июня 1941 г., таким образом, свидетельствовал, что американские империалисты не теряли надежды на компромисс со своими японскими соперниками. Это подтверждается значительными уступками в китайском вопросе и, в частности, согласием Хэлла на посредничество США в переговорах между Японией и Китаем об окончании военных действий. Вместе с тем США не настаивали на эвакуации японских войск с китайской территории. Весьма знаменательны и пункты о японо-американских экономических отношениях. Хэлл предлагал не только возобновить нормальные торговые отношения с Японией, но и заключить новый торговый договор, в чем были крайне заинтересованы как американские, так и японские монополии.

В то же время проект Хэлла отражал японо-американские империалистические противоречия. Так, США отвергали японское предложение об отказе от вступления в европейскую войну и заявляли, что этот вопрос будет решаться без вмешательства других держав. Кроме того, они предлагали в интересах стабилизации на Тихом океане сохранять здесь статус-кво и не выдвигать в этом районе каких-либо территориальных требований. Американское предложение было явно направлено против японского толкования «сферы сопроцветания» и расширения ее на острова тихоокеанского бассейна, являвшиеся сферой влияния США и Англии.

Отказываясь принять важные требования Японии, американские империалисты отдавали себе отчет в реальной опасности приближения военного конфликта на Тихом океане. Именно поэтому параллельно с ведением переговоров они продолжали также разрабатывать планы возможной войны с Японией. Эти планы были рассчитаны на выступление Соединенных Штатов весной 1942 г.¹⁷⁶ Важнейшими плацдармами для ведения войны намечались Китай, Индонезия, Малайя и Филиппины, где предполагалось сосредоточить крупные американские наземные, воздушные и военно-морские силы.

Американские империалисты, согласившись начать переговоры с Японией, одновременно мерами военного, экономиче-

¹⁷⁶ Т. Уайт и Э. Джекоби, *Гром из Китая*, М., 1948, стр. 101.

ского и дипломатического порядка стремились добиться подписания компромиссного соглашения, которое обеспечило бы сохранение позиций Соединенных Штатов на Дальнем Востоке и в тихоокеанском бассейне, пока не будет в полной мере завершена подготовка к войне против Японии.

* * *

В течение первой стадии японо-американских переговоров (8 марта — 22 июня 1941 г.), как и во время неофициальных «частных переговоров», обе стороны пытались выяснить возможные условия для подписания соглашения по важнейшим спорным вопросам (китайский вопрос, тройственный пакт, внешнеторговые отношения). Япония, начав Вашингтонские переговоры, исходила из двух возможностей. Во-первых, она стремилась вынудить США пойти на серьезные уступки по всем перечисленным вопросам и заключить выгодное для себя соглашение. Во-вторых, в случае отказа США принять японские условия, продолжать переговоры в Вашингтоне с целью *маскировки* приготовлений к внезапному военному нападению на США и Англию. Как показали последующие события, именно такая маскировка и являлась *главной* целью переговоров японских дипломатов с правительством Рузвельта. Хотя правящие круги США и выдвинули в качестве базы для мирного соглашения «четыре принципа» Хэлла, предусматривавшие сохранение принципа «открытых дверей и равных возможностей» в Китае и на Тихом океане, в действительности они искали пути к компромиссу с Японией на базе политики «дальневосточного Мюнхена». Опасность достижения такого соглашения была весьма реальной в течение первой стадии Вашингтонских переговоров, в особенности накануне вероломного нападения Германии на Советский Союз. В целях скорейшего подписания соглашения с Японией правящие круги США делали серьезные уступки в вопросе о Маньчжурии, оставлении японских войск в Китае и по существу выражали готовность даже отказаться от принципа территориальной целостности и неприкосновенности Китая. Японские же империалисты, зная о приближении сроков нападения Германии на СССР, использовали антисоветские тенденции, имевшиеся в правящих кругах Соединенных Штатов. Они учитывали их заинтересованность в том, чтобы направить действия Японии против Советского Союза¹⁷⁷. Поэтому в ходе переговоров на представителей США оказывалось непрерывное давление, чтобы добиться наиболее выгодных для Японии условий японо-американского соглашения.

¹⁷⁷ The memoirs of Cordell Hull, vol. II, p. 969.

Глава IV

ЯПОНО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОЙ ВОЙНЫ (июнь — декабрь 1941 г.)

Вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз. Начало нового, решающего этапа мировой войны. Позиция Японии по отношению к советско-германской войне и советско-японскому пакту о нейтралитете

В напряженной международной обстановке лета 1941 г., в разгар японо-американских переговоров в Вашингтоне, произошло событие, коренным образом изменившее ход второй мировой войны. 22 июня 1941 г. гитлеровская Германия, нарушив пакт о ненападении, вероломно напала на Советский Союз. Германские империалисты, бросив на советский фронт 190 дивизий, намеревались внезапным ударом нанести решающее поражение Советским Вооруженным Силам. Они хотели осуществить свой «план Барбаросса», который ставил целью в ходе «молниеносной» войны — в течение нескольких недель уничтожить советское социалистическое государство.

Хотя гитлеровцам в силу некоторых временных преимуществ удалось оккупировать значительную территорию, они натолкнулись на героическое сопротивление народов Советского Союза, поднявшихся на Великую Отечественную войну.

Великая Отечественная война Советского Союза положила начало новому, решающему этапу второй мировой войны. Вступление СССР в войну против фашистских агрессоров превратило вторую мировую войну, носившую до этого империалистический характер, в войну антифашистскую. Целью советского народа была не только ликвидация грозной опасности, которая нависла над СССР, но и помощь всем народам Европы, находившимся под гнетом германского фашизма. В новых условиях благодаря участию в войне Советского Союза свободолюбивые народы Запада и Востока смогли усилить свою борьбу за свободу и независимость.

Неудачи Советских Вооруженных Сил, их вынужденное отступление в глубь страны в начальной стадии войны, надежды международной реакции на изоляцию Советского Союза и на организацию совместного антисоветского «крестового похода» — все это окрылило правящие круги Японии.

Правительство Коноэ, лишь месяц тому назад ратифи-

цировавшее пакт о нейтралитете с СССР, должно было определить позицию Японии в отношении советско-германской войны. Надо было решить, какие заключенные им соглашения оно будет выполнять: пакт о нейтралитете с Советским Союзом или тройственный пакт фашистских агрессоров.

Как уже указывалось в предыдущей главе, Япония была поставлена в известность о готовившемся нападении Германии на Советский Союз еще во время берлинских переговоров. В своем «Дневнике» Кидо, ближайший советник императора, отмечает, что советско-германская война «не была неожиданностью» для Японии¹. В дальнейшем правительство Коноэ получило из Берлина дополнительные сведения о подготовке войны против СССР. Одновременно гитлеровское правительство напоминало об обещании Японии выступить на стороне Германии. Вскоре после подписания советско-японского пакта о нейтралитете, в апреле 1941 г., Осима направил в Токио телеграмму, в которой сообщал о значительном ухудшении отношений между Германией и СССР и «приближении войны между этими государствами»².

Германский министр иностранных дел Риббентроп еще в конце марта 1941 г. доказывал своему японскому коллеге неизбежность советско-германской войны, которая, по его мнению, продлится, очевидно, два-три месяца. Он утверждал также, что результаты этой «молниеносной» войны должны быть, несомненно, благоприятными и для Японии³, поэтому она должна выступить на стороне Германии. За месяц до начала войны, 20 мая 1941 г., Осима телеграфировал Мацуока о том, что, по словам статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Вейцекера, «немецкое правительство придало большое значение заявлению министерства иностранных дел Мацуока, сделанному Отту, о том, что в случае русско-германской войны Япония нападет на Советский Союз»⁴.

Вопрос о позиции Японии в случае возникновения советско-германской войны подвергся обсуждению в правительственных кругах Японии, после того как 6 июня 1941 г. Осима сообщил Коноэ о решении гитлеровской клики в самое ближайшее время напасть на Советский Союз⁵. В ходе обсужде-

¹ 木戸日記, 極東國際軍事裁判研究會, 東京, 一九四七年, 74頁 (далее — «Кидо никки»).

² 近衛文麿公の手記, 失はれし政治, 東京, 一九四六年, 39頁. (далее — «Коноэ Фумимаро ко-но сюки»).

³ «Стенограмма Токійского процесса», стр. 49380.

⁴ «Коноэ Фумимаро ко-но сюки», стр. 40. Верховное командование германской армии сообщало Осима, что война должна будет, очевидно, закончиться через четыре месяца.

⁵ 東京裁半半決, 極東國際軍事半所半決文, 東京, 一九四九年, 228頁. (далее — «Токио сайбан ханкэцу...») — Кидо в своем «Дневнике» подтверждает факт получения телеграммы Осима о предполагавшемся начале военных действий между Германией и СССР (см.: «Кидо никки», стр. 74).

ния рассматривался вопрос, в каком направлении начать выступление — против Советского Союза или против США и Англии. В итоге определились две основные точки зрения.

Мацуока и Тодзэ предлагали отсрочить нападение на США и Англию и в благоприятный для Германии момент советско-германской войны внезапно напасть на СССР, чтобы захватить Советский Дальний Восток. Мацуока настаивал на немедленной «отправке войск в Сибирь»⁶.

Хранитель императорской печати Кидо, который являлся постоянным посредником между императором и кабинетом министров, считал, что не следует изменять первоначальный план наступления на юг, принятый после заключения тройственного пакта и проводившийся в жизнь.

Таковы были две точки зрения в правящих кругах Японии по вопросу о направлении и очередности агрессии в случае возникновения советско-германской войны. Обе отражали стремление монополистической буржуазии территориально расширить колониальную империю, приобрести новые источники для извлечения высоких прибылей и установить господство японского империализма на Дальнем Востоке.

С началом советско-германской войны борьба между различными группами монополистов значительно обострилась. Уже в день нападения Германии на Советский Союз группа Тодзэ — Мацуока потребовала немедленно начать военные действия против СССР, чтобы поддержать своего германского союзника, а дальнейшее продвижение на юг временно приостановить⁷. Выражая точку зрения наиболее агрессивных групп японских монополистов, сторонников антисоветского внешнеполитического курса, Мацуока 22 июня заявил императору: «Сейчас, когда началась советско-германская война, Япония должна объединить свои усилия с Германией и напасть на Советский Союз. Для этого лучше воздержаться на время от продвижения на юг. Рано или поздно мы должны воевать»⁸.

Тем самым Мацуока предложил расторгнуть советско-японский пакт о нейтралитете, считать первоочередным объектом нападения Советский Союз и руководствоваться во внешнеполитических акциях лишь тройственным пактом⁹.

⁶ «Кидо никки», стр. 74.

⁷ «Токио сайбан ханкэцу...», стр. 238.

⁸ «Коноэ Фумимаро ко-но сюки», стр. 83; см. также: «Hearings before Joint committee on the investigation of the Pearl Harbor attack», Congress of the United States, seventy-ninth congress first session, part 20, Washington, 1946, p. 3993.

⁹ Видный чиновник государственного департамента США Баллантайн также подтверждает, что после нападения Германии на СССР некоторые японские лидеры предложили отложить южную экспансию и произвести немедленное нападение на Советский Дальний Восток [см.: Joseph W. Ballantine, *Mukden to Pearl Harbor. The foreign policies of Japan* («Foreign affairs», vol. XXVII, 1949, № 4), p. 661].

Об этом же свидетельствуют и другие документы и заявления, имеющиеся в переписке германских и японских дипломатов. Так, в частности, германский посол в Токио Отт 22 июня направил в Берлин телеграмму (№ 1012), в которой приводилось заявление Мацуока, сделанное Отту, о том, что «он лично (Мацуока. — Д. Г.), как и прежде, считает, что Япония не может в течение долгого времени оставаться нейтральной в ходе этого конфликта»¹⁰.

В тот же день Отт передал в Берлин заверение Мацуока о том, что Япония предпримет необходимые меры, чтобы помешать США поставлять военные грузы в СССР через Тихий океан. Коноэ в своих мемуарах также отмечал, что Япония прилагала все усилия, чтобы не допустить установления между Советским Союзом и Америкой единого антияпонского фронта¹¹.

Важнейшим вопросом японо-советских отношений в условиях начавшейся войны против СССР стал вопрос о судьбе советско-японского пакта о нейтралитете. Японское правительство намеревалось при удобном случае односторонне расторгнуть этот договор. В своих выступлениях, не предназначенных для печати, Мацуока утверждал, что основой внешней политики Японии остается тройственный пакт. Поэтому, если пакт о нейтралитете окажется в противоречии с этой основой, он «не будет иметь силы»¹².

Тем самым министр иностранных дел Японии заявлял о неприменимости советско-японского пакта о нейтралитете в новой обстановке. С первых дней советско-германской

¹⁰ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49349, ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 270—271; см. также: М. Ю. Рагинский и С. Я. Розенблит, *Международный процесс главных японских военных преступников*, М., 1950, стр. 243.

¹¹ «Коноэ Фумимаро ко-но сюки», стр. 119—120.

¹² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49351, 49382. В своих официальных заявлениях и выступлениях на парламентских сессиях Мацуока из тактических соображений иначе формулировал вопрос о тройственном пакте и политике Японии в отношении Советского Союза. Выступая на 76-й парламентской сессии, он заявил, что для построения «сферы процветания в великой Восточной Азии» и «укрепления мира на Востоке» необходимо устранить «взаимное непонимание» между Японией и СССР и добиться «всестороннего и радикального» урегулирования спорных вопросов (пограничный, рыболовный, права концессий на Северном Сахалине). Мацуока лицемерно утверждал, что «смысл и буква статьи 5-й тройственного союза» якобы не затрагивают интересы СССР. Наряду с этим он выразил надежду, что Советский Союз поймет «истинные цели» Японии (см.: *日露年鑑一九四二年*, 東京, 820頁).

Стремясь замаскировать намерение японского правительства расторгнуть советско-японский пакт о нейтралитете и усыпить бдительность Советского Союза, японская буржуазная пресса писала даже о всемирно-историческом значении этого договора. Так, например, журнал «Гэкан Россия» писал, что заключение пакта между Японией и Советским Союзом являлось «великим успехом со всех точек зрения» (см.: «Гэкан Россия» (月刊シヤ), 1941, № 6, стр. 14).

войны Япония усилила военные приготовления, чтобы осуществить внезапное и вероломное нападение на дальневосточные рубежи СССР. Об этом свидетельствуют многочисленные документы и заявления дипломатов стран тройственного союза. Остановимся на наиболее важных.

Германский посол в Токио Отт в телеграмме от 28 июня, направленной Риббентропу, доносил, что, по сведениям, полученным им от руководителей японских вооруженных сил, началось энергичное проведение подготовительных мер к нападению на Советский Союз. Эта подготовка, по мнению посла, займет по меньшей мере шесть недель. В другом документе, в телеграмме германского посла в Риме Макензена, направленной в Берлин 1 июля 1941 г., передавалось заявление посетившего его японского посла Сиратори, который сообщил о том, что Япония активно готовится выступить против Советского Союза. Он подчеркнул, что для реализации этих планов потребуется несколько недель.

Решение имперского совещания от 2 июля 1941 г.

Важнейшим документом внешней политики Японии в условиях начавшейся советско-германской войны являлось решение совещания японских руководящих политических и военных деятелей под председательством императора, состоявшегося 2 июля 1941 г. Совещание приняло решение под названием «Главные пункты государственной политики империи»¹³, причем подчеркивалось, что принятие его вызвано изменившейся международной обстановкой. Оно состояло из двух частей: 1. «Политическая линия» и 2. «Главные пункты»¹⁴.

В разделе «Политическая линия» лицемерно говорилось, что императорская Япония будет придерживаться политики обеспечения мира во всем мире путем установления «сферы процветания в великой Восточной Азии» независимо от всех возможных изменений в международном положении; что императорское правительство будет продолжать свои попытки завершить «китайский инцидент» и принимать меры к продвижению на юг с целью создания прочной основы для само-

¹³ 帝國國策遂行要綱.

¹⁴ Текст решения имперского совещания от 2 июля 1941 г. см.: «Стенограмма Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 233—234; 方針と要項.

По вопросу об отношении Японии к советско-германской войне Коноэ в своих мемуарах записал, что на этом совещании «...было решено в данное время не предпринимать (военных) действий против Советского Союза» (см.: «Коноэ Фумимаро ко-но сюки», стр. 84). Кидо в своем «Дневнике» также указывал, что предложение Мацуока «отправить войска в Сибирь» было отклонено (см.: «Кидо инкки», стр. 74—75). По поводу предложения Мацуока о нападении на Советский Союз начальник морского генерального штаба заявил, что Япония не может одновременно вести войну на севере и на юге (см.: Trumbull Higgins, *East wind rain* («United States naval institute proceedings», vol. 81, 1955, № 11), p. 1200).

стоятельного существования и самозащиты Японии и что северная проблема будет разрешаться в зависимости от изменения обстановки; в последнем пункте первого раздела выражалось стремление Японии смести со своего пути все препятствия, мешающие достижению сформулированных выше целей.

В разделе «Главные пункты» говорилось о необходимости усилить нажим и принять необходимые военные, дипломатические и пропагандистские меры, чтобы добиться уступок от правительства Чан Кай-ши и в конечном счете заставить его подчиниться Японии. В нем указывалось на необходимость продолжить переговоры с заинтересованными странами в районе Южных морей и подготовку войны против США и Англии. Решение предусматривало создание «устойчивого фундамента» для продвижения на юг, причем в качестве первоочередной задачи выдвигалась экспансия в Индокитае и Таиланде. Имперское совещание подчеркивало, что для достижения своих целей в районе Южных морей Япония готова пойти на войну против Англии и США.

Особое место занимал вопрос об отношении к советско-германской войне. В решении совещания говорилось: «Хотя наше отношение к советско-германской войне определяется духом оси Рим — Берлин — Токио, мы некоторое время не будем в нее вмешиваться, но примем по собственной инициативе меры, тайно вооружаясь для войны против Советского Союза. Тем временем мы продолжим дипломатические переговоры с большими предосторожностями, и если ход советско-германской войны примет благоприятный для Японии оборот, то применим оружие для решения северных проблем и этим обеспечим стабильность положения в северных районах»¹⁵.

Во второй части решения имперского совещания указывалось, что если все меры, принятые для предотвращения вступления США в войну (на стороне Англии против Германии. — Д. Г.), окажутся тщетными, Япония станет действовать в соответствии с тройственным пактом. Время же и метод ведения военных действий будут определены самостоятельно¹⁶.

Решение обязывало правительственные органы немедленно перейти к тщательному укреплению всей внутренней военной организации страны и в особенности системы «национальной обороны»¹⁷.

¹⁵ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49350, ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 835.

¹⁶ «Report of the Joint committee on the investigation of the Pearl Harbor attack», 79th congress, 2d session, doc. № 244, Washington, 1946, p. 16, 296; см. также: «Стенограмма Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 234.

¹⁷ В день принятия имперским совещанием указанного решения, 2 июля 1941 г., японское правительство опубликовало специальное заявление, маскирующее его истинные цели (см.: «Contemporary Japan», 1941, № 8, p. 1102).

Решение совещания руководящих военных и политических деятелей являлось программным документом, определившим внешнеполитический курс Японии в обстановке начавшейся германо-советской войны и на время примирившим две главные соперничавшие группы в правящих кругах: Тодзё — Мацуока и Кидо.

Основная линия, одобренная совещанием, состояла в активной подготовке к войне против СССР, а также англосаксонских соперников. При этом вопрос о направлении, очередности и сроках военного нападения должен был решаться в зависимости от хода событий. Поэтому на совещании 2 июля было решено, что независимо от изменений в международной обстановке Япония будет проводить разработанный ею план установления господства в Восточной и Юго-Восточной Азии, продолжать наступление на юг и, в частности, готовиться к нападению на Сингапур и Пёрл-Харбор. Одновременно предполагалось, что японская дипломатия будет всеми средствами подчеркивать «нейтралитет» Японии в германо-советской войне и, маскируясь клятвами верности советско-японскому пакту о нейтралитете, усиливать военную подготовку, чтобы в благоприятный момент внезапно напасть на Советский Союз. Японские прогрессивные историки Иноуэ К., Оконоги С. и Судзуки С. правы, утверждая, что решение имперского совещания от 2 июля не только игнорировало советско-японский пакт о нейтралитете, но и предполагало военное нападение на СССР¹⁸.

О намерении правящих кругов Японии аннулировать советско-японский пакт о нейтралитете, когда это будет им выгодно, свидетельствует также и заявление Мацуока о внешней политике Японии, сделанное им по окончании имперской конференции, 2 июля 1941 г. Японский министр указал, что в связи с обстановкой, сложившейся с началом германо-советской войны, возникло «поистине угрожающее положение во всем мире и в особенности в Восточной Азии, что непосредственно затрагивает Японию». Он дал понять, что японское правительство намерено «внимательно следить за развитием событий, проявлять величайшую тщательность и осуществлять приготовления, на которые мы можем положиться». Имея в виду перспективы советско-японских отношений, в частности вопрос о сохранении в новых условиях советско-японского пакта о нейтралитете, Мацуока подчеркнул, что «Япония должна с постоянным вниманием следить за развитием международной обстановки, а также за тенденциями отдельных держав и за характером отношений между ними»¹⁹.

¹⁸ 井上清, 小磯三郎, 鈴木正四, 現代日本の歴史, 上篇, 東京, 一九五四年, 188頁 (далее — Иноуэ Кнэси, Оконоги Синдзабуро, Судзуки Сэси, *Гэндай нихон-но рэкиси*).

¹⁹ «Правда», 1941, 3 июля.

Выступление Мацуока в завуалированной форме являлось предупреждением о вероятном расторжении советско-японского пакта в благоприятный для Японии момент развития событий в войне между Германией и СССР. Вместе с тем оно было направлено против формирования антигитлеровской коалиции и являлось своеобразной декларацией о «свободе рук» Японии в случае укрепления коалиции союзных держав, что, с точки зрения японского правительства, противоречило тройственному пакту и могло вызвать недовольство западных партнеров Японии.

Подлинная позиция Японии нашла отражение в шифротелеграммах, которыми обменялись Токио и Берлин 2 июля 1941 г. Эти телеграммы были перехвачены и расшифрованы американской разведкой. В одной из них, посланной из Токио, говорилось, что Япония готовится присоединить свои силы к Германии «для активной борьбы против коммунистов и разрушения коммунистической системы в Восточной Сибири»²⁰. О скрытых военных приготовлениях Японии к нападению на СССР свидетельствовало донесение германского посла в Токио. В телеграмме, направленной в Берлин 4 июля, Отт сообщал о том, что японская армия усердно и скрытно готовится внезапно начать военные действия против Советского Союза, главная цель которых — захват областей на побережье²¹.

Таким образом, в секретных донесениях откровенно говорилось о подготовке Японии к антисоветской войне, которая всячески маскировалась японским правительством декларациями о верности советско-японскому пакту о нейтралитете.

Активным сторонником реализации антисоветского плана являлся военный министр генерал Тодзё. Ему принадлежала идея военного выступления Японии против СССР в момент наибольшего ослабления советской страны. Он заявлял, что «Япония завоеует большой престиж, напад на СССР тогда, когда он вот-вот упадет, подобно спелой сливе»²². План Тодзё был рассчитан на вступление Японии в войну, когда Советский Союз будет обескровлен и обесилён, когда без большого труда и малой кровью удастся захватить огромные просторы Советского Дальнего Востока. Этот авантюристический план, исходивший из неизбежности победы гитлеровской Германии и поражения Советского Союза, был полностью сорван в ходе советско-германской войны.

Мацуока продолжал доказывать необходимость скорейшего военного выступления против СССР и временной отсрочки нападения на США и Англию. Во время встречи с Коноэ 4 июля он заявил, что до разрешения «северной проблемы»

²⁰ «Report...», p. 91.

²¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7965; ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 34.

²² Там же, стр. 49502.

не следует развивать экспансию в южном направлении, в частности в Индокитае. По мнению Мацуока, необходимо принять меры к улучшению японо-американских отношений, имея в виду не допустить сближения Советского Союза с Соединенными Штатами. Он предложил не предпринимать каких-либо шагов, которые могли бы нарушить тройственный пакт²³.

Основываясь на решении имперского совещания от 2 июля, японские империалисты усиливали подготовку к войне в северном и в южном направлениях, чтобы в будущем окончательно определить, какое из них будет *первоочередным* и наиболее выгодным.

Отклики в США на позицию Японии по отношению к советско-германской войне

Реакционные круги США с первых дней советско-германской войны переоценивали значение временных поражений Советских Вооруженных Сил. Военный министр Стимсон в письме к Рузвельту писал, что гитлеровская Германия «полностью разобьет и оккупирует Россию минимум в один месяц и максимум, возможно, в три месяца»²⁴. Придавая большое значение германскому «блицкригу», американские военные специалисты и дипломаты полагали, что Япония неизбежно начнет военные действия на Советском Дальнем Востоке, т. е. изберет в качестве первоочередного «северное», а не «южное» направление.

Посол Соединенных Штатов в Токио Грю 23 июня 1941 г. в своем дневнике записал: «...Сейчас более, чем когда бы то ни было, для Японии настало время принять новую ориентацию — на примирение с Соединенными Штатами, которое оказалось бы возможным, если бы Япония предприняла определенные шаги для осуществления общего с США внешнеполитического курса. Сейчас время, полное возможностей для поворота в отношениях между Японией и США»²⁵.

Через два дня после принятия имперским совещанием в Токио решения о внешнеполитическом курсе Японии правительство США направило японскому премьер-министру послание, в котором указывалось, что оно располагает полученными

²³ «Hearings...», part 20, p. 3994.

²⁴ «The White house papers of Harry L. Hopkins. An intimate history, of Robert E. Sherwood», vol. 1, London, 1949, p. 303, Toshikazu Kase, *Journey to the «Missouri». A Japanese diplomat's story of how his country made war and peace*, New Haven, 1950, p. 161. — Мэтлофф и Свэлл сообщают, что американская военная разведка считала вероятным достижение немецкими войсками своих главных целей в Советском Союзе летом — осенью 1941 г. (см.: М. Мэтлофф и Э. Свэлл, *Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941—1942 гг.*, М., 1955, стр. 73).

²⁵ Joseph C. Grew, *Ten years in Japan*, New York, 1944, p. 395.

ми из различных источников сведениями о том, что Япония решила совершить нападение на Советский Союз²⁶.

Ответ японского правительства на американский демарш, последовавший 8 июля, ставил целью скрыть подлинные его намерения и дальнейшую линию поведения. Правительство Коноэ сообщало, что «искреннее желание» Японии также состоит в том, чтобы не допустить распространения «европейской войны» на районы «великой Восточной Азии» и «сохранить мир на Тихом океане». Японское правительство утверждало, что оно будто бы и не рассматривало вопроса о возможности выступления Японии на стороне Германии против Советского Союза²⁷.

Однако этот официальный ответ был фактически дезавуирован министром иностранных дел Мацуока, который одновременно заявил Грю, что его правительство находится «под большим давлением влиятельных элементов, требующих вступления Японии в войну против Советского Союза», и что «дальнейшее развитие событий в значительной степени определит и будущую политику Японии»²⁸.

Американский демарш имел цель лишь выяснить намерения Японии, уточнить направление ее внешнеполитического курса в новой обстановке для того, чтобы определить линию поведения Соединенных Штатов. Заявление об «искреннем желании» США получить от Японии сообщение о «неправильности» сведений, касающихся подготовки нападения на СССР, было продиктовано лишь желанием использовать СССР как орудие для ослабления своих империалистических соперников и конкурентов — Германии и Японии. Однако этим коварным планам не суждено было сбыться.

План «Кантокуэн»²⁹ — стратегический план антисоветской войны японского империализма. Военно-мобилизационные мероприятия Японии

Стратегические планы нападения Японии на СССР были подготовлены уже в начальной стадии советско-германской войны, после совещания руководящих военных и политических деятелей, состоявшегося 2 июля 1941 г. Они находились в тесной связи с разработанными еще в 1939—1941 гг. вариантами «плана Оцу» и во многом повторяли пороки немецкого «плана Барбаросса», ставившего целью «молниеносную войну» против Советского Союза.

²⁶ «Peace and war. United States foreign policy 1931—1941». United States Department of State, Washington, 1943, p. 123, 685.

²⁷ Ibid., p. 123, 691—692.

²⁸ Joseph C. Grew, *Ten years in Japan*, p. 398.

²⁹ Полное наименование плана — «Кантокуэн» 關東軍特別演習 или «Особые маневры Квантунской армии» (сокращенно — 關特演)

Наличие у японских империалистов антисоветских стратегических планов после возникновения советско-германской войны подтверждено многочисленными документами, предъявленными советским обвинением Международному военному трибуналу в Токио.

Стратегический и вместе с тем оперативный план внезапного, вероломного нападения Японии на Советский Союз в условиях начавшейся советско-германской войны был зашифрован японцами под названием «Кантокуэн», или «Особые маневры Квантунской армии»³⁰. Это был коварный план «маневров» отборной японской Квантунской армии, находившейся в Маньчжурии, в пограничных с СССР районах, маневров, которые незаметно и внезапно должны были перерасти в большую войну против СССР. Под термином «Кантокуэн» в Японии формально обозначался план срочных военных мероприятий по приведению Квантунской армии в состояние боевой готовности, план ее от мобилизации по штатам военного времени.

Прогрессивные японские историки Иноуэ К., Оконоги С. и Судзуки С. пишут, что японское правительство, игнорируя пакт о нейтралитете, обсуждало план нападения на Советский Союз и под предлогом маневров Квантунской армии (план «Кантокуэн») увеличило количество японских войск, расположенных в Маньчжурии, с 400 до 700 тыс. Это было одним из мероприятий по подготовке войны с Советским Союзом, которую Япония должна была начать в случае, если на советско-германском фронте создастся выгодная для Германии обстановка³¹.

Содержание и направленность плана «Кантокуэн» были раскрыты на Токийском процессе показаниями свидетелей: Танака Синити, Томинага Киёси, Кусаба Тацуми, Миякэ Мицухара, Такэбэ Рокудзо и др.

Бывший генерал японской армии — свидетель Танака Синити, показал, что с конца июля 1941 г. началась усиленная разработка планов войны против СССР, которые отличались от подготовленных ранее, до начала советско-германской войны. Изменения находились в тесной связи с решением имперского совещания от 2 июля. Их стратегический замысел предусматривал разрыв наступления на Советский Союз, в котором должны были принять участие 30 дивизий из 48, намеченных к участию в кампании 1941 г. Танака подтвердил, что новый оперативный план войны против СССР ставил целью разрешить «коренным образом» проблему «обороны» Японии на севере, вопрос о Сахалине и «правах» Японии в

³⁰ 東京裁判, 毎日新聞, 二卷, 東京, 一九四九年, 91—96頁 (далее — «Токио сайбан...»); «Токио сайбан ханкэцу...», стр. 208, 209, 211.

³¹ Иноуэ Киёси, Оконоги Синдзабуро, Судзуки Сёси, *История современной Японии*, М., 1955, стр. 239.

северных водах. Он сообщил далее, что в июле 1941 г. императорская ставка по случаю так называемых особых маневров направила командующему Квантунской армией директиву, в которой указывалось, что целью маневров является усиление готовности к выступлению против Советского Союза. Наряду с этим, показал Танака, новый оперативный антисоветский план войны предусматривал также составление новых оперативных планов против Англии и США, имевших прямое отношение к «Кантокуэн»³².

Действительное содержание и цели этого плана раскрыл бывший начальник оперативного отдела генерального штаба, позднее военный вице-министр, генерал-лейтенант Томинага Киёси. В своих показаниях Токийскому суду он подтвердил, что план «Кантокуэн» был составлен в середине 1941 г., вскоре после возникновения советско-германской войны. План этот исходил из того, что Советский Союз будет вынужден отвести свои войска с Дальнего Востока на Западный фронт, поэтому предполагалось, что Японии легко удастся захватить Дальний Восток. Томинага сообщил суду также точку зрения генерала Тодзё по поводу плана «Кантокуэн». Тодзё, по словам Томинага, говорил, что сейчас удобный момент для нападения на Советский Союз и можно будет воевать, не встречая большого сопротивления со стороны Красной Армии. Он подчеркнул, что нападение Японии на СССР принесет славу японскому оружию, так как наступление развернется как раз в тот момент, когда «слива уже созрела и сама падает на землю». Тодзё указал также, что следует увеличить людской состав в расположенных в Маньчжурии частях, чтобы таким образом быстрее отомобилизовать Квантунскую армию.

Согласно плану «Кантокуэн» в июле 1941 г. в Японии была проведена секретная мобилизация 500 тыс. человек³³, из которых 300 тыс. было направлено в Маньчжурию для пополнения Квантунской армии, в составе которой появились две новые дивизии и специальные части³⁴. По данным японского генерального штаба, численность японских войск в 1941 г. составила: в Маньчжоуго — 700 тыс. и в Корее — 45 700 солдат и офицеров³⁵. Большое внимание уделялось усилению вооружения Квантунской армии — авангардной армии антисоветского похода. На 1 июля 1941 г. Япония имела

³² «Стенограмма Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 229, л. 297, 299, 301, 307, 310, 311.

³³ «Hearings...», part 34, p. 209.

³⁴ «Стенограмма Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 482, л. 856. — Увеличение численности Квантунской армии в связи с планом «Кантокуэн» отмечают прогрессивные японские историки Иноуэ К., Оконоги С. и Судзуки С. (см.: Иноуэ Киёси, Оконоги Синдзабуро, Судзуки Сёси, *Гэндай нихон-но рэкиси*, ч. I, стр. 188).

³⁵ «Стенограмма Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 230, л. 136.

3200 самолетов (в 1940 г. их было 2010)³⁶; из них 800 находилось на вооружении Квантунской армии. Кроме того, эта армия имела около 300 танков (весна 1941 г.)³⁷.

Летом 1941 г. были приняты срочные меры для приведения в полную боевую готовность Квантунской армии. Военно-мобилизационные мероприятия, предусмотренные планом «Кантокуэн», имели также в виду мобилизацию 300 тыс. чернорабочих для строительства военных сооружений, дооборудования и расширения укрепленных районов и обеспечения всем необходимым войск, расквартированных в Маньчжоуго.

Помимо всех этих военных приготовлений, были проведены и другие мероприятия, которые свидетельствовали о непосредственно предвоенной обстановке. Японские торговые суда, находившиеся в Тихом океане, получили приказ о возвращении. Наложены были ограничения на туристские путешествия. Введена строгая цензура по линии связи и печати³⁸.

Японская и американская защита на Токийском процессе пыталась вопреки многочисленным документам и свидетельским показаниям доказать «миролюбивый», обычный характер этих военно-мобилизационных мероприятий. Тем самым она стремилась извратить подлинный смысл и цели плана «Кантокуэн», отрицая его агрессивный антисоветский характер.

Главный защитник Киосэ Итиро, защищавший подсудимого Тодзё, настойчиво доказывал в своей речи, что план «Кантокуэн» якобы являлся лишь планом пополнения Квантунской армии³⁹. Американский защитник Блекни также утверждал, что этот план имел в виду лишь увеличение численности Квантунской армии и что он не имел будто бы никакого отношения к решению японского правительства начать войну против СССР⁴⁰.

Утверждения защиты были опровергнуты данными о фактическом проведении в жизнь «Кантокуэн» и о направлении намечаемых наступательных операций японских войск в соответствии с этим планом.

Наиболее убедительными доказательствами истинных целей «Кантокуэн» являлись концентрация на границах с Советским Союзом Квантунской армии, формирование фронтов для проведения боевых операций, а также детальная разработка направлений ударов и очередности проведения военных действий японской армии на территории Советского Дальнего Востока.

³⁶ «Hearings...», part 34, p. 209.

³⁷ «Стенограмма Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 229, л. 227.

³⁸ «Report...», p. 296.

³⁹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 47421.

⁴⁰ Там же, стр. 47639.

Всего было сформировано три фронта: на восточной границе Маньчжурии был образован первый (восточный) фронт в составе четырех армий и резерва; на северных рубежах — второй (северный) фронт в составе двух армий и резерва, на западной границе Маньчжурии сосредоточивались две отдельные армии⁴¹.

Свидетель подполковник Сёдзима Рюдзи показал на Токийском процессе, что упомянутый план предусматривал концентрацию Квантунской армии на Приморском направлении, а также в направлении на Благовещенск, Куйбышевку и в районе Хайлар. Наступление намечалось произвести из района Пограничная в направлении на Ворошилов и из района Хэйхэ (Сахалин) в направлении на Благовещенск и Куйбышевку-Восточную. На первом этапе войны предполагалось захватить Ворошилов, Владивосток, Благовещенск, Иман, Куйбышевку; на втором этапе — Хабаровск, Биробиджан, Бирокан и район Рухлово, а также Северный Сахалин, Николаевск-на-Амуре, Комсомольск, Советскую Гавань и Петропавловск-Камчатский⁴². Как показал тот же свидетель, в планах японского командования важное место отводилось операции, имевшей цель перерезать сибирскую магистраль.

План предусматривал обеспечение военно-морским флотом высадки десантов в Петропавловске-Камчатском и на Северном Сахалине, нападение на тихоокеанский флот СССР и блокаду Владивостока с моря, а также охрану Цусимского пролива, чтобы обеспечить связь метрополии с Кореей и Маньчжурией.

Этот детальный оперативный план нападения на Советский Дальний Восток принадлежал генерал-лейтенанту Томинага, который дал Токийскому трибуналу показания о плане «Кантокуэн». Как автор, он раскрыл его детали и направления ударов японских вооруженных сил, тем самым подтвердив показания Сёдзима Рюдзи.

Томинага показал, что важнейшей частью оперативного плана являлся захват Хабаровска для того, чтобы отрезать Советский Дальний Восток от центральных районов СССР. «Вышеупомянутую задачу, — указал он, — должны были выполнить 12 пехотных дивизий, усиленных двумя артиллерийскими, тремя танковыми и двумя кавалерийскими бригадами.

После занятия японскими войсками Владивостока должен был начать действовать северный фронт в составе семи пехотных дивизий, одной артиллерийской бригады и других технических частей.

Северный фронт, действуя в направлении на г. Свободный, имел задачу перерезать железнодорожную магистраль,

соединяющую Советский Дальний Восток с западными районами СССР.

В случае успеха восточного и северного фронтов должен был начать наступление западный фронт, состоящий всего из трех дивизий, но намеченный к пополнению за счет резервов тыла. Западный фронт, действуя в направлении Читы, имел задачу захватить всю советскую территорию до озера Байкал»⁴³.

Показания генерал-лейтенанта Томинага доказывают наличие детально разработанного оперативного плана нападения на Советский Союз. Они подтверждены также показаниями другого свидетеля, генерал-лейтенанта Кусаба Тацуми. Весьма знаменательно показание Кусаба относительно плана «Кантокуэн». «План „Кантокуэн“, — заявил он, — предусматривал увеличение численности японских войск в Маньчжурии в связи с начавшейся в 1941 г. войной Германии против Советского Союза. По этому плану в Маньчжурию было переброшено более 300 тыс. солдат. План „Кантокуэн“ является шифрованным названием плана войны против СССР»⁴⁴.

Важной составной частью плана подготовки нападения Японии на СССР было строительство железных дорог в Маньчжурии. Кусаба признал, что строительство новых и переоборудование старых дорог обеспечивало быструю доставку войск к советским границам в любом направлении непосредственно накануне антисоветской войны, а также переброску частей во время войны.

Подготавливая войну против Советского Союза, японские империалисты, наряду с оборудованием маньчжурского плацдарма, уделяли большое внимание также и обеспечению плацдарма во Внутренней Монголии. Свидетель (бывший начальник шифровальной службы японских войск во Внутренней Монголии, позднее служивший в той же должности в Квантунской армии) майор Мацуура Кусуо показал на Токийском процессе, что примерно 23—24 июня 1941 г. командующий японскими войсками в Северном Китае генерал Окамура шифрованной телеграммой вызвал в свой штаб в г. Пекин командующего японскими войсками во Внутренней Монголии генерал-лейтенанта Амакасу Дзютаро и начальника оперативного отдела полковника Кабараги Масатака. По возвращении из Пекина они созвали совещание всех подчиненных им командиров соединений и отдельных частей. На этом совещании были даны директивные указания по подготовке и ведению войны с СССР. Мацуура подтвердил, что план ведения антисоветской войны предусматривал координацию бое-

⁴³ «Красная звезда», 1946, 29 августа.

⁴⁴ «Стенограмма Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 197, л. 5—6, 7, 9. — Курсив наш. — Д. Г.

⁴¹ Там же, стр. 8128—8134, 8168—8169.

⁴² Там же, стр. 8098, 49365—49366.

вых действий японских войск, находящихся во Внутренней Монголии, с действиями Квантунской армии.

Помимо японских войск во Внутренней Монголии, предполагалось использовать в войне против СССР японскую армию в Корее, а в последующем и войска, находившиеся на островах Хоккайдо и Хонсю⁴⁵. Одновременно командиру 26-й стрелковой дивизии, действовавшей против китайских партизан, было приказано подготовиться к военным действиям против Монгольской Народной Республики.

Таково содержание и направленность плана «Кантокуэн», плана развертывания большой войны против Советского Союза.

Вышеприведенные данные позволяют заключить, что план «Кантокуэн» являлся японским изданием «плана Барбаросса», планом внезапного и вероломного нападения Японии на Советский Союз, для осуществления которого и производились мобилизация Квантунской армии, авангардной армии антисоветского похода, и оборудование маньчжурского плацдарма. Японские империалисты рассчитывали, что неудачи Советских Вооруженных Сил на советско-германском фронте неизбежно заставят Советский Союз перебросить дальневосточные войска на западный фронт, вследствие чего создастся благоприятная обстановка для открытия «второго фронта» против СССР на Дальнем Востоке. Тем самым силы Советского Союза оказались бы рассредоточенными, а Япония получила бы возможность малой кровью захватить Советский Дальний Восток и включить его в «сферу сотрудничества» — в грабительский «новый порядок» в Восточной Азии. Антисоветским агрессивным целям служили также недвусмысленные призывы реакционных военных и политических деятелей Японии, а также буржуазной прессы «не опоздать на автобус», т. е. не упустить благоприятный момент для вступления в антисоветскую войну. Однако все эти расчеты японских империалистов потерпели крах.

Образование третьего кабинета Коноэ. Усиление военных приготовлений Японии против СССР

Вопросы о путях осуществления плана «Кантокуэн», о политике Японии в отношении Советского Союза в условиях советско-германской войны, о направлении агрессии и сроках военного выступления, а также о политике Японии в отношении Германии стали предметом ожесточенной борьбы в правящих кругах Японии. В результате этой борьбы второй кабинет Коноэ вышел в отставку и 18 июля был сформирован третий кабинет Коноэ.

⁴⁵ Там же, стр. 8087—8089, 8100.

В состав правительства демонстративно не был включен Мацуока. Это означало, что правительство не хотело считать себя связанным пактом о нейтралитете с СССР, под которым стояла его подпись⁴⁶. Пост министра иностранных дел, а также министра колоний занял Тоёда Тэйдзи, близкий к концерну Мицубиси. Военным министром остался Тодзё, ярый сторонник немедленного выступления Японии против Советского Союза. Начальником планового бюро стал Судзуки Тэйити.

Правительство Коноэ еще более усилило военные приготовления вообще и против Советского Союза в особенности. Об этом свидетельствуют различные донесения немецких дипломатов из Токио.

В телеграмме Отта и германского военного атташе в Токио Кречмера от 25 июля 1941 г. на имя министра иностранных дел и верховного командования сухопутной армии сообщались сведения о ходе мобилизации, объявленной японским правительством после возникновения войны между Германией и СССР. Отт и Кречмер сообщали, что уже призвано 900 тыс. резервистов в возрасте от 24 до 45 лет и, кроме того, около полумиллиона специалистов старших возрастов и лиц, знающих русский язык. Мобилизации подлежали также автомашины и конский состав. Приказом властей были введены для иностранцев различные ограничения в области телеграфной и телефонной связи, проезда по железным дорогам, на пароходах и самолетах. Начиная с 10 июля производилась отправка воинских, транспортных, технических, артиллерийских частей и резервистов в корейские порты Сэйсин (Чхончжин) и Расин (Начжин). В Корее формировалась новая группа войск. Увеличилась численность японских частей в Маньчжурии, предназначенных для непосредственного нападения на Советский Союз.

В указанной телеграмме Отта и Кречмера далее говорилось: «В отношении японского оперативного плана ясности еще нет, однако, вероятно, они не ограничатся наступлением на район Владивостока и севернее, но одновременно будет предпринято также наступление в направлении Байкальского озера, а именно: вдоль железной дороги Маньчжурия — Чита и из района Калган через Внешнюю Монголию. Время наступления еще неясно, но можно предположить, что наступление, по моим соображениям, потребует времени до середины августа. Кроме того, генерал Окамото многократно в разговоре упоминал, что Япония выступит лишь тогда, когда немецкие части достигнут Волги»⁴⁷.

⁴⁶ Коноэ безосновательно утверждал, что причиной падения его второго кабинета явилось несогласие Мацуока с внешнеполитической линией правительства (см.: «Hearings...», part 20, p. 3997).

⁴⁷ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 8071—8074.

Вопрос о сроках выступления Японии стал подвергаться обсуждению во второй половине июля. Это свидетельствовало о том, что подготовка японских империалистов к нападению на СССР приняла настолько широкий размах, что на очередь встал вопрос о дате начала войны. Сначала такой датой называлось 20 июля, затем определялся срок между 20 июля и 1 августа⁴⁸, и, наконец, называлось время между 1 и 15 августа, как о том сообщали Отт и Кренмер⁴⁹.

Пытаясь уточнить сроки предполагаемого нападения на Советский Союз, японские империалисты продолжали пристально следить за ходом военных действий на советско-германском фронте. Не желая упустить благоприятный момент, новый министр иностранных дел Тоёда, как и военный министр Годзё, настаивал на скорейшем нападении на СССР. В телеграмме на имя японского посла в Вашингтоне, отправленной 31 июля, Тоёда писал: «Ясно, что русско-германская война дала нам отличную возможность разрешить северный вопрос (т. е. вопрос о захвате Советского Дальнего Востока. — Д. Г.). И мы действительно продолжаем нашу подготовку, чтобы использовать эту возможность...»⁵⁰.

Однако, несмотря на широкий размах и быстрые темпы военных приготовлений Японии к внезапному нападению на Советский Союз в соответствии с планом «Кантокуэн», несмотря на непрерывный дипломатический нажим гитлеровской Германии и даже назначение вероятной даты для выступления, японские империалисты не рискнули приступить к реализации своих антисоветских планов ни в июне, ни в июле, ни в августе 1941 г.

Хотя японские империалисты и оказались вынужденными отсрочить военное нападение на СССР, они отнюдь не собирались изменять своего антисоветского внешнеполитического курса. Их политика отнюдь не являлась политикой действительного нейтралитета, под ее внешней формой скрывалось враждебное отношение к Советскому Союзу. Они выжидали благоприятного развития событий, чтобы привести наконец в действие план «Кантокуэн». Наряду с этим наиболее агрессивные круги в Японии усилили нападки на сковывавший свободу их действий пакт о нейтралитете с СССР, пытались найти предлог для того, чтобы расторгнуть его и расчистить путь к войне против СССР в наиболее выгодный для них момент.

Дипломатическая переписка между японским министром иностранных дел и послом в Берлине, беседы японских дипломатов с германским послом в Токио и донесения Отта в министерство иностранных дел Германии являются неопровер-

жимым доказательством подготовки Японии к расторжению советско-японского пакта о нейтралитете.

Германский посол в Токио Отт в телеграмме от 1 августа 1941 г. сообщал в МИД, что во время беседы с заместителем министра иностранных дел Ямамото он «постарался узнать, хочет ли Япония начать свое активное продвижение с предъявления требований советскому правительству», и выяснил, что Ямамото «является сторонником таких решительных требований, которые советское правительство не сможет принять; он, видимо, имеет в виду требование территориальных уступок»⁵¹.

В той же телеграмме Отт сообщал мнение Ямамото и о том, что Япония значительно усилила свой нажим в пользу стран «оси». По мнению Ямамото, Советское правительство следит за мобилизацией в Японии и едва ли решится продолжать «переправлять свои войска на Запад».

Проводившаяся Японией усиленная мобилизация, а также концентрация крупных сил Квантунской армии на границе с СССР, вынуждали Советский Союз сохранять значительные военные силы на территории Дальнего Востока, чтобы встретить во всеоружии японские войска в случае их выступления.

Во время конфиденциальных бесед с германским и итальянским послами (15 августа 1941 г.) японский министр иностранных дел, касаясь советско-японского пакта о нейтралитете и японо-советских отношений, заявил: «Ввиду того что в настоящее время проводится в жизнь военная экспансия империи, я считаю, что в существующих сейчас условиях вышеупомянутая договоренность с Советским Союзом является лучшим способом сделать первые шаги, направленные на осуществление будущих планов в отношении Советского Союза, что будет предпринято вместе с германским правительством»⁵². Заявление Тоёда означало, что Япония намеревалась под прикрытием советско-японского пакта совместно со своим германским союзником подготовиться к осуществлению планов военного нападения на СССР.

Оба документа показывают, что японские империалисты, завершив подготовку, намеревались предъявить Советскому Союзу в ультимативном порядке непримлемые территориальные требования в отношении его дальневосточных областей и воспользоваться отказом правительства СССР в качестве предлога для расторжения пакта и нападения на Советский Союз. В этом случае японское правительство считало необходимым согласовать свои действия с Германией.

Вместе с тем, намечая внезапное нападение на СССР и пытаясь всемерно его замаскировать, японские государственные

⁴⁸ «Report...», p. 91.

⁴⁹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 8073—8074.

⁵⁰ Там же, стр. 49349. ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 835; см. также: «Hearings...», part 12, p. 9—10.

⁵¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49352—49353, 7968.

⁵² Там же, стр. 49354—49355, ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 281.

деятели часто делали заявления о верности Японии советско-японскому пакту. Это, однако, не мешало третьему кабинету Коноэ публиковать в печати свои претензии к Советскому Союзу в связи с советско-американскими отношениями. Усилились провокации и угрозы по адресу Советского Союза. Во время беседы вице-министра иностранных дел Амо с Оттом, состоявшейся 19 августа, германский посол доказывал, что, учитывая поставку американской нефти в СССР через Владивосток, «было бы выгодно атаковать Россию с Востока»⁵³.

Активизировалась и антисоветская пропаганда, в которой участвовали видные военные и политические деятели. Допускались не только клеветнические выпады против СССР, но и требования захвата советских территорий. В качестве первоочередных объектов назывались не только Советское Приморье, но и вся территория Дальнего Востока и Сибири, которую японским империалистам не удалось захватить во время интервенции 1918—1922 гг.

17 августа 1941 г. генерал Араки заявил, что в 1918 г. после свержения буржуазно-помещичьего правительства России, Япония уже занимала Сибирь. «Сейчас наступил такой момент, когда перед нами встал вопрос о повторении этой операции»⁵⁴ (захвата Сибири. — Д. Г.).

Японская реакционная пресса призывала к захвату Сибири. Так, например, газета «Хоти» в передовой «Наша забота о Севере» писала о необходимости занять Сибирь и содействовать созданию здесь «сферы сопроцветания»; при этом указывалось, что ресурсы Сибири необходимы для скорейшего завершения «экономической обороны»⁵⁵.

Аналогичные призывы содержались не только в газетах, но также в пропагандистской и публицистической литературе, в многочисленных книгах, посвященных Советскому Союзу и «сфере сопроцветания» в Восточной Азии.

Японские империалисты, бряцая оружием, усиленно пропагандировали захват Советского Дальнего Востока и в первые же дни Великой Отечественной войны стали систематически нарушать границы Советского Союза.

Призывы к захвату советских дальневосточных территорий, провокационные нарушения советской границы, а также угрозы расторгнуть пакт о нейтралитете — все это свидетельствовало об исключительно враждебной политике империалистической Японии по отношению к Советскому Союзу.

Тем самым раскрывалась подлинная сущность японской политики «нейтралитета», на деле являвшейся в раздербной о й по отношению к Советскому Союзу и значительно осложнявшей его борьбу против гитлеровской Германии.

⁵³ «Hearings...», part 18, p. 2948.

⁵⁴ Цит. по: «Синьхуа жибао» (新華日報,) 1943, 13 апреля.

⁵⁵ «Хоти» (報知), 1941, 10 октября.

Японо-германские отношения после возникновения советско-германской войны. Разногласия по вопросу о вступлении Японии в войну против СССР

Антисоветская внешняя политика Японии, отчетливо проявившаяся с первых дней советско-германской войны, находилась в тесной связи с империалистической сущностью японского государства, а также с прогерманской ориентацией правящих кругов Японии.

С самого начала войны между Германией и Японией происходили секретные переговоры, во время которых гитлеровцы сообщили своему партнеру конкретные планы и сроки проведения операций против СССР и Англии и торопили его выступить против Советского Союза. В результате переговоров было подписано секретное соглашение, по которому Япония обязалась напасть на Советский Союз, как только немецкие войска займут Киев, Ленинград и Москву. Со своей стороны, Гитлер заверил Японию в том, что:

«1. Победа Германии над Россией будет достигнута к концу августа 1941 г.

2. Германское вторжение на Британские острова и победа над Великобританией будут осуществлены в сентябре 1941 г.

3. Война закончится до наступления зимы грандиозной победой Германии»⁵⁶.

Так гитлеровцы с присущим им авантюризмом расписывали сроки «молниеносного» завершения войны против Советского Союза и пытались ускорить выступление Японии, шантажируя ее возможностью опоздать к переделу мира.

Принятие 2 июля имперским совещанием указанного выше решения ускорило начало переговоров между Японией и Германией по поводу координации действий против СССР, тем более что Япония уже сообщила в Берлин о своем намерении напасть на Советский Союз. Однако в ходе переговоров выявились существенные разногласия между Японией и Германией, прежде всего по главному вопросу — о сроках вступления Японии в войну против СССР. Это можно проследить по дипломатической переписке Берлина и Токио с начала июля 1941 г.

Германский посол в Токио Отт, продолжая сообщать в Берлин об усилившихся военных приготовлениях Японии против СССР, обращал внимание на необходимость объединения сил Японии и Германии. В телеграмме, отправленной Оттом Риббентропу в начале июля, он сообщал, что военные приготовления Японии против СССР ведутся со все возрастающей быстротой⁵⁷. В телеграмме германского посла далее го-

⁵⁶ «Asia», 1941, № 9, p. 458.

⁵⁷ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7961.

ворилось: «Я имею удовольствие заявить, что Япония готовится ко всякого рода случайностям в отношении СССР для того, чтобы объединить свои силы с Германией... Я думаю, что вряд ли есть необходимость добавлять, что японское правительство всегда имеет в виду расширение военных приготовлений, наряду с другими мероприятиями, для осуществления этой цели, а также для того, чтобы связать силы Советской России на Дальнем Востоке, которые она могла бы использовать в войне с Германией...»⁵⁸.

Хотя гитлеровская Германия вскоре после начала германо-советской войны получила полную информацию об анти-советских планах своего дальневосточного союзника, о его скрытых военных приготовлениях и агрессивных целях, ее не удовлетворяли сообщения японского правительства о готовности перейти к решительным действиям против СССР вообще, без указания сроков этих действий. Гитлеровцы усилили дипломатический нажим на Японию, настаивая на немедленном выступлении, чтобы заставить Советский Союз воевать на два фронта: на Западе и Дальнем Востоке. Одновременно гитлеровская клика неоднократно обращалась к своему дальневосточному партнеру относительно развертывания подрывной деятельности против СССР.

О нажиме Германии на Японию свидетельствует следующий документ. В меморандуме, составленном 6 июля 1941 г. ответственным сотрудником МИД Крамарзом, говорилось, что, по сообщению верховного командования вооруженных сил, 4 июля полковник Ямамото (помощник японского военного атташе в Берлине. — Д. Г.) явился к начальнику 2-го отдела контрразведки полковнику Лахаузену и в ответ на представления Германии заявил следующее: «Японский генеральный штаб поручил мне сообщить, что он готов проводить подрывную деятельность на Дальнем Востоке против Советского Союза, особенно со стороны Монголии и со стороны Маньчжоуго, в первую очередь в районе, прилегающем к озеру Байкал»⁵⁹.

Гитлеровская Германия всячески стремилась ускорить начало военных действий на Дальнем Востоке. Отт докладывал 8 июля в Берлин, что он советовал Мацуока ускорить военные приготовления против Советского Союза, чтобы Япония могла вести совместную войну с Германией.

Германская дипломатия оказывала давление не только на министра иностранных дел Японии, но и на японского посла в Берлине. В состоявшейся 9 июля беседе Риббентропа с Осима германский министр подчеркнул, что назрела необходимость совместно вести войну, что именно сейчас на-

⁵⁸ Там же, ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 31. — Курсив наш. — Д. Г.

⁵⁹ Там же, ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 275.

ступил момент для нападения Японии на СССР, которое ускорит крах советского строя. «Так или иначе, — говорил германский министр иностранных дел, — никогда больше Японии не представится такой удобный случай уничтожить раз и навсегда русского колосса в Восточной Азии»⁶⁰. Японские империалисты, несмотря на серьезные поражения Советской Армии в начале войны, все же предпочитали воздерживаться от принятия советов своего союзника и продолжали ожидать дальнейшего развития военных действий на советско-германском фронте.

Однако гитлеровская дипломатия не прекращала своих требований относительно немедленного вступления Японии в войну против Советского Союза.

В одной из многочисленных телеграмм Риббентропа Отту было написано: «Я прошу вас продолжать прилагать усилия к тому, чтобы добиться скорейшего участия Японии в войне против России... Используйте все имеющиеся в вашем распоряжении средства, потому что чем раньше осуществится это участие в войне, тем лучше. Как и прежде, цель, естественно, должна заключаться в том, чтобы Германия и Япония встретились на Транссибирской железной дороге до наступления зимы. В результате краха России позиция держав (Германии и Японии. — Д. Г.) на международной арене настолько упрочится, что вопрос поражения Англии, т. е. полного уничтожения Британских островов, станет лишь вопросом времени»⁶¹.

Телеграмма Риббентропа лишней раз свидетельствовала об общности целей двух фашистских агрессоров. На прямой вопрос представителя советского обвинения на Нюрнбергском процессе Руденко о целях упомянутой телеграммы Риббентроп ответил, что после возникновения советско-германской войны он с согласия Гитлера попытался «вовлечь Японию в войну против России, чтобы покончить с войной как можно скорее. Таков смысл телеграммы»⁶².

О ходе этих военных мероприятий Японии докладывал в Берлин германский посол в Токио Отт. В телеграмме, датированной 12 июля 1941 г., он сообщал верховному командованию вооруженных сил: «а) У меня создалось впечатление, что следующие меры были приняты как часть японских подготов-

⁶⁰ Документ 2911-ПС, США-157 («Нюрнбергский процесс», Сборник материалов, т. 1, М., 1951, стр. 412 и т. 2, стр. 513); см. также: «Trial of the major war criminals before the international military tribunal», vol. XXXI, Nuremberg, p. 273—280 (полный текст оригинала на немецком языке).

⁶¹ «Стенограмма Тонийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 836; «Trial...», vol. XXXI, p. 259—262 (полный текст оригинала на немецком языке).

⁶² «Trial...», vol. X, p. 440.

лений к войне: 1) значительное число офицеров получило новые назначения, 2) якобы призваны в армию резервисты 24—27-летнего возраста, 3) произведен дополнительный призыв шоферов, 4) произведена конфискация тракторов в Маньчжурии, 5) запрещены путешествия студентов, 6) произведен призыв всех, умеющих говорить по-русски... б) для оккупации Сайгона, которая, по слухам, ожидается 17 июля, по-видимому, подготовлены только три дивизии, в) доукомплектование Квантунской армии для будущей войны с Советской Россией, очевидно, происходит в районе Шанхая и Тяньцзиня, куда были переброшены резервисты и две японские дивизии (в том числе 16-я), г) в Китае в настоящее время не ожидается больших операций...»⁶³

Телеграмма Отта свидетельствовала о широком масштабе военно-мобилизационных мероприятий, характерных для непосредственно предвоенного состояния. Мобилизация резервистов и доукомплектование Квантунской армии имели прямое отношение к подготовке внезапного нападения на Советский Дальний Восток. Сообщение о том, что в Китае в тот момент не ожидалось крупных операций японских войск, также подтверждало стремление японских империалистов сосредоточить главные силы против Советского Союза.

Выполняя директивы Риббентропа, Отт продолжал добиваться скорейшего вступления Японии в антисоветскую войну. В весьма срочной шифрованной телеграмме от 14 июля 1941 г. германский посол докладывал: «Я пытаюсь всеми средствами добиться вступления Японии в войну против России в самое ближайшее время... Считаю, что, судя по военным приготовлениям, вступление Японии в войну в скором времени обеспечено. Наиболее существенным препятствием являются разногласия между различными группами, которые, не получая общего руководства, преследуют различные цели и очень медленно приспособляются к изменившейся ситуации»⁶⁴.

Сообщение Отта о разногласиях внутри правящих кругов Японии по вопросу о политике в отношении СССР и очередности военного нападения весьма важно для понимания внутриполитического положения Японии в первые недели советско-германской войны.

Гитлеровская клика оказывала интенсивное давление на Японию и по вопросу о дате военного выступления против Советского Союза. Германское правительство сделало японскому правительству представление, заявив, что, если оно до

25 июля не примет решения, предусматривающего «уважение условий тройственного пакта и антикоминтерновского соглашения, и не денонсирует русско-японский пакт к этой дате», Германия будет считать себя свободной в своих действиях и после победы над СССР «будет искать наилучшие средства, чтобы использовать свое влияние и силы» для своих собственных интересов. Более того, гитлеровские дипломаты угрожающе заявили, что если Германия «одержит победу над Россией» без помощи Японии, то она изменит свою политику в отношении Китая и станет оказывать помощь правительству Чан Кай-ши против Японии⁶⁵.

Японские империалисты намеревались начать военные действия на дальневосточной границе СССР лишь при условии выполнения Германией упомянутого выше секретного японо-германского соглашения, предусматривавшего вступление Японии в войну против СССР после взятия Москвы и Ленинграда. Замедление темпов наступления немецко-фашистских войск вызвало запросы японского правительства. Осима на Токийском процессе показал, что примерно в конце июля — начале августа, когда ему стало известно о том, что Москва и Ленинград не были взяты немцами в намеченные командованием сроки, он запросил по этому поводу разъяснений у Риббентропа. Последний предложил обратиться к начальнику штаба верховного командования Кейтелю, который объяснил, что продвигание германской армии задерживается якобы ввиду большой протяженности коммуникаций, в результате чего тыловые части отстают. Это и является причиной задержки наступления примерно на три недели по сравнению со сроками, предусмотренными планом⁶⁶.

Замедленный темп наступления немецко-фашистских войск был вызван ожесточенным сопротивлением Советских Вооруженных Сил, которое явилось главной причиной отсрочки открытого вступления Японии в антисоветскую войну. Правящие круги Японии считали момент для нападения на СССР пока неблагоприятным. В этом нашли свое отражение японо-германские разногласия, существовавшие в начальной стадии войны против СССР⁶⁷.

Важным документом, вскрывающим японо-германские разногласия, является телеграмма Тоёда японским послам в Вашингтоне и Берлине от 31 июля. В ней выдвигались контр-

⁶⁵ Waverley Root, *The secret history of the war*, vol. II, New York, 1945, p. 318. — Курсив наш. — Д. Г.

⁶⁶ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49353.

⁶⁷ В. Рут в своей «Секретной истории войны» писал, что японцы хотели обеспечить осуществление своих собственных притязаний и с этой целью стремились после возникновения войны в Европе восстановить сотрудничество с немцами, но доверия между союзниками не было (см.: Waverley Root, *The secret history...*, vol. II, p. 315).

⁶³ «Стенограмма Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 276.

⁶⁴ Документ 2897-ПС, США-156 («Нюрнбергский процесс», т. I, стр. 411); см. также «Trial...», vol. XXXI, p. 262—265 (полный текст оригинала на немецком языке).

претензии Японии к Германии, которая по каждому поводу выражала свое недовольство медлительностью японского союзника и его стремлением действовать самостоятельно, руководствуясь лишь собственными интересами и целями. Тоёда писал: «Не начала ли Германия войну с Россией, когда она была менее желательной для нас?» И далее, указав, как понимать сотрудничество между Японией и Германией, координацию их действий, японский министр разъяснил: «Формула сотрудничества между Токио и Берлином в целях осуществления основных принципов тройственного пакта требует от каждой страны определенной гибкости. Я хочу сказать то, что каждый должен понимать: действительное сотрудничество не означает полного совпадения во взглядах и действиях. Другими словами, мы должны верить друг другу, и когда осуществляется одна общая цель, каждая страна действует свободно, повинаясь здравому смыслу»⁶⁸.

В этом документе отражена настороженность правящих кругов Японии, вызванная ожесточенным сопротивлением Советских Вооруженных Сил наступавшей немецко-фашистской армии и нарушением графика гитлеровского «блицкрига». Поэтому, вопреки давлению Германии, японское правительство предпочло пока отсрочить решение этого вопроса.

Такая позиция Японии порождала японо-германские разногласия, которые стали серьезной преградой для осуществления совместных действий держав «оси» против Советского Союза. Разногласия эти остро проявлялись и в течение августа—октября 1941 г., в ходе переговоров между Токио и Берлином по вопросу о военном нападении Японии на Советский Союз. Так, во время беседы министра иностранных дел Тоёда с послом Германии в Токио Оттом, состоявшейся 30 августа, германский посол спросил, остается ли в силе намерение Японии подготовиться на случай возможной войны против СССР, как с тем было сообщено 2 июля германскому правительству, и существует ли какая-либо возможность участия Японии в советско-германской войне. Тоёда ответил, что в намерениях Японии, изложенных в решении от 2 июля, нет каких-либо изменений. «Приготовления Японии в настоящее время продвигаются вперед, — указал министр, — но они требуют длительного времени для своего осуществления»⁶⁹.

Отт получал неоднократные напоминания о том, что Гитлер и его сообщники надеются на присоединение Японии к войне против СССР в самом ближайшем будущем. Однако германский посол в Токио в августе 1941 г. сообщал в Берлин, что нет никакой надежды на такое вмешательство⁷⁰.

⁶⁸ «Hearings...», part 12, p. 9, 10.

⁶⁹ «Hearings...», part 18, p. 2951. — Курсив наш. — Д. Г.

⁷⁰ Trumbull Higgins, *East wind rain*, p. 1201.

В телеграмме Отта Риббентропу от 4 сентября 1941 г. говорилось: «Ввиду сопротивления, оказываемого русской армией такой армии, как немецкая, японский генеральный штаб не верит, что Германия сможет достичь решающего успеха в войне против России до наступления зимы. Сюда также присоединяются воспоминания о монгольских событиях (имеются в виду бои в районе Халхин-гола. — Д. Г.), которые досих пор живы в памяти Квантунской армии». Германский посол доносил, что «императорская ставка недавно приняла решение отложить на время действия против Советского Союза»⁷¹.

В другом донесении Риббентропу 4 октября Отт констатировал, что в Японии начинают по-иному расценивать возможности сопротивления Советской Армии. Германский посол сообщал в Берлин, что начало военных действий Японии «против дальневосточной армии, которая все еще считается сильной в боевом отношении, нельзя ожидать раньше весны... Упорство, которое показал Советский Союз в борьбе с Германией, показывает, что даже нападением Японии в августе или сентябре месяцах (1941 г. — Д. Г.) нельзя открыть дорогу в Сибирь в этом году»⁷².

Телеграммы Отта вызвали большое беспокойство гитлеровской клики. Послу были даны указания выяснить изменения, происходящие во взглядах руководителей империалистической Японии, и убеждать их в необходимости выполнения антисоветских обязательств, принятых по «антикоминтерновскому» и тройственному пактам, а также планов, ставивших задачей «выведение из строя Советского Союза»⁷³.

В то время как гитлеровская Германия настойчиво требовала от Японии немедленного вступления в войну на Дальнем Востоке, японские правящие круги стремились отсрочить решение этого вопроса в зависимости от исхода решающих операций на советско-германском фронте и определить направление, очередность и сроки военного выступления, исходя не только из интересов тройственного союза, но и из собственных империалистических целей. Японские империалисты откладывали сроки военного нападения на СССР под предлогом необходимости «гибкого» применения тройственного пакта и осуществления каждым союзником «свободы действий» на основе «здравого смысла».

Так, в ходе переговоров между Берлином и Токио в первые месяцы советско-германской войны выявились серьезные японо-германские разногласия, главным образом по вопросу вступления Японии в войну против Советского Союза.

⁷¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7971—7972; ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 279.

⁷² Там же, стр. 7696, 49354; ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 838.

⁷³ Там же, стр. 47371.

**Продолжение подготовки войны Японии против СССР
Разработка новых военных планов управления советскими территориями, намеченными к оккупации**

Конец августа — первая половина октября 1941 г. характеризуется обострением борьбы между различными группировками японской монополистической буржуазии по вопросам политики в отношении Советского Союза, направления и очередности военного нападения. Борьба эта привела в конце концов к новому правительственному кризису. 16 октября 1941 г. третий кабинет Коноэ вышел в отставку, и на смену ему через два дня пришел кабинет генерала Тодзэ Хидэки. В официальном заявлении, сделанном в день отставки, Коноэ объяснил свой уход отсутствием полного согласия в правительстве по вопросу о методах проведения национальной политики, в частности «экспансии в южном направлении»⁷⁴.

Приход к власти нового кабинета Тодзэ, одного из наиболее реакционных лидеров антисоветской группировки монополистов, сопровождался усилением подготовки войны против СССР.

С октября 1941 г. усилились провокации на дальневосточной границе СССР.

Новые нарушения японскими империалистами государственной границы Советского Союза означали начало «малой пограничной войны», которую ее организаторы намеревались при благоприятных условиях превратить в большую антисоветскую войну.

По мере приближения немецко-фашистских войск к Москве, а в особенности с началом битвы за Москву, в Японии вновь стали усиливаться тенденции к немедленному военному выступлению против Советского Союза. Опасения упустить выгодный момент для нападения на СССР имели следствием новое усиление непосредственных военных приготовлений, осуществленных правительством Тодзэ, который являлся ярким сторонником войны против СССР без всякого промедления. Не случайно при вступлении на пост премьер-министра Тодзэ в беседе с Оттом заявил, что Япония является «смертельным врагом СССР». Советский порт Владивосток, по его мнению, представляет «постоянную угрозу Японии с фланга», но в ходе советско-германской войны есть возможность устранить эту угрозу, поскольку в распоряжении Японии имеется «отличная Квантунская армия, состоящая из лучших частей»⁷⁵.

⁷⁴ Там же, стр. 49534.— Текст заявления Коноэ императору с просьбой об отставке см.: «Коноэ Фумимаро ко-но сюки», стр. 137—139, 145—147. Вопрос о причинах смены кабинета Коноэ и образования нового правительства Тодзэ рассмотрен в разделе, посвященном третьей стадии японо-американских переговоров.

⁷⁵ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 38423.

Готовясь к открытию военных действий на дальневосточных рубежах Советского Союза, японские империалисты к концу 1941 г. увеличили в два раза количество войск, находившихся в Маньчжурии⁷⁶. К тому времени из состава вооруженных сил Японии здесь было сосредоточено: около 50% пехотных дивизий, 75—80% кавалерийских частей, около 65% танковых полков, половина артиллерийских частей и сухопутной авиации⁷⁷. Такая концентрация сил и техники недвусмысленно свидетельствовала об усилении реальной угрозы нападения на СССР. Это откровенно признавали и японские политические деятели, и наиболее влиятельные органы прессы.

Один из видных членов парламента, будущий главный защитник на Токийском процессе Киосэ Итиро, открыто писал в газете «Токио нити-нити», что «Япония должна сыграть свою роль в деле окончания германо-советской войны»⁷⁸. Еще более откровенно комментировал концентрацию японских вооруженных сил в Маньчжоуго, на границах с СССР, влиятельный общественно-политический журнал «Кайдзо», опубликовавший статью Танака Канаэ на тему «Новый этап советско-германской войны и Япония». В статье говорилось, что Япония «радуется победам своего союзника — Германии и желает ей дальнейших успехов. Япония, несомненно, должна использо-

⁷⁶ Trumbull Higgins, *East wind rain*, p. 1202.

⁷⁷ В начале ноября 1941 г., как показал Танака Синити на Токийском процессе, начальник генерального штаба генерал Сугияма дал указание при составлении оперативных планов против России предусмотреть сохранение части армии для «обеспечения защиты и для поддержания мира на севере», т. е. на советско-маньчжурской границе (см.: «Стенограмма Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 229, л. 297).

В сводке разведывательного отдела военного департамента США от 5 декабря 1941 г. сообщалась следующая дислокация японских вооруженных сил за пределами собственно Японии:

Название территории	Количество			
	пехотных дивизий	отдельных бригад	кавалерийских бригад	танковых полков
Маньчжурия и другие пограничные с СССР районы	30	6	4	7
Северный Китай	8	6	1	1
Центральный Китай	10	6	—	1
Южный Китай	2	1	—	1
о. Тайвань	2	—	—	—
о. Хайнань	1	1	—	—
Индокитай	3	1	—	1
Всего за пределами собственно Японии	56	21	5	11

(См.: «Hearings . . .», part 1 < p. 1386).

⁷⁸ «Токио нити-нити» (東京日日), 1941, 5 ноября.

вать международную обстановку, сложившуюся благодаря победам Германии, в целях выполнения своего собственного великого дела...»⁷⁹ (курсив наш. — Д. Г.).

Одновременно с военными приготовлениями Японии против СССР и усилением антисоветской пропаганды происходила интенсивная разработка планов войны против СССР. Помимо генерального штаба, этим занимались научно-исследовательский «Институт тотальной войны» и «Общество исследования государственной политики», тесно связанные с военным министерством и министерством колоний. «Институт тотальной войны» подготовил проект, определявший круг государств, которые должны войти в «сферу великой Восточной Азии», причем в эту «сферу» был включен также и Советский Дальний Восток.

В докладе комитета «Общества исследования государственной политики», представленном правительству в октябре 1941 г., говорилось о необходимости тщательно подготовиться к экспансии на юг и на север. Особое внимание в этом документе уделялось использованию местного населения в управлении территориями, намеченными к оккупации: советского населения в Приморье, индонезийцев и голландцев в Индонезии; значительное место в докладе «Исследовательского общества» занимал вопрос о русских белоэмигрантах и посылке в Советский Союз вооруженных японских колонистов, которые должны были занять все высшие административные посты для надзора за советским населением⁸⁰.

«Институт тотальной войны» не ограничивал свою задачу определением круга государств, подлежащих включению в «сферу процветания», он разработал ряд военных учений на основе планов нападения на Советский Дальний Восток и, в частности, обосновал необходимость увеличения численности японских войск в Маньчжурии, которые могут потребоваться для осуществления этого нападения.

Большое значение придавалось антисоветской подрывной деятельности. Об этом свидетельствуют секретные документы Квантунской армии и японских военных миссий в Маньчжоуго. Важным документом был «План подготовки белоэмигрантской молодежи в специальных поселениях», составленный Харбинской военной миссией. Он предусматривал подготовку кадров диверсантов на средства, ассигнованные по государственному бюджету. Белоэмигранты, прошедшие эту подготовку, направлялись в специальные отряды диверсантов, называвшиеся частями или отрядами «Асано», по имени возглавлявшего их офицера⁸¹.

Особое место занимали планы управления советскими территориями, намеченными к оккупации. С июля по сентябрь 1941 г. этим вопросом занималась специальная группа офицеров генерального штаба. Когда в сентябре 1941 г. был создан пятый отдел во главе с генерал-майором Икэда, эти функции были переданы ему.

Одним из характерных документов, подготовленных японским военным министерством и министерством колоний в конце 1941 г., являлся «План управления территориями в сфере процветания великой Восточной Азии». Этот план предусматривал захват территорий Советского Дальнего Востока и установление там оккупационного режима. В одном из разделов плана, озаглавленном «Будущее время этот вопрос не легко решить ввиду того, что он должен быть решен в соответствии с японо-германским пактом», все же при любых обстоятельствах «Приморье должно быть присоединено к Японии, район, прилегающий к Маньчжурской империи, подлежит включению в сферу влияния этой страны и Транссибирская железная дорога должна быть поставлена под полный контроль Японии и Германии, причем Омск будет пунктом разграничения между ними»⁸².

Планы расчленения советской территории на «сферы влияния» свидетельствовали об общности захватнических целей двух союзников по тройственному пакту. Эти планы основывались на порочной стратегии агрессоров: *переоценке* своих собственных сил и *недооценке* сил противника. Все перечисленные факты свидетельствовали о реальности угрозы нападения империалистической Японии на СССР.

Подобного рода подготовка к войне против СССР продолжалась и накануне возникновения тихоокеанской войны. Так, начальник штаба Квантунской армии, выступая 5 декабря 1941 г. на совещании командиров соединений, потребовал завершить подготовку к операциям против СССР и продолжать неослабно следить за всеми изменениями в дислокации войск на Советском Дальнем Востоке и в Монгольской Народной Республике «в связи с ходом советско-германской войны для того, чтобы вовремя использовать поворотный момент в военной обстановке»⁸³. Войсковые соединения пер-

⁷⁹ Там же, стр. 49358. — Курсив наш. — Д. Г.

⁸⁰ Начальник штаба Квантунской армии отметил изменения военного положения СССР и МНР, происшедшие в связи с новой международной обстановкой и в особенности с событиями на советско-германском фронте. Он подчеркнул также чрезвычайно напряженное положение, создавшееся на Тихом океане, и потребовал от всех подчиненных соединений и частей армии совершенствования знаний о СССР и МНР, что, по его мнению, «является крайне необходимым условием с точки зрения подготовки операций против Советского Союза» («Стенограмма Токійского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 275, л. 58—59).

⁷⁹ 田中香苗, 獨ソ戦新展開と日本, “改造”, 一九四一年, 十一月, 210頁.

⁸⁰ «Стенограмма Токійского процесса», стр. 7408—7409.

⁸¹ Там же, стр. 7669.

вой линии получили особые задачи, на случай если создадутся благоприятные условия для вступления Японии в войну против Советского Союза.

Усиление давления гитлеровской Германии на Японию в конце 1941 г. Активная помощь Германии со стороны Японии

В дни битвы за Москву давление гитлеровской Германии на Японию особенно усилилось, так как военное нападение на дальневосточные рубежи СССР в такой острый момент советско-германской борьбы могло бы значительно ухудшить положение Советского Союза и осложнить его дальнейшее сопротивление. Но даже в такой момент, когда гитлеровцы уже назначили день и час парада своей армии на Красной площади в Москве, наиболее осторожные и трезвые представители правящих кругов Японии все еще считали несвоевременным и рискованным осуществление «северного варианта» агрессии и все более склонялись к открытию военных действий против США и Англии. О тайной борьбе между двумя союзниками — Японией и Германией, — обострившейся в дни битвы за Москву, свидетельствует дипломатическая переписка.

В телеграмме из Берлина в Токио от 17 ноября 1941 г., передававшей Отту для сведения заявление Осима германскому правительству, говорилось, что японский посол придерживается той точки зрения, что в зимнее время года военные действия против Советского Союза можно предпринять лишь в небольших масштабах. Он считал вероятным, что не слишком трудно будет занять северную (русскую) часть острова Сахалин. Ввиду того что советские войска понесли большие потери в боях с немецкими войсками, заявил Осима, их, вероятно, также можно будет оттеснить от (дальневосточной. — Д. Г.) границы. Однако, по его мнению, нападение на Владивосток, а также любое продвижение в направлении озера Байкал в это время невозможно, и придется благодаря сложившимся обстоятельствам отложить выступление до весны⁸⁴.

Важным документом, который показывает, как усиливалось давление Германии на Японию в дни боев за Москву, являлось послание Осима в Токио от 29 ноября 1941 г., передававшее содержание его беседы с Риббентропом.

Как и в прежних беседах, Риббентроп пытался убедить Осима в неизбежности быстрого окончания войны в пользу Германии, вследствие чего Японии, пока не поздно, надлежало поспешить вступить в войну против СССР. Имперский министр передал мнение Гитлера о том, что «практически все

основные военные цели достигнуты» и поэтому большая часть немецких войск будет скоро отведена в Германию. Вслед за этим, хвастливо заявил Риббентроп японскому послу, начнется большая Кавказская кампания, а «следующей весной (май 1942 г. — Д. Г.) Германия пересечет Уральские горы» и вторгнется глубоко в Сибирь⁸⁵.

Тем самым гитлеровская клика еще раз пыталась убедить японских империалистов в возможности завершения Германией «блицкрига» против Советского Союза и вторжения на территорию Сибири. Это был ловкий ход: угрозой вторгнуться в японскую «сферу сопроцветания» заставить своего дальневосточного партнера по «оси» как можно скорее вступить в войну против СССР.

Ответом на послание Осима о беседе с Риббентропом явилась телеграмма министерства иностранных дел Японии от 30 ноября, направленная японскому послу в Берлине. Осима предлагалось на вероятный вопрос германского правительства об отношении Японии к Советскому Союзу ответить следующим образом: «Скажите, что, двигаясь сейчас на юг, мы вовсе не имеем в виду ослабления нашего давления на Советский Союз и что, если Россия завяжет более близкие отношения с Англией и США и будет нам сопротивляться, применяя враждебные действия, мы готовы повернуться против нее со всей своей мощью. Однако в настоящий момент нам выгоднее двигаться на юг, и на некоторое время мы предпочли бы воздержаться от прямого движения на север. Это сообщение важно с военной точки зрения и при всех обстоятельствах должно храниться в абсолютном секрете»⁸⁶.

Вышеприведенные документы — телеграммы Отта и японского МИД — являются новым свидетельством японо-германских разногласий и стремления Японии исходить не только из интересов тройственного блока, но и осуществлять самостоятельную политику, которая диктовалась интересами японских империалистов. Поэтому никакое давление гитлеровской дипломатии не могло привести к военному выступлению Японии против СССР, поскольку это направление агрессии на том этапе считалось весьма рискованным; движение же в южном направлении признавалось наиболее выгодным.

Характерным документом, показывающим, что японские империалисты в дни битвы за Москву предпочитали пока еще открыто не вступать в войну против СССР, являлась телеграмма министерства иностранных дел Японии послу в Берлине Осима от 6 декабря 1941 г., в которой говорилось: «Мы предпочли бы не допустить вооруженного столкнове-

⁸⁵ Документ ВВ-148, 656-Д («Trial...», vol. XXXV, p. 321—322); см. также: «Hearings...», part 35, p. 676.

⁸⁶ «Стенограмма Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 280.

⁸⁴ «Стенограмма Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 33.

ния с Советской Россией, пока стратегическая обстановка позволяет избежать его...»⁸⁷.

Несмотря на наличие существенных разногласий между Японией и Германией, приближение новых военных конфликтов и необходимость в связи с этим координировать усилия агрессоров потребовали укрепления японо-германских отношений. 25 ноября 1941 г. Япония и Германия специальным протоколом продлили «антикоминтерновский пакт» на новый пятилетний срок. Одновременно к японо-германскому соглашению присоединились: Испания, Румыния, Болгария, Дания, Словакия, Хорватия, Финляндия, «правительство» Ван Цзинвэя (Италия и Манчжоуго присоединились ранее). В преамбуле протокола подтверждалось, что целью участников пакта остается борьба против «активности Коммунистического Интернационала» и что их общие интересы требуют и в дальнейшем «тесного сотрудничества против общего врага»⁸⁸.

Тем самым Япония еще раз официально заявила о сохранении своего антисоветского и прогерманского курса, лживо декларируя действительность советско-японского пакта о нейтралитете. Вместе с тем продление «антикоминтерновского пакта» являлось и актом, направленным против Соединенных Штатов, Англии и Франции.

Отвлекая постоянной угрозой нападения значительные вооруженные силы Советского Союза для обороны его дальневосточных границ, японские империалисты тем самым оказывали большую помощь гитлеровской Германии.

Помощь гитлеровской Германии со стороны Японии заключалась также в передаче своему союзнику ценных разведывательных сведений о Советском Союзе. Это подтверждается дипломатической перепиской Риббентропа и Отта и показаниями Осима на Токийском процессе.

10 июля Риббентроп в шифротелеграмме, направленной Отту в Токио, просил передать Мацуока благодарность за пересылку телеграфного отчета японского посла в Москве, содержащего ценные сведения о военно-промышленном потенциале и вооруженных силах СССР. Подобные сведения японцы с первых дней войны стали передавать в распоряжение гитлеровской Германии. Германский министр высказал пожелание и впредь систематически «получать таким образом еще больше сведений из России»⁸⁹.

⁸⁷ «Hearings...», part 12, p. 245.

⁸⁸ «Documents on American foreign relations», vol. IV, July 1941—June 1942, Boston, 1942, p. 201—202. — Впервые предложение о продлении «антикоминтерновского пакта» было сделано Риббентропом во время берлинских переговоров с Мацуока в марте 1941 г. Японский министр дал на это предварительное согласие. Затем оно было возобновлено германским правительством в октябре 1941 г. («Стенограмма Токийского процесса», стр. 23536; ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 230, л. 140).

⁸⁹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49384.

Японский посол в Берлине Осима показал на Токийском процессе, что между генеральными штабами обеих стран существовало соглашение о сотрудничестве в проведении подрывной деятельности против СССР⁹⁰. Осима признал также, что во время пребывания в Берлине он систематически обсуждал с Гиммлером мероприятия по проведению тайной подрывной деятельности против советского государства и его руководителей⁹¹.

Передачей различных сведений о военно-промышленном потенциале СССР, его вооруженных силах и передвижениях соединений и частей непосредственно занималось пятое («русское») отделение второго отдела генерального штаба Японии. Оно передавало информацию в 16-е («германское») отделение того же отдела, которое направляло их германскому военному атташе в Токио полковнику Кречмеру. Свидетель генерал-майор Мацумура Томокацу⁹² показал на Токийском суде: «Мною по приказанию начальника второго отдела генерал-лейтенанта Окамото Сэйфуку, а после его ухода с этой должности по приказанию его преемника генерал-лейтенанта Арисуэ Сэйдзо систематически передавались в 16-е («германское») отделение для полковника Кречмера сведения о силах Красной Армии, о дислокации ее частей на Дальнем Востоке, о военном потенциале СССР. Для Кречмера мною передавались сведения об уходе советских дивизий с Дальнего Востока на запад, о передвижении соединений Советской Армии внутри страны, о развертывании эвакуированной советской военной промышленности. Все эти сведения составлялись на основании донесений, поступивших в японский генеральный штаб от японского военного атташе в Москве и из других источников»⁹³.

Систематическое получение от японского генерального штаба секретных сведений о Советской Армии, в особенности о частях, находившихся на Дальнем Востоке, подтвердил на Токийском процессе бывший помощник военного атташе германского посольства в Токио фон Петерсдорф. Он показал, что эти сведения по своему объему и характеру отличались от представляемых обычно военными атташе и были использованы в военных операциях германской армии против Советского Союза⁹⁴.

В самый канун войны на Тихом океане японские империалисты заверяли германского союзника, что они намерены наносить урон советско-американским экономическим отноше-

⁹⁰ Там же, стр. 33992.

⁹¹ Там же, стр. 6026.

⁹² Мацумура с октября 1941 по август 1943 г. был начальником русского отдела армейского генерального штаба Японии.

⁹³ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 8144, 49385.

⁹⁴ Там же, стр. 38503, 49386.

ниям, если возникнет японо-американская война. В упомянутой выше телеграмме министерства иностранных дел Японии от 6 декабря 1941 г., адресованной послу в Берлине Осима, говорилось: «Объясните, что в случае возникновения войны с Соединенными Штатами мы будем захватывать все американские суда, предназначенные для Советской России. Если Риббентроп будет настаивать, сделайте заявление о том, что Япония не допустит транспортировки военных материалов из США в СССР через японские воды...»⁹⁵.

Приведенная выше телеграмма японского министерства иностранных дел представляет большой интерес. Она является документом, который подтверждает намерения Японии прервать вашингтонские переговоры и начать войну против США и Англии, о чем гитлеровская Германия была информирована непосредственно накануне нападения на Пёрл-Харбор. Кроме того, она является документом, который декларировал обязательство Японии помогать Германии после возникновения японо-американской войны и препятствовать советско-американским экономическим связям. Вместе с тем телеграмма японского МИД отражала стремление Японии ограничить этими мерами свою помощь Германии и, следовательно, ее желание временно воздержаться от прямого военного выступления против Советского Союза на Дальнем Востоке.

Совершая заведомо враждебные Советскому Союзу акции, нарушая советско-японский пакт о нейтралитете, Япония своей активной помощью гитлеровской Германии нанесла значительный ущерб СССР.

Причины отсрочки вступления Японии в войну против Советского Союза

С самого начала советско-германской войны гитлеровская дипломатия настаивала на немедленном вступлении Японии в эту войну, применяя методы посулов и шантажа. Однако японские правящие круги предпочитали вступить в войну в благоприятный для Японии момент развития событий на советско-германском фронте. При решении этого вопроса они исходили из своих агрессивных планов и целей, из собственной оценки жизнеспособности советского государства.

Одной из важных причин, побудивших японских империалистов придерживаться такой политики по отношению к СССР, являлась высокая оценка действий Советских Вооруженных Сил, нанесших тяжелое поражение японской армии на Хасане и Халхин-голе. Японцы, отмечают английские авторы

⁹⁵ «Hearings...», part 12, p. 245—246; см. также: «Стенограмма Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, л. 275, л. 282.

Джонс, Бортон и Пирн, «воевали с русскими в районе озера Хасан и реки Халхин-гол и понесли тяжелое поражение. Это заставило их с уважением относиться к Советской Армии, и они предпочитали ждать и наблюдать, а не ввязываться в войну на стороне Германии»⁹⁶. Героическое сопротивление Советских Вооруженных Сил гитлеровской армии убеждало наиболее трезвых государственных деятелей Японии в том, что выступление против СССР связано с большим риском.

Несмотря на значительные успехи немецко-фашистских войск в начале войны, уже вскоре стал очевиден крах гитлеровского «блицкрига». Благодаря упорному сопротивлению Советской Армии немецко-фашистские войска несли крупные потери. Темпы их продвижения значительно замедлились. Намеченные гитлеровской кликой сроки завершения войны против СССР оказались сорванными.

Вынужденная отсрочка военного нападения Японии на СССР является заслугой и советской дипломатии. Потерпели банкротство расчеты на внешнеполитическую изоляцию и окружение Советского Союза. Советской дипломатии удалось предотвратить организацию единого антисоветского фронта капиталистических государств, расколоть и ослабить их силы. Правящие круги Англии и США оказались вынужденными объединиться с Советским Союзом в военной коалиции против гитлеровской Германии и ее сателлитов. Однако они имели в виду не действительную помощь СССР с целью разгрома сил фашизма и агрессии. Империалисты США и Англии намеревались использовать мощь Советского Союза, чтобы устранить своих немецких, японских и итальянских конкурентов на мировом рынке. Они хотели добиться истощения сил Германии и ее союзников, с одной стороны, и сил Советского Союза — с другой, для того, чтобы облегчить установление мирового господства американо-английского блока. Но советская дипломатия сумела использовать англо-германские и американо-германские империалистические противоречия в интересах разгрома фашизма.

Советскому Союзу удалось не допустить расторжения советско-японского пакта о нейтралитете, чего усиленно добивалась гитлеровская Германия.

В связи с изменившейся обстановкой на советско-германском фронте правящие круги Японии начинали по-иному, более трезво оценивать возможности сопротивления Советского Союза, а следовательно, и риск, связанный с открытым вступлением Японии в войну против СССР. Этим объяснялся вынужденный пересмотр прежних планов военного нападения на Советскую страну, произведенный осенью 1941 г.

⁹⁶ F. C. Jones, Hugh Borton and B. R. Pearn, *The Far East, 1942—1946*, London — New York — Toronto, 1955, p. 103.

Другими весьма важными причинами, воспрепятствовавшими военному нападению Японии на Советский Союз в первое полугодие советско-германской войны, явились быстрая перестройка народного хозяйства СССР на военный лад и развертывание широкой партизанской войны в тылу врага.

Упорное сопротивление Советских Вооруженных Сил немецко-фашистским войскам, в частности провал второго, ноябрьского наступления гитлеровцев на Москву, побудило правящие круги Японии прийти к решению о выборе первоочередного направления военного нападения. Ход и исход исторической битвы за Москву, в результате которой потерпел полный крах гитлеровский план молниеносной войны и был развеян миф о «непобедимости» гитлеровской армии, окончательно определили, против кого и когда выступит Япония с войной на Дальнем Востоке. В итоге правящие круги Японии определили «южное» направление войны как направление первоочередного военного нападения, более выгодного и менее рискованного на данном этапе развития международных событий.

Важное значение для принятия этого решения имела политика Японии в отношении США и Англии в течение июня — декабря 1941 г., в особенности продолжавшиеся японо-американские переговоры в Вашингтоне, подлинные цели которых будут раскрыты ниже. Однако это отнюдь не означало, что Япония отказалась от плана военного нападения на Советский Союз. Как показали последующие события, Япония продолжала проводить антисоветский, прогерманский внешнеполитический курс, вести приготовления для реализации плана «Кантокуэн» в благоприятных для нее условиях и не прекращала активной помощи гитлеровской Германии. Тем самым она грубо нарушала советско-японский пакт о нейтралитете.

Глава V

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЯПОНО-АМЕРИКАНСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ. ПОДГОТОВКА НАПАДЕНИЯ ЯПОНИИ НА США И АНГЛИЮ

Вторая стадия японо-американских переговоров — от начала Великой Отечественной войны Советского Союза до оккупации Южного Индокитая (22 июня—29 июля 1941 г.). Вторжение Японии в Южный Индокитай

Вторая стадия японо-американских переговоров характеризуется прежде всего тем, что по сравнению с другими стадиями дипломатические переговоры между Японией и США были менее активными. Главным, определяющим моментом второй стадии была подготовка военного вторжения Японии в Южный Индокитай, успех которого должен был облегчить нажим японской дипломатии на позиции американского правительства. Чрезвычайно важным также являлись предложения Рузвельта о «нейтрализации Индокитая» и «гарантии снабжения Японии сырьем и продовольствием».

Япония ответила на эти предложения вторжением в Индокитай, что еще более обострило японо-американские противоречия.

Вместе с тем японские империалисты после возникновения советско-германской войны не переставали угрожать СССР военным нападением. Одновременно они преследовали также цель ввести в заблуждение сторонников «дальневосточного Мюнхена» в США и Англии и пытались создать впечатление, что война против СССР является первоочередной и даже единственной целью. Таким путем японские правящие круги стремились замаскировать подготовку вероломного удара по американским и английским владениям на Тихом океане.

Как было указано в предыдущей главе, в программном решении от 2 июля 1941 г. в качестве важнейшей задачи «государственной политики империи» намечалось принять меры «с целью продвижения на юг» и «осуществления ранее разработанных мероприятий в отношении Индокитая и Таиланда»¹.

¹ «Report of the Joint committee on the investigation of the Pearl Harbor attack». 79th congress, 2d session, doc. № 244, Washington, 1946, p. 16, 295—296; 太平洋戦争史, 歴史學研究會, 東京, 一九五三年, 第三卷, 273頁; 重光葵, 昭和の動亂, 第二卷, 東京, 一九五二年, 316頁.

Инструктируя японского посла в Вашингтоне, какими средствами надлежит добиваться проведения в жизнь этой части решения, Мацуока в телеграмме от 2 июля указывал, что одним из них является продолжение дипломатических переговоров. Одновременно он информировал посла о том, что правительство ускоренно разрабатывает новые планы относительно «жизненных пунктов на юге». Японский министр подчеркивал важность применения всех имеющихся мер для того, чтобы «предотвратить присоединение США к войне» (Англии против Германии. — Д. Г.). Если же их окажется недостаточно, то «Япония будет действовать в соответствии с тройственным пактом и примет решение, когда и какие именно силы будут использованы»² (против США. — Д. Г.).

Давая указание Номура продолжать переговоры в Вашингтоне, японское правительство имело в виду вести параллельно подготовку к войне против США и Англии, чтобы в случае невозможности заставить американцев принять японские требования дипломатическим путем прибегнуть к оружию и с его помощью добиться осуществления своих агрессивных целей на южном направлении. Эта подготовка состояла в проведении чисто военных мероприятий, а также в осуществлении специальных мер в Китае и в Индокитае, направленных на обеспечение тыла и создание необходимых плацдармов для новой большой войны на Тихом океане.

Особое внимание уделялось военно-морскому флоту. Его подготовка усилилась с конца мая 1941 г. и ставила целью обучение личного состава в тех районах, условия местности и климат которых максимально приближались к условиям плацдармов, где намечалось развязать тихоокеанскую войну. Десантные части тренировались вдоль китайского побережья, на острове Хайнань и вдоль побережья Индокитая³; войска, предназначавшиеся для нападения на Гонконг, интенсивно тренировались в ночное время и обучались штурму долговременных огневых точек недалеко от Кантона⁴. В Кагосима (Кюсю), где условия местности во многом напоминали Пёрл-Харбор, производились учения по бомбометанию с ликирования. В течение лета 1941 г. испытывались также мелководные торпеды, намеченные для действий в районе Пёрл-Харбора⁵. Уже к июлю гидрографический отдел японского генерального штаба закончил составление дополнительных карт района Кота-Бару, которые затем, в октябре, были размножены морским генеральным штабом⁶. Военные приготовления проис-

² «Hearings before Joint committee on the investigation of the Pearl Harbor attacks. Congress of the United States, seventy-ninth congress, first session, part 12, Washington, 1946, p. 1—2.

³ Эти войска впоследствии высадились на Филиппинах и в Малайе.

⁴ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49503.

⁵ Там же, стр. 49498.

⁶ Там же, стр. 49441.

ходили в течение всего лета 1941 г. и не прекращались до самого начала тихоокеанской войны⁷.

Эти приготовления не ограничились принятием указанных мер. Помимо них, руководители вооруженных сил Японии стремились максимально изучить опыт ведения морской войны Германией и Италией. С 18 мая до 8 июня 1941 г. в Италии находилась японская миссия во главе с вице-адмиралом Номура Китисабуро (морскую часть миссии возглавлял контр-адмирал Абэ), которая изучала организацию, технику, вооружение, стратегию и тактику итальянского военно-морского флота. Опыт операции в Таранто был тщательно изучен и применен в дальнейшем во время нападения на Пёрл-Харбор. Японские делегаты проявили большой интерес к воздушным торпедным атакам английской авиации, которые причинили большой урон кораблям итальянского флота в Таранто. Морские специалисты высоко оценили мощь нового воздушного оружия и возможности, которые давало его применение, в особенности в сочетании с внезапностью нападения⁸.

Таким образом, японские империалисты продолжали тщательно готовиться к осуществлению «южного» варианта войны. После начала советско-германской войны эта подготовка производилась параллельно с антисоветскими мероприятиями. Европейские обозреватели по дальневосточным вопросам не раз писали о неизбежности нападения японцев на Филиппины и Малайский полуостров. Однако в правящих кругах Англии и США оказалось немало политических деятелей, которые недооценивали опасность нападения Японии на Пёрл-Харбор, Бирму и другие территории⁹.

Стремясь заблаговременно подготовить необходимые плацдармы для тихоокеанской войны, японские империалисты вновь усилили давление на Индокитай.

Еще в конце июня 1941 г. на заседании «Комитета по координации действий» было принято решение о том, что Япония ускорит осуществление мер в отношении Индокитая и Таиланда; это решение затем вошло в постановление имперского совещания от 2 июля¹⁰. В течение июля, в особенности после

⁷ Там же, стр. 49503.

⁸ Giuseppe Fioravanzo, *The Japanese military mission to Italy in 1941* («United States naval institute proceedings», vol. 82, 1956, № 1), p. 24—31.

⁹ Фред Элдридж, *Гнев в Бирме*, М., 1947, стр. 25.

¹⁰ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49500. — Несколько дней спустя, 4 июля 1941 г., Отт в весьма срочной телеграмме в Берлин сообщил содержание беседы с ответственными сотрудниками японского генерального штаба. Он подчеркнул, что японская армия усердно и скрытно готовится к занятию Сайгона в недалеком будущем. Оккупация южного порта Индокитая рассматривалась как предпосылка для возможного дальнейшего наступления на юг («Стенограмма Токийского процесса», ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 34).

образования третьего кабинета Коноэ, в Токио обсуждался вопрос о заключении между Японией и Францией нового соглашения «о совместной обороне» Индокитая. Японское министерство иностранных дел мотивировало необходимость такого соглашения тем, что якобы «создается угроза самой безопасности Индокитая», к которой Япония, исходя «из интересов самообороны», не может относиться равнодушно.

Всячески преувеличивая надуманную угрозу Индокитаю со стороны западных держав, японские империалисты стремились теперь захватить в свои руки контроль над его южной частью, располагавшей наиболее удобными портами и воздушными базами. 13 июля Коноэ в личном послании Петэну заверил его, что Япония намерена уважать суверенные права Франции в Индокитае, но при условии предоставления ей на индокитайском побережье ряда военно-морских баз. Агрессивный характер этого «условия» был очевиден, если учесть ряд перехваченных американцами японских шифротелеграмм. В телеграмме из Кантона в Токио от 19 июля говорилось, что первоочередной целью Японии, как только этому будет благоприятствовать международная обстановка, должна стать полная оккупация Индокитая. Очередным мероприятием намечался ультиматум Индонезии с последующим ее захватом, а затем — оккупация Малайи с Сингапуром. Характерно, что о захвате Сингапура, на котором настаивали гитлеровцы во время японо-германских переговоров, говорилось не вообще, а указывались конкретные силы, необходимые для проведения операции: одна дивизия — для захвата английской крепости и две дивизии — для оккупации всей Индонезии, осуществление которой считалось возможным при решающей роли военно-морского флота. В телеграмме говорилось, что с помощью трех дивизий, кораблей военно-морского флота и авиации, базирующихся в Кантоне, Спратли, Палау, Сингора (Таиланд), в Португальском Тиморе и Индокитае, а также при содействии подводного флота, находящегося в районе мандатных островов, в Хайнане и Индокитае, «мы уничтожим английскую и американскую военную мощь и способность содействовать планам, направленным против нас»¹¹.

Содержание шифротелеграммы от 19 июля свидетельствует не только о намерении Японии захватить южную часть Индокитая. Уже в то время агрессивные планы японских империалистов распространялись на Малайю и Индонезию. Более того, правящие круги Японии ставили задачу нанести решающее поражение своим главным тихоокеанским империалистическим соперникам и конкурентам, используя силы японского флота и авиации, находившиеся на оккупированной территории северной части Индокитая, Хайнаня, Спратли и в Кантоне.

¹¹ «Report...», p. 93.

Эти агрессивные планы находились в тесной связи с целями тройственного союза¹².

То, что было тайным в японских шифротелеграммах, перехваченных американской разведкой, становилось явным в официальных выступлениях и заявлениях государственных деятелей Японии. Новый министр иностранных дел Тоёда указывал, что Индокитая, Таиланд, Индонезия и другие страны Южных морей должны входить в блок стран «сферы сопроцветания» Восточной Азии, ядро которой составляют Япония, Маньчжоу-го и территория Китая, контролируемая «правительством» Ван Цзин-вэя¹³.

Тем временем японские империалисты приступили к осуществлению своей первоочередной цели — к захвату южной части Индокитая. «Индокитай, — показал Хэлл на «Объединенной комиссии» американского конгресса по расследованию обстоятельств нападения Японии на Пёрл-Харбор, — был в тот момент местом наиболее острой и грозной опасности»¹⁴.

20 июля Япония предъявила правительству Виши и властям Индокитая ультиматум, который содержал требование предоставить ей «право» держать войска в южной части французской колонии и передать в ее распоряжение военно-морские и военно-воздушные базы в Сайгоне и Камране¹⁵.

Японский ультиматум правительству Петэна и губернатору Индокитая адмиралу Деку вызвал демарш Соединенных Штатов. 21 июля Уэллес¹⁶ в беседе с советником японского посольства в Вашингтоне Вакасуги заявил, что правительство США располагает сведениями о подготовке Японией в самом ближайшем будущем оккупации южной части Индокитая. Однако Вакасуги ответил, что эта информация, если она и достоверна, не может, с его точки зрения, оказать какого-либо влияния на японо-американские переговоры, продолжавшиеся в Вашингтоне между Номура и Хэллом¹⁷.

Несмотря на то что Номура заявил 23 июля Уэллесу о стремлении правительства Коноэ заключить японо-американский «пакт взаимопонимания», японские вооруженные силы на следующий день вторглись в Южный Индокитай¹⁸.

¹² 19 июля 1941 г. из Токио в Берлин послу Осима была направлена телеграмма, в которой говорилось: «Внешняя политика Японии не будет изменена и останется верной принципам тройственного пакта» («Hearings...», part 12, p. 3).

¹³ «Japan chronicle», 1941, 8 August.

¹⁴ «Hearings...», part 11, p. 5373.

¹⁵ «Report...», p. 92.

¹⁶ Уэллес временно замещал Хэлла на посту государственного секретаря.

¹⁷ Б. Родов, *Роль США и Японии в подготовке и развязывании войны на Тихом океане, 1938—1941 гг.*, М., 1951, стр. 112—113.

¹⁸ Об оккупации южной части Индокитая см.: «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49507—49508.

Угроза полного подчинения Индокитая Японии вызвала демарш американского правительства, который, однако, носил декларативный характер. 24 июля заместитель государственного секретаря Уэллес сделал заявление, в котором указывалось, что японские действия в Индокитае непосредственно затрагивают «жизненные проблемы нашей национальной безопасности», так как противоречат применению мирных методов и, более того, «представляют угрозу безопасности других держав на Тихом океане»¹⁹. Стремясь найти путь к компромиссу с Японией, Рузвельт в тот же день в беседе с Номура сделал предложение о «нейтрализации» Индокитая при обязательном условии вывода отсюда японских вооруженных сил²⁰.

Новое американское предложение, сделанное после того как уже началась оккупация Южного Индокитая, вызвало резкую реакцию в правящих кругах Японии, готовых устранить все препятствия на пути агрессии в южном направлении. Военный министр Тодзё вызывающе заявил, что если президент США не поймет «подлинных» намерений Японии, то война станет неизбежной.

Настаивая на принятии своего проекта «нейтрализации» Индокитая, Рузвельт 24 июля предложил Японии в обмен гарантию непрерывного снабжения ее сырьем и продовольствием. Однако японская оккупация южной части французской колонии не прекращалась, и японские войска установили контроль над всей территорией Индокитая. Тогда Соединенные Штаты прибегли к контрмерам. 26 июля Рузвельт опубликовал декрет о наложении секвестра на японские фонды в США и объявил о прекращении всякой торговли с Японией²¹. Английское правительство со своей стороны заявило об аннулировании англо-японского договора 1911 г., японо-индийского торгового договора 1934 г. и японо-бирманского торгового договора 1937 г.

Декрет Рузвельта вызвал новую волну антиамериканской пропаганды и акций против иностранных фирм в Японии, Маньчжоу и на оккупированной японцами территории Китая.

¹⁹ Текст заявления Уэллеса от 24 июля 1941 г. по индокитайскому вопросу см. также: Т. А. Bisson, *America's Far Eastern policy*, New York, 1945, p. 221—223. Уэллес в своих мемуарах указывал, что вторжение Японии в Индокитай и давление Германии на правительство Вииши в июле 1941 г. явились «явным сигналом опасности» (см.: Sumner Welles, *The time for decision*, New York, 1944, p. 288).

²⁰ «Peace and war. United States foreign policy 1931—1941», United States Department of State, Washington, 1943, p. 125; «Hearings...», part 20, p. 3998.

²¹ 長谷川了, 日米開戦の真相, 東京, 一九四三年, 83頁 (далее — Хасэгава Сатоси, *Нитибэй кайсэн-но синсо*); стр. 83 (текст заявления правительства США); см. также: «Peace and war...», p. 704—705.

«Замораживание» правительством США японских фондов практически оказалось недостаточно действенным средством. Американские «мюнхенцы», налагая секвестр, пытались несколько успокоить общественное мнение, требовавшее решительных санкций в отношении Японии.

Некоторые американские исследователи дальневосточной политики США утверждают, что после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз политика правительства Соединенных Штатов состояла в том, чтобы противодействовать агрессии японских империалистов, усиливая прежде всего способность Китая к сопротивлению. Т. А. Биссон, например, указывает, что американское правительство снабжало Китай необходимыми материалами. Пытаясь объяснить цели этой политики, он приходит к выводу, что США хотели таким образом занять место Японии в Китае, сковать ее силы, что позволило бы удержать ее от продвижения на юг и предупредить внезапные действия, могущие привести к войне на Тихом океане²². Однако поддержка Китая, да и то ограничивавшаяся фактически помощью реакционному гоминдановскому режиму, была в общем недостаточной, а потому не могла «сковать» Японию.

Контрмеры США не могли остановить японских империалистов, спешивших закрепиться на территории Индокитая и приступить к дальнейшим актам агрессии. 29 июля 1941 г. между Японией и Францией был подписан протокол «о совместной обороне»²³ Индокитая, который передавал в распоряжение Японии удобный плацдарм для концентрации военно-морского флота и развязывания тихоокеанской войны. К тому времени только в районе Сайгона уже находилось 7 крупных японских военных кораблей, 3 авианосца, 55 эсминцев и 30 транспортов.

В преамбуле японо-французского протокола «о совместной обороне» Индокитая говорилось, что, если Индокитаю будет угрожать опасность, Япония будет иметь основание считать, что «общему спокойствию в Восточной Азии и ее собственной территории угрожает опасность». В протоколе лицемерно указывалось, что Япония возобновляет свои обязательства «уважать права и интересы Франции в Восточной Азии, в особенности территориальную целостность Индокитая и суверенные права во всех частях Индокитайского союза». Франция, со своей стороны, брала на себя обязательство не заключать в отношении Индокитая никакого соглашения,

²² Т. А. Bisson, *America's Far Eastern policy*, p. 123.

²³ «Documents on American foreign relations», vol. IV, July 1941—June 1942, Boston, 1942, p. 494. — Протокол «о совместной обороне» Индокитая подписали японский посол при правительстве Вииши — Като Сотомацу и вице-премьер Дарлан. Детальное соглашение подписали Деку и генерал-майор Сумита.

предусматривавшего политическое, экономическое или военное сотрудничество, которое прямо или косвенно могло противоречить интересам Японии.

В протоколе далее говорилось, что стороны согласились на следующее: 1) оба правительства обещают сотрудничать в военных вопросах, касающихся обороны Индокитая; 2) меры, которые должны быть приняты в целях вышеупомянутого сотрудничества, будут являться предметом дальнейших специальных соглашений; 3) вышеупомянутые условия остаются в силе только до тех пор, пока будут существовать обстоятельства, вызвавшие их принятие²⁴.

Подписывая протокол «о совместной обороне» Индокитая, японские империалисты всячески подчеркивали его равноправный характер и отмечали, что он является «временной мерой»²⁵. Тем самым они хотели скрыть подлинные цели нового соглашения, предусматривавшего полное подчинение Индокитая интересам агрессии и развязывания новой войны. Протокол (статья 1-я) давал юридическое основание и «право» находиться в Индокитае вторгшимся ранее японским войскам, а также «право» в любой момент ввести под предлогом «угрозы безопасности» Индокитаю новые контингенты войск. Во второй половине 1941 г. Япония имела в Индокитае армию численностью 125 тыс. человек²⁶. Концентрация таких сил, значительно превышавших потребности «обороны», свидетельствовала о намерении японских империалистов в определенный момент использовать индокитайский плацдарм для развертывания войны против США в Азии.

Соглашение «о совместной обороне» Индокитая стало возможным лишь благодаря политике национального предательства, которую проводило правительство «могильщиков Франции» и его представитель в Индокитае адмирал Деку. В своих мемуарах Деку пытается доказать, что возглавляемая им колониальная администрация «стремилась поддержать французский суверенитет в Индокитае»²⁷. Этой ложью губернатор колонии намеревался скрыть фактический отказ правящих кругов Франции от сопротивления японским оккупантам и проводившуюся им самим политику уступок агрессору. Лишь народные силы, руководимые «Лигой Вьетминь», готовы были вести борьбу. 23 июля 1941 г. Лига опубликовала обращение к французам Индокитая, в котором пред-

²⁴ «Japan year-book 1942—43», Tokyo, p. 205.

²⁵ John R. Andrus and Katrine R. C. Greene, *Recent developments in Indo-China 1939—1943* (Supplement to the Charles Robequain, *The economic development of French Indo-China*, London—New York—Toronto, 1944), p. 373.

²⁶ *Ibid.*, p. 380.

²⁷ T. Decoux, *A la barre de l'Indochine. Histoire de mon gouvernement général (1940—1945)*, Paris, 1949, p. 312.

лагалось установить тесный контакт в борьбе «против японского фашизма»²⁸. Однако французские власти колонии воспрепятствовали созданию единого фронта борьбы против японского империализма, и Индокитай был отдан на разграбление оккупантам. Если в 1939 г. Япония импортировала через Сайгон всего лишь 7727 т риса, то в 1940 г. эта цифра увеличилась до 475 тыс. т, тогда как экспорт во Францию снизился с 461 тыс. т в 1939 г. до 90,6 тыс. т в 1940 г.²⁹

В течение 1941 г. Япония вывезла из Индокитая всю продукцию вольфрама, олова, хрома, сурьмы и магнезии. Кроме того, по ее требованию, были установлены квоты на вывоз ряда важнейших видов сырья — каучука, каменного угля и др.

Все эти данные показывают, что японские монополисты с момента вторжения в Индокитай в сентябре 1940 г. сразу же приступили к усиленному грабежу богатств французской колонии, которая являлась одним из важных источников получения высоких прибылей и чрезвычайно удобным военно-стратегическим плацдармом.

Таким образом, во второй стадии Вашингтонских переговоров Япония продолжала тайные приготовления к военному нападению на американские и английские владения на Дальнем Востоке, уделяя особое внимание подготовке военно-морского флота. Первоочередным объектом японской агрессии стала южная часть Индокитая, захват которой имел для Японии большое стратегическое значение. Протокол «О совместной обороне» Индокитая (29 июля 1941 г.), навязанный ему Японией после вторжения японских войск на его территорию, фактически завершал полное подчинение французской колонии японским империалистам.

Попытка правящих кругов США добиться «нейтрализации» Индокитая и их предложения о гарантии непрерывного снабжения Японии сырьем и продовольствием преследовали цель найти пути к компромиссу с дальневосточным агрессором. Новые экономические контрмеры США и Англии, явившиеся ответом на вторжение Японии в южную часть Индокитая, еще больше ухудшили их взаимоотношения с Японией и привели к дальнейшему обострению межимпериалистических противоречий на Тихом океане.

Одновременно ведя переговоры и осуществляя подготовку к нападению на США и Англию, правительство Коноэ спешило использовать международную обстановку и в особенности положение, создавшееся на советско-германском фронте.

²⁸ S. Banerjee, *Viet-Nam fights for freedom*, Bombay, 1947, p. 20.

²⁹ John R. Andrus and Katrine R. C. Greene, *Recent developments in Indo-China...*, p. 363.

Третья стадия японо-американских переговоров — от оккупации Южного Индокитая до образования кабинета Тодзэ (29 июля — 18 октября 1941 г.)

Вторжение японских вооруженных сил в Южный Индокитай и подписание японо-французского протокола «о совместной обороне» Индокитая, сопровождавшиеся концентрацией военно-морских сил в юго-западном районе Тихого океана, неизбежно усиливали угрозу военного конфликта между Японией и англо-саксонскими странами. Эти события открыли новую, третью стадию Вашингтонских переговоров.

Особенность третьей стадии переговоров заключалась в том, что японские империалисты, захватив южную часть индокитайского полуострова, обладавшую удобными портами (Сайгон, Камран), значительно укрепили свои позиции в юго-западном районе Тихого океана и приобрели плацдарм, который облегчал подготовку военного нападения на США и Англию.

Эти важные перемены в положении на Дальнем Востоке позволили Японии во время Вашингтонских переговоров усилить давление на США, чтобы вынудить их пойти на серьезные уступки.

Вдохновленные сравнительной легкостью, с которой им удалось с помощью французских «квислингов» завершить полную оккупацию Индокитая, японские империалисты решили продолжить расширение плацдармов в районе Южных морей. 31 июля 1941 г. Тоёда направил Номура телеграмму, в которой писал, что в целях «спасения жизни» Японская империя должна принять меры, обеспечивающие ей сырье в странах Южных морей. В ней указывалось, что действия Японии должны быть направлены на усиление сотрудничества с немцами, которые «отчасти не удовлетворены нашими переговорами с Соединенными Штатами», и что все действия правительства основаны на тройственном пакте. «Мы желаем, — лицемерно заявлял в телеграмме Тоёда, — любой ценой предотвратить вступление США в войну и разрешить китайский инцидент. Мы работаем над достижением этих целей»³⁰.

Фарисейство, присущее японской агрессивной дипломатии, проявилось и в последующие дни. В начале августа 1941 г. Япония потребовала от правительства Таиланда, с которым она была связана договором о дружбе, предоставить ей на территории страны военные базы и передать контроль над производством каучука и олова, а также над вывозом риса. Тем самым японские империалисты хотели повторить опыт, удавшийся им в Индокитае, и получить таким путем новый,

³⁰ «Report...», p. 297, 298; «Hearings...», part 12, p. 9—10.

удобный в стратегическом отношении, плацдарм для действий против Китая, Малайи и Бирмы.

Оккупация Индокитая и новая угроза Таиланду значительно ухудшили отношения Японии и США и осложнили ведение переговоров в Вашингтоне.

5 августа Уэллес вторично сделал Номура официальное представление о том, что японо-французский договор «о совместной обороне» Индокитая затрагивает интересы «безопасности» Соединенных Штатов. Одновременно Хэлл и Иден в идентичных нотах на имя японского правительства сделали предупреждение о том, что вмешательство Японии во внутренние дела Таиланда повлечет за собой серьезные последствия.

Однако японские империалисты, захватив полностью Индокитай и убедившись в декларативности предупреждений и угроз своих тихоокеанских соперников, стали в ходе Вашингтонских переговоров выдвигать предложения, которые создавали впечатление уступчивости Японии и желания найти приемлемую для США формулу, позволяющую разрешить индокитайский и другие вопросы. Об этом, в частности, свидетельствует значительно запоздавший официальный ответ правительства Коноэ на проект США от 21 июня 1941 г. и предложение от 24 июля о «нейтрализации» Индокитая. 6 августа Номура передал Хэллу два документа, каждый из которых был весьма многозначителен. В первом документе утверждалось, что действия Японии в Индокитае, вызвавшие беспокойство американского правительства, носят якобы «исключительно мирный характер» и имеют цель «сохранить мир на Тихом океане». Вручая меморандум, японский посол заявил, что он уполномочен «вступить в переговоры в строго конфиденциальном порядке»³¹ для обсуждения предложения о «нейтрализации» Индокитая, в то время как японские войска уже обосновались в северной и южной его частях.

Предложение Японии сделать Вашингтонские переговоры тайными было рассчитано на то, чтобы облегчить стовор двух соперников за счет колониальных народов Азии и скрыть от общественного мнения действительные цели и результаты переговоров.

Второй документ представлял собой японский проект соглашения³², в котором каждая из договаривающихся сторон должна была принять на себя определенные обязательства. Япония соглашалась отказаться от размещения своих вооруженных сил в юго-западной части Тихого океана, за исклю-

³¹ «Papers relating to the foreign relations of the United States. Japan: 1931—1941», vol. II, Washington, 1943, p. 548.

³² «Peace and war...», p. 706—707; 近衛文麿公の手記, 失はれし政治, 東京, 一九四七年, 101頁 (далее — «Коноэ Фумиларо ко-но сюки»).

чением Индокитая, откуда они могут быть выведены лишь после разрешения «китайского инцидента». Одновременно Япония наставала на предоставлении ей в Индокитае специального статуса даже *после* вывода оттуда японских вооруженных сил. Она предлагала гарантировать «в соответствующий благоприятный момент» нейтралитет Филиппинских островов, но при условии недопущения дискриминации в отношении Японии и ее подданных. Наконец, японское правительство выражало согласие сотрудничать с США в производстве и закупках в Восточной Азии необходимых обоим странам естественных ресурсов.

Одновременно Япония предлагала, чтобы США также приняли на себя следующие обязательства: прекратить военные мероприятия в юго-западном районе Тихого океана и рекомендовать Англии и Голландии поступить таким же образом; сотрудничать в производстве и закупках необходимых для Японии естественных ресурсов в юго-западной части Тихого океана, в особенности в Индонезии; восстановить нормальные торговые и экономические отношения с Японией; взять на себя посредничество в организации прямых переговоров между Японией и «режимом Чан Кай-ши», подчеркивая при этом, что только такие переговоры без участия третьих держав смогут привести к быстрому разрешению «китайского инцидента» и урегулированию японо-американских отношений.

В действительности японские империалисты стали занимать все более неприступную позицию. По существу японский проект от 6 августа 1941 г. не только отклонял предложение Рузвельта о «нейтрализации» Индокитая, но и выдвигал требование признания монопольных прав Японии на французскую колонию с сохранением на ее территории японских войск. Японское правительство, быстрыми темпами готовясь к войне против англосаксонских держав, сочло вместе с тем возможным потребовать в качестве одной из основ соглашения прекращения каких бы то ни было военных мероприятий США, Англии и Голландии в юго-западном районе Тихого океана. Тем самым оно стремилось обеспечить эффективность будущего военного нападения Японии на ее империалистических соперников.

Не менее характерной была позиция Японии и в китайском вопросе. Проект сознательно обходил вопрос о выводе японских вооруженных сил из Китая. В таких условиях требование прямых японо-китайских переговоров при посредничестве США означало, что японские империалисты не собирались ни с кем из своих тихоокеанских соперников делить трофеи и намеревались путем продолжения военных действий, «мирных» переговоров с Чан Кай-ши и капитуляции «чунцинского режима» обеспечить превращение Китая в японскую колонию.

Японские предложения от 6 августа свидетельствовали об остроте японо-американских империалистических противоречий, о стремлении японских империалистов вести широкое наступление на позиции своих тихоокеанских соперников и вырвать у них еще более серьезные уступки, а также об их намерении прочно закрепиться на захваченных территориях.

В ответных американских предложениях, переданных Номура 8 августа 1941 г., вновь поднимался вопрос об Индокитае и отвергались предложения Японии, дававшие ей полное преимущество в военном, политическом и экономическом отношениях. США предлагали опубликовать совместную декларацию об объявлении Индокитая «нейтральной» страной, декларацию, в которой указывалось бы, что ни одно из подлиставших ее государств не предпримет каких-либо актов агрессии против этой страны и не будет устанавливать здесь своего военного контроля. Такие же взаимные обязательства предлагалось распространить и на Таиланд³³.

За день до вручения ответа США Номура получил от Тоёда телеграмму, в которой говорилось, что «...кабинет Коноэ искренне заинтересован в улучшении японо-американских отношений. Но вследствие непонимания и происков третьих держав, вопреки желанию Японии, японо-американские отношения в настоящее время находятся в критической стадии».

Извратив, таким образом, действительные причины ухудшения японо-американских отношений, Тоёда продолжал: «Единственный способ улучшить положение — личная встреча ответственных государственных деятелей». Послу предписывалось в строжайшей тайне выяснить отношение США к предложению о личной встрече Коноэ с Рузвельтом³⁴.

Следует отметить, что в правящих кругах Японии не было единого мнения о целесообразности встречи Коноэ с Рузвельтом. Прогерманские группировки японской монополистической буржуазии считали такую встречу даже вредной, в особенности с точки зрения союза Японии с Германией. Военный министр генерал Тодзё в начале августа 1941 г. утверждал, что личная встреча премьер-министра с президентом ухудшит существующие дипломатические отношения империи, базирующиеся на тройственном пакте³⁵. Японская реакция считала необходимым сорвать личные переговоры Коноэ с Рузвель-

³³ «Hearings...», part 12, p. 12.

³⁴ По утверждению Номура, Коноэ придавал исключительное значение личной встрече с Рузвельтом, полагая, что в результате ее будет разрешен кризис в японо-американских отношениях. См.: Kichisaburo Nomura, *Steppings-stones to war* («United States naval institute proceedings», 1951, № 9), p. 930.

³⁵ «Hearings...», part 20, p. 4000.

том и готова была пойти даже на террористический акт против главы правительства, поскольку он был известен как сторонник компромисса с Соединенными Штатами³⁶.

Предложение Японии организовать личные переговоры Коноэ с Рузвельтом являлось ловким ходом ее правящих кругов, который должен был создать впечатление готовности японского правительства в кратчайший срок устранить препятствия, мешавшие заключению японо-американского договора, и тем самым замаскировать подготовку военного нападения на США и Англию.

Весьма характерной в этом отношении являлась деятельность упомянутого выше «Института тотальной войны». Этот институт, непосредственно разрабатывавший планы нападения и на англо-саксонские страны, в первой половине августа рекомендовал правительству Коноэ в ходе переговоров не давать ясного ответа на предложение Америки и, более того, всемерно оттягивать его и тем временем заканчивать военную подготовку³⁷.

Угроза войны на Тихом океане и опасность вторжения Германии в Англию побудили английское правительство и правящие круги США принять дополнительные меры военного и дипломатического порядка для укрепления совместного фронта противодействия империалистическим соперникам на Западе и Дальнем Востоке. Одним из важных дипломатических мероприятий явилась Атлантическая конференция — совещание Рузвельта и Черчилля, происходившее 14 августа 1941 г.

Оба участника конференции исходили из необходимости совместных действий против немецкой и японской агрессии. Черчилль настаивал на совместном ультиматуме Японии. Он предложил сделать ей одновременный строгий демарш от имени США, Англии и Голландии по поводу возможного вторжения Японии в юго-западную часть Тихого океана и предупредить ее, что любой третьей державе, которая сделается очередным объектом японской агрессии, будет оказана англо-американская помощь. Однако предложение Черчилля не было принято.

Рузвельт ознакомил Черчилля с последними предложениями Номура. Оба участника признали их неприемлемыми, так как Япония вторглась в Индокитай и отклоняла все предложения о выводе оттуда своих войск. В этой связи была достигнута договоренность о том, что Рузвельт объявит о поддержке Англией американского предложения о нейтрализации Индокитая.

³⁶ Nathaniel Peffer, *Pearl Harbor post-mortem* («Far Eastern survey», 1946, 27 March), p. 82.

³⁷ «Стенограмма Токійского процесса», стр. 49514.

Важное значение имело заявление Черчилля о том, что в случае вступления Японии в войну против США она будет находиться в состоянии войны и с Англией³⁸.

На Атлантической конференции обсуждению подверглись и конкретные планы совместных военных действий³⁹.

В результате свидания Рузвельта и Черчилля 14 августа 1941 г. была подписана «Атлантическая хартия»⁴⁰, провозгласившая общие принципы политики двух англо-саксонских держав. Вскоре после окончания совещания Черчилль вновь подтвердил, что Англия выступит вместе с Соединенными Штатами в случае разрыва японо-американских переговоров⁴¹.

Тем временем переговоры между Японией и США продолжались.

Государственные деятели Соединенных Штатов отнеслись с подозрением к японскому предложению о встрече глав двух правительств. Хэлл считал, что во время встречи японцы потребуют еще более крупных уступок со стороны США⁴². Его заместитель Уэллес рассматривал японское предложение о встрече с Рузвельтом как уловку в целях выигрыша времени для нанесения удара в наиболее благоприятный момент⁴³.

В итоге Соединенные Штаты отклонили предложение Японии об организации личной встречи Коноэ с Рузвельтом. В телеграмме от 16 августа Номура передал мнение президента Рузвельта о том, что после оккупации Индокитая и отклонения американских предложений по индокитайскому вопросу такая встреча не может дать каких-либо положительных результатов, тем более что Япония не проявляла стремления к действительному урегулированию японо-американских отношений. В то же время, писал японский посол, Соединенные Штаты хотели бы, чтобы Япония дала «нечто вроде обещания» по важнейшим пунктам, подвергавшимся обсуждению во время вашингтонских переговоров, и в первую очередь по вопросу о выводе войск из Китая.

Телеграмма Номура отразила половинчатую политику американских империалистов: с одной стороны, отказом от встречи Коноэ с Рузвельтом в новой обстановке они хотели ока-

³⁸ Russel P. Strange, *Atlantic conference. The first Roosevelt — Churchill meeting* («United States naval institute proceedings», vol. 79, 1953, № 4), p. 390, 391, 392—393, 394, 396.

³⁹ М. Мэтлофф и Э. Снэлл, *Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941—1942 гг.*, М., 1955, стр. 98.

⁴⁰ Текст «Атлантической хартии» от 14 августа 1941 г. см.: «The United Nations organisation handbook» (by Andrew Boyd), London, 1946, p. 167—168.

⁴¹ Хасэгава Сатоси, *Нитубэй кайсэн-но синсо*, стр. 166; «The war speeches of the Rt. Hon. Winston S. Churchill», vol. II, London, 1951, p. 62.

⁴² «Report...», p. 26.

⁴³ Sumner Welles, *The time for decision*, p. 228.

завать давление на Японию; с другой стороны, они не возражали против продолжения торга при условии хотя бы иллюзорных «гарантий», выдвигая при этом такие явно неприемлемые и невыполнимые для Японии условия, как вывод ее вооруженных сил из Китая. Тем самым американские правящие круги хотели создать у американского общественного мнения впечатление решительной позиции США в переговорах с Японией.

17 августа Рузвельт передал Номура официальный отрицательный ответ на предложение об организации встречи глав двух правительств⁴⁴. В нем указывалось, что такая встреча бессмысленна ввиду продолжения Японией экспансионистской политики. Тем не менее правительство США заявило о готовности продолжать переговоры послов, которые, однако, должны были предшествовать встрече Рузвельта с Коноэ. Последующие переговоры относительно мирного разрешения вопросов, касающихся всего тихоокеанского бассейна, указывалось в ответе США, должны находиться в соответствии с принципами равенства торговых возможностей и сотрудничества всех наций в тихоокеанском бассейне. Оккупация же Индокитая и подготовка Японии к завоеванию южной части Тихого океана наносит ущерб интересам США.

Документ от 17 августа 1941 г. раскрывает характер японо-американских переговоров и существо разногласий между двумя тихоокеанскими соперниками. Предложение Рузвельта точно определить позицию Японии означало желание американских империалистов добиться компромиссного соглашения. Хэлл в своих показаниях перед «Объединенной комиссией» американского конгресса не отрицал, что он, будучи государственным секретарем, «не жалел усилий, чтобы всегда держать дверь открытой для продолжения переговоров»⁴⁵.

Вместе с тем отклонение японского предложения об организации встречи глав двух правительств и требование прекращения экспансионистской политики Японии свидетельствовали о намерении американских империалистов не уступать своих позиций тихоокеанскому сопернику. Эти требования США отражали остроту японо-американских империалистических противоречий.

Стремясь замаскировать подготовку внезапного нападения на США и Англию, японские империалисты в свою очередь продолжали создавать видимость стремления пойти на компромисс с США. На следующий день, 18 августа, Тоёда в конфиденциальном разговоре с Грю вновь предложил организовать в Гонолулу встречу Коноэ с Рузвельтом. При этом он просил посла соблюсти максимум предосторожностей при

⁴⁴ «Peace and war...», p. 715—717.

⁴⁵ «Hearings...», part 11, p. 5334

передаче в Вашингтон его предложения, «которое должно остаться строжайшим секретом для немцев и итальянцев»⁴⁶.

Американский посол в Токио обещал поддержать японское предложение. Поддержка послом США Грю японского предложения, несмотря на то что он уже располагал достаточными данными о подготовке Японией военного нападения на США, объяснялась его политическими взглядами. Грю являлся одним из столпов политики «дальневосточного Мюнхена», политики неограниченных уступок Японии, лишь бы сохранить мир между США и Японией, хотя бы и непрочный, но обязательно на антисоветской и антикитайской основе. Об этом свидетельствуют и его мемуары, содержащие многочисленные откровенные признания относительно желаемого характера японо-американских отношений. «Со всех точек зрения — экономической, финансовой, торговой и этической, — писал Грю, — Соединенные Штаты могут стать лучшим другом Японии, чем любая другая держава, если Япония будет вести совместную с нами политику»⁴⁷.

Возобновление японского предложения о встрече Коноэ с Рузвельтом имело те же цели — создать впечатление, что Япония действительно намерена как можно скорее устранить все преграды на пути урегулирования спорных вопросов японо-американских отношений, а тем временем скрытно подготовить нападение на США и Англию. Доказательством того, что это был маневр внешнеполитического и внутривнутриполитического порядка, являются признания руководящих государственных деятелей Японии, в том числе и Коноэ. В своих «Записках» он подтверждает, что приблизительно в августе 1941 г. генеральный штаб и руководящие политические деятели пришли к выводу, что переговоры бесполезны, и стали говорить о неизбежности японо-американской войны.

Это же подтверждается и другими документами, перехваченными американской разведкой. Так, в донесении военной разведки генерального штаба, датированном 26 августа, указывалось, что военный министр Годзэ издал приказ о завершении подготовки к войне на Тихом океане в ноябре 1941 г., чтобы во всеоружии встретить любое чрезвычайное положение, которое может создаться в этом районе. В этом же донесении приводилось мнение председателя собрания директоров общества «Черного дракона», известного реакционера Хирота, о том, что война с Соединенными Штатами скорее всего начнется в декабре 1941 г. или в феврале следующего, 1942 г. Эту войну, указывали Хирота и его единомышленники, начнет новый кабинет, который сменит Коноэ⁴⁸.

⁴⁶ «Papers...», vol. II, p. 560.

⁴⁷ Joseph C. Grew, *Ten years in Japan*, New York, 1944, p. 283 (курсив наш. — Д. Г.).

⁴⁸ «Hearings...», part 34, p. 185.

Приказ Тодзё и высказывания Хирота подтверждали реальность разрыва японо-американских переговоров и подготовки военного нападения Японии на США и Англию.

Тем временем японцы продолжали настаивать на своем предложении, возобновленном 17 августа. Через десять дней Коноэ обратился с личным посланием к Рузвельту, в котором вновь предложил встретиться для широкого обмена мнениями по поводу важнейших проблем, касавшихся Тихого океана и непосредственно затрагивавших интересы обеих стран⁴⁹.

В послании, получившем название «Коноэ мэссэджи»⁵⁰, лицемерно утверждалось, что Япония якобы «полна желаний сохранить мир на Тихом океане и во всем мире» и поэтому она намерена улучшить японо-американские отношения. Однако добиться этого можно лишь при условии устранения причин непонимания, являвшегося будто бы результатом каких-то «махинаций и маневров третьих держав». Японский премьер-министр предложил также активизировать японо-американские переговоры, по существу прерванные из-за безуспешных попыток найти приемлемую основу для соглашения. В заключение своего послания Коноэ заявил, что его правительство якобы не имеет намерений применить военную силу против любой соседней нации. Тем самым он убеждал американского президента в возможности во время личного свидания добиться мирного урегулирования всех спорных вопросов японо-американских отношений.

28 августа японский посол в Вашингтоне Номура одновременно с вручением послания Коноэ передал от имени своего правительства на имя президента США заявление, представлявшее, как и послание премьер-министра, ответ на американское заявление от 17 августа⁵¹. В первой части оно почти полностью совпадало с посланием Коноэ. В заявлении высказывалось притворное удивление по поводу того, что меры и действия японского правительства рассматриваются как враждебные мирному разрешению тихоокеанских проблем, тогда как они предприняты якобы для «самозащиты» и сохранения «справедливого мира». Особое место в указанном документе уделялось индокитайскому вопросу. Действия Японии в Индокитае по-прежнему квалифицировались как имеющие цель ускорить разрешение «китайского инцидента», обеспечить Японию необходимыми материалами и «устранить угрозу войны на Тихом океане». Номура вновь заявлял о готовности Японии вывести войска из Индокитая, но лишь после

⁴⁹ 野村三郎吉, 米國に便して, 日本交渉の間頭, 東京, 一九四六年, 573頁 (далее — Номура Китисабуро, *Бэйкоку-ни цукайситэ...*), «Papers...», vol. II, p. 572—573.

⁵⁰ 近衛メッセージ.

⁵¹ «Peace and war...», p. 722—724.

того, как будет разрешен «китайский инцидент» и установлен «справедливый мир» в Восточной Азии.

Номура в беседе с Хэллом еще раз настаивал на встрече Коноэ с Рузвельтом. Он предложил, чтобы в переговорах приняли участие представители министерства иностранных дел, военного и морского министерств⁵². Хэлл же указал Номура на желательность переговоров на уровне послов для подготовки соглашения в принципе по важнейшим вопросам до встречи Рузвельта с Коноэ. Во время беседы Номура с Рузвельтом, состоявшейся 28 августа, президент предложил организовать встречу глав правительств не в Гонолулу, а в Джунно, на Аляске. Поскольку правительство США предполагало предварительно подготовить проект соглашения по всем вопросам, эту встречу намечалось провести в 3—4 дня.

Американские империалисты, имевшие уже достаточно сведений о подготовке Японией тихоокеанской войны, стремились договориться с Англией о совместных действиях, направленных на осуществление «Атлантической хартии», ускорить разработку и координацию соответствующих планов. Во время беседы с английским послом в Вашингтоне⁵³, состоявшейся 29 августа, Хэлл указывал, что «дипломатическая часть наших отношений с Японией в сущности закончилась» и что «вопрос переходит сейчас к чиновникам армии и флота». Он настаивал на скорейшем составлении совместных «планов сопротивления», мотивируя это тем, что Япония может выступить внезапно и захватить важные позиции до того, как заинтересованные тихоокеанские державы определят на своих совещаниях планы действий против Японии.

Беседа Хэлла с английским послом показывает, что Соединенные Штаты считали внезапное нападение Японии реальным, а потому спешили заблаговременно достичь соглашения с английским союзником.

Ответ на послание Коноэ и заявление Номура последовали 3 сентября 1941 г.⁵⁴ В переданном японскому послу заявлении Рузвельта выражалось согласие на встречу с Коноэ, но при условии принятия в качестве основы для переговоров предложенной США, сформулированных 16 апреля 1941 г. в «четырёх принципах» Хэлла⁵⁵.

Американский президент предлагал до встречи с Коноэ подвергнуть предварительному обсуждению важнейшие вопросы и, в частности, проблемы, связанные с практическим применением основных принципов для достижения и сохранения мира⁵⁶.

⁵² Ibid., p. 724—728.

⁵³ Ibid., p. 816—817.

⁵⁴ Ibid., p. 729—732.

⁵⁵ «American-Japanese documents», Washington, 1941, p. 113.

⁵⁶ «Peace and war...», p. 731.

Характерно, что в ответе Рузвельта от 3 сентября вновь выдвигались «четыре принципа» Хэлла, которые Япония с самого начала считала неприемлемыми. Эти принципы являлись условием для организации встречи глав двух правительств, в противном случае американское правительство отказывалось подписать соглашение. Соединенные Штаты по-прежнему настаивали на предварительном обсуждении важнейших спорных вопросов до встречи Коноэ с Рузвельтом.

Япония же продолжала требовать организации конференции глав двух правительств без предварительного обсуждения и тем более решения спорных вопросов.

В итоге к началу сентября 1941 г. переговоры между Японией и США по существу зашли в тупик.

С начала сентября 1941 г. наметилась значительная активизация японской дипломатии, усиление ее наступательных тенденций. Наряду с ведением переговоров в Вашингтоне правящие круги Японии все чаще обсуждали вопросы, связанные с развязыванием войны против США и Англии. 5 сентября Коноэ предложил правительству: 1) активизировать подготовку войны против США; 2) ускорить переговоры с Соединенными Штатами; 3) принять решение о войне против США и Англии, если мирное соглашение не будет заключено к 10 октября 1941 г.

6 сентября в Токио состоялось имперское совещание с участием Тодзэ и Судзуки. Совещание обсудило и приняло решение о «минимальных требованиях» Японии по отношению к Соединенным Штатам. Принятие этих требований являлось условием для заключения американо-японского соглашения. Нередко их называли «программой-минимум» или «Основами плана национальной политики императорского правительства»⁵⁷.

Решение, принятое на совещании 6 сентября, состояло из двух разделов. Ввиду важности этого документа приведем частично его текст:

«Раздел I. Минимальные требования Японии, которые должны быть удовлетворены в ее переговорах с Соединенными Штатами (Англией).

1. Вопросы, связанные с китайским инцидентом. Соединенные Штаты и Англия не будут вмешиваться в урегулирование китайского инцидента и не будут прерывать его.

а) Они не будут препятствовать попыткам Японии урегулировать инцидент в соответствии с китайско-японским основным договором и трехсторонней совместной декларацией Японии, Маньчжоу и Китая.

б) Путь через Бирму⁵⁸ будет закрыт. Соединенные Штаты

⁵⁷ 水戸日記。極東軍事裁判研究會，東京，一九四七年，82頁。
⁵⁸ Речь шла о дороге Бирма—Китай.

и Англия не будут оказывать правительству Чан Кай-ши ни военной, ни экономической поддержки.

2. Вопросы, связанные с безопасностью национальной обороны Японии. Соединенные Штаты и Англия не будут предпринимать на Дальнем Востоке действий, создающих угрозу для национальной обороны Японии.

а) Признание особых отношений, существующих между Японией и Францией на основе японо-французского соглашения.

б) Они не будут создавать ничего, что может представлять военный интерес, в Таиланде, Индонезии, Китае и на дальневосточной советской территории.

в) Они не будут усиливать свои вооружения на Дальнем Востоке, существующие в настоящее время.

3. Вопросы, связанные с получением материалов, необходимых для Японии.

Соединенные Штаты и Англия будут сотрудничать с Японией в снабжении ее необходимыми ресурсами.

а) Они восстановят торговые отношения с Японией и будут снабжать Японию материалами, необходимыми для ее существования, со своих территорий в юго-западной части Тихого океана.

б) Они будут с готовностью принимать участие в экономическом сотрудничестве Японии, Таиланда и Индокитая.

Раздел II. Пределы, в рамках которых Япония может заключить соглашение.

Если Соединенные Штаты и Англия согласятся с нашими требованиями, выдвинутыми в разделе I, то:

1) Япония, используя Индокитай в качестве базы, не будет осуществлять военного продвижения в какой-либо соседний район, за исключением Китая.

2) Япония готова отвести свои войска из Индокитая, после того как на Дальнем Востоке будет установлен справедливый мир.

3) Япония готова гарантировать нейтралитет Филиппин⁵⁹.

В решении имперской конференции, кроме вышензложенного, указывалось на необходимость добиться удовлетворения требований Японии путем переговоров с США и Англией, используя для этого все дипломатические средства. Одновременно подчеркивалась необходимость завершения в октябре 1941 г. подготовки к войне против США, Англии и Голландии

⁵⁹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49519—49521; ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 795—796.— В резолюции, принятой на имперском совещании в сентябре 1941 г., помимо того, говорилось, что «мы особенно будем стараться не допустить образования единого русско-американского фронта против Японии» («Стенограмма Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 235).

в случае непринятия требований Японии, чтобы обеспечить «существование и оборону империи»⁶⁰.

Таково содержание программного решения имперского совещания, которое должно было определить линию Японии в последующих переговорах с Соединенными Штатами и условия, на базе которых японцы хотели заключить договор.

В тот же день, 6 сентября, Номура вручил Хэллу новые японские предложения⁶¹, подготовленные еще до начала имперского совещания, которые в несколько иной редакции суммировали прежние проекты Японии.

Япония заявляла, что не предпримет какого-либо военного продвижения из Индокитая в соседние области и «без справедливой причины» не совершит также военных акций против районов, находящихся южнее японских островов. В новом проекте рассматривался вопрос о позиции Японии и США в отношении европейского театра второй мировой войны, которая «должна определяться концепциями защиты и самозащиты»; в случае же, если Соединенные Штаты вынуждены будут принять участие в европейской войне, Япония оставляла за собой право независимо толковать и реализовать тройственный пакт применительно к создавшейся обстановке. Японское правительство, далее, вновь предлагало принять меры, необходимые для восстановления нормальных торговых отношений с Соединенными Штатами. Оно выражало готовность сотрудничать в распределении необходимых для США естественных ресурсов в юго-западном районе Тихого океана; деятельность японцев в этом районе должна осуществляться «мирными методами». Что касается экономической деятельности США в Китае, то она, по предложению японцев, не должна подвергаться ограничениям и будет вестись на равных основаниях со всеми другими державами.

Важное место в японских предложениях занимал вопрос о позиции Японии по отношению к Китаю. В них в весьма туманной форме говорилось, что Япония попытается восстановить нормальные отношения с Китаем; после этого она (Япония) готова вывести свои вооруженные силы по возможности быстрее в соответствии с соглашениями между Японией и Китаем. Наряду с этим Соединенным Штатам предлагалось отказаться от каких бы то ни было мер и действий, которые могли бы нанести ущерб попыткам Японии, направленным на разрешение «китайского инцидента»⁶². Под этими мерами подразумевались: помощь Соединенных Штатов правительству Чан Кай-ши, а также военные мероприя-

⁶⁰ «Стенограмма Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 482, л. 984—986.

⁶¹ Номура Китисабуро, *Бэйваки-ни цукайтэ...*, стр. 117—121.

⁶² «Peace and war...», p. 735—736.

тия, проводимые на Дальнем Востоке и в юго-западном районе Тихого океана.

6 сентября состоялась беседа Коноэ с Грю, которая представляла новый образец цинизма японской дипломатии и ставила цель ввести в заблуждение американских империалистических соперников относительно истинных намерений и побуждений Японии. Коноэ заверил посла, что его правительство согласно с «четырьмя принципами» Хэлла, но с некоторыми поправками, которые диктуются самой обстановкой. Он вновь убеждал Грю в необходимости личной встречи с Рузвельтом для урегулирования японо-американских отношений, встречи, которая одобряется и руководителями армии и флота. Однако его, Коноэ, «мирные намерения встречают возражения «экстремистов», которые препятствуют урегулированию отношений между обеими странами. Путь к достижению соглашения в таких условиях лежит только через переговоры глав двух правительств. Неудача будет иметь тяжкие последствия для японо-американских отношений.

Заявление Коноэ о поддержке его предложений руководителями армии и флота подтверждалось телеграммой Грю в Вашингтон от 6 сентября. Посол сообщал, что Номура получил поддержку видных лидеров японской армии и флота, которые положительно отнеслись к организации встречи Коноэ с Рузвельтом.

Тем не менее решение имперского совещания и японские предложения от 6 сентября в действительности отразили усиление японо-американских империалистических противоречий по важнейшим спорным вопросам (Китай, Индокитай, тройственный пакт, японо-американские торговые отношения, условия организации встречи Коноэ с Рузвельтом и др.).

Японские империалисты по-прежнему настаивали на признании захвата Индокитая и считали этот вопрос не подлежащим никакой дискуссии. Они подчеркивали, что только им принадлежит право толковать тройственный пакт и решать вопрос о его применении в зависимости от хода второй мировой войны и позиции, занимаемой той или иной державой. Предложения о сотрудничестве с США в распределении естественных ресурсов в юго-западном районе тихоокеанского бассейна, об экономической активности США в Китае на основе равенства и о принципе «ненарушения» интересов третьих держав в международной торговле носили явно лицемерный характер и имели в виду создать впечатление действительной готовности Японии пойти на уступки в интересах подписания соглашения с США. Предложения по китайскому вопросу показывали, что Япония не намеревалась допускать вмешательства третьих держав в ее отношения с Китаем, а вопрос о выводе своих войск откладывала на неопределенный срок, поскольку восстановление «нормальных» отношений между дву-

мя странами намечалось после полного подчинения Китая Японии. Требование, чтобы США отказались от каких бы то ни было мер, которые якобы мешали разрешению «китайского инцидента», носило явно вызывающий характер и еще раз вскрывало непримиримость интересов двух империалистических соперников в их борьбе за господство над Китаем, несмотря на тенденцию обоих конкурентов найти базу для сговора за счет интересов китайского народа.

Японский премьер-министр Коноэ в соответствии с решением имперского совещания обязался успешно завершить переговоры в Вашингтоне к 10 октября 1941 г. Участники совещания пришли к заключению, что, если все же переговоры к указанному сроку не будут закончены, Япония примет решение воевать с Соединенными Штатами и Великобританией⁶³. Столь категорическое заключение показывало, что японцы отдавали себе отчет в неприемлемости их условий и в реальности назревающей военной развязки.

Двурушнический характер решений от 6 сентября признал на Токийском процессе главный подсудимый Тодзё. На суде ему был задан вопрос: «Вы говорили, что курс политики после 6 сентября 1941 г., когда состоялось совещание в присутствии императора, заключался, с одной стороны, в том, чтобы вести переговоры о мире, а с другой — готовиться к войне. Вы продолжали осуществлять этот курс политики?» Тодзё ответил: «Да, я осуществил его, будучи премьером»⁶⁴.

Усиленными военными приготовлениями, предусмотренными решениями имперского совещания, была заполнена вся первая половина сентября 1941 г. Между 2 и 13 сентября в Токио происходили «военные игры» и совещания военно-морских штабов с участием высших офицеров. Обсуждению подверглись детали плана нападения на Пёрл-Харбор с авианосцев, а также план военных операций по захвату Малайи, Бирмы, Индонезии, Филиппин, Соломоновых островов и островов центральной и южной части тихоокеанского бассейна. Кроме того, речь шла о возможности нападения самолетов, базирующихся на авианосцах, на корабли военно-морского флота в условиях, сходных с обстановкой расположения базы американского флота в Пёрл-Харборе⁶⁵.

Результаты сентябрьских совещаний легли в основу секретных боевых приказов о нападении на США и Англию, в частности боевого приказа № 1 по Объединенному флоту⁶⁶, речь о котором будет ниже.

⁶³ Марк Гейн. *Японский дневник*, М., 1951, стр. 70.

⁶⁴ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49538.

⁶⁵ Robert E. Ward, *The inside story of the Pearl Harbor plan* («United States naval institute proceedings», vol. 77, 1951, № 12), p. 1276.

⁶⁶ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49538.

Лицемерие японских империалистов, продолжавших в Вашингтонские мирные переговоры и одновременно готовивших войну, отражало интересы различных группировок правящих кругов, в том числе и милитаристских. Следует отвергнуть фальсификации сторонников «дальневосточного Мюнхена» Крейги и Грю, искусственно отделявших военные круги от подлинных хозяев Японии — монополий. Не выдерживают никакой критики их попытки доказать, что Коноэ стремился избежать вмешательства военных и вести переговоры только по обычным дипломатическим каналам⁶⁷. Часть японских монополистов, тесно связанная с американскими монополиями, в отличие от наиболее реакционных групп рассчитывала, что во время встречи Коноэ — Рузвельт удастся найти приемлемую основу для компромиссного соглашения, для восстановления прежних японо-американских торговых отношений и, быть может, разделения «сфер влияния» между Японией и США.

После решения имперского совещания и представления японского проекта соглашения от 6 сентября в японо-американских переговорах наступило некоторое затишье. Ввиду явной неприемлемости японских предложений обе стороны занялись разработкой новых проектов, которые могли бы составить основу соглашения. Поскольку в американских контр-проектах и в беседах дипломатов все чаще стал выдвигаться китайский вопрос, японское правительство уделило ему особое внимание. 13 сентября 1941 г. состоялось совещание «внутреннего кабинета» (пяти министров), на котором было принято решение об основных условиях китайско-японского мира.

В начале решения лицемерно говорилось о принципах, лежащих в основе взаимоотношений Японии и Китая: добрососедство, уважение суверенитета и целостности территории обеих стран, а также китайско-японское сотрудничество. Это сотрудничество мотивировалось необходимостью сохранить «общественный порядок» и задачами «совместной борьбы против коммунизма», который будто бы «угрожает безопасности Китая и Японии».

С этой целью намечалось разместить части японской армии «на необходимый период» в определенных районах Внутренней Монголии и Северного Китая, а также на острове Хайнань, в Амое и в других пунктах, которые определялись прежними соглашениями с «правительством» Ван Цзин-вэя.

Решение «внутреннего кабинета» специально касалось вопроса о выводе японских войск из Китая. В нем вновь повторялось, что эвакуация японских вооруженных сил может

⁶⁷ Robert Craigie, *Behind the Japanese mask*, London, p. 121.

быть произведена лишь после разрешения «китайского инцидента», за исключением части войск, о размещении которых говорилось выше.

Особое место в этом решении занял вопрос о китайско-японском экономическом союзе, главной целью которого было развитие и использование важнейших сырьевых ресурсов для национальной обороны Японии. Экономическая деятельность третьих держав в Китае, осуществляемая на «равной основе», не запрещалась.

В качестве условий китайско-японского мира «внутренний кабинет» требовал слияния режима Чан Кай-ши и «правительства» Ван Цзин-вэя, демагогически заявляя об отказе Японии от каких бы то ни было аннексий, контрибуций и настаивая на признании Маньчжоуго⁶⁸.

Решение «внутреннего кабинета» от 13 сентября отражало намерение японских империалистов не делать никаких уступок в вопросе о Китае. Размещение японских войск в определенных районах и согласие вывести остальные войска после окончания войны означало закрепление Китая в качестве японской колонии. Этому же должен был содействовать и китайско-японский экономический «союз», отдававший Китай на разграбление японским монополиям. Естественно, что в таких условиях исключалась какая бы то ни было экономическая деятельность третьих держав в Китае, в первую очередь США и Англии, тем более «на равной основе». Требование признания Маньчжоуго имело цель заставить своих империалистических соперников хотя бы и с опозданием признать политику «совершившихся фактов» — изменения, совершенные Японией на Дальнем Востоке с помощью вооруженной силы в нарушение международных договоров и конвенций. Пункт о слиянии «правительств» Чан Кай-ши и Ван Цзин-вэя был рассчитан на то, чтобы добиться наконец юридического признания марионеточного режима Ван Цзин-вэя и на этой основе образовать с помощью открытых и скрытых капитулянтов «центрального» правительства Китая, подконтрольное японцам.

В целом это решение являлось показателем стремления японских империалистов добиться в ходе переговоров в Вашингтоне новых серьезных уступок, в особенности по китайскому вопросу. Оно было явно неприемлемым для США и не могло не способствовать обострению японо-американских империалистических противоречий и усилению напряженности во взаимоотношениях между двумя государствами.

Вопрос о Китае продолжал находиться в центре внимания и в Вашингтоне, поскольку неприемлемость японских предложений по этому важнейшему вопросу могла привести к срыву

⁶⁸ «Hearings...», part 18, p. 2952.

переговоров. В телеграмме от 15 сентября Номура сообщал в Токио, что первоочередной задачей является изыскание условий для разрешения вопроса о нахождении японских вооруженных сил в Китае.

22 сентября Тоёда вручил Грю официальные предложения об «Основных условиях мира между Японией и Китаем», которые развивали раздел проекта от 6 сентября, касающийся Китая. Эти условия почти слово в слово повторяли решение «внутреннего кабинета»⁶⁹. Они имели цель заставить Соединенные Штаты признать безраздельное господство Японии в Китае и исключить китайский вопрос из обсуждения в Вашингтонских переговорах.

Таким образом, сентябрь 1941 г. характеризовался усиленным дипломатическим наступлением японских империалистов на позиции своих американских соперников⁷⁰, что особенно отразилось в вопросе о Китае. Объяснение этому следует искать не на Дальнем Востоке, а на главном театре второй мировой войны — на советско-германском фронте. Временные неудачи советских войск и наступление немецко-фашистской армии на Москву окрылили японских империалистов. Они решили, что настал благоприятный момент для усиления давления на США, чтобы с помощью «мирного наступления» на дипломатическом фронте вырвать у своего заокеанского соперника как можно больше уступок. Наиболее реакционные представители правящих кругов Японии еще верили в германский «блицкриг» и в скорое поражение Советского Союза, а потому полагали, что они могут действовать более настойчиво и решительно в отношении Соединенных Штатов. Кроме того, сентябрьское дипломатическое наступление, предпринятое Японией, свидетельствовало о временном смягчении разногласий между различными группами японской монополистической буржуазии, достигших договоренности по ряду вопросов, среди которых личное свидание Коноэ с Рузвельтом и китайский вопрос имели первоочередное значение. Японские империалисты рассчитывали, что усилившееся дипломатическое наступление в США укрепит позиции Японии в тройственном блоке. Американские же империалисты не оказывали достаточного противодействия своему сопернику, возлагая надежды на то, что бряцание оружием на границе с СССР и широкая подготовка к войне против Советского Союза рано или поздно завершатся военным нападением, которое заставит Советский Союз, а также и Японию воевать на два фронта.

⁶⁹ Полный текст «Основных условий мира между Японией и Китаем» см.: 東郷茂徳, 時伐の一面, 大戦外交の手記, 東京, 一九五二年, 182—183頁
⁷⁰ 12 сентября 1941 г. Грю сообщил в Вашингтон, что не может быть никакого сомнения в том, что «армия и другие элементы в стране видят в настоящих международных условиях золотую возможность осуществить свои мечты об экспансии» (см.: «Report...», p. 15).

Истощение сил обеих сторон в изнурительной войне американские империалисты предполагали использовать в своих интересах, в целях установления своего господства не только на Дальнем Востоке и Тихом океане, но и во всем мире. В случае если бы Япония не совершила нападения на СССР, американские сторонники «дальневосточного Мюнхена» надеялись заключить с ней империалистическую сделку за счет интересов китайского народа.

Тем временем японо-американские переговоры в Вашингтоне продолжались, причем японские империалисты методично усиливали дипломатическое наступление и шантаж. Об этом откровенно заявил японский посол при правительстве Виши — Като Сотомацу: «... в интересах мира мы постоянно держим Соединенные Штаты в состоянии тревоги. Тихий океан должен причинять Соединенным Штатам достаточно беспокойства, чтобы не позволять им действовать так, как они хотели бы, на Атлантическом океане. Наша дипломатия достаточно искусна для того, чтобы предотвратить выступление США до того момента, который будет выбран нами и нашими друзьями»⁷¹.

Это выступление Като, несмотря на демагогические заявления о мире, свидетельствовало о намерении Японии держать Соединенные Штаты в состоянии непрерывной тревоги, причинять им максимум беспокойства и навязывать свою волю. Кроме того, в заявлении японского посла в Виши содержалось весьма знаменательное признание, что Япония и ее соратники по тройственному союзу, стремятся навязать Соединенным Штатам войну в момент, который будет для Японии и ее партнеров наиболее благоприятным.

Очередной демарш Японии последовал 27 сентября, когда Номура передал Хэллу новый документ, затрагивавший широкий круг спорных вопросов и содержащий предложения о путях их разрешения⁷².

Центральное место в новых японских предложениях вновь занимал вопрос о «китайском инциденте». В них говорилось о том, что оба правительства должны взять на себя обязательства принять меры для быстрого урегулирования конфликта между Японией и Китаем. Японский проект предлагал США воздействовать на «чунцинское правительство», чтобы побудить его вступить в переговоры с правительством Японии с целью прекращения военных действий и восстановления мирных отношений между обоими государствами. Кроме того, Соединенным Штатам, как и в более ранних проектах, предлагалось прекратить такие акции, которые могли бы

помешать Японии урегулировать «китайский инцидент». Основные условия этого урегулирования должны базироваться на принципах, ранее изложенных в заявлении Коноэ.

Японское правительство еще раз предлагало принять необходимые меры для восстановления нормальных торговых отношений, отказаться от экономических репрессий и обеспечить взаимное снабжение необходимыми материалами. Что же касается экономических проблем в юго-западной части Тихого океана, то рекомендовалось обеспечить сотрудничество в области торговли и капиталовложений, для чего подписать соответствующие соглашения с различными странами.

Существенное место в японском проекте занимал вопрос «политической стабилизации» на Тихом океане. Японское правительство заявляло, что оно не намерено использовать Индокитай как базу для военного продвижения в соседние районы, и, более того, обещало вывести свои войска с Индокитайского полуострова в целях установления «надлежащего мира» на Тихом океане. Наряду с этим США предлагалось ограничить военные мероприятия в юго-западном районе Тихого океана.

В заключение говорилось о том, что оба правительства будут уважать суверенитет и территориальную неприкосновенность Таиланда и Индонезии и готовы заключить соглашение о нейтрализации Филиппинских островов после получения ими независимости.

В японском проекте от 27 сентября впервые прозвучало лицемерное обещание вывести японские войска из Индокитая. Одновременно в проекте указывалось, что Япония намерена и впредь использовать эту территорию для обеспечения военных операций в Китае. Кроме того, Япония настаивала на сокращении военных мероприятий США в юго-западной части Тихого океана.

В ходе дипломатических переговоров между Японией и США в конце сентября 1941 г. японский посол в Вашингтоне вновь стал упорно настаивать на необходимости скорейшей встречи Коноэ и Рузвельта. В беседе с Хэллом Номура заявил, что такая встреча могла бы иметь большой психологический эффект в Японии, создав впечатление перехода к «новому курсу». Посол отметил, что она могла бы также нейтрализовать влияние наиболее реакционных элементов в Японии и оказать существенную помощь сторонникам мирных отношений с Соединенными Штатами⁷³.

27 сентября Тоёда заявил Грю, что Япония высказывается за «конференцию лидеров» и что при настоящих обстоятельствах важно организовать встречу Коноэ с Рузвельтом, по-

⁷¹ Waverley Root, *The secret history of the war*, vol. II, New York, 1945, p. 323.

⁷² «Peace and war...», p. 746—750.

⁷³ «Peace and war...», p. 134.

скольку США и Япония «держат ключ к миру или к войне на Тихом океане»⁷⁴.

Вопрос о неотложности встречи Коноэ с Рузвельтом обособывался и в заявлении, сделанном Номура Хэллу 29 сентября, которое по существу передавало содержание разговора японского министра иностранных дел с американским послом Грю⁷⁵.

В заявлении указывалось, что одним из средств разрешения всех спорных вопросов являются встреча и личные переговоры глав двух правительств. В нем также было сказано, что если предполагаемая встреча глав двух правительств и не приведет к полному разрешению всех вопросов, она все же может иметь широкое политическое значение. В случае же если встреча не состоится — а она может открыть «эпохальный поворот к лучшему в японо-американских отношениях», — то никогда больше не представится возможность ее организовать, последствия же этого могут быть тяжкими для обеих стран. Стремясь ускорить принятие японского предложения, Номура сообщил, что корабль для поездки Коноэ готов, свита — советники, генералы и адмиралы — назначена и Коноэ, сопровождаемый ею, готов выехать в любой момент для переговоров. Номура в личной беседе подчеркнул, что если встреча не состоится, то это значительно осложнит и положение правительства Коноэ, которое окажется вынужденным уйти в отставку и уступить место менее умеренному правительству. Поэтому любая дальнейшая оттяжка в организации встречи глав двух правительств поставит японское правительство «в весьма деликатное положение». Дата встречи Коноэ с Рузвельтом намечалась на 10—15 октября 1941 г.

Заявление японского правительства от 29 сентября было весьма показательным документом, вскрывающим состояние японо-американских отношений на этой стадии вашингтонских переговоров. Японские империалисты пытались представить дело таким образом, что встреча Коноэ с Рузвельтом является единственной возможностью, которая привела бы обе стороны к соглашению. На деле же они стремились ввести в заблуждение как японское общественное мнение, так и общественное мнение Соединенных Штатов. Тем самым они хотели создать необходимые условия для завершения подготовки тихоокеанской войны, которая всячески маскировалась. Спекулируя на общепринятом в кругах монополистов США мнении о проамериканских настроениях Коноэ и Номура, японские империалисты шантажировали США угрозой отставки кабинета Коноэ и сформирования нового правительства

⁷⁴ «Hearings...», part 12, p. 34—36.

⁷⁵ «Peace and war...», p. 745—746, 750—754.

«твердой руки», которое откажется от переговоров и вступит на путь войны против США и Англии.

Заявление японского правительства от 29 сентября было связано и с острой внутривластной борьбой в Японии по вопросу о перспективах взаимоотношений с Соединенными Штатами.

Сторонники немедленной военной развязки, считавшие невозможным соглашение с США по спорным вопросам, исходили из неизбежности провала переговоров Коноэ — Рузвельта, который должен был послужить сигналом к началу войны. Известный реакционер Хасимото Кингоро утверждал, что нет никакой надежды на урегулирование отношений с США и Великобританией и поэтому Японии необходимо в сотрудничестве с Германией и Италией приступить к «прямым действиям»⁷⁶.

Сторонники переговоров с США возлагали надежды на встречу глав двух правительств, полагая, что удастся достигнуть компромиссного соглашения и временно отсрочить нападение на США и Англию, требовавшее более тщательной и длительной подготовки. Временными попутчиками этой группы стали некоторые представители военно-морских кругов, отдававшие себе отчет в трудностях морской войны против флота США, который занимал первое место в мире. Так, например, начальник морского генерального штаба адмирал Нагано, настаивавший ранее на приближении военного конфликта с англо-саксонскими странами, высказывал сомнение в возможности победы Японии над США. Он считал, что в случае войны с США Япония будет отрезана от нефти, запасов которой у нее хватит лишь на полтора года⁷⁷.

Эта точка зрения одной из групп правящих кругов Японии не имела, однако, широкой поддержки. Японские империалисты считали, что «молниеносная» война сможет обеспечить их стратегическим сырьем, необходимым для установления господства Японии на Тихом океане.

Усиление внутривластной борьбы в Японии по важнейшим вопросам внешней политики находилось в тесной связи и с обострением японо-германских противоречий. Гитлеровская клика продолжала откровенно высказывать недовольство чрезмерной самостоятельностью Японии, проявившейся в ходе вашингтонских переговоров, и ее нежеланием консультироваться с Германией по поводу координации действий. Как сообщил японский посол в Берлине Осима в телеграмме от 1 октября, Риббентроп выразил большое неудовлетворение позицией Японии. «Если Япония займет шаткую позицию и продолжит переговоры без консультации с Германией, — пе-

⁷⁶ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49527.

⁷⁷ Там же, стр. 49511—49512.

редавал Осима, — трудно предусмотреть, какие шаги может предпринять Германия без консультации с Японией»⁷⁸. Это была явная угроза отплатить своему дальневосточному партнеру не согласованными с ним самостоятельными действиями.

Заявление Риббентропа японскому послу являлось отражением японо-германских империалистических противоречий и разногласий по вопросам координации действий участников тройственного союза в условиях быстрого назревания военного конфликта на Тихом океане. Японские империалисты стремились сами извлечь максимум выгод из переговоров в Вашингтоне и не желали делиться со своим германским союзником будущими трофеями.

Ответ Соединенных Штатов на японские предложения последовал 2 октября⁷⁹. В нем рассматривался весь комплекс спорных вопросов. Правительство США отмечало, что вывод японских войск из Китая и Индокитая помог бы выявить мирные намерения Японии и ее действительное желание «создать прочную основу для будущей стабильности в бассейне Тихого океана». В американском ответе вновь выдвигались «четыре принципа» Хэлла как основа для мирного соглашения между двумя странами. Что касается встречи Коноэ с Рузвельтом, то государственный секретарь, приветствуя это японское предложение, указал на необходимость ее тщательной подготовки и внесения ясности в принципы той и другой стороны. По мнению Хэлла, лишь предварительное рассмотрение «основных принципов» поможет разрешить важнейшие вопросы, создаст твердую основу для этой встречи и определит ее успех.

Японский посол, ознакомившись с заявлением Хэлла, выразил неудовлетворенность его содержанием и подчеркнул, что японское правительство имеет большое желание организовать встречу Коноэ с Рузвельтом. Однако Хэлл продолжал настаивать на том, что до этой встречи крайне необходим предварительный обмен мнений по важнейшим вопросам.

Ответ Соединенных Штатов от 2 октября свидетельствовал о все большем расхождении взглядов сторон, о нежелании американских империалистов уступить Японии в важнейших спорных вопросах, о непримиримости японо-американских империалистических противоречий.

Тем не менее переговоры продолжались. В октябре обсуждались вопросы об обязательствах Японии в отношении Германии и Италии, вытекающих из тройственного пакта; вопрос об условиях разрешения «китайского инцидента», в частности об эвакуации японских войск из Китая. Однако договоренности достигнуто не было.

⁷⁸ «Hearings...», part 34, p. 104.
⁷⁹ «American-Japanese documents», p. 111—115.

Все усиливавшееся расхождение во взглядах Японии и Соединенных Штатов, отказавшихся от встречи Рузвельта с Коноэ⁸⁰ без предварительной разработки основ соглашения, способствовало усилению активности в Японии сторонников немедленной войны с США и Англией, возглавляемых военным министром Тодзё, и обострению борьбы в правящих кругах.

Столкновение между различными политическими группами произошло на заседании правительства 12 октября, на котором присутствовали: Коноэ, Тодзё, Тоёда, Оикава и Судзюки. В своем выступлении на заседании Тодзё категорически утверждал, что нет никакой надежды достичь успеха путем продолжения переговоров, и предлагал немедленно начать войну. Коноэ же настаивал на продолжении переговоров. Его поддержал министр иностранных дел Тоёда, который заявил, что возможность успешного завершения переговоров маловероятна, если только военные круги не пойдут на некоторые уступки; только эвакуация, хотя бы частичная, войск из Китая могла бы улучшить перспективы переговоров. Однако Тодзё резко возразил, заявив: «Пребывание войск есть вопрос жизни армии. Мы абсолютно не можем сделать уступок»⁸¹.

В результате острого столкновения двух противоположных точек зрения совещание пяти министров приняло следующее решение: «1) Япония не должна отказываться от плана, принятого в сентябре и октябре 1940 г.; 2) должна быть сделана попытка установить, приведут ли переговоры с Соединенными Штатами к успеху в течение срока, который будет определен императорской ставкой, и 3) не следует прекращать подготовку к нападению, если только предыдущий вопрос не будет разрешен положительно»⁸².

⁸⁰ Примерно в это время министр иностранных дел Японии Тоёда обратился в английское посольство в Токио за содействием в организации встречи Коноэ с Рузвельтом. Крейги сразу же направил в Лондон телеграмму, в которой указывал, что вследствие «природы японцев» и внутреннего положения Японии нельзя допустить никакого промедления. Крейги писал, что он и Грю твердо придерживаются того мнения, что будет величайшей глупостью, «если эта прекрасная возможность будет упущена» (см. Charles Callan Tansill, *Back door to war. Roosevelt foreign policy 1933—1941*, Chicago, 1952, p. 642). Телеграмма Крейги свидетельствовала о непрекращавшихся попытках английских и американских «дальневосточных мюнхенцев» добиться сговора с японским агрессором на той же антикитайской и антисоветской основе.

⁸¹ Nathaniel Peifer, *Pearl Harbor post-mortem*, p. 83.

⁸² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49532; см. также: 東京 裁半半決, 極東國際軍事裁判所半決文, 東京 一九四九年, 244—245頁。 В течение августа — октября 1941 г. Коноэ, как и накануне открытия Вашингтонских переговоров, вновь попытался действовать неофициальным путем через Уолша и Драута. Когда послания Драута, направленные в Вашингтон, не возымели нужного действия, Коноэ предложил Драуту 14 октября выехать в Вашингтон, для того чтобы лично передать Рузвельту, что японское правительство «под давлением событий» не может

Решение «внутреннего кабинета» Японии от 12 октября свидетельствовало о весьма непрочном компромиссе наиболее реакционной группы Тодзё и более умеренной группы Коноэ, о стремлении форсировать подготовку к войне, если переговоры в Вашингтоне не будут закончены к сроку, определенному японской стороной⁸³. Помимо того, оно являлось новым выражением острой политической борьбы различных группировок японской монополистической буржуазии по вопросам внешнеполитической стратегии, сохранения мира или вступления в войну, показателем приближения правительственного кризиса и усиления активности наиболее агрессивных кругов. По сути говоря, вопрос о судьбе правительства Коноэ был предreshен во время заседания 12 октября.

Через два дня на чрезвычайном заседании правительства Тодзё вновь доказывал невозможность достижения соглашения с США, в особенности по китайскому вопросу. Он мотивировал это тем, что Япония, понеся жертвы в Китае, не может принять американское предложение о выводе оттуда японских войск. Тодзё и его сторонники предлагали даже начать войну против США и Англии 15 октября 1941 г.⁸⁴

Поскольку китайский вопрос вновь становился камнем преткновения и неуступчивость японской стороны могла бы повести к разрыву переговоров, Коноэ предложил на одном из объединенных заседаний правительства и верховного командования уступить США и признать в принципе необходимость вывода японских войск, но в действительности держать войска в Китае. Он цинично называл это принципом «отказа от формы и сохранения сущности». Это предложение Коноэ проливало свет на его действительные политические взгляды по вопросам внешней политики Японии. Оно разоблачает всякого рода фальсификации о «противодействии» Коноэ агрессии японских империалистов, в особенности в отношении Китая.

Вопрос о Китае продолжал оставаться предметом обсуждения и во время дальнейших японо-американских переговоров. 13 октября, во время беседы Уэллеса с Вакасуги⁸⁵ японский советник настаивал на принятии условий его правительства. Аргументация была следующей: экстремистские прогерманские круги усилили борьбу против японо-американского

более продолжать переговоры. Но кабинет Коноэ вышел в отставку до того, как Уолли достиг места назначения (см.: Charles Callan Tansill, *Back door to war...*, p. 642).

⁸³ 12 октября 1941 г., когда фактически решался вопрос об отставке третьего кабинета Коноэ, морской министр адмирал Оикава сделал следующее заявление: «Теперь мы достигли переломного момента, когда должен быть сделан выбор: мир или война...» (см.: Shigeru Fukudome, *Hawaii operation...*, «United States naval institute proceedings», vol. 81, 1955, № 12), p. 1322.

⁸⁴ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49528.

⁸⁵ «Papers...», vol. II, p. 680—686.

соглашения, внутривластная обстановка в Японии обостряется, и это может привести к формированию нового правительства, которое будет действовать «по указке Германии». Опасения за разрыв переговоров и приход к власти в Японии правительства приверженцев войны на Тихом океане усилили в Соединенных Штатах активность апологетов «дальневосточного Мюнхена», сторонников мира с Японией во что бы то ни стало. В этом отношении весьма показательна беседа Номура с контр-адмиралом Тэрнером, о которой посол телеграфировал 14 октября в Токио. Номура передал заявление Тэрнера о том, что если невозможно вывести японские вооруженные силы из Китая сразу, то могло бы быть заключено детальное соглашение о постепенном выводе войск⁸⁶.

В разгар переговоров в Вашингтоне в Японии произошел правительственный кризис: на смену третьему кабинету Коноэ 18 октября 1941 г. пришел кабинет генерала Тодзё.

Главной причиной отставки кабинета Коноэ являлась ожесточенная внутренняя борьба, которая развернулась в правящем лагере по поводу позиции Японии в отношении Советского Союза в условиях советско-германской войны и приведения в действие тройственного пакта. Коноэ, учитывая упорное сопротивление Советской Армии гитлеровцам, неясные перспективы дальнейшего развития войны между Германией и СССР, незавершенность военных приготовлений Японии и большой риск, связанный со вступлением в войну против СССР, был сторонником выжидательной политики в отношении Советского Союза. Он считал необходимым проводить всестороннюю военную, экономическую, политическую и дипломатическую подготовку, рассчитывая выждать наиболее благоприятный момент для нападения, который позволил бы с меньшими затратами и риском осуществить агрессивные антисоветские цели. Коноэ полагал необходимым на некоторое время сохранить советско-японский пакт о нейтралитете, прикрываясь которым можно было бы тайно вести подготовку вероломного нападения на СССР.

Что касается позиции Японии в отношении тройственного пакта и германского союзника, то Коноэ предлагал максимально сохранить свободу действий. В своих мемуарах он утверждал, что после возникновения советско-германской войны «тройственный союз в действительности наполовину потерял значение»⁸⁷, поэтому он якобы был сторонником «переоценки тройственного пакта» и, более того, рекомендовал «немедленный отказ» от него⁸⁸.

⁸⁶ «Hearings...», part 35, p. 646—647.

⁸⁷ «Коноэ Фумимаро ко-но сюки», стр. 41.

⁸⁸ Бывший посол Японии в США Номура Китисабуро в статье, опубликованной после окончания войны, извращая позицию Коноэ, писал, что японский премьер-министр якобы придерживался той точки зрения, что

Все эти высказывания Коноэ относительно тройственного союза отнюдь не означали, что он в действительности являлся его противником. Он стремился лишь оградить Японию от выполнения тех обязательств тройственного пакта, которые могли бы преждевременно вовлечь ее на путь войны, более выгодный в тех условиях гитлеровской Германии, чем Японии.

Точка зрения Коноэ по поводу позиции Японии в отношении Советского Союза, советско-японского пакта о нейтралитете и тройственного союза встретила резкие возражения наиболее агрессивных групп японской монополистической буржуазии.

Вопреки его взглядам, отражавшим интересы более «умеренных» кругов монополистов, крайние группировки требовали немедленного нападения Японии на Советский Союз в соответствии с обязательствами тройственного пакта и, следовательно, настаивали на расторжении советско-японского пакта о нейтралитете. Они считали необходимым укрепить военнополитический союз с Германией и оказать ей более эффективную и всестороннюю помощь в войне против Советского Союза. Временные успехи немецко-фашистских войск казались им наиболее благоприятным моментом для непосредственного осуществления своих антисоветских планов, прелюдией завершения германского «блицкрига» и установления мирового господства германо-японо-итальянской коалиции.

Невозможность примирить интересы двух главных группировок монополистов, их острая борьба за руководящие посты в государственном аппарате привели к падению кабинета Коноэ. Однако острота борьбы в правящих кругах Японии накануне отставки третьего кабинета Коноэ отнюдь не означала полной противоположности взглядов «умеренных» политических групп и военщины, являвшейся орудием японской монополистической буржуазии.

Другой важной причиной правительственного кризиса являлось то, что, несмотря на все обещания, война в Китае не была закончена, а возможности Японии развернуть новые наступательные операции все более суживались, тем более что ее новые захватнические планы требовали значительного пополнения стратегических резервов.

Япония сможет с помощью тройственного пакта избежать изоляции и в то же время достигнуть взаимопонимания с США. Автор подчеркивал, что Коноэ хотел соединить несовместимое: тройственный пакт с улучшением японо-американских отношений. «Но, — делал вывод Номура, — никто не может носить одновременно две пары сапог» (см.: Kichisaburo Nomura, *Stepping-stones to war*, p. 929). — Вместе с тем Номура, пытаясь оправдаться, утверждал, что в 1940 г. он отклонил предложение Мацуока принять пост посла в Вашингтоне, считая, что нельзя совместить улучшение японо-американских отношений с укреплением японо-германских отношений (см.: Kichisaburo Nomura, *Stepping-stones to war...*, p. 929).

Японскому главному командованию не удалось установить необходимой координации фронтов в Китае, что являлось следствием упорного сопротивления китайского народа. Вместе с тем замедленные продвижения японских войск в Китае было результатом острой борьбы в правящих кругах Японии, усилившейся с момента возникновения японо-китайской войны, а также ряда стратегических ошибок, допущенных японским командованием. К числу этих ошибок, в частности, относится отсутствие в 1941 г. стратегического взаимодействия между главными группировками японских войск на фронтах в Центральном и Северном Китае. «В рядах японских помещиков, буржуазии и милитаристов, — указывал Мао Цзэ-дун в труде «О затяжной войне», — существуют весьма серьезные противоречия, которые все больше углубляются, и одним из конкретных проявлений этих противоречий является отсутствие взаимодействия между различными фронтами в Китае»⁸⁹.

Эта характеристика серьезных противоречий в правящих кругах Японии, данная Мао Цзэ-дуном состоянию японо-китайской войны летом 1938 г., в еще большей степени относится к осени 1941 г., когда разногласия по вопросам перспектив войны в Китае и подготовки новой войны на Тихом океане приняли чрезвычайно острый характер и привели к правительственному кризису.

Разногласия в правящих кругах Японии сказались также и в вопросе о способах разрешения «китайского инцидента». Так называемые умеренные группы монополистов настаивали на усилении давления на «режим Чан Кай-ши», чтобы ускорить подписание мира на выгодных для Японии условиях. Более агрессивная клика настаивала на завоевании Китая руками китайцев, на дальнейшем укреплении взаимоотношений Японии с «правительством» Ван Цзин-вэя. С этим связаны переговоры Ван Цзин-вэя в Токио во второй половине июня 1941 г. и предоставление ему очередного японского займа в 300 млн. иен. В итоге этих переговоров 23 июня 1941 г. было опубликовано совместное заявление Коноэ и Ван Цзин-вэя, которое его авторы высокопарно называли «поворотным пунктом в установлении постоянных отношений между Японией и Китаем» и в деле дальнейшего продвижения обеих стран к общей цели — «процветанию и реконструкции» Восточной Азии⁹⁰.

Однако переговоры Коноэ и Ван Цзин-вэя не дали практических результатов. Попытки японских империалистов покончить с сопротивлением китайского народа с помощью открытых и скрытых капитулянтов после возникновения советско-германской войны вновь закончились крахом.

⁸⁹ Мао Цзэ-дун, *О затяжной войне (май 1938 года)* (Избранные произведения, т. 2), стр. 313.

⁹⁰ «Documents on american foreign relations», vol. IV, p. 490—491.

Затяжная и бесперспективная война в Китае продолжала оставаться серьезной преградой на пути развязывания новых внешнеполитических авантур против Советского Союза, США и Англии, на пути осуществления важнейших стратегических планов японского империализма. Невозможность преодолеть эту преграду являлась одной из главных причин отставки правительства Коноэ. Это признал прежде всего сам Коноэ. В письме-прошении об отставке от 16 октября он указал, что при формировании его третьего кабинета ему вменялось в обязанность «найти скорейший способ закончить китайский инцидент», что, однако, не удалось сделать. Коноэ считал, что разрешить «китайский вопрос» возможно лишь путем успешного завершения японо-американских переговоров и частичных уступок в вопросе о выводе японских войск из Китая, с чем не соглашался военный министр Тодзё.

Другой причиной падения кабинета Коноэ являлось также недовольство некоторых групп монополистической буржуазии темпами развертывания агрессии в южном направлении и ходом переговоров в Вашингтоне. В официальном заявлении по поводу отставки Коноэ отметил, что, сформировав кабинет, он имел в виду развернуть экспансию в южном направлении и надеялся на то, что средством к достижению этой цели послужат «дружественные переговоры» с Соединенными Штатами. Несмотря на трудности, возникшие в ходе переговоров, Коноэ указал, что поставленные задачи можно все же разрешить дипломатическим путем⁹¹. В письме к Грю, направленном в день отставки кабинета, 16 октября, Коноэ заверил американского посла в том, что он сделает все возможное, чтобы помочь новому кабинету успешно завершить японо-американские переговоры⁹². Тем самым Коноэ пытался создать впечатление, что новое правительство будет якобы стремиться к действительному разрешению спорных вопросов, возникших между Японией и США.

Поскольку в ходе переговоров с самого их начала выявилась непримиримость японо-американских империалистических противоречий, агрессивные круги стали настаивать на разрыве «бесплодных» переговоров и начале войны против США и Англии. В заявлении об отставке Коноэ указывал, что в ответ на требования Тодзё начать войну против США и Англии он заявил, что не может взять на себя ответственность за исход войны, в которую Япония будет вовлечена, что он считает «невозможным для себя вовлечь нацию в титаническую войну, исход которой нельзя предвидеть», тем более что не разрешен «китайский инцидент»⁹³. Это заявление свидетельствовало о

⁹¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49534—49535.

⁹² «Prelude to infamy. Official report on the final phase of U. S.—Japanese relations Oct. 17 to Dec. 7 1941», Washington, 1943, p. 5—6.

⁹³ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49535.

тем, что Коноэ, являвшийся одним из дальновидных государственных деятелей Японии, трезво оценивал тяжелые последствия, неизбежные для Японии после возникновения войны против США и Англии в условиях продолжения военных действий в Китае.

Правительственный кризис был вызван также и тем, что не было выполнено решение имперского совещания от 6 сентября 1941 г. о завершении подготовки к тихоокеанской войне к 10 октября. Новая отсрочка даты военного выступления Японии имела серьезные политические последствия. Наиболее агрессивные круги усилили нажим на правительство Коноэ, еще более обострилась борьба различных групп японских капиталистов. Отставка правительства Коноэ произошла потому, что крайне реакционные круги монополистической буржуазии потребовали создания правительства, которое могло бы проводить более решительную и агрессивную внешнюю политику и, главное, начать новую войну в самое ближайшее время.

Наконец, начавшийся кризис «новой политической структуры», автором которой являлся Коноэ и на которую возлагались большие надежды, значительные трудности при создании «новой экономической структуры», дававшей пока незначительный эффект, рост недовольства народных масс затяжной войной в Китае и усиление антивоенных настроений в стране — все это являлось важными внутренними причинами, которые в сочетании с внешнеполитическими привели к отставке третьего кабинета Коноэ.

* * *

Таким образом, третья стадия вашингтонских переговоров характеризовалась дальнейшими попытками японских империалистов территориально расширить индокитайский плацдарм и одновременно выдвинуть новые неприемлемые условия для соглашения по индокитайскому и китайскому вопросам. Предложение Японии об организации личных переговоров Коноэ с Рузвельтом являлось маневром, рассчитанным на заключение компромиссного соглашения с США на максимально выгодных для Японии условиях. Вопрос об условиях встречи глав правительств стал одним из центральных в ходе вашингтонских переговоров. Именно по этому вопросу развернулась острая политическая борьба между различными политическими группировками в правящих кругах США и Японии. Правительство США предлагало организовать встречу глав правительств при условии предварительной договоренности по всем спорным вопросам путем переговоров на уровне послов. Тем самым оно стремилось выиграть время, чтобы добиться соглашения с Япо-

ней на более выгодных для него условиях и успеть завершить военные приготовления в случае конфликта на Тихом океане. Японское же правительство спешило воспользоваться незавершенностью военных приготовлений США в целях укрепления своих позиций в Китае, Индокитае и наилучшей подготовки к тихоокеанской войне.

6 сентября 1941 г. имперское совещание приняло «программу-минимум», означавшую дальнейшее усиление наступления японской дипломатии. Срочные военные совещания, предварительная подготовка секретных приказов о военном нападении Японии на США и Англию и последующие проекты японского правительства от 22 и 27 сентября свидетельствовали о решимости японских империалистов добиться своих агрессивных целей вооруженным путем, если дипломатические переговоры окончатся безрезультатно.

Упорная оборона Советской Армии на советско-германском фронте и укрепление антигитлеровской, антифашистской коалиции во главе с СССР понуждали правящие круги Японии усилить давление на США.

Вопрос о перспективах вашингтонских переговоров стал предметом внутривластной борьбы в Японии, обострившейся в связи с демаршами гитлеровской дипломатии. Наступление реакционных сил сторонников немедленной войны Японии с США и Англией ускорило падение третьего кабинета Коноэ.

Глава VI

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ СТАДИЯ ЯПОНО-АМЕРИКАНСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ И НАЧАЛО ВОЙНЫ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ. (18 октября — 7 декабря 1941 г.)

Внешнеполитический курс правительства Тодзё. Миссия Курусу. Подготовка «Гавайской операции»

Приход к власти правительства генерала Тодзё, одного из лидеров военно-фашистской реакции, означал ускорение темпов подготовки войны на Тихом океане. По словам Коноэ, «вполне резонным было всеобщее мнение, что поручение военному министру сформировать новый кабинет означало преднамеренный срыв происходивших в тот момент японо-американских переговоров и начало японо-американской войны»¹. С беспокоейством отнеслись к падению кабинета Коноэ и в США.

Пока подготовка Японии к войне не была завершена, кабинет Тодзё считал нужным не прерывать переговоры², чтобы выиграть время для наиболее эффективного удара. Военные приготовления велись и открыто и скрытно. Вопросы, касавшиеся этих приготовлений, затрагивались в дипломатической переписке, в директивах, рассылавшихся консульским работникам и военным атташе. Просачивались они и в печать.

Особое внимание уделялось сбору различных сведений относительно американского флота в Пёрл-Харборе, который еще при кабинете Коноэ был намечен в качестве объекта для первоочередного удара. Незадолго до отставки правительства, 24 сентября, Тоёда направил японскому консулу в Гонолулу совершенно секретную директиву, в которой ему предписывалось посылать сведения относительно наличия в порту судов,

¹ 近衛文麿公の手記, 失はれし政治, 東京, 一九四六年, 140頁.

² При формировании кабинета Тодзё 17—18 октября 1941 года, как утверждает Каса, Тоё заявил Тодзё, что он примет портфель министра иностранных дел лишь при условии, что новый кабинет сделает все возможное, чтобы завершить успешно переговоры в Вашингтоне. Видный дипломатический чиновник Каса пишет, что Тодзё дал соответствующее заверение, после чего Тоё принял пост министра (см.: Toshikazu Kase, *Journey to the «Missouri». A Japanese diplomat's story of how his Country made war and peace*, New Haven, 1950, p. 57—58). Цена этого «заверения» определилась вскоре. Достаточно указать, что уже в конце октября 1941 г. Тодзё «покаялся не делать никаких уступок» (см.: «Far Eastern survey», 1941, 3 November, p. 241).

причем для удобства воды Пёрл-Харбора подразделялись на пять районов³. Японский министр иностранных дел предлагал также давать информацию о военных судах и, в частности, об авианосцах, находившихся на якоре, у пристани и в доках. «Записывайте кратко типы и классы (кораблей)»⁴, — обзывал консула Тоёда.

Уже в начале октября было приступлено к подготовке летного состава для нападения на корабли американского флота, находившиеся в Пёрл-Харборе. Об этом свидетельствуют, в частности, следующие показания японского пилота, принимавшего участие в нападении на Пёрл-Харбор: «5 октября 1941 г. по приказанию начальника штаба отряда авианосцев контр-адмирала Косака Рёнускэ на борту «Акаги» в бухте Сибуси было созвано собрание всех офицеров-летчиков с авианосцев. Под строжайшим секретом было сообщено, что японская морская авиация произведет нападение на американский флот на Гавайях в декабре 1941 г. К участникам собрания обратился с речью командующий Объединенным флотом адмирал Ямамото Исороку, который сказал, что «хотя Япония никогда не хотела воевать с США, но она принуждена к этому. Американский флот — самый сильный враг Японии... После нападения Японии на Пёрл-Харбор будет осуществлена оккупация Борнео, Филиппин, Сингапура, Явы и Суматры»⁵.

Адмирал Ямамото приоткрыл завесу над планами тихоокеанской войны, назвав очередные после Пёрл-Харбора объекты наступательных операций японских вооруженных сил.

Новый японский кабинет считал важнейшей задачей продолжить переговоры в Вашингтоне и таким образом создать впечатление якобы действительного желания Японии найти пути к окончательному разрешению спорных вопросов дипломатическими средствами.

Одновременно с этим, прикрываясь «мирными» предложениями, новый кабинет стремился ускорить подготовку военного нападения, чтобы под предлогом «неуступчивости» американской стороны в выгодный момент прервать переговоры и начать войну.

Таков был курс правительства Тодзё. Большое значение в

³ Район А — расположен между Форд Айленд и Арсеналом; район В — воды к югу и западу от Форд Айленд; район С — Ист Лох; район Д — Миддл Лох; район Е — Вест Лох и фарватеры. См.: Samuel Eliot Morison, *The rising sun in the Pacific 1931 — April 1942*, vol. III, Boston, 1950, p. 105. — Карту-схему Гонолулу и Пёрл-Харбора см.: «Морской атлас», т. 1, 1957, Карта 50 (ш, ч).

⁴ «Hearings before Joint committee on the investigation of the Pearl Harbor attack», Congress of United States, seventy-ninth congress, first session, part 37, Washington, 1946, p. 663.

⁵ «Hearings...», part I, p. 179.

стремлении ввести в заблуждение общественное мнение занимали «миролюбивые» выступления главы правительства и его министров. На деле же важнейшей частью правительственной программы Тодзё считал форсирование экспансии в южном направлении и развязывание большой тихоокеанской войны. Как справедливо указывал центральный орган Коммунистической партии Китая газета «Синьхуа жибао», целью этой экспансии являлся захват богатейших ресурсов районов Южных морей, которые рассматривались японскими империалистами как необходимое условие для обеспечения новой войны и завершения «китайского инцидента»⁶.

Правящие круги Японии всемерно активизировали подготовку к тихоокеанской войне⁷.

В конце октября 1941 г. состоялось заседание «Комитета по координации действий», на котором представители верховного командования информировали об оперативных планах. Вопрос о предполагаемых военных действиях Японии в «Южном районе» рассматривался как уже решенный. Было указано, что наиболее благоприятным моментом для нападения является рассвет⁸.

Реакционная печать в Японии также писала о приближающейся военной развязке. Газета «Токио нити-нити» поместила статью, многозначительно озаглавленную «Империя приближается к величайшему кризису»⁹.

Окончательная разработка планов, имевших в виду нападение Японии на Пёрл-Харбор, Сингапур и другие владения США, Англии и Голландии, по существу была закончена к 1 ноября 1941 г. В этот день кабинет Тодзё принял решение о начале войны против Соединенных Штатов, которое затем было утверждено императором. На Токийском процессе Тодзё дал по этому поводу следующее показание: «Вышеупомянутое решение очень серьезного характера было представлено императору неофициально мною, начальником генерального штаба и начальником морского генерального штаба примерно в 5 часов дня 2-го ноября 1941 г.»¹⁰.

1 ноября 1941 г. был издан приказ № 1 по Объединенному флоту. В нем говорилось: «Флагманское судно. Нагато, бухта Саэки, 1 ноября 1941 г. Секретный оперативный приказ № 1 по Объединенному флоту.

Японская империя объявит войну США, Великобритании и Голландии.

⁶ «Синьхуа жибао» (新華日報), 1943, 13 апреля.

⁷ О подготовке войны новым правительством Тодзё см.: 東京裁判判決, 極東國際軍事裁判所判決文, 東京一九四九年, 246—247頁 (далее — Токио сайбан ханкэцу...).

⁸ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 47882.

⁹ «Токио нити-нити» (東京日日), 1941, 1 ноября.

¹⁰ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 36327, 47282.

Война будет объявлена в х-день.

Этот приказ вступит в силу в у-день»¹¹.

Приказ № 1 предусматривал нападение на Пёрл-Харбор, Сингапур и Филиппины. В нем, кроме того, говорилось: «Когда будет принято решение о завершении общей подготовки к операциям, будут изданы приказы, устанавливающие примерную дату готовности к началу операций»¹². Относительно даты нападения в приказе было сказано: «День начала войны (день нападения) будет указан в приказе императорской ставки. Этот приказ будет отдан заранее, за несколько дней до начала войны. После 00 часов 00 минут дня нападения будет существовать состояние войны. Каждая часть начнет операции в соответствии с планом»¹³. Начальник морского генерального штаба адмирал Нагано предписал адмиралу Ямамото разработать соответствующие оперативные планы, указав, что ему будут даны подробные инструкции¹⁴.

3 ноября начальник морского генерального штаба адмирал Нагано вместе с морским министром адмиралом Симада и адмиралом Ямамото утвердили план нападения на Пёрл-Харбор, который затем получил санкцию императора. 5 ноября приказ был доведен до сведения офицеров флота. В нем говорилось, что «время начала войны («икс-би», или «день икс») будет определено указом императорской ставки»¹⁵.

7 и 10 ноября по Объединенному флоту были изданы секретные приказы № 2 и № 3, установившие 8 декабря 1941 г. «днем нападения» («игрек-би»)»¹⁶.

Окончательно «день нападения» на США и Англию (8 декабря по токийскому времени) был утвержден на совещании высших армейских и флотских офицеров, включая генерала Тэраути и адмирала Ямамото. Адмирал Ямамото предложил, чтобы нападение было совершено обязательно в воскресенье, когда все американские корабли находятся в Пёрл-Харборе, и лучше всего во второе воскресенье декабря¹⁷. Это, по его

¹¹ Там же, ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 287; о приказе № 1 по Объединенному флоту от 1 ноября 1941 г. см. также: 東京叢報, 毎日新聞, 第二卷, 東京, 一九四九年, 181—189頁 (далее — «Токио сайбан»). — Вице-адмирал Фукудомэ датирует приказ № 1 по Объединенному флоту 5 ноября 1941 г. (см. Shigeru Fukudome, *Hawaii operation*, «United States naval institute proceedings», vol. 81, 1955, № 12, p. 1323).

¹² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49548.

¹³ Там же, стр. 49549.

¹⁴ Shigeru Fukudome, *Hawaii operation*, p. 1323.

¹⁵ Joseph W. Ballantine, *Mukden to Pearl Harbor. The foreign policies of Japan*, «Foreign affairs», vol. XXVII, 1949, № 4, p. 663.

¹⁶ «Report of the Joint committee on the investigation of the Pearl Harbor attack», 79-th congress, 2d session, doc. № 244, Washington, 1946, p. 53.

¹⁷ Robert E. Ward, *The Inside story of the Pearl Harbor plan* («United States naval institute proceedings», vol. 77, 1951, № 12), p. 1279. Предложение Ямамото имело цель обеспечить максимальный эффект внезапного нападения на Пёрл-Харбор.

мнению, позволит японскому флоту использовать недельный срок для более эффективной подготовки. Предложение Ямамото было одобрено, нападение на Гавайи было решено начать в 8 ч. 30 м. 8 декабря (7 декабря в 12 ч. 30 мин. по гавайскому времени. — Д. Г.). Императорская штаб-квартира одобрила это решение¹⁸. Таким образом, уже в первой декаде ноября 1941 г. была заранее определена дата нападения, получившая в документации название «дня икс» — «икс-би»¹⁹, что придавало всей дальнейшей военной подготовке еще более целеустремленный характер.

Как ни скрывались военные приготовления Японии, о них становилось известно правительству США. Посол Грю в своей телеграмме в Вашингтон от 3 ноября²⁰ докладывал о дальнейшем усилении антиамериканских настроений в Японии, подтверждал форсированную подготовку Японии к выступлению против США и Англии и предупреждал, что «Япония с опасной внезапностью пойдет на такие меры, которые могут сделать войну с Соединенными Штатами неизбежной». Вместе с тем Грю рекомендовал своему правительству правильно оценивать, не преуменьшать экономические и финансовые возможности Японии и не рассчитывать на то, что недостаток ресурсов приведет ее к краху.

Параллельно с подготовкой войны продолжались переговоры с США в Вашингтоне. Цель их по-прежнему заключалась в том, чтобы замаскировать подготовку к нападению на англосаксонских соперников. Эта задача возлагалась прежде всего на японского посла в Вашингтоне Номура. Весьма характерно, что, воспользовавшись отставкой кабинета Коноэ, Номура сделал попытку отказаться от занимаемого поста и ведения переговоров. Знаменательным в этом отношении является его прошение об отставке, направленное 23 октября 1941 г. на имя министра иностранных дел Того Сигэнори. Номура раскрыл истинный характер своей дипломатической миссии, заявив, что ему очень тяжело продолжать «лживое существование» и обманывать других²¹.

Правительство Тодзё направило в помощь Номура в качестве своего специального представителя Курусу. В телеграмме Того от 4 ноября говорилось: «7 ноября посол Курусу выезжает, чтобы помочь вам. Он будет вашей правой рукой в этих переговорах. Он не везет с собой каких-либо дополнительных инструкций... Я надеюсь, что вы во что бы то ни стало сможете устроить его встречу с президентом Рузвельтом.

¹⁸ Shigeru Fukudome, *Hawaii operation*, p. 1322.

¹⁹ «X—日».

²⁰ «Peace and war. United States foreign policy 1931—1941». United States Department of State, Washington, 1943, p. 772—775.

²¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49542.

Между прочим, держите, пожалуйста, деятельность Курусу в строжайшем секрете»²².

Миссия Курусу, о секретности которой, притом строжайшей, предупреждал министр иностранных дел, занимала особое место в планах японских империалистов. Ее цель вовсе не состояла в том, чтобы разрешить спорные вопросы японо-американских отношений дипломатическим путем, а не силой оружия, как это утверждает американский буржуазный ученый Сюй в статье, посвященной исследованию деятельности миссии Курусу²³. Сюй неправ, считая наивным широко распространенный взгляд, что в задачу Курусу входило выиграть время для обеспечения внезапности нападения Японии. Обосновывая свою точку зрения, автор утверждает, что еще до поездки Курусу в Вашингтон Япония завершила военные приготовления и ее вооруженные силы якобы были совершенно готовы к нападению на США и Англию. Поэтому, делает вывод автор, отсрочка военных действий явилась для японцев не преимуществом, а, наоборот, потерей драгоценного времени, тем более что продолжение переговоров при участии Курусу предоставило США больше времени для подготовки к обороне²⁴.

Точка зрения Сюя не соответствует действительности. В тот момент подготовка Японии к нападению на США и Англию в полной мере не была завершена и требовалось некоторое время для ее окончания.

Главная цель миссии Курусу заключалась в том, чтобы создать в Вашингтоне и у мирового общественного мнения впечатление, что переговоры переходят в заключительную фазу и Япония стремится подписать соглашение. На деле Япония маскировала последние военные приготовления для внезапного нападения на США и Англию. «В дополнение к тому, о чем я телеграфировал, — писал Того Номура в телеграмме от 6 ноября, — причина срочной отправки к вам посла Курусу состоит в том, чтобы показать искренность нашего императора в переговорах. Теперь мы находимся в последнем круге переговоров.... Мы заявили общественному мнению, что Курусу немедленно направляется к вам на помощь, чтобы урегулировать отношения между двумя странами...»²⁵. В своих показаниях на Токийском процессе Того продолжал отстаивать версию о

²² «Hearings...» part, 12, p. 97.

²³ Immanuel C. Y. Hsu, *Kurusu's mission to the United States and the abortive modus vivendi* («The journal of modern history», vol. XXIV, 1952, № 3), p. 303.

²⁴ Ibid., p. 305. — Курусу в своих мемуарах пытается опровергнуть «ошибочное обвинение» его в том, что во время переговоров в Вашингтоне он «действовал с предательским намерением... сделать успешным нападение на Перл-Харбор» (см. 来栖三郎, *日米外交秘話—たが外交史*, 東京, 一九五三年, 173頁 (далее — Курусу Сабуро, *Нитибэй гайко...*)).

²⁵ «Hearings...», part 12, p. 101.

том, что причиной поездки Курусу в Вашингтон была якобы необходимость помочь Номура вести переговоры при содействии более опытного дипломата²⁶. Иной точки зрения придерживается вице-адмирал Фукудомэ, бывший начальник штаба Объединенного флота. Он признает, что Япония при подготовке «Гавайской операции» исходила из необходимости предпринимать такие дипломатические шаги, которые не дали бы Соединенным Штатам достаточно времени для подготовки контрмер «к нашему внезапному нападению»²⁷.

Маскировочные цели миссии Курусу признали многие руководящие политические деятели Японии. Генерал Тодзэ, ярый сторонник войны, по поводу вашингтонских переговоров откровенно говорил, что они «продолжались только в стратегических целях»²⁸.

Известный реакционный деятель Муто, бывший начальник отдела военного министерства, в беседе с начальником оперативного управления генерального штаба армии генералом Танака Рюкити, состоявшейся через два дня после начала тихоокеанской войны, цинично заявил, что направление Курусу в Соединенные Штаты было не чем иным, как своеобразной маскировкой событий, приведших к началу военных действий²⁹.

Поездка Курусу в Вашингтон в качестве специального посла произошла в момент крайнего напряжения японо-американских отношений и уже после принятия правительством Тодзэ окончательного решения о войне против США и Англии. «Наступившая фаза японо-американских отношений, — писал орган штаба Квантунской армии газета «Маньчжурия дейли ньюс», — напоминает последнюю неделю русско-японских переговоров, предшествовавших началу великого конфликта в 1904 г.»³⁰.

Американское правительство, имея достаточную информацию из различных источников и в первую очередь от хорошо осведомленного посла Грю, знало мотивы, побудившие японские правящие круги направить для переговоров второго посла. Подобный факт не имел прецедента в дипломатической практике и сам по себе являлся подозрительной акцией. Бывший заместитель государственного секретаря и активный участник переговоров в Вашингтоне Сэмнер Уэллес в своей книге «Час расплаты» называл миссию Курусу «миссией обмана». Он писал, что Курусу прибыл в Вашингтон «в роли козла, привязанного в качестве приманки для тигра»³¹. Оценивая перспективы переговоров с участием специального японского

²⁶ Immanuel C. Y. Hsu, *Kurusu's mission...*, p. 304.

²⁷ Shigeru Fukudome, *Hawai operation*, p. 1323.

²⁸ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49579—49580.

²⁹ Там же, стр. 49580—49581.

³⁰ «Manchuria daily news», 1941, 6 November.

³¹ Sumner Welles, *The time for decision*, New York, 1944, p. 229.

представителя, Уэллес продолжал: «В действительности ни один ответственный чиновник в правительстве чистосердечно не верил в какой-либо практический успех, который мог быть достигнут в связи с миссией Курусу»³².

Хотя донесения Грю и не оставляли сомнений в том, что Япония готовится к нападению на США и Англию, а подлинные цели маскировки внезапности этого нападения были очевидны, тем не менее определенные круги американских монополистов еще не теряли надежды на соглашение с Японией.

Одновременно с решением японского правительства о направлении в помощь Номура специального посла Курусу обсуждению подвергся и вопрос о характере дальнейших переговоров с США, а также линия поведения японских дипломатов в Вашингтоне. На совещании руководящих военных и политических деятелей Японии, состоявшемся 4 ноября 1941 г., было решено продолжать переговоры и представить правительству США два альтернативных предложения — «А» и «Б», которые накануне были пересланы Номура³³.

Эти предложения являлись детальной программой «урегулирования» японо-американских отношений, разработанной кабинетом Тодзё в новой обстановке. Условия этого «урегулирования» были весьма показательны.

Предложения «А» (или «план Ко») ³⁴ прежде всего касались вопроса о прекращении дискриминации в торговле.

В предложениях «А» затрагивался вопрос о понимании Японией тройственного пакта и его применении. Послу поручалось разъяснить американской стороне, что Япония имеет намерение «предотвратить распространение европейской войны на Тихий океан»³⁵.

Характерно, что в самый канун падения кабинета Коноэ и в особенности после образования правительства Тодзё на первый план стал выдвигаться вопрос о тройственном пакте. Еще 16 октября 1941 г. Тодзё направил Номура телеграмму, в которой заявил: «Императорское японское правительство вторично подтвердило американскому правительству, что цель тройственного пакта — предотвратить дальнейшее расширение

³² Ibid., p. 295. Весьма характерно, что Курусу, будучи назначен специальным послом в Вашингтон, считал, что шансы на успех его миссии не велики. После встречи с Тодзё перед отъездом в США он был почти уверен в том, что вряд ли удастся разрешить спорные вопросы в ходе переговоров (см.: Immanuel C. Y. Hsu, *Kurusu's mission...*, p. 303).

³³ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49546. Решение императорского совещания от 4(5) ноября 1941 г. см.: 太平洋戦争史, 歴史學研究會東京, 一九五三年, 第三七甲1巻, 頁—41 7 (далее — «Тайхэй сээнсэи»).

³⁴ «Токио сайбаи ханкэцу...», стр. 248—249. Предложения «А» («Ко») и «Б» («Оцу») см. также: Курусу Сабуро, *Нитибэй гайко...*, стр. 91—92. «Ко» — циклический знак, означающий «А», «Оцу» Z. — циклический знак, означающий «Б».

³⁵ «Hearings...», part 12, p. 94—95.

европейской войны. Если же недавнее напряжение в германо-американских отношениях повлечет еще большее ухудшение, то может возникнуть опасность войны между двумя державами»³⁶.

Постановка вопроса о тройственном пакте после прихода к власти кабинета Тодзё не была случайностью. По мере приближения военной развязки на Тихом океане неизбежно возникал вопрос о его применении, о возможной координации действий Японии и Германии против англо-саксонских держав. Японские империалисты явно лицемерили, когда заявляли, что тройственный пакт преследовал цель не допустить распространения европейской войны на Тихий океан. Все военно-мобилизационные мероприятия Японии, так же как и тройственный пакт, были в конечном счете рассчитаны на расширение масштабов второй мировой войны. Американские же империалисты пытались в ходе Вашингтонских переговоров заставить своего японского соперника отказаться от тройственного пакта и тем самым изолировать Японию на случай возникновения тихоокеанской войны. Хэлл показал на «Объединенной комиссии»: «Мы также просили японцев отказаться от их союза с Германией и Италией, который был направлен против нас, но они цеплялись за этот союз подобно тому, как они цеплялись за свою собственную жизнь. Мы показали, что уступить Японии в этом вопросе абсолютно невозможно»³⁷.

Вторую часть предложений «А» составлял вопрос об эвакуации войск из Китая и Индокитая. Японцы декларировали, что они «смягчают» условия, по существу же они откладывали вывод войск на неопределенный срок. В предложениях говорилось, что японские вооруженные силы, ранее посланные в Китай, будут размещены в Северном Китае, в монгольских пограничных районах и на острове Хайнань после установления мира между Японией и Китаем и не будут эвакуированы до истечения соответствующего срока. Поскольку такое туманное определение даты вывода японских войск из Китая не могло, конечно, удовлетворить американскую сторону, Номура получил директиву на вопрос о рамках «соответствующего периода» ответить, что такой период равен 25 годам. Эвакуация остальных войск будет произведена также после установления мира и «в целях сохранения мира и порядка» продлится два года.

Что касается Индокитая, то японское правительство формально заявляло о своем уважении его территориальной целостности. Эвакуация же японских вооруженных сил из французской колонии предусматривалась после установления «справедливого мира» или в случае успешного разрешения «китай-

³⁶ Ibid., p. 71—72.

³⁷ «Hearings...», part 11, p. 5373.

ского инцидента». В заключение указывалось на важность внесения упомянутого пункта об Индокитае в проект японо-американского соглашения³⁸.

Принятие японских предложений о Китае и Индокитае означало бы признание неограниченного господства японских империалистов над этими важнейшими территориями.

Откладывая вопрос о выводе войск из Китая на неопределенное время, Япония фактически отказывалась от своих же собственных прежних предложений. Это означало, что японские империалисты и не собирались делать каких-либо уступок в китайском вопросе, а намеревались окончательно вытеснить своих тихоокеанских империалистических конкурентов из Китая и превратить его в свою колонию.

Аналогичный демагогический характер имели и японские предложения по другому спорному вопросу — индокитайскому. Лицемерием была проникнута декларация о «гарантии» территориального суверенитета Индокитае, * полностью оккупированного японскими войсками. Обещание вывести их с территории французской колонии после разрешения «китайского инцидента» или установления «справедливого мира» в Восточной Азии откладывало решение индокитайской проблемы на еще более неопределенный срок.

Предложение о признании японским правительством принципа отказа от дискриминации в международных торговых отношениях являлось новой попыткой восстановить нормальные торговые отношения с Соединенными Штатами, имевшие большое значение для накопления военно-стратегических запасов.

Рассмотрение предложений «А» показывает, что кабинет Тодзэ не предпринимал каких-либо реальных шагов к сближению точек зрения обеих сторон. Соглашение на базе японского проекта было невозможно. Это понимало и японское правительство, на том же совещании принявшее другое предложение, «Б», или план «Оцу»³⁹.

Второй план был еще менее приемлемым, чем первый. Его целью было создать впечатление, что Япония продолжает искать основу для соглашения с США, а на деле выиграть необходимое время для завершения подготовки к началу военных действий на Тихом океане.

В решении по поводу предложений «Б» указывалось, что, если обнаружится значительное расхождение между японской и американской точками зрения, а обстоятельства не позволят еще более затянуть переговоры, необходимо представить второй, дополнительный план. Номура был предупрежден о том,

³⁸ «Hearings...», part 12, p. 95. — Предложение «А» см. также: 野村吉三郎, 米國に便して, 日本交渉の回顧, 東京, 一九四六年, 15—17頁 (далее — Номура Китисабуро, *Бэйкоку-ни цукайсита...*).

³⁹ «Токио сайбан ханкэцу...», стр. 249—251.

что «наша вторая формула является последней попыткой предупредить то, что может случиться». В проекте «Б», который подлежал передаче американцам в случае отклонения плана «А», предусматривалось согласие правительств Японии и США никогда не производить военного вторжения в какой-либо район Юго-Восточной Азии, за исключением Индокитае. Имелось в виду также взаимное сотрудничество обеих держав в приобретении необходимых им материалов в Индонезии. Япония предлагала отменить секвестр на японские фонды в США и обеспечить снабжение ее нефтью. Японское правительство настаивало на том, чтобы США взяли на себя обязательство не предпринимать каких-либо мер, которые могли бы стать препятствием для заключения мира между Японией и Китаем. Еще более неопределенно по сравнению с предыдущими предложениями формулировался пункт об эвакуации японских вооруженных сил из Китая. В предложениях «Б» говорилось, что, как только будет достигнуто взаимопонимание, а также мир между Японией и Китаем или в районе Тихого океана, Япония, если в том будет необходимость, дает обещание вывести свои войска. Далее указывалось, что если пункт о тройственном пакте не удовлетворит американцев, то Япония согласна выдвинуть дополнительные условия относительно толкования и применения тройственного пакта, а также разъяснить понимание вопроса о дискриминации в торговле, выдвинутого в предложениях «А»⁴⁰.

Таково вкратце содержание предложений «Б» («Оцу»), также свидетельствовавшее о неуступчивой позиции японских империалистов и о непримиримости японо-американских империалистических противоречий.

5 ноября 1941 г., вслед за предложениями «А» и «Б», Того направил Номура телеграмму, в которой сообщал, что они одобрены имперским совещанием, и предлагал, основываясь на них, начать переговоры. Посол был предупрежден, что в случае отклонения предложений «А» Япония намерена вручить последние предложения «Б».

Торопливостью и нервозностью была проникнута телеграмма, посланная в тот же день японскому послу в США. Она свидетельствовала о приближении кризиса в японо-американских переговорах и близости разрыва. В этой совершенно секретной телеграмме говорилось: «По различным обстоятельствам абсолютно необходимо все приготовления к подписанию соглашения закончить к 25 ноября. Я понимаю, что это трудный приказ, но при нынешних обстоятельствах его нельзя избежать. Поймите, пожалуйста, это в полной мере... Я прошу вас делать это с большой решимостью и не щадя сил.

⁴⁰ «Hearings...», part 12, p. 96—97.

ского инцидента». В заключение указывалось на важность внесения упомянутого пункта об Индокитае в проект японо-американского соглашения³⁸.

Принятие японских предложений о Китае и Индокитае означало бы признание неограниченного господства японских империалистов над этими важнейшими территориями.

Откладывая вопрос о выводе войск из Китая на неопределенное время, Япония фактически отказывалась от своих же собственных прежних предложений. Это означало, что японские империалисты и не собирались делать каких-либо уступок в китайском вопросе, а намеревались окончательно вытеснить своих тихоокеанских империалистических конкурентов из Китая и превратить его в свою колонию.

Аналогичный демагогический характер имели и японские предложения по другому спорному вопросу — индокитайскому. Лицемерием была проникнута декларация о «гарантии» территориального суверенитета Индокитая, * полностью оккупированного японскими войсками. Обещание вывести их с территории французской колонии после разрешения «китайского инцидента» или установления «справедливого мира» в Восточной Азии откладывало решение индокитайской проблемы на еще более неопределенный срок.

Предложение о признании японским правительством принципа отказа от дискриминации в международных торговых отношениях являлось новой попыткой восстановить нормальные торговые отношения с Соединенными Штатами, имевшие большое значение для накопления военно-стратегических запасов.

Рассмотрение предложений «А» показывает, что кабинет Тодзэ не предпринимал каких-либо реальных шагов к сближению точек зрения обеих сторон. Соглашение на базе японского проекта было невозможно. Это понимало и японское правительство, на том же совещании принявшее другое предложение, «Б», или план «Оцу»³⁹.

Второй план был еще менее приемлемым, чем первый. Его целью было создать впечатление, что Япония продолжает искать основу для соглашения с США, а на деле выиграть необходимое время для завершения подготовки к началу военных действий на Тихом океане.

В решении по поводу предложений «Б» указывалось, что, если обнаружится значительное расхождение между японской и американской точками зрения, обстоятельства не позволят еще более затянуть переговоры, необходимо представить второй, дополнительный план. Номура был предупрежден о том,

³⁸ «Hearings...», part 12, p. 95. — Предложение «А» см. также: 野村吉三郎, 米國に便して, 日本交渉の回顧, 東京, 一九四六年, 15—17頁 (далее — Номура Китисабуро, Байкоку-ни цукайсита...).

³⁹ «Токио сайбан ханкэцу...», стр. 249—251.

что «наша вторая формула является последней попыткой предупредить то, что может случиться». В проекте «Б», который подлежал передаче американцам в случае отклонения плана «А», предусматривалось согласие правительств Японии и США никогда не производить военного вторжения в какой-либо район Юго-Восточной Азии, за исключением Индокитая. Имелось в виду также взаимное сотрудничество обеих держав в приобретении необходимых им материалов в Индонезии. Япония предлагала отменить секвестр на японские фонды в США и обеспечить снабжение ее нефтью. Японское правительство настаивало на том, чтобы США взяли на себя обязательство не предпринимать каких-либо мер, которые могли бы стать препятствием для заключения мира между Японией и Китаем. Еще более неопределенно по сравнению с предыдущими предложениями формулировался пункт об эвакуации японских вооруженных сил из Китая. В предложениях «Б» говорилось, что, как только будет достигнуто взаимопонимание, а также мир между Японией и Китаем или в районе Тихого океана, Япония, если в том будет необходимость, дает обещание вывести свои войска. Далее указывалось, что если пункт о тройственном пакте не удовлетворит американцев, то Япония согласна выдвинуть дополнительные условия относительно толкования и применения тройственного пакта, а также разъяснить понимание вопроса о дискриминации в торговле, выдвинутого в предложениях «А»⁴⁰.

Таково вкратце содержание предложений «Б» («Оцу»), также свидетельствовавшее о неуступчивой позиции японских империалистов и о непримиримости японо-американских империалистических противоречий.

5 ноября 1941 г., вслед за предложениями «А» и «Б», Того направил Номура телеграмму, в которой сообщал, что они одобрены имперским совещанием, и предлагал, основываясь на них, начать переговоры. Посол был предупрежден, что в случае отклонения предложений «А» Япония намерена вручить последние предложения «Б».

Торопливостью и нервозностью была проникнута телеграмма, посланная в тот же день японскому послу в США. Она свидетельствовала о приближении кризиса в японо-американских переговорах и близости разрыва. В этой совершенно секретной телеграмме говорилось: «По различным обстоятельствам абсолютно необходимо все приготовления к подписанию соглашения закончить к 25 ноября. Я понимаю, что это трудный приказ, но при нынешних обстоятельствах его нельзя избежать. Поймите, пожалуйста, это в полной мере... Я прошу вас делать это с большой решимостью и не щадя сил».

⁴⁰ «Hearings...», part 12, p. 96—97.

Эта информация — только для вас, держите ее в строгом секрете»⁴¹.

В данной телеграмме японское правительство впервые назначило предельную дату переговоров, а следовательно, и дату их разрыва со всеми вытекающими последствиями военного характера. Вместе с тем телеграмма косвенно свидетельствовала о том, что Япония не рассчитывала на принятие предложений «А» и «Б». Таким образом, японское правительство сознательно шло к военной развязке, создавая лишь видимость желания найти выход из тупика, в который зашли вашингтонские переговоры. В случае отклонения Соединенными Штатами этих альтернативных предложений и истечения срока, указанного японским правительством для завершения японо-американских переговоров, решено было начать войну против США и Англии, призвать Германию и Италию принять участие в тихоокеанской войне на основе обязательств тройственного пакта и одновременно договориться с ними о том, чтобы не заключать сепаратного мира⁴².

Получив новые директивы от своего правительства, Номура 7 ноября вручил Хэллу альтернативный план «А», который, как и следовало ожидать, был отклонен, поскольку принятие его по существу означало капитуляцию США по всем спорным вопросам.

Хотя японские предложения «А» в интересах маскировки подлинных агрессивных целей не содержали никаких угроз и внешне носили «мирный» характер, американское правительство уже имело достаточно оснований, чтобы отнюдь не оптимистически оценивать перспективы развития японо-американских отношений. Многие японские шифротелеграммы перехватывались американской разведкой, и их содержание вскоре становилось известно Рузвельту и соответствующим правительственным чиновникам. Этим в значительной мере объясняется тот факт, что члены американского правительства в своих выступлениях констатировали весьма напряженное состояние взаимоотношений Японии и США.

Государственный секретарь США Хэлл 7 ноября сделал заявление, в котором подчеркнул, что отношения между Японией и США «находятся в исключительно критическом состоянии», а потому Япония в любой момент может начать новое военное выступление⁴³.

⁴¹ Ibid., p. 100.

⁴² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49543—49546.

⁴³ «Papers relating to the foreign relations of the United States, Japan: 1931—1941», vol. II, Washington, 1943, p. 359. 7 ноября 1941 г. Рузвельт созвал экстренное заседание правительства по вопросу о необходимости организовать отпор Японии, если последняя совершит нападение на Малайю или на Индонезию. Кабинет принял решение поддержать и обеспечить такие мероприятия всем необходимым (см.: «Hearings...», part II, p. 5420).

Реальность угрозы нападения Японии на США и Англию побудила Черчилля повторить заявление, сделанное во время свидания с Рузвельтом в Атлантике, о том, что в случае войны между Японией и США Англия немедленно объявит войну Японии⁴⁴.

О нарастании угрозы тихоокеанской войны отчетливо свидетельствовали решения совещаний руководящих японских военных и политических деятелей, обычно происходивших в присутствии императора, а также решения 77-й чрезвычайной сессии японского парламента.

Созданный в разгар подготовки войны «Комитет по координации действий», в состав которого вошли представители армейского и морского генеральных штабов и различных министерств, имевших прямое отношение к этой подготовке, принял на своем заседании 11 ноября решение о необходимости быстро уничтожить американские, английские и голландские базы на Дальнем Востоке, ускорить капитуляцию правительства Чан Кай-ши и создать «самообеспеченную» Японию, независимую от импорта необходимых товаров из англо-саксонских стран⁴⁵.

План, принятый «Комитетом по координации действий» менее чем за месяц до начала тихоокеанской войны, весьма показателен. В нем содержалось откровенное признание истинных целей японских империалистов: захватить базы США, Англии и Голландии на Тихом океане, перепределив тем самым быстрое завершение войны с ними; разгромить сначала Англию, а затем США и установить господство Японии в тихоокеанском бассейне; обеспечить Японию всеми необходимыми для большой войны военно-стратегическими ресурсами.

Совершенно явным было намерение Японии вовлечь в ловушку и полностью разгромить американский флот.

⁴⁴ Broadus Mitchell, *Depression decade. From new era through new deal 1929—1941*, vol. IX. (The economic history of the United States), New York, 1947, p. 402.

⁴⁵ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49551. — План, принятый «Комитетом по координации действий» 11 ноября 1941 г., был помечен грифом «государственная тайна» и охватывал «основные вопросы, связанные с проблемой быстрого завершения войны с США, Голландией и Чунцинским правительством».

В разделе плана, озаглавленном «Основные положения», говорилось: «Япония быстро проведет войну и уничтожит американские, английские и голландские базы в Восточной Азии и юго-восточной части Тихого океана, тем самым обеспечив себе господствующее в стратегическом отношении положение. Одновременно она приобретет районы, обильные жизненно необходимыми естественными богатствами, главными линиями коммуникаций, которые помогут обеспечить себя всем необходимым на длительный период. Мы приложим все усилия, чтобы в удобное время вовлечь в ловушку военно-морские силы США и уничтожить их» («Стенограмма Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 199, л. 69—70).

Усиление напряженности в японо-американских отношениях и ускорение темпов военных приготовлений Японии к нападению на США и Англию отразилось в дипломатической документации последних предвоенных недель.

14 ноября Номура направил в Токио кодированную телеграмму, в которой информировал правительство о состоянии японо-американских отношений⁴⁶. Он утверждал, что политика американского правительства на Тихом океане состоит в том, чтобы, применив экономические санкции, приостановить движение Японии на юг, и, более того, «любыми возможными средствами подготовиться к действительной войне». Однако, продолжал Номура, «в их намерения, я полагаю, не входит повторение Мюнхена... Я думаю, что вершина германских побед прошла»⁴⁷. Это заключение японского посла в Вашингтоне весьма знаменательно. Номура признал, что напряженность в японо-американских отношениях достигла такого предела, когда любой компромисс между Японией и США на «мюнхенской» основе и соглашение исключались. Наряду с этим японский посол сделал знаменательное признание относительно положения на советско-германском фронте, которое японские империалисты не могли не учитывать в течение всего периода происходивших в Вашингтоне переговоров. Накануне решающих сражений под Москвой Номура признал, что немецко-фашистские войска, натолкнувшись на все возрастающее сопротивление Советских Вооруженных Сил, уже не смогут добиться побед, которые они имели в прошлом.

Обращая внимание на помощь правительству Чан Кай-ши, оказываемую Соединенными Штатами, Номура лицемерно подчеркнул, что именно поэтому «китайская проблема может сделаться камнем преткновения в умиротворении Тихого океана»⁴⁸. Тем самым посол откровенно признал, что вопрос о Китае являлся важнейшим из всех спорных вопросов, подвергавшихся обсуждению в Вашингтоне.

Номура указал на вероятные последствия дальнейшего продвижения на юг, которое, по его мнению, неизбежно поведет к войне против США и Англии, причем эта война, бесспорно, будет длительной. Если начнутся военные действия, добавлял посол, то следует учитывать, что США могут в любой момент перевести свои главные силы на Тихий океан⁴⁹. Резюмируя общее состояние японо-американских отношений, японский посол заключил, что «положение становится весьма критическим»⁵⁰. О позиции правительства Тодзё в важнейшем вопросе — в вопросе о Китае — можно судить и по секретной теле-

грамме, направленной 14 ноября из Токио в Гонконг. В ней указывалось, что Япония намерена захватить все концессии американских и английских подданных в Китае даже в том случае, если они установят связь с новым китайским правительством. Указывалось также, что если резервы Японии и ее военной мощи истощатся в ходе длительной тотальной мировой войны, то они будут усилены за счет всего Дальневосточного района и в первую очередь за счет оккупированных районов Китая⁵¹. Факты свидетельствовали о том, что компромисс между Японией и США по китайскому вопросу стал невозможным: Япония рассчитывала не только захватить все позиции англо-американских соперников, но и монопольно грабить богатства Китая, чтобы обеспечить стратегические резервы, необходимые для новой войны на Тихом океане.

Другим центральным вопросом японо-американских переговоров оставался вопрос о тройственном пакте, и в нем также выявились значительное расхождение взглядов, невозможность найти общую формулу. Японцы настаивали на сохранении тройственного пакта и после подписания соглашения с Соединенными Штатами. Хэлл же в беседе с Номура и Вакасуги, состоявшейся 15 ноября, заявил, что Соединенные Штаты хотят заключить такое соглашение, одновременно с подписанием которого исчез бы тройственный пакт.

15 ноября в Вашингтон прибыл Курусу, в задачу которого входило, используя все дозволенные и недозволенные дипломатические приемы, разыграть последний, заключительный акт японо-американских переговоров. Весьма показательным, что Курусу выехал из Токио 5 ноября, когда правительство направило Номура шифротелеграмму, устанавливавшую предельную дату для подписания соглашения (25 ноября) и свидетельствующую о том, что Курусу был заблаговременно информирован о решении кабинета начать войну против США и Англии в определенный, благоприятный для Японии момент. В задачу Курусу, как было указано выше, и входило замаскировать последние военные приготовления. Характерно также и то, что в день прибытия Курусу в Вашингтон Номура получил из Токио директиву, предлагающую уничтожить шифры в случае наступления «чрезвычайных обстоятельств». Все это показывало, что японский посол должен был сыграть роль мотыльки японо-американских переговоров. Одновременно японское правительство продолжало торопить своих посланцев в Вашингтоне, требуя скорейшего завершения переговоров на основе внесенных ими предложений. Вместе с тем оно не скрывало от них, что в самом ближайшем будущем наступит резкий поворот в политике японской империи. Об этом свидетельствует перехваченная американцами шифротелеграмма от

⁴⁶ «Hearings...», part 12, p. 127—129.

⁴⁷ Ibid., p. 127—128.

⁴⁸ Ibid., p. 128.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Ibid., p. 129.

⁵¹ Ibid., 126—127.

16 ноября, направленная японским министром иностранных дел только для сведения Номура и Курусу. В ней говорилось: «В эти несколько дней решается судьба нашей империи. Поэтому старайтесь трудиться еще больше, чем когда-либо. Я указал в своей телеграмме (окончательную) дату для завершения переговоров, и никаких изменений не произойдет. Постарайтесь понять это. Времени осталось мало. Поэтому не позволяйте Соединенным Штатам уклоняться от рассмотрения наших предложений и оттягивать дальше переговоры. Оказывайте на них давление в целях завершения переговоров на базе наших предложений. Сделайте все от вас зависящее, чтобы добиться немедленного завершения переговоров»⁵².

17 ноября состоялась первая встреча Рузвельта и Хэлла с Номура и Курусу. С момента приезда в Вашингтон (15 ноября) Курусу стал руководить переговорами. В результате обсуждения важных вопросов выяснилось, что специальный представитель Японии не привез с собой каких-либо новых предложений, свидетельствовавших об уступках с ее стороны. Центральным вопросом японо-американских переговоров стал вопрос о тройственном пакте. Рузвельт утверждал, что пакт препятствует мирному разрешению всех спорных вопросов. Курусу отрицал его агрессивный, наступательный характер и лживо уверял, что Германия якобы не требует от Японии вступления в войну на ее стороне. Вместе с тем он заявил, что Япония намерена по своему усмотрению и без всякого вмешательства третьих держав самостоятельно решать вопрос о ее обязательствах вступить в войну в соответствии с тройственным пактом⁵³.

В ответ на заявление Курусу о необходимости найти пути к соглашению, которое улучшило бы взаимоотношения двух государств, Хэлл указал, что любое соглашение по вопросам Тихого океана не может иметь серьезного значения, пока Япония примыкает к тройственному пакту. Более того, он отметил, что формула «нового порядка» в Восточной Азии представ-

⁵² «Hearings...», part 34, p. 106. Двойственную, лицемерную линию японского правительства характеризует и другой документ — свидетельство японского летчика Сакамаки, совершившего в составе авиагруппы оперативного соединения одним из первых налет на Пёрл-Харбор. В своей книге «Я атаковал Пёрл-Харбор» он сообщает, что утром 16 ноября он и другие специально выделенные летчики были собраны в частном помещении морского командования базы Курэ. К собравшимся с речью обратился вице-адмирал Симидзу, который сказал: «Из штаб-квартиры генерального штаба императорского флота получены приказы. Мы должны быть в состоянии полной готовности к войне против Соединенных Штатов» (см.: Kazuo Sakamaki, *I attacked Pearl Harbor*, New York, 1949, p. 15). Курусу пытается извратить свою роль в вашингтонских переговорах, в своих мемуарах он утверждает, что делал все возможное для того, чтобы «предотвратить войну» см.: Курусу Сабуро, *Нирубэй гайко...*, стр. 174).

⁵³ «Hearings...», part 12, p. 142.

ляет иное обозначение программы установления насильственного господства Японии в районе Тихого океана в военном, политическом и экономическом отношениях. Когда же был затронут китайский вопрос, Курусу стал отстаивать планы оставления японских войск в Китае, мотивируя это «непреодолимыми трудностями», возникающими при эвакуации.

Кроме того, Курусу настаивал на отмене проводимой Соединенными Штатами экономической блокады в отношении Японии, на возобновлении прежних японо-американских торговых отношений и, в частности, на продолжении поставок американской нефти и нефтепродуктов.

В заключение беседы Курусу заявил, что в отношениях между двумя странами нет якобы каких-либо непреодолимых разногласий и поэтому есть возможность найти пути их улучшения. Посол заявил своих собеседников — Рузвельта и Хэлла, что премьер-министр Японии Тодзё, несмотря на то, что он является военным, будто бы искренне стремится к мирному урегулированию японо-американских отношений⁵⁴.

Тон и характер первой беседы с японскими послами не предвещали уступок со стороны Японии в обсуждении спорных вопросов, да и сообщения о военных приготовлениях Японии подтверждали дальнейшее усиление угрозы нападения. В тот же день, 17 ноября, американский посол в Токио Грю телеграфировал Хэлли о том, что Япония, вероятно, применит какой-либо неожиданный тактический маневр и что в данное время она концентрирует свои силы на Тайване. Эти данные позволяли предположить, что японское командование намерено организовать новые операции в южной части Тихого океана⁵⁵.

Чрезвычайно важным документом, свидетельствующим о нарастании угрозы военного выступления Японии, является циркуляр, направленный 19 ноября из Токио послам Номура и Курусу для сведения и руководства. В нем говорилось: «В случае наступления чрезвычайного положения (опасности разрыва наших дипломатических отношений) и нарушения международных связей, во время ежедневных радиопередач последних известий на японском языке будут переданы следующие сигналы:

- 1) в случае опасности в японо-американских отношениях: Хигаси-но кадзэ амэ (Восточный ветер, дождь);
- 2) японо-советских отношений: Кита-но кадзэ кумори (Северный ветер, облачно);
- 3) японо-английских отношений: Ниси-но кадзэ харэ (Западный ветер, ясно).

Эти сигналы будут даны в середине и в конце прогноза погоды, и каждое предложение будет повторено дважды. Как

⁵⁴ «Peace and war...», p. 789—792.

⁵⁵ «Hearings...», part 34, p. 150.

только Вы услышите сигнал, пожалуйста, уничтожьте все кодовые документы. Это должно быть в строжайшем секрете»⁵⁶.

Вслед за ним последовал в тот же день циркуляр № 2354, который несколько упрощал сигнализацию в эфир о направлении военного удара. В нем указывалось, что в случае опасности в японо-американских отношениях в начале и конце обших радиопередач будет добавлено слово «хигаси» (восток), в японо-советских отношениях — «кита» (север) и в японо-английских отношениях (включая Таиланд, Малайю и Индонезию) — «нисси» (запад). Эти сигналы должны были повторяться пять раз в течение всей передачи⁵⁷.

Оба циркуляра, перехваченные американцами, представляли документы, подтверждавшие намерение японских империалистов развязать войну, несмотря на переговоры. Весьма характерно, что, осуществляя широкие военные приготовления, японцы исходили также из возможности нападения на Советский Союз. Строжайшее указание уничтожить все секретные документы являлось доказательством окончательного решения Японии начать войну в одном из указанных направлений. Следует учесть, что инструкции были даны в преддверии решающих сражений за Москву, а потому японские империалисты, все еще верившие в «молниеносную войну», считали нужным ввести предупредительный сигнал на случай кризиса японо-советских отношений. Лишь последующие события на советско-германском фронте, вскрывшие крах гитлеровского «блицкрига», а также ход японо-американских переговоров решили вопрос, в каком направлении в первую очередь наиболее выгодно начать военное нападение.

Тем временем японо-американские переговоры в Вашингтоне продолжались. 18 ноября состоялась встреча Курусу с Хэллом, во время которой вновь обсуждались вопросы о тройственном пакте, Китае, Индокитае и замораживании японских фондов в Соединенных Штатах⁵⁸.

Хэлл выразил сомнение в возможности заключения соглашения с Японией, а также в реальности улучшения японо-американских отношений, поскольку Япония связана тройственным пактом с Германией и Италией. Он дал понять, что лишь аннулирование этого пакта сможет привести к радикальному улучшению отношений двух держав. Однако Курусу, отметив настойчивое желание Японии якобы достичь соглашения с США, всячески оправдывал закономерность существования пакта и его значение. Он утверждал, что Япония, вступая в тройственный союз, преследовала свои собственные цели и во все не собиралась быть орудием в руках германского партне-

⁵⁶ «Hearings...», part 12, p. 154.

⁵⁷ Ibid., p. 155.

⁵⁸ «Peace and war...», p. 792—799.

ра. Указав, что проблема улучшения японо-американских отношений будто бы не касается проблемы тройственного союза, Курусу, однако, отказался дать какие-либо заверения относительно его аннулирования.

Переходя к обсуждению китайского вопроса, Курусу заявил, что 90% японских солдат, возможно, будут выведены из Кинтай, остальные же 10% должны остаться в Бэйпин—Тяньцзиньском районе на основе «прав», предоставленных «заключительным» протоколом 1901 г. Кроме того, японский посол пытался доказать, что, несмотря на сохранение части войск в Китае, Япония якобы искренне желает разрешить «китайский инцидент». Он обещал, что после окончания японо-китайского конфликта для Японии создастся возможность осуществлять более «либеральную» политику, хотя он и не был уполномочен своим правительством дать какие-либо гарантии в этом отношении.

Обычным для японской агрессивной дипломатии лицемерием было проникнуто заявление Курусу по индокитайскому вопросу. Он указал, что Япония намерена вывести свои войска из Индокитая, но только тогда, когда будет разрешена тихоокеанская проблема.

Японский посол вновь просил пересмотреть вопрос о замораживании японских фондов в США и наложении эмбарго на вывоз необходимых материалов в Японию, которые, по его мнению, были вызваны японской активностью в Индокитае.

Позиция Курусу, высказанная им в беседе с Хэллом 18 ноября, показывала твердую решимость японских милитаристов не уступать Соединенным Штатам по таким важным вопросам, как тройственный пакт и вопрос о Китае. Одновременно специальный посол сделал попытку создать впечатление уступчивости Японии по некоторым из обсуждавшихся вопросов. Естественно, что прямолинейная тактика — полный отказ принять за основу любые предложения американцев — оказалась бы препятствием Курусу в осуществлении его «миссии обмана». Облегчить ее выполнение могла лишь видимость уступок и якобы действительного намерения японцев завершить, наконец, продолжавшиеся столь длительное время переговоры.

На первый план был выдвинут вопрос о выводе японских вооруженных сил из южной части Индокитая. Японцы сознательно поддерживали обсуждение этого частного вопроса, умалчивая о более существенных (Китай, тройственный пакт). 19 ноября правительство Японии направило своим послам в Вашингтон телеграмму, в которой заявило о готовности вывести войска из Южного Индокитая при условии отмены акта о замораживании японских фондов⁵⁹.

⁵⁹ «Hearings...», part 12, p. 158.

Одновременно японское правительство дало указание послам Номура и Курусу представить Хэллу предложения «Б» («Оцу»), предупредив, что ни на какие другие уступки нельзя больше рассчитывать. Если же согласие Соединенных Штатов не будет получено, то переговоры должны быть прерваны⁶⁰. Выполняя эту директиву, японские послы 20 ноября вручили американским делегатам предложение «Б»⁶¹. Со всеми изменениями, происшедшими со времени его принятия в Токио, эти предложения сводились к следующему.

В дополнение к плану «А», предлагавшему признать оборонительный, «мирный» характер тройственного пакта, эвакуировать японские войска из Китая и Индокитая без указания срока и взаимно (т. е. Японии и США.— Д. Г.) отказаться от дискриминации в международных отношениях, в особенности в Китае и на Тихом океане в предложении «Б» говорилось, что правительства обеих стран взяли на себя обязательство не продвигать свои войска в районы Юго-Восточной Азии и южной части Тихого океана. Вывести свои войска Япония по-прежнему соглашалась либо по восстановлении мира между Японией и Китаем, либо по установлении «справедливого» мира на Тихом океане.

Однако и это согласие ограничивалось: Япония выражала готовность вывести свои войска, находящиеся в южной части Индокитая и перебросить их на север страны, но лишь при условии, если данное соглашение будет принято в целом.

Японские предложения предусматривали сотрудничество обеих стран в приобретении и эксплуатации естественных ресурсов в Индонезии, а также восстановление торговых отношений, существовавших до издания приказов о «замораживании» японских фондов.

Кроме того, японское правительство настаивало, чтобы США снабжали Японию нефтью в необходимом количестве.

Важное место в новом проекте занимал китайский вопрос. В нем содержалось требование, чтобы правительство США полностью отказалось от каких бы то ни было мер и действий, «которые могли бы нанести ущерб попыткам восстановить общий мир между Японией и Китаем»⁶². В отличие от плана «А» японские предложения от 20 ноября уже не включали пункта об эвакуации японских войск из Китая.

Во время беседы, состоявшейся при вручении нового проекта соглашения, Хэлл вновь предложил обсудить вопрос о тройственном пакте и японском «новом порядке» в Восточной Азии.

⁶⁰ Ibid., part 35, p. 651.

⁶¹ Курусу Сабуро, *Нитибэй гайко...* стр. 135.

⁶² Текст предложений от 20 ноября 1941 г. см.: 田口武男, 東亞日本の建設, 東京, 一九四二年, 447—448頁 (план — Тагучи Такэо, *Тол нихон-но кансин*); «Documents on American foreign relations», vol. IV, July 1941—June 1942, Boston, 1942, p. 518—519.

В беседе с государственным секретарем Курусу заявил, что Япония не может аннулировать тройственный пакт⁶³.

Предложение «Б» показывало, что позиция Японии становилась еще более непримиримой, а японские дипломаты Курусу и Номура — все более неуступчивыми. Японские империалисты требовали радикальных уступок со стороны США и добивались, чтобы все предложения Японии по важнейшим вопросам — Китай, Индокитай, тройственный пакт, снабжение Японии необходимым военно-стратегическим сырьем, в особенности нефтью — были приняты. Японское правительство предлагало также отменить все распоряжения американского президента о наложении секвестра на японские фонды в Соединенных Штатах.

Принятие японского предложения «Б», которое в японских шифротелеграммах называлось как «последнее», означало бы по существу согласие Соединенных Штатов на безраздельное господство Японии в Китае, на установление «нового порядка» в Восточной Азии и юго-западном районе Тихого океана и, следовательно, полный отказ американских монополий от эксплуатации богатейших ресурсов Китая, Индокитая и Индонезии. Предложение Японии, переданное 20 ноября, наиболее полно отражало остроту японо-американских империалистических противоречий в борьбе за господство на Дальнем Востоке и в тихоокеанском бассейне. Оно чрезвычайно отчетливо выражало стремление японских империалистов спровоцировать разрыв вашингтонских переговоров и начало войны на Тихом океане⁶⁴.

Вопросы, связанные с подготовкой войны, стали предметом обсуждения на 77-й чрезвычайной сессии японского парламента, 15—21 ноября 1941 г. 77-я парламентская сессия может быть с полным основанием названа сессией непосредственной подготовки войны, в частности войны на Тихом океане. Ведущие министры нового кабинета выступили с программными заявлениями по внешнеполитическим вопросам, например о политике в отношении англо-саксонских держав и Китая.

Тодзё в своей речи заявил, что его правительство полно решимости предпринять все необходимые меры для реализации «твердой национальной политики». Политика Японии, по его мнению, должна преследовать следующие цели: устранить попытки третьих держав воспрепятствовать осуществлению намеченной Японией программы в Китае; ликвидировать такие враждебные акты, как экономическая блокада, осуществляе-

⁶³ «Peace and war...», p. 799—801.

⁶⁴ Видный чиновник государственного департамента Баллантайн пишет, что предложения Японии от 20 ноября 1941 г. рассматривались в США как «ультиматум» (см.: Joseph W. Ballantine, *Mukden to Pearl Harbor...*, p. 662).

мая иностранными державами; предотвратить распространение европейской войны на Дальний Восток⁶⁵.

Тодзё особо ополчился против экономической блокады, проводимой США, заявив, что она является «враждебным мероприятием», не менее серьезным, чем вооруженные столкновения». Поскольку Япония стоит перед лицом серьезного кризиса, указал японский премьер-министр, она не потерпит более подобного положения и будет вынуждена прибегнуть к плану действий, который сможет обеспечить ее «коренные интересы».

Провозглашенные Тодзё цели недвусмысленно говорили о наступательном характере программы нового правительства. Более того, речь имела цель форсировать военную развязку в Тихоокеанском бассейне. Не случайно буржуазная газета «Асахи» писала, что если принципы политики Японии, выдвинутые на 77-й парламентской сессии, не будут приняты Соединенными Штатами, то Япония «должна быть готовой к худшему»⁶⁶.

В качестве военного министра Тодзё охарактеризовал положение в Китае, призвав к продолжению военных действий и построению «нового Китая»⁶⁷. Военно-морским операциям в связи с «китайским инцидентом», в частности блокаде побережья Китая, была посвящена речь морского министра Симата Сигэтаро⁶⁸. Министр иностранных дел Того Сигэнори призывал к скорейшему построению «нового порядка» и урегулированию «китайского инцидента»⁶⁹. Министр финансов Кая Окинобу говорил о необходимости увеличения экономических сил «национальной обороны»⁷⁰.

Парламентская сессия менее чем за неделю приняла все законопроект, внесенные правительством. Она одобрила также дополнительные ассигнования в сумме 3,8 млрд. иен на чрезвычайные военные расходы⁷¹.

Премьер-министр Тодзё в заключительной речи при закрытии сессии, 21 ноября, призывал к решительному осуществлению «национальной политики», что было равнозначно скорейшему разрешению всех спорных вопросов военным путем⁷².

Значение чрезвычайной 77-й сессии японского парламента состояло главным образом в том, что она одобрила внешнепо-

⁶⁵ Речь премьер-министра на 77-й чрезвычайной парламентской сессии см.: 大東亞戰事特輯, 帝國議會自第七十七至第八十拓務議事詳録, 東京, 一九四二年, 7—8頁, (далее — «Дайтоа сэисо токусю...»); «Contemporary Japan», 1941, № 12, p. 1645—1651.

⁶⁶ «Асахи» (朝日), 1941, 19 ноября.

⁶⁷ «Дайтоа сэисо токусю...», стр. 1—3.

⁶⁸ Там же, стр. 3—4.

⁶⁹ Там же, стр. 8—10.

⁷⁰ Там же, стр. 10—13.

⁷¹ 毎日經濟年史, 一九四四年, 大阪, 243頁.

⁷² 東條英機, 首相演説集, 大東亞戰爭に直面して, 東京, 一九四二年, 110—112頁.

литический курс правительства и санкционировала его мероприятия, направленные на обеспечение войны в Китае и развязывание новой авантюристической войны в двух направлениях: против СССР или против США и Англии.

Тем временем взаимоотношения между Японией и США становились все более напряженными.

Еще 15 ноября Того послал японскому консулу в Гонолулу шифротелеграмму, в которой отмечал исключительно критический характер японо-американских отношений и предлагал посылать «сообщения о судах в гавани» (Пёрл-Харбор.— Д. Г.) не менее двух раз в неделю, соблюдая при этом крайние меры предосторожности для сохранения секретности⁷³. 18 ноября Того направил в Гонолулу другую телеграмму, в которой предлагал строго секретно информировать о нахождении на якоре судов в зоне Пёрл-Харбора, в Манильской бухте и в районах, прилегающих к ним⁷⁴.

Телеграммы министра иностранных дел, посланные в Гонолулу в период с 15 по 18 ноября, показывали, что японские империалисты настойчиво и тщательно изучали районы предстоящих морских сражений (Пёрл-Харбор, Манила).

О реальности готовившегося нападения свидетельствовал также приказ главнокомандующего Объединенным флотом адмирала Ямамото, который предусматривал продвижение авангардных сил, намеченных для атаки, в район, где они должны были находиться в полной боевой готовности, чтобы в случае возникновения военных действий «оказаться способными встретить ситуацию»⁷⁵. Военно-морским и военно-воздушным силам, базирующимся на авианосцах, был отдан приказ занять исходные позиции для выступления против США и Англии.

Подготовка к войне, проводившаяся в тесном контакте с министерством иностранных дел, оказала соответствующее воздействие на ход японо-американских переговоров.

22 ноября Того направил обоим японским послам в Вашингтон шифротелеграмму, в которой говорилось: «Нам крайне трудно изменить дату, установленную в моей телеграмме за № 736... Я знаю, что вы работаете усердно. Оставайтесь верными нашей установленной политике и делайте все, что возможно. Не жалейте сил и постарайтесь добиться желаемого вами решения. По причинам, о которых вы не можете дога-

⁷³ «Hearings...», part 37, p. 687.

⁷⁴ Ibid., p. 688, 694.

⁷⁵ «Hearings...», part 1, p. 179.— Приказ Ямамото последовал после получения им 22 ноября приказа морского генерального штаба, в котором ему предлагалось определить позиции флота для выполнения операций и предоставлялось право использовать силы для «самообороны», если его флот подвергнется нападению американских, английских или голландских сил в процессе подготовки к военным действиям [см.: Mitsuo Fuchida, I led the air attack on Pearl Harbor («United States naval institute proceedings», vol. 78, 1952, № 9), p. 940].

даться, нам желательно урегулировать японо-американские отношения к 25-му числу. Но если вы сумеете закончить ваши разговоры с американцами в течение ближайших трех-четырёх дней и подписать соглашения к 29-му (пишу только для вас — к двадцать девятому), если к этому времени будет совершен обмен соответствующими нотами и мы добьемся взаимопонимания с Великобританией и Голландией: короче говоря, если все может быть закончено, то мы примем решение ждать до указанной даты. Мы хотим сказать, что эта предельная дата ни в коем случае не может быть изменена. После этого события будут развиваться автоматически. Учтите, пожалуйста, это самым внимательным образом и трудитесь упорнее, чем когда-либо. Настоящее сообщение предназначено только для вас — двух послов»⁷⁶. Телеграмма Того свидетельствовала о том, что, хотя вопрос о войне против США и Англии был уже решен, японское правительство считало крайне важным сохранять видимость желаний завершить вашингтонские переговоры. По его мнению, такая тактика должна была максимально обеспечить эффективность нападения.

Изменение даты завершения переговоров в Вашингтоне объяснялось, по-видимому, тем, что понадобился какой-то дополнительный срок для приведения военно-морских и военно-воздушных сил в полную боевую готовность, чтобы нанести удар наверняка. Японским дипломатам разрешалось окончить переговоры на четыре дня позднее указанного ранее срока. Курусу и Номура были предупреждены о том, что в случае неудачи их миссии военная машина будет пущена в ход и оружие силы заменит усилия дипломатии.

Приведенная выше телеграмма была перехвачена американцами, и содержание ее через несколько часов стало известно правительству США; не оставалось никаких сомнений, что японские империалисты пойдут на разрыв переговоров и войну, если Соединенные Штаты не примут предложений, переданных 20 ноября Курусу и Номура. Впоследствии, давая показания на заседании «Объединенной комиссии» конгресса, созданного для расследования обстоятельств, приведших к нападению на Пёрл-Харбор, Хэлл заявил: «Из перехваченной телеграммы от 22 ноября мы имели бесспорные доказательства, что японское правительство инструктировало своих представителей о том, что их условия должны были быть приняты безоговорочно и в пределах определенного лимита времени — до 29 ноября. Читая эту телеграмму, я и мои помощники не могли не прийти к заключению, что японцы решили произвести напа-

⁷⁶ Закончить переговоры к 25 ноября 1941 г. («Hearings...», part 11, p. 5398. — Курусу в своих мемуарах подтверждает получение им телеграммы о необходимости завершить подписание соглашения с США к 25 ноября (см.: Курусу Сабуро, *Нитибэй гайко...*, стр. 120).

дение в случае, если США не сделают радикальных уступок»⁷⁷.

Выдвигая явно неприемлемые условия, Курусу в соответствии с инструкциями правительства пытался создать впечатление возможности мирного урегулирования военного конфликта, грозившего разразиться на Тихом океане, и одновременно выяснить готовность США пойти на новые уступки.

В целях обеспечения максимальной эффективности военного нападения японское правительство принимало меры дипломатического характера, стараясь заблаговременно обеспечить поддержку своих соратников по тройственному союзу. 24 ноября Того направил послу в Берлин циркулярную телеграмму, в которой сообщал, что японо-американские переговоры приближаются к последней стадии и что ожидается внезапный дипломатический разрыв отношений с США и Англией. Поэтому возникает необходимость в усилении сотрудничества держав тройственного союза. Япония со своей стороны принимает меры для устранения любых препятствий, мешающих сохранению и действительности тройственного пакта⁷⁸. Близость войны подтверждалась окончательным утверждением «Гавайской операции» и началом проведения ее первого этапа.

Разработка и утверждение «Гавайской операции» проходили в обстановке борьбы между руководителями японского военно-морского флота. В военно-морских кругах не было единого мнения по вопросу о нападении на США. Даже морской министр адмирал Симада Сигэтаро считал, что если бы США совершили нападение первыми, то вступление Японии в войну представилось бы вынужденным, и правящие круги США не имели бы оснований для оправдания своих действий и не располагали бы моральным преимуществом. Симада полагал, что, поскольку США рано или поздно должны были вступить в войну против Японии, последней не следовало бы брать на себя инициативу нападения⁷⁹.

План «Гавайской операции», разработанный штабом Объединенного флота под руководством адмирала Ямамото, встретил возражения морского генерального штаба, в частности его руководителя адмирала Нагано и одного из начальников отделов — вице-адмирала Фукудомэ⁸⁰.

⁷⁷ «Hearings...», part 11, p. 5411—5412.

⁷⁸ Ibid., part 35, p. 672.

⁷⁹ Shigeru Fukudome, *Hawai operation*, p. 1316.

⁸⁰ Ibid., p. 1318, 1319—1320. — Фукудомэ во время предварительного обсуждения с вице-адмиралом Ониси плана «Гавайской операции», учитывая трудности ее проведения, считал, что успех ее может быть обеспечен лишь на 40% (Ониси оценивал ее успех на 60%). Он далее продолжал: «...если бы мне с самого начала поручили изучать идею нападения (на Пёрл-Харбор.— Д. Г.) вместо Ониси, я, конечно, рекомендовал бы Ямамото отказаться от «Гавайской операции» (см.: Shigeru Fukudome, *Hawai operation*, p. 1318).

Морской генеральный штаб Японии выдвинул против «Гавайской операции» целый ряд возражений. Внезапность действия, без чего успех был бы невозможен, ставилась под сомнение. Непременным условием внезапного нападения считалось скрытое движение японских боевых сил. Но ввиду большого масштаба операции — 60 судов — и необходимости скрытно переправить их в восточную часть Тихого океана за месяц до начала войны, ввиду вероятности встречи японских оперативных сил с судами враждебных или нейтральных стран, сохранение секретности признавалось невозможным.

В числе возражений назывался и риск, связанный с выполнением «Гавайской операции». Чиновники морского генерального штаба указывали далее, что морские суда, участвующие в ней, должны запастись топливом в море, на пути к исходному пункту для нападения на американский флот, причем эсминцам надлежало сделать это по крайней мере дважды. Однако возможность погрузки топлива в море ограничивалась метеорологическими условиями. Радиообмен по вопросу приема топлива по пути следования немедленно нарушил бы секретность продвижения оперативных сил к Пёрл-Харбору.

Наряду с этим морской генеральный штаб утверждал, что «Гавайская операция» невозможна и вследствие неизбежности обнаружения японских оперативных сил патрулирующими самолетами противника в пункте, с которого намечалось атаковать военные объекты Пёрл-Харбора. Отдел радиоразведки морского генерального штаба подтверждал, что американские вооруженные силы ежедневно патрулируют в воздухе на расстоянии 600 миль от острова Оаху. Поэтому японские авианосцы, в задачу которых входило подойти к пункту, отстоящему от цели на 200 миль, будут контратакованы противником до начала нападения.

Несмотря на возражения морского генерального штаба, подготовка к «Гавайской операции» началась еще в августе 1941 г., когда Ямамото организовал учение флота во Внутреннем Японском море.

Во второй половине августа офицеры флота генерального штаба получили приказ о проведении военных игр. Цель их состояла в том, чтобы проверить результаты майских тренировок в заливе Кагосима и окончательно оформить оперативные планы тихоокеанской войны, имея в виду в первую очередь внезапное нападение на Пёрл-Харбор.

С августа 1941 г. производилась также интенсивная подготовка авиагрупп оперативного соединения, выделенных для внезапного нападения на главную морскую базу США на Гавайских островах.

В течение 2—13 сентября проходили особые совещания по вопросам составления военных планов, в результате кото-

рых был разработан основной приказ, впоследствии получивший название приказа № 1 по Объединенному флоту.

Продолжая настаивать на проведении операции, Ямамото вновь направил в Токио своих штабных офицеров во главе с контр-адмиралом Угаки, чтобы получить, наконец, санкцию морского генерального штаба на «Гавайскую операцию». Он поручил своим посланцам передать, что если война вспыхнет по инициативе США и Англии, то южная операция Японии будет немедленно раскрыта и японский фланг окажется под серьезной угрозой. Ямамото подчеркивал, что «Гавайская операция» абсолютно необходима для успешного завершения операций, намеченных на юге.

Настойчивость Ямамото привела, наконец, к тому, что адмирал Нагано формально одобрил план проведения «Гавайской операции»⁸¹. Затем этот план получил одобрение императорской ставки, и адмирал Ямамото приступил к осуществлению его первой части.

В окончательном виде план «Гавайской операции» сводился к следующему. Основная цель операции состояла в том, чтобы произвести комбинированное внезапное нападение на Пёрл-Харбор и вывести из строя главные силы американского флота на Тихом океане. Это обеспечило бы развертывание японских вооруженных сил в юго-западном районе тихоокеанского бассейна для захвата важнейших владений США, Англии и Голландии, имеющих большое стратегическое и экономическое значение. Сокрушительный удар по тихоокеанскому флоту США рассматривался как неременное условие, обеспечивающее быстрое продвижение японских вооруженных сил в районе Южных морей.

Вооруженные силы Японии, предназначенные для проведения «Гавайской операции», подразделялись на две группы: 1) оперативное соединение, предназначенное для воздушного нападения и 2) подводные силы. Командиром группы был назначен командующий 1-м воздушным флотом вице-адмирал Нагумо Тюити⁸².

Главный удар по американскому флоту намечалось произвести силами авиации, подводным силам отводилась второстепенная роль.

Большое внимание уделялось специальной боевой подготовке летного состава авиагрупп 1-й, 2-й и 5-й дивизий авианосцев, вошедших в оперативное соединение. Подготовка авиационных сил была завершена к концу ноября.

В состав оперативного соединения (или сил особого назначения) вошло 33 военных корабля, в том числе шесть авианосцев («Акаги», «Сорю», «Дзуйкаку», «Кага», «Хирю» и

⁸¹ Ibid., p. 1320—1321.

⁸² Ibid., p. 1324.

«Сёкаку»), на авиацию которых была возложена задача атаковать с воздуха американские корабли, находившиеся в Пёрл-Харборе; их прикрывали: один легкий крейсер («Абукума») и девять эскадренных миноносцев («Уракадзэ», «Хамакадзэ», «Арарэ», «Исокадзэ», «Акигумо», «Кагэро», «Тоникадзэ», «Касуми», «Сирануи»); для поддержки были приданы два линейных корабля («Киришима», «Хиэй») и два тяжелых крейсера («Тонэ», «Тикума»). На авианосцах находилось 360 самолетов, в том числе 239 бомбардировщиков (из них 40 торпедоносцев и 135 пикирующих), 81 истребитель и другие типы военных самолетов⁸³. В составе соединения были также три подводные лодки (И-19, И-21, И-23), имевшие задачу патрулировать пути следования торговых судов; в целях обстрела авиабазы на острове Мидуэй и нейтрализации острова в соединении были включены два эскадренных миноносца («Акэбонэ», «Усно»); наконец, для снабжения горючим были приданы: 1-й отряд снабжения в составе пяти танкеров («Кэниё Мару», «Синкоку Мару», «Кёкуто Мару», «Акэбонэ Мару», «Кокуё Мару») и 2-й отряд снабжения в составе трех танкеров («Того Мару», «Тозэй Мару», «Ниппон Мару»).

В середине ноября 1941 г. началось проведение первой части «Гавайской операции» с задачей сосредоточить специальные части авиации и подводного флота на исходных позициях для нападения.

По указанию Ямамото соединение Нагумо в течение 19—18 ноября несколькими группами и поодиночке покинуло свою базу в бухте Саэки (порт Курэ) и 22 ноября закончило сосредоточение в бухте Хитокаппу, на южном побережье острова Итуруп (Курильские острова)⁸⁴. 25 ноября Ямамото издал приказ, детально определявший действия оперативного соединения Нагумо на пути движения к исходному району для нападения на Пёрл-Харбор. В нем наряду с инструкциями содержались весьма важные указания на то, что в случае благоприятного исхода японо-американских переговоров нападение на США и Англию отменялось и всем силам Объединенного флота надлежало немедленно вернуться на свои базы⁸⁵.

В 6 часов вечера 26 ноября оперативное соединение вышло из бухты Хитокаппу и направилось к заранее намеченному пункту в море для приема топлива, который и был про-

⁸³ «Кампании войны на Тихом океане. Материалы комиссии по изучению стратегических бомбардировок авиации Соединенных Штатов», М., 1956, стр. 28. — Детальные данные об организации оперативного соединения Нагумо (см.: Shigeru Fukudome, *Hawaii operation*, p. 1325).

⁸⁴ Залив Хитокаппу, ныне залив Касатка (известен также как Танкан или Танкаппу); его координаты: 44°58' северной широты и 147°41' восточной долготы.

⁸⁵ Текст приказа адмирала Ямамото от 25 ноября см. «Кампании войны на Тихом океане...», стр. 22. — Путевую карту оперативного соединения см. там же, стр. 29.

изведен 3 декабря. Вслед за этим соединение начало движение к исходному пункту для нападения на Пёрл-Харбор⁸⁶.

Подводные силы, предназначенные для взаимодействия с соединением Нагумо, должны были не только топить суда противника, получившие повреждение во время воздушного нападения, но и не пропускать подкреплений, посылаемых с западного побережья. Кроме того, им поручалось вести разведку водного района Гавайских островов⁸⁷. Подводное соединение состояло из 27 подводных лодок и находилось под командованием вице-адмирала Симидзу Мицуми, командующего 6-м флотом⁸⁸. В состав подводных сил Симидзу входило пять океанских крейсерских подводных лодок типа «И» отряда специального назначения (И-16, И-18, И-20, И-22 и И-24). На борту каждой из них в специальных трубах находилось по одной сверхмалой подводной лодке водоизмещением в 24 т, которые должны были проникнуть в бухту Пёрл-Харбор и атаковать американские корабли (к началу тихоокеанской войны в Японии было построено 20 сверхмалых подводных лодок)⁸⁹.

Как только началось движение оперативного соединения Нагумо, с разных направлений к Гавайским островам двинулись подводные лодки. 18 ноября из Курэ вышел отряд под командованием Сасаки Ханку, состоявший из пяти подлодок типа «И». Им предстояло в подводном положении пройти Внутреннее Японское море и пролив Бунго, выйти в Тихий океан и направиться к Гавайским островам. Лодки двигались с интервалом в 20 миль. Одновременно из Иокосука вышли два отряда (1-й и 2-й) в составе 11 подводных лодок, которые направились на север с задачей пройти между Алеутскими островами и островом Мидуэй. 3-й отряд в составе девяти подводных лодок направился из Кваджелейна к Гавайским островам, идя курсом между атоллom Джонстон и островом Хаулэнд⁹⁰. В целях полного сохранения секретности движение подводных лодок, в особенности днем, проходило главным образом в подводном положении⁹¹. Оперативные соединения Нагумо и Симидзу на пути к исходному пункту для нападения на Пёрл-Харбор получали сообщения, ориентировавшие их и

⁸⁶ Shigeru Fukudome, *Hawaii operation*, p. 1325.

⁸⁷ *Ibid.*, p. 1326.

⁸⁸ *Ibid.*, p. 1326. Там же см. организацию подводных сил соединения Нагумо.

⁸⁹ Shigeru Fukudome, *Hawaii operation*, p. 1328, 1329. Первые типы сверхмалых подводных лодок имели: длину—25 м, диаметр—2 м, подводное водоизмещение—50 т, торпедных трубок—2, торпед—2, подводную скорость—19 узлов, радиус действия—8 часов медленного хода после 50-минутного подводного хода в 19 узлов; судовая команда—2 человека (см.: Shigeru Fukudome, *Hawaii operation*, p. 1329).

⁹⁰ Мотицура Хасимото, *Потопленные. Японский подводный флот в войне 1941—1945 гг.*, М., 1956, стр. 31—32.

⁹¹ Shigeru Fukudome, *Hawaii operation*, p. 1326.

подтверждавшие прежние приказы. 26 ноября им было передано сообщение о том, что успешное завершение японо-американских переговоров невозможно. 2 декабря они получили зашифрованную телеграмму от Ямамото, в которой говорилось: «Поднимайтесь на гору Нитака». Эти слова означали подтверждение даты начала военных действий, указанной в приказах № 2 и 3 по Объединенному флоту, и сохранение в силе решения Японии произвести нападение на США. В дополнительном сообщении от 2 декабря содержались также данные о составе американского флота в Пёрл-Харборе⁹².

Хотя американская разведка и имела код к японским шифротелеграммам, японское командование сумело сохранить в полной тайне движение оперативных соединений Нагумо и Симидзу. Однако в распоряжении правительства США было достаточно других данных о непосредственной подготовке Японии к нападению.

В условиях усиливавшейся напряженности в отношениях между Японией и США продолжались вашингтонские переговоры, все более приближавшиеся к критической кризисной стадии. Правительство США интенсивно разрабатывало ответ на последние японские предложения «Б» от 20 ноября. Хэлл показал на «Объединенной комиссии»: «Чтобы как-нибудь преодолеть создавшееся положение, мы выработали проект модус вивенди (временного соглашения. — Д. Г.), имея в виду включить его в качестве составной части нашего ответа японцам для общего соглашения, касающегося всего Тихого океана»⁹³.

Заявление Хэлла, отражавшее точку зрения правительства, имело целью отсрочить нападение Японии, чтобы суметь наилучшим образом подготовиться к нему. Заявление это отнюдь не предполагало найти приемлемую основу для соглашения с Японией. Чтобы убедиться в правильности этого заключения, достаточно обратиться к рассмотрению последних контрпредложений Соединенных Штатов.

Ответ Соединенных Штатов на японские предложения «Б», в котором формулировались основные пункты возможного соглашения между двумя странами, был вручен Хэллом японским послам 26 ноября 1941 г.⁹⁴

Вручая Курусу и Номура контрпредложения США, Хэлл особо обратил внимание японских дипломатов на тройствен-

⁹² Ibid.

⁹³ «Hearings...», part 11, p. 5412.

⁹⁴ «United States relations with China», Department of State publication, New York, 1949, p. 464—466; см. также: «Тайхэй сэнсоси», т. III, стр. 275—276. Курусу в своих мемуарах утверждает, что Хэлл подготовил другой компромиссный план, но в последний момент правительство США от него отказалось и японским послам была вручена нота от 25 ноября (см. Курусу Сабуро, *Нитубэй гайко...*, стр. 175).

ный пакт и обязательства, вытекавшие из него. От имени своего правительства он настаивал на том, чтобы Япония приняла обязательства воздержаться от выступления против Соединенных Штатов, если последние окажутся вынужденными вступить в войну против Германии и Италии⁹⁵.

Соединенные Штаты фактически отклонили японские предложения «Б». Ответ правительства в гораздо большей мере, чем все предыдущие документы, отражал остроту империалистических противоречий двух главных тихоокеанских соперников и конкурентов. Японии предлагалось согласиться с принципами, которые ею же систематически нарушались. К ним относились: отказ от территориальных притязаний в районе Тихого океана, нерушимость территориальной целостности, неприкосновенности и суверенитета народов всех стран, равенство в международных экономических отношениях и отказ от дискриминации. Такими же неприемлемыми для Японии были и другие предложения США: подписание многостороннего пакта о ненападении тихоокеанских государств (США, Британская империя, СССР, Голландия, Япония, Таиланд) и заключение между ними соглашения об уважении территориальной неприкосновенности Индокитая. Оккупируя территорию французской колонии и треть территории Китая, японские империалисты вовсе не намеревались принять предложения об эвакуации своих войск из Китая. Создав «правительство» Ван Цзин-вэя, они не отказывались от его поддержки, а собирались использовать его для проведения в жизнь лозунга «завоевания Китая руками китайцев». Связав свою судьбу с гитлеровской Германией и фашистской Италией, японские империалисты считали невозможным взять на себя обязательство не заключать с третьими государствами соглашений, которые противоречили бы основным целям предложенного США нового проекта договора.

Японские империалисты расценивали ответ США на предложения «Б» как их отклонение. Курусу заявил, что американский ответ «равносителен концу переговоров»⁹⁶. В разговоре по телефону (по коду) с заместителем министра иностранных дел Ямамото, состоявшемся 26 ноября, он указал, что он приложил все усилия, но они не дали плодов. «Я, — заявил Курусу, — не в состоянии добиться какого-либо прогресса»⁹⁷. Номура и Курусу в срочной телеграмме сообщали в тот же день, что «переговоры будут неизбежно прерваны». Стремясь выиграть время, они рекомендовали своему правительству предложить Рузвельту телеграфировать в Токио, что «во имя спасения потомства он надеется, что Япония и США будут сотруд-

⁹⁵ «New York times», 1943, 1 January.

⁹⁶ «Papers...», vol. II, p. 375.

⁹⁷ «Hearings...», part 35, p. 654.

ничать в сохранении мира на Тихом океане». В телеграмме говорилось, что разрыв переговоров не должен повлечь за собой войну между обеими странами. Однако после их разрыва Япония должна предусмотреть возможность военной оккупации Индонезии Англией и Соединенными Штатами. В этом случае возможны две контрмеры: либо предложить объявить нейтралитет наций, включая Индокитай, Индонезию и Таиланд, либо произвести нападение на США и Англию, но при этом варианте важно предварительно получить ответ, окажет ли Германия помощь Японии в соответствии со статьей третьей тройственного пакта⁹⁸. Особое внимание, которое уделяла Япония Индонезии объяснялось ее крайней заинтересованностью в нефтяных ресурсах, столь необходимых для всякой войны, а в особенности для большой, да еще на два фронта — в Китае и на Тихом океане. Весьма характерно, что когда Курусу и Номура направлялись на прием к Хэллу для выяснения ответа США на последние японские предложения, они имели директиву своего правительства получить от Соединенных Штатов гарантии в снабжении Японии нефтью. В телеграмме обоим послам из Токио от 26 ноября говорилось: «При достижении соглашения в соответствии с нашим новым предложением очень важно приобрести гарантии в получении товаров (§ 2 пункта 3 нашего предложения). Наиболее важным является нефть. Поэтому добейтесь согласия на импорт нефти из США в количестве 4 млн. т в год (эта цифра средняя за 1938, 1939, 1940 гг.), то есть грубо 380 тыс. т в месяц. В дополнение к этому мы надеемся на импорт из Индонезии 1 млн. т нефти в год»⁹⁹.

В другой чрезвычайно срочной телеграмме, посланной в Токио того же числа, японские послы высказывали опасение, что Соединенные Штаты широко оповестят о продолжении Японией переговоров с одной лишь целью — подготовиться к выступлению — и что «ответственность за разрыв переговоров будет возложена на нас». Вместе с тем они настаивали на том, чтобы действительные намерения Японии остались строгойшей военной тайной¹⁰⁰.

Не желая раскрывать направление удара даже японским дипломатам, 26 ноября Того телеграфировал послу в Ханое о том, что и в случае дальнейшего ухудшения японо-американских отношений его правительство не примет какого-либо специального решения для изменения статус-кво Индокитая и что в этом якобы состоит нынешняя политика Японии¹⁰¹.

На следующий день после вручения Номура и Курусу аме-

⁹⁸ Телеграмма Номура и Курусу в Токио за № 1180 см. также: «Hearings...», part 34, p. 109.

⁹⁹ «Hearings...», part 12, p. 177.

¹⁰⁰ «Hearings...», part 35, p. 653—654.

¹⁰¹ Ibid., p. 672.

риканских контрпредложений, 27 ноября, Рузвельт и Хэлл приняли японских послов, чтобы прокомментировать наиболее существенные пункты контрпредложений и обратить на них особое внимание. Американский президент выразил желание мирно разрешить все спорные вопросы, связанные с проблемами Тихого океана, несмотря на серьезность международного положения. Но частые воинственные выступления руководящих деятелей Японии затрудняют достижение соглашения. США, указал Рузвельт, готовы и впредь проявлять долготерпение в переговорах о разрешении всех дальневосточных проблем. Он соглашался отменить экономические репрессии в отношении Японии при условии, если последняя покажет «свои мирные намерения». Государственный секретарь Хэлл со своей стороны добавил, что японские лозунги «сопроцветания», «нового порядка» в Восточной Азии являются лишь маскировкой политики силы и завоеваний, политики подчинения народов оккупированных стран, проводимой Японией. Продолжение такого курса в дальнейшем не позволит добиться какого-либо прогресса «в мирном разрешении всех спорных вопросов»¹⁰².

Беседа Рузвельта и Хэлла с японскими послами происходила в условиях, когда руководящие деятели США все больше склонялись к выводу о невозможности достичь мирного соглашения с Японией. 27 ноября Рузвельт в узком кругу американских руководящих деятелей сказал, что если военные действия с Японией нельзя предотвратить, то желательно было бы, чтобы Япония первой совершила акт нападения¹⁰³. Такого рода взгляды высказывались и на совещаниях высших государственных чиновников, происходивших в конце ноября. Хэлл заявил на одном из них, что наступает критический момент в отношениях двух государств. Он признал, что соглашение уже фактически невозможно и следует ожидать использования японцами любого повода для военного выступления, для внезапного и одновременного нападения в различных пунктах, чтобы деморализовать оборону Соединенных Штатов¹⁰⁴.

Некоторые влиятельные члены правительства, в частности Стимсон, ошибочно определяли перспективы японо-американских отношений, явно недооценивая действительное значение передвижений японского военно-морского флота.

На одном из заседаний «Объединенной комиссии» Стимсон рассказал об обсуждении создавшегося положения членами военного кабинета США 28 ноября. Стимсон показал: «Заседание было посвящено изучению данных разведки о движении японского флота в направлении Юго-Восточной Азии... Отно-

¹⁰² «Peace and war...», p. 814—815.

¹⁰³ Charles A. Beard, *President Roosevelt and the coming of the war 1941*, New Haven, 1948, p. 12.

¹⁰⁴ «Peace and war...», p. 144.

нительно цели движения японского флота было высказано несколько предположений. Оно могло означать нападение японцев на Таиланд, Индонезию, Сингапур или Рангун, чтобы перерезать Бирманскую дорогу. Возможность нападения на Перл-Харбор не обсуждалась на данном заседании, поскольку наше внимание было сконцентрировано на движении японского флота в направлении Юго-Восточной Азии¹⁰⁵.

Дальнейшие события развивались таким образом, что разрыв переговоров между Японией и США и военная развязка приближались с каждым днем. Это подтверждается и японской дипломатической перепиской.

О фактическом прекращении переговоров в Вашингтоне и о возможности в самом ближайшем будущем выступления Японии на Тихом океане Того поставил в известность посла в Берлине. В телеграмме от 28 ноября он сообщил о категорическом отклонении последних американских предложений и неизбежности разрыва переговоров. Вместе с тем он констатировал невозможность дать гарантию, что в течение нескольких дней не произойдут существенные изменения в отношениях Японии, с одной стороны, и США и Англии, с другой¹⁰⁶.

Однако японское правительство, стремившееся замаскировать подготовку военного нападения на США и Англию, не хотело показать, что оно считает вашингтонские переговоры прерванными. Об этом свидетельствует директива японского министра иностранных дел, направленная Курусу и Номура 28 ноября. В ней говорилось: «Вы, оба посла, приложили сверхчеловеческие усилия, но, невзирая на них, США идут своим путем и представили это унижающее предложение... Императорское правительство ни в коем случае не может использовать его как базу для переговоров. Поэтому одновременно с сообщением о точке зрения императорского правительства на это американское предложение, которое я пошлю вам через два-три дня, переговоры будут де-факто прерваны. Это неизбежно. Но я не хочу, чтобы вы создали впечатление, что переговоры прерваны. Скажите им просто, что вы ожидаете инструкций и что, хотя точка зрения вашего правительства для вас пока еще не ясна, по вашему мнению, императорское правительство всегда выдвигало справедливые требования и приносило большие жертвы в интересах мира на Тихом океане. Скажите им, далее, что мы всегда проявляли долготерпение и уступчивость, но, с другой стороны, США были непреклонны, что делает невозможным для Японии ведение переговоров...»¹⁰⁷. Американские контрпредложения подверглись в Токио срочному обсуждению, и 28 ноября в ответ на них был составлен

¹⁰⁵ «Hearings...», part 11, p. 5426.

¹⁰⁶ Ibid., part 35, p. 683.

¹⁰⁷ Ibid., part 11, p. 5400—5401.

меморандум, озаглавленный: «Общие черты будущих дипломатических мероприятий по отношению к Соединенным Штатам». В нем говорилось, что американский проект от 26 ноября полностью неприемлем. Но переговоры в Вашингтоне следует продолжать, хотя подлинные намерения Японии не должны быть обнаружены. На следующий день, 29 ноября, Того отправил обоим послам в Вашингтон шифротелеграмму, инструктируя их о дальнейшей линии поведения. «Предлагается, — говорилось в телеграмме, — сделать в устной форме еще одно предложение: японское правительство затрудняется понять, почему правительство Соединенных Штатов заняло такую позицию, сделав новые предложения (от 26 ноября. — Д. Г.), которые игнорируют существующие условия в Восточной Азии и наносят ущерб престижу императорского правительства. Выполнив эту инструкцию, будьте осторожны, чтобы это не привело к... разрыву переговоров»¹⁰⁸.

Обращает внимание в этой инструкции то обстоятельство, что Того разрешил послам сделать заявление в устной форме, чтобы иметь возможность в любой момент отказаться от него, если в том будет надобность. Весьма показательно также и напоминание послам о необходимости соблюдать осторожность и не давать повода понять, что Япония намерена прервать переговоры.

Однако японское правительство не всегда могло выдержать эту линию, о которой неоднократно напоминалось Курусу и Номура. Глава правительства генерал Тодзэ 29 ноября выступил с речью, в которой вызываясь заявил: «Мы полны решимости построить сферу процветания в Великой Восточной Азии. Нельзя допустить никакого вмешательства извне в эту сферу процветания, ибо она предопределена нам провидением»¹⁰⁹.

Подобного рода декларации не только раскрывали подлинные намерения японских империалистов, но и значительно затрудняли сложную дипломатическую игру, которую вели в Вашингтоне оба японских посла. В связи с речью Тодзэ Курусу просил изменить тон выступлений Тодзэ и Того¹¹⁰.

¹⁰⁸ «Hearings...», part 34, p. 111.

¹⁰⁹ «Documents on American foreign relations», vol. IV, p. 489.

¹¹⁰ Приведем в выдержках запись телефонного разговора Курусу и Ямамото в связи с речью Тодзэ от 29 ноября 1941 г.

Курусу. Мы делаем здесь все возможное... Предупредите премьера, министра и других... Мы ожидали услышать кое-что другое, некоторые хорошие слова, но вместо этого получили это (т. е. речь премьера)... Должны ли японо-американские переговоры продолжаться?

Ямамото. Да.

Курусу. ...Мы нуждаемся в вашей помощи. Как премьер, так и министр должны изменить тон своих выступлений. Вы понимаете? Будьте более благоразумны... (см.: «Hearings...», part 34, p. 112; part 35, p. 655—656).

Между тем в Японии поспешно завершалась разработка детальных оперативных планов нападения ее вооруженных сил на англо-саксонских соперников. Непрерывно заседали «Комитет по координации действий», кабинет министров и совет старейших государственных деятелей (бывших премьер-министров). 30 ноября «Комитет по координации действий» принял постановление об окончательных деталях нападения на англо-саксонские страны, а также решение направить отрицательный ответ на предложение США от 26 ноября.

Решение комитета было окончательно утверждено на имперском совещании, состоявшемся 1 декабря. На нем было принято окончательное постановление о начале войны на Тихом океане. В нем говорилось: «Наши переговоры с Соединенными Штатами в отношении осуществления нашего решения о национальной политике, принятого 5 ноября, потерпели окончательную неудачу. Япония начнет военные действия против Соединенных Штатов, Великобритании и Голландии»¹¹¹.

Ближайший помощник императора, хранитель печати Кидо в своем дневнике по поводу совещания 1 декабря отметил: «В 2 часа дня состоялось совещание в присутствии императора и, наконец, было принято решение о войне с Соединенными Штатами. В 4 часа 30 минут премьер-министр явился ко мне для того, чтобы обсудить со мной указ императора об объявлении войны»¹¹².

1 декабря по императорскому флоту был издан приказ о том, что «Япония приняла решение объявить войну Соединенным Штатам, Британской империи и Голландии»¹¹³. На следующий день императорская ставка опубликовала приказ, окончательно определявший дату нападения. «Военные действия против США, — гласил он, — должны начаться 8 декабря 1941 г.»¹¹⁴. Этот день, таким образом, и объявлялся «днем икс».

Свидетельством того, что к 1 декабря вопрос о начале войны Японии против США и Англии был окончательно решен, является также телеграмма, посланная из Токио министерст-

¹¹¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49565.— Курсив наш.— Д. Г. — Полный текст решения имперского совещания от 2 декабря 1941 г. см.: 東郷茂徳, 時伐の一面, 大戦外交の手記, 東京, 一九五二年, 240—243頁 (далее — Того Сигэюри, *Дзидай-но итимиэн*). В мемуарах японских дипломатов и в японской исторической литературе названия важнейших руководящих органов в Японии кануна и периода войны обозначены так: «Комитет по координации действий» — «Рэнраку кайги» (連絡會議), позднее реорганизованный в «Высший Совет по руководству войной» — «Сэнсо сайко синдо кайги» (戦争最高指導會議) Совещание бывших премьер-министров — «дзюсин» (重臣) и имперское совещание или совещание руководящих государственных деятелей под председательством императора — «годзэн кайги» (御前會議).

¹¹² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49565—49566.

¹¹³ «Report...», p. 54.

¹¹⁴ Ibid.

вом иностранных дел японскому послу в Берлин, перехваченная американской разведкой. В телеграмме говорилось: «Переговоры между Токио и Вашингтоном теперь в состоянии разрыва. Передайте совершенно секретно Гитлеру и Риббентропу, что налицо чрезвычайная опасность возникновения восточной войны между Японией и англо-саксонскими державами и эта война может разразиться быстрее, чем кто-либо предполагает. Мы не ослабим нашего давления на Советский Союз, но в настоящий момент мы предпочли бы воздержаться от каких-либо прямых действий на севере. Убедите немцев и итальянцев, насколько важно соблюдение тайны»¹¹⁵.

Телеграмма свидетельствовала о том, что к началу декабря 1941 г., когда поражение немецко-фашистских войск под Москвой уже определилось, в правящих кругах Японии окончательно созрело решение начать войну не в «северном», а в «южном» направлении.

В день принятия окончательного решения о войне против США и Англии, 1 декабря, начальник морского генерального штаба адмирал Нагано направил главнокомандующему Объединенным флотом и главнокомандующему японским флотом в китайских водах срочную телеграмму. В ней сообщалось о том, что японское правительство еще в первых числах ноября 1941 г. приняло решение начать войну против США, Англии и Голландии. Главкомандующему Объединенным флотом предлагалось начать военные действия уничтожением сил противника и его авиации в восточных морях и во взаимодействии с командующим Южной армией быстро захватить и удерживать важные американские и британские, а также голландские базы в Восточной Азии, чтобы оккупировать и удержать важные в стратегическом отношении пункты. Главкомандующему Объединенным флотом было приказано, если будет необходимость, взаимодействовать с японским флотом в китайских водах¹¹⁶.

Одновременно адмирал Нагано направил главнокомандующему Объединенным флотом другую телеграмму, в которой говорилось, что в начале войны он должен отдать приказ о нападении на флот противника в районе Гавайских островов и, используя первый воздушный флот в качестве боевого ядра атакующих сил, вывести его из строя»¹¹⁷.

Приняв решение о военном нападении на США, Англию и Голландию, японский кабинет министров в то же время официально декларировал возможность продолжения переговоров в Вашингтоне, по-прежнему имея целью замаскировать нападение. В день, когда происходило заседание «Комитета по коор-

¹¹⁵ «Hearings...», part 16, p. 2390.— Телеграмма от 1 декабря частично совпадает с цитированной выше телеграммой от 30 ноября.

¹¹⁶ «Кампани войны на Тихом океане...», стр. 64.

¹¹⁷ Там же.

динации действий», правительство заслушало доклад Того о ходе переговоров. Хотя в решении и констатировалось наличие серьезных расхождений, японское правительство и на этот раз вынесло решение о желательности коренного пересмотра американских предложений и продолжения переговоров «в интересах сохранения мира на Тихом океане». Это решение всесторонне рекламировалось японской прессой; чтобы ввести в заблуждение общественное мнение, хотя в печати наряду с этим публиковались воинственные выступления руководящих деятелей Японии.

Вслед за принятием решения о продолжении переговоров в Вашингтоне Того направил 1 декабря Курусу и Номура шифротелеграмму для определения линии дальнейшего поведения, поскольку оба срока завершения переговоров — 25 и 29 ноября — миновали. В телеграмме говорилось: «...чтобы предотвратить излишнюю подозрительность со стороны США, мы сообщаем в прессе и по другим каналам, что, несмотря на глубокие разногласия между США и Японией, переговоры продолжатся (вышеизложенное только для вашего сведения)»¹¹⁸.

Получив такую инструкцию, Курусу и Номура возобновили встречи с Хэллом. В очередной беседе, состоявшейся в тот же день, 1 декабря¹¹⁹, оба посла пытались убедить государственного секретаря в том, что в Соединенных Штатах слишком серьезно относятся к воинственным выступлениям некоторых японских лидеров и что их заявления якобы неправильно освещаются в прессе. Курусу утверждал, что цели Японии не имеют ничего общего с задачами, выполнения которых добивается Гитлер, и война на Тихом океане явилась бы «трагедией»¹²⁰. В таком же духе выступал и Номура. 2 декабря в интервью представителям американской прессы он заявил: «Я не могу поверить, что кто-либо желает войны»¹²¹.

Таким образом, Курусу и Номура продолжали настойчиво выполнять порученную правительством «миссию обмана», пытаясь лицемерными заявлениями замаскировать последние военные приготовления японских империалистов.

Коварство Курусу и Номура становится еще более очевидным, если учесть, что, когда японские послы в Вашингтоне убеждали Хэлла продолжать переговоры и не допустить трагической развязки, японское правительство заканчивало последние приготовления к войне с США. Оно пристально следило за положением в Перл-Харборе, требуя от консула в Гонолулу систематических сведений. В этом отношении весьма показательна секретная телеграмма Того консулу в Гонолулу

¹¹⁸ «Hearings...», part 12, p. 208; «Report...», p. 42.

¹¹⁹ «Peace and war...», p. 817—822.

¹²⁰ Ibid., p. 822.

¹²¹ Номура Китисабуро, *Бэкоку-ни цукайсита...*, стр. 163.

от 2 декабря 1941 г.: «Принимая во внимание создавшееся положение, крайне важно знать наличие в порту военных кораблей, авианосцев, крейсеров. Впредь используйте все возможности, чтобы каждый день сообщать мне необходимые сведения. Телеграфируйте, замечены ли аэростаты наблюдения над Перл-Харбором и имеются ли какие-нибудь указания на то, что они будут подняты. Сообщите также, снабжены ли военные корабли противоминными сетями»¹²².

В первых числах декабря министерство иностранных дел Японии разослало инструкции об уничтожении кодов и секретных документов, что также свидетельствовало о непосредственном приближении дня военной развязки. 1 декабря подобные циркуляры были направлены в Вашингтон, Лондон, Гонконг, Сингапур и Манилу. 2 декабря посольствам в Вашингтоне и Лондоне и консульствам в Гонконге, Сингапуре, Батавии и Маниле было приказано уничтожить все коды и шифры, а также сжечь секретные документы¹²³.

Эти факты не оставляли никаких сомнений относительно подлинных замыслов Японии.

В связи с завершением последних военных приготовлений тон выступлений японских военных и политических деятелей становился все более вызывающим. 2 декабря Тодзэ опубликовал обращение по поводу первой годовщины совместной декларации Японии, Маньчжоуго и «правительства» Ван Цзинвэя. В обращении вновь утверждалось, что США и Англия пытаются чинить препятствия на пути построения «сферы сотрудничества» в Восточной Азии.

В тот же день императорская ставка отдала приказ об объявлении 8 декабря днем начала войны. Этим самым утверждался боевой приказ № 3 по Объединенному флоту от 10 ноября 1941 г. В соответствии с приказом императорской ставки 2 декабря адмирал Нагано приказал главнокомандующему Объединенным флотом с 8 декабря ввести в действие подчиненные ему вооруженные силы. В другой телеграмме Нагано сообщалось, что, в случае благоприятного исхода японо-американских переговоров до 8 декабря, всем силам Объединенного флота приказывалось рассредоточиться и возвратиться в свои базы¹²⁴.

Следовательно, японское правительство допускало, что правительство Рузвельта, учитывая незавершенность подготовки к войне вооруженных сил США, пойдет в последний момент на серьезные уступки. В действительности такая возможность была маловероятной, так как решение о войне было принято окончательно и неудачный исход Вашингтонских пе-

¹²² «Hearings...», part 37, p. 701.

¹²³ «Report...», p. 100; см. также: «Hearings...», part 12, p. 21b.

¹²⁴ «Кампани войны на Тихом океане», стр. 65.

переговоров был уже предрешен. Об этом же свидетельствовала телеграмма главнокомандующего Объединенным флотом, направленная 2 декабря оперативному соединению, предназначенному для нападения на Перл-Харбор, гласившая: «Произвести атаку «Х» 8 декабря, установленного как «день Х»¹²⁵.

Одновременно начались крупные передвижения японских войск в Индокитае с целью занять выгодные позиции для начала военных действий. К началу декабря численность японских войск на индокитайском плацдарме превысила 125 тысяч человек. Вслед за прибытием многочисленных транспортов с боеприпасами японцы немедленно приступили к оборудованию своих баз зенитной артиллерией и другими противовоздушными средствами. Происходило также сосредоточение военно-морских сил, в особенности в районе Хайфона, Тонкина, Камбоджи и в южнокитайских водах. Вблизи индокитайского побережья было сконцентрировано 40 военных кораблей, в том числе и авианосцы¹²⁶. Самолетный парк военно-воздушных сил Японии в Индокитае насчитывал 500 самолетов. Сосредоточение войск и авиации происходило также и на Тайване.

2 декабря японская эскадра в составе 16 тяжелых крейсеров и нескольких авианосцев появилась в районе японских подмандатных островов и вблизи острова Борнео.

Развертывание в Индокитае значительных японских сухопутных и военно-воздушных сил и концентрация военно-морского флота являлись симптомами непосредственно предвоенной обстановки.

Мероприятия Японии в Индокитае вызвали дипломатический демарш Соединенных Штатов. 2 декабря заместитель государственного секретаря США Уэллес передал Номура запрос Рузвельта относительно причин передвижений японских войск в южной части Индокитая. В американском меморандуме указывалось на нарушение Японией соглашения с правительством Виши о численности японских войск в Индокитае. Японскому правительству предъявлялось обвинение в том, что оно намерено использовать наличные, все увеличивавшиеся военные силы для дальнейших действий, в частности против Филиппин, Индонезии, Бирмы, Малайи и Таиланда. Рузвельт отмечал, что правительство США отрицательно относится к этой новой агрессии. Действия Японии сравнивались с агрессией Германии, применившей аналогичные мероприятия для экспансионистских целей. В заключение президент просил Но-

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ В августе японцы направили в порты Индокитая 2 авианосца, несколько крейсеров и 23 подводные лодки. На 15 сентября в индокитайских водах находились: 1 линкор, 1 авианосец, 2 тяжелых и 2 легких крейсера, 15 эсминцев и 14 подводных лодок. В течение сентября — ноября сюда было направлено дополнительное количество кораблей и транспортов.

мура и Курусу довести до сведения японского правительства, что он ожидает сообщений относительно намерений Японии в связи с концентрацией крупных сил в Индокитае¹²⁷.

Обещав передать своему правительству меморандум Рузвельта, Курусу вновь пытался ввести в заблуждение государственный департамент. Он заявил, что у Японии якобы нет каких-либо агрессивных целей в отношении соседних с южной частью Индокитайской стран и что не существует будто бы никакой угрозы для Соединенных Штатов. Японский посол назвал предпринятые Японией меры «естественными», поскольку они «вызывались» усилением вооружений и военными мероприятиями «другой стороны», а также экономическими акциями, которые, по его мнению, представляли «более эффективное оружие войны, чем военные мероприятия». В заключение беседы Курусу выразил надежду на успех переговоров и подписание соглашения с США¹²⁸.

Продолжая свою «миссию обмана», Курусу особенно настойчиво стремился дезориентировать американцев относительно передвижений японских войск в Индокитае. Тем самым он выполнял директиву правительства — отвлечь внимание США от района, в котором действительно намечалось нанести главный удар. 3 декабря Курусу и Номура получили из Токио следующую секретную инструкцию: «Пожалуйста, разъясните Соединенным Штатам: распространяются слухи об усилении наших гарнизонов в Индокитае. Это связано с активизацией китайских войск вблизи границы. Мы увеличили наши войска в северной части Индокитая, чем и объясняются передвижения войск на юге этой страны»¹²⁹.

Передвижения японских вооруженных сил в Индокитае имели, конечно, не те цели, о которых говорилось в телеграмме из Токио. В действительности японские войска стремились занять исходные позиции для предстоящих операций в юго-западном районе Тихого океана — против Таиланда, Малайи, Индонезии и других ближайших островов. О намерении быстрым ударом овладеть Таиландом свидетельствует, в частности, секретная телеграмма из Вашингтона в Токио от 3 декабря, в которой указывалось, что в случае японской оккупации Таиланда следует ожидать совместных военных действий Англии и США «с объявлением или без объявления войны»¹³⁰. В той же телеграмме Курусу и Номура предлагали, в случае если будет продолжаться концентрация японских вооруженных сил в Индокитае, принять меры к эвакуации японских консульств из США¹³¹.

¹²⁷ «Peace and war...», p. 823—824.

¹²⁸ Ibid., p. 824—825.

¹²⁹ «Hearings...», part 12, p. 224; part 34, p. 116.

¹³⁰ Ibid., part 16, 2306.

¹³¹ Ibid., part 37, p. 691.

О действительных намерениях Японии и, следовательно, о лицемерии упомянутой выше директивы МИД, направленной Курусу и Номура, свидетельствует запись в дневнике германского военно-морского атташе в Токио от 3 декабря о том, что «...переговоры в Вашингтоне нужно рассматривать как полнотью прерванные»..., что «...начала действия японских вооруженных сил на юге нужно ожидать в самом ближайшем будущем...» И далее: «Вооруженные силы (Японии.— Д. Г.) еще три недели тому назад решили, что война неизбежна, даже если США в последнюю минуту пойдут на значительные уступки. Соответствующие меры предпринимаются...»¹³²

Одновременно с военными мерами Япония принимала и меры дипломатического характера, стремясь заручиться на случай войны поддержкой своих западных и восточных союзников. По заданию Того японский посол в Риме Сиратори 3 декабря посетил Муссолини, чтобы выяснить позицию Италии в случае возникновения японо-американской войны. Чиано сделал по этому поводу в своем дневнике следующую запись: «...Сенсационный ход со стороны Японии. Посол просит аудиенции у Муссолини и зачитывает длинное заявление о ходе переговоров Японии с Америкой, заканчивающееся тем, что они (переговоры.— Д. Г.) оказались в тупике. Затем, ссылаясь на соответствующую статью пакта трех держав, он просит, чтобы Италия объявила войну Америке немедленно после начала военных действий, и предлагает подписать соглашение о том, чтобы не заключать сепаратного мира»¹³³.

Муссолини заявил Сиратори, что Италия окажет Японии всемерную поддержку как военную, так и материальную, указав, в частности, на то, что итальянский флот имеет в виду запереть английские военно-морские силы в Средиземном море. На прямой вопрос, если Япония объявит войну США и Англии, сделает ли Италия немедленно то же самое, Муссолини ответил: «Конечно. Она обязана это сделать на основании положений тройственного пакта. Поскольку Германия будет обязана сделать то же, мы хотели бы консультироваться по этому пункту с Германией»¹³⁴.

Итак, Япония за несколько дней до войны получила уже согласие Италии выступить на ее стороне сразу же, как только возникнет война на Тихом океане. Аналогичное согласие дала также Германия, подписавшая вместе с Японией и Италией новое тройственное соглашение 11 декабря 1941 г.¹³⁵

¹³² «Trial of the major war criminals before the international military tribunal», vol. XIV, Nuremberg, 1948, p. 336.— Курсив наш.— Д. Г.

¹³³ «The Ciano diaries, 1939—1943», New York, 1946, p. 414.

¹³⁴ Цит. по кн.: Б. Родов, Роль США и Японии в подготовке и развязывании войны на Тихом океане, 1938, 1941 гг., М., 1951, стр. 164.

¹³⁵ 聖戰五周年, 東京, 一九四二年, 140—141頁 (далее — «Сэйзен госю-ишэн...»).

Несколько иной характер имели попытки Японии привлечь к участию в войне своего дальневосточного сателлита — Маньчжоуго. Весьма характерна в этом отношении телеграмма Того, направленная 4 декабря командующему Квантунской армией генералу Умэдзу. В ней говорилось о позиции, которую надлежит занять Маньчжоуго в случае возникновения тихоокеанской войны. В совершенно секретной телеграмме от 4 декабря говорилось: «4-го числа на совместном совещании с правительственным советом контроля мы решили, какие шаги должно предпринять Маньчжоуго, в случае если международное положение станет критическим. В отличие от того, что было сказано в моей телеграмме № 873, наша политика изменится следующим образом: когда японская империя начнет военные действия, Маньчжоуго некоторое время не будет принимать в них участия. Поскольку Маньчжоуго тесно связано с японской империей и поскольку Англия, Соединенные Штаты и Голландия не признали правительства Маньчжоуго, Чанчунь будет рассматривать эти три державы как врагов де-факто и относиться к ним соответственно»¹³⁶. Телеграмма Того о позиции Маньчжоуго в случае возникновения японо-американской войны подчеркивала «независимый» характер и внешнеполитическую «самостоятельность» созданного японцами марионеточного государства.

Осуществляя военные и дипломатические меры, японское правительство продолжало вводить в заблуждение США относительно истинных причин перегруппировки и концентрации японских вооруженных сил в Индокитае. В ответе на меморандум Рузвельта от 5 декабря¹³⁷ вновь говорилось о том, что передвижения японских войск являлись «предупредительной мерой», поскольку они якобы были связаны с угрозой Индокитаю со стороны китайских войск. Концентрация японских вооруженных сил в южной части Индокитая объяснялась передвижением китайских войск вдоль северной границы страны (хотя в таком случае казалось бы более логичным концентрировать войска именно на севере Индокитая).

Японское правительство, выражая притворное удивление по поводу «преувеличенных» сообщений о передвижениях японских войск на индокитайской территории, заверяло, что не предпримет каких-либо мер, которые могли бы нарушить договор о «совместной обороне», подписанный между Японией и Францией¹³⁸.

¹³⁶ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49138.

¹³⁷ В тот же день представитель министерства иностранных дел Японии Хори Томокадзу заявил на пресс-конференции: «Обе стороны будут продолжать переговоры (в Вашингтоне.— Д. Г.) для того, чтобы найти общую формулу в целях ослабления напряженности на Тихом океане» [см.: Curt Riess (ed.), «They were there. The story of world war II and how it came about», New York, 1944, p. 395].

¹³⁸ «Peace and war...», p. 828—829.

Оправдывая действия японских войск в Индокитае, Номура указал на нежелательность контроля над ним других держав, поскольку «это будет представлять угрозу для Японии». Со своей стороны он выразил тревогу по поводу все усиливающихся военных и морских приготовлений «держав ABCD»¹³⁹. Курусу же настаивал на заключении временного соглашения¹⁴⁰. Хотя новые военные мероприятия японских империалистов в Индокитае носили агрессивный характер, правительство Японии в своем ответе пыталось завуалировать последние военные приготовления для нападения на США и Англию. Предложение Курусу о заключении «временного соглашения» имело цель создать впечатление, что еще возможны отсрочка войны и примирение между двумя державами.

6 декабря президент Рузвельт обратился с личным посланием к японскому императору, в котором содержалось предложение о личной встрече для обсуждения и разрешения всех вопросов, связанных с состоянием японо-американских отношений.

В начале послания президент указал, что только обстоятельства чрезвычайной важности заставляют его обратиться к японскому императору с настоящим письмом. Развитие событий на Тихом океане создало угрозу, грядущую трагические последствия для всего человечества. Рузвельт напомнил, чего Соединенные Штаты ожидали от переговоров между двумя правительствами: разрешения нынешнего конфликта между Японией и Китаем; обеспечения мира на Тихом океане, который создал бы условия существования разных наций и уничтожил угрозу вторжения на их территорию; сокращения невыносимого бремени вооружений; восстановления торговых связей между всеми странами без какой-либо дискриминации.

В послании, далее, напоминалась история вторжения Японии в северную часть Индокитая. Весной и летом 1941 г. японские вооруженные силы заняли южную часть страны будто бы в целях совместной обороны. Рузвельт оспаривал оборонительный характер действий японских войск, количество которых непрерывно возрастало как на юго-востоке, так и на юго-западе полуострова¹⁴¹. Концентрация японских сил, утверждал он, вызывает озабоченность у народов Филиппин, Индонезии, Малайи и Таиланда по поводу подлинных намерений Японии подготовить и осуществить нападение в одном или нескольких указанных направлениях. Опасения этих народов вполне за-

¹³⁹ ABCD — начальные буквы английских слов: American, British, Chinese, Dutch. По утверждению японских империалистов, эти страны входили в американо-англо-китайско-голландский блок держав.

¹⁴⁰ «Peace and war...», p. 146—147.

¹⁴¹ Японцы сосредоточили, по официальным данным, 82 тыс. солдат в южной части Индокитая, 25 тыс. — в северной части и 18 тыс. солдат на транспортах в Камранской бухте.

конны, поскольку затрагиваются интересы мира и их национального существования. Вполне естественно и то, что Соединенные Штаты подозрительно относились к созданию Японией военных, морских и воздушных баз. Рузвельт заявил, что продолжение такого положения немыслимо. Ни один из народов не хочет сидеть постоянно или временно на бочке с динамитом. Соединенные Штаты, указывал президент, не имеют совершенно никаких намерений вторгнуться в Индокитай, если японские солдаты и моряки будут отозваны оттуда. Такие же заверения могут быть получены от правительств Индонезии, Малайи и Таиланда. Японии предлагалось вывести свои вооруженные силы из Индокитая, что могло бы послужить гарантией мира во всем южном районе тихоокеанского бассейна. В заключение послания Рузвельт подчеркнул, что он и японский император должны подумать, как разогнать темные тучи и принять меры для того, чтобы восстановить «традиционную дружбу» между обеими странами и предотвратить смерть и разрушения во всем мире¹⁴².

Таким образом, Рузвельт, долго отклонявший предложение бывшего премьер-министра Коноэ об организации личной встречи, решил вернуться к этому предложению, когда отношения двух держав достигли наивысшего напряжения¹⁴³. Он рассчитывал выиграть время и завершить мобилизацию необходимых для ответного удара сил на наиболее опасных направлениях. По этой же причине Рузвельт не жалел красок для воспоминаний о «традиционной дружбе» США и Японии, восходящей к прибытию в Японию эскадры коммодора Перри. Учитывая то обстоятельство, что Рузвельт и его помощники имели весьма достоверную информацию о приготовлениях Японии к нападению на США, можно с полным основанием считать, что правящие круги Соединенных Штатов понимали бесцельность предложений президента о выводе японских войск из Индокитая, о восстановлении прежних отношений с Японией и предотвращении назревшего военного конфликта. Кроме того, правительство США пыталось переложить на империалистическую Японию ответственность за нападение.

Японская военная машина была уже пущена в ход, и запоздалая акция американского президента не могла отсрочить

¹⁴² Текст послания Рузвельта к императору Хирохито от 6 декабря 1941 г. (см.: «Documents on American foreign relations», vol. IV, p. 525—526).

¹⁴³ Весьма характерно, что руководящие деятели государственного департамента пессимистически относились к организации встречи глав двух правительств. Заместитель государственного секретаря Самнер Уэллес в своих мемуарах писал: «С отставкой премьер-министра принца Коноэ в октябре 1941 г. и назначением генерала Тодэ в качестве его преемника какая-либо возможность таких переговоров исчезла» (см.: Sumner Welles, *The time for decision*, p. 295).

начало войны. Оперативное соединение вице-адмирала Нагумо, вышедшее из Хитокаппу (ныне Касатка) для приема топлива в море по заранее определенному маршруту, уже 2 декабря получило сообщение о неудачном окончании Вашингтонских переговоров и назначении 8 декабря «днем X». Не обнаружив себя и не встретив каких-либо препятствий, 3 декабря соединение приняло топливо в море. Не встретив и в дальнейшем ни одного судна противника, оно продолжало движение по маршруту в направлении Пёрл-Харбора. В это время в целях маскировки «главные силы японского флота, находившиеся во Внутреннем Японском море, и части базовой авиации в районе острова Кюсю вели ложный радиообмен с целью создать впечатление, что оперативное соединение все еще находится в японских водах»¹⁴⁴. 7 декабря в 7 ч. 30 м. (по гавайскому времени) оно прибыло к месту назначения, расположенному в двухстах милях к северу от острова Оаху, то есть к исходному району для атаки.

6 декабря в Вашингтоне и Лондоне были получены сообщения о том, что из Индокитая через Сиамский пролив направляется японская эскадра в составе 35 транспортных судов, 8 крейсеров и 20 эсминцев¹⁴⁵. Японские военно-морские силы действительно двигались в направлении Малайи, чтобы нанести удар английскому флоту в Сингапуре.

Понимая невозможность предотвратить выступления Японии в одном из вероятных направлений, военное и морское руководство США 6 декабря предложило командующему Тихоокеанским флотом Киммелю и командующему сухопутными войсками Гавайского района Шорту уничтожить все секретные документы. Так же поступили и японцы. Накануне, как докладывал начальник сектора связи японского посольства в США Игути, послы закончили уничтожение кодов¹⁴⁶.

Японские вооруженные силы в южной части Индокитая находились в полной боевой готовности и ожидали лишь сигнала к выступлению. Отмечалось движение крупных японских военно-морских соединений южнее Шанхая и в районе Тайваня. Направлялись последние сводки о местонахождении американского флота в районе Пёрл-Харбора. 6 декабря из Гонолу-

¹⁴⁴ «Кампании войны на Тихом океане...», стр. 22.

¹⁴⁵ Winston S. Churchill, *The Second World War*, vol. III, The grand alliance, London—Toronto—Melburn—Sydney—Wellington, 1950, p. 534.— Телеграмму посла США в Лондоне Вайнанта в госдепартамент о движении японского флота см.: «Hearings...», part II, p. 5377.— 6 декабря, накануне выхода флота в исходный для нападения район, Ямамото издал приказ по Объединенному флоту, в котором говорилось: «Победа или поражение империи зависит от этого сражения. Каждый должен выполнить свое задание с предельными усилиями». На «Акаги» был поднят сигнальный флаг (Z), тот же, что был поднят на «Микаса» во время Цусимского боя в 1905 г. См.: Mitsuo Fuchida, *I led...*, p. 940.

¹⁴⁶ «Hearings...», part 35, p. 662.

лу в Токио была отправлена последняя телеграмма, в которой сообщалось, что к этому дню в Пёрл-Харборе находилось: 9 линкоров, 3 легких крейсера, 17 эсминцев, 3 подводных тендера; кроме того, в доках стояли 4 легких крейсера и 2 эсминца. В донесении указывалось, что все американские тяжелые крейсера и авианосцы остались в прежнем составе и находятся в море. Наряду с этим сообщалось, что «никакой воздушной разведки морская авиация не производила»¹⁴⁷. До 6 декабря в Токио непрерывно поступали разведывательные сведения о движении судов из Манилы, Сан-Франциско и Гонолулу и о судах, прибывавших в указанные порты¹⁴⁸.

Тем временем в Токио непрерывно заседал «Комитет по координации действий», который обсуждал ответ на предложения США и дату его отправки в Вашингтон. При решении этих вопросов комитет учитывал время, необходимое для развертывания военных операций, заблаговременно и детально разработанных. Отрицательный характер ответа, равнозначный разрыву переговоров и началу военных действий, никем не оспаривался. «Во время открытия следующего заседания „Комитета по координации действий“, — показал Того на Токийском процессе, — адмирал Ито заявил, что флот не возражает против отправки извещения о прекращении переговоров в Вашингтоне и попросил, чтобы оно было вручено 7 декабря в 12 ч. 30 м. по Вашингтонскому времени. Никто не возражал. Я спросил о том, оставит ли это достаточное время до нападения, и он ответил, что да... На этом и согласились»¹⁴⁹.

Вскоре, однако, время вручения ноты о разрыве переговоров было перенесено с 12 ч. 30 м. на 1 час дня. 6 декабря «Комитет по координации действий» утвердил это изменение¹⁵⁰.

В тот же день министерство иностранных дел Японии направило Курусу и Номура шифротелеграмму, сообщавшую, что им отправлен ответ на предложения США от 26 ноября. Послов информировали, что японская нота состоит из 14 частей, которые будут переданы постепенно. В этой ноте, которая в американской документации называется «воздушным посланием», послам давалось указание, что, «хотя точное время вручения ноты американскому правительству будет сообщено по телеграфу позднее, следует принять все необходимые меры» по получению этого меморандума, то есть уничтожить коды и секретные документы.

Благодаря тому, что американская разведка располагала ключом к японскому шифру, текст последней телеграммы был

¹⁴⁷ Shigeru Fukudome, *Hawaii operation*, p. 1327.

¹⁴⁸ «Hearings...», part 16, p. 2307.

¹⁴⁹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 47873, 33174, 35569, 35716.

¹⁵⁰ Там же, стр. 47874, 35721—35722.

расшифрован: 13 частей — 6 декабря к 9 часам вечера и 14-я часть — утром 7 декабря. В срочной шифротелеграмме, перехваченной американцами 7 декабря, японским послом предлагалось вручить ответную ноту 7 декабря в 1 час дня¹⁵¹, в соответствии с решением «Комитета по координации действий». Вслед за этим им была направлена чрезвычайно срочная телеграмма, в которой предлагалось после дешифровки уничтожить оставшийся шифровальный аппарат и все коды, а также всю секретную документацию¹⁵². Когда все 14 частей последней японской ноты были расшифрованы и вручены Рузвельту, президент по ознакомлению с ними вернул их Гопкинсу, заметив: «Это означает войну»¹⁵³.

Эта последняя нота японского правительства была передана Хэллу уже после начала войны на Тихом океане¹⁵⁴. Сначала Номура попросил государственного секретаря принять его 7 декабря в 1 час дня. Затем он позвонил и попросил отложить аудиенцию на 1 ч. 45 м., мотивируя это тем, что он еще не готов к ней. Фактически же Курусу и Номура прибыли в государственный департамент лишь в 2 ч. 20 м.¹⁵⁵, то есть после того, как японские военно-морские силы и морская авиация совершили одновременное нападение на Пёрл-Харбор и другие американские и английские владения. Желая оправдать свое опоздание, совершенное с определенной целью, Номура заявил Хэллу, что он получил инструкции вручить меморандум японского правительства в 1 час дня по вашингтонскому времени, но, к сожалению, он не смог этого выполнить, так как вынужден был затратить длительное время на расшифровку телеграммы, полученной из Токио¹⁵⁶.

Лишь через несколько часов после начала военных действий посол США в Токио Грю был информирован Того о

¹⁵¹ Полный текст ноты Японии от 7 декабря 1941 г. см.: Номура Китисабуро, *Бэйкоку-ни цукайситэ...*, стр. 213—223 (приложения); Того Сигэнори, *Дзидай-но итимиэн...*, стр. 258—263; «Papers...», vol. II, p. 787—792.

¹⁵² «Hearings...», part 35, p. 668.

¹⁵³ *Ibid.*, part 10, p. 4662.

¹⁵⁴ Фукудомэ подтверждает, что последнюю ноту Номура и Курусу вручили Хэллу уже после нападения Японии на Пёрл-Харбор (см.: Shigetani Fukudome, *Hawaii operation*, p. 1324).

¹⁵⁵ Нападение Японии на Пёрл-Харбор произошло 8 декабря 1941 г. в 3 ч. 55 м. по токийскому времени и в 7 ч. 55 м. по гонолулскому (пёрл-харборскому) времени (см.: «Events leading up to world war II. Chronological history, 1931—1945», Washington, 1945, p. 307).

¹⁵⁶ «The memoirs of Cordell Hull», vol. II, New York, 1952, p. 1096.

По поводу изменения времени вручения Хэллу последней ноты Номура писал по окончании войны: «Сначала ноту о разрыве переговоров предполагалось вручить в 1 час дня, затем срок был перенесен на 2 часа дня. Я прибыл в государственный департамент в 2 ч. 20 м. дня» [см.: Kichisaburo Nomura, *Stepping-stones to war* («United States naval institute proceedings», 1951, № 9), p. 931].

том, что нота от 7 декабря по желанию императора должна рассматриваться как ответ на послание Рузвельта императору Хирохито¹⁵⁷. Сообщение же о состоянии войны между Японией и США Грю получил от японского министра иностранных дел 7 декабря в 9 часов вечера (по вашингтонскому времени)¹⁵⁸. Поведение японских послов в Вашингтоне и министерства иностранных дел в Токио объяснялось стремлением затянуть ответ на американские предложения и вручить его после начала войны, чтобы тем самым обеспечить максимальную внезапность и эффективность первого удара.

Нота японского правительства от 7 декабря 1941 г., являющаяся последним документом вашингтонских переговоров, представляет один из наиболее характерных документов, присутствующих в японской агрессивной дипломатии. В этом фальсифицированном документе японские империалисты пытались представить себя борцами за мир на Тихом океане и в Восточной Азии, заявляя, что именно с этой целью они якобы и начали переговоры с США. Однако, утверждалось в ноте, основными причинами, которые сделали невозможными дальнейшие переговоры, являлись: препятствия установлению мира между Японией и Китаем со стороны США и Англии; игнорирование Востоке в период 1931—1941 гг.; проведение США и Англией враждебной политики «окружения Японии» («тайнити хои»¹⁵⁹); отклонение правительством США японских условий личной встречи Коноэ с Рузвельтом, а также предложения США от 26 ноября 1941 г., полностью отвергавшие японские требования. Следовательно, японское правительство возлагало всю ответственность за невозможность продолжения вашингтонских переговоров на правительство США, которое не проявило «искреннего желания» улучшить японо-американские отношения, «сохранить и укрепить мир на Тихом океане».

На основании всего вышеизложенного правительство Японии в своей ноте от 7 декабря заявляло, что последние американские предложения от 26 ноября не могут быть приняты в качестве основы для переговоров и тем более для подписания соглашения между двумя сторонами. Поэтому японское правительство «с сожалением» уведомляло правительство США о невозможности достигнуть соглашения путем продолжения вашингтонских переговоров. Фактически это являлось односторонним сообщением о разрыве японо-американских переговоров.

Одновременно с вручением японской ноты о разрыве переговоров с США министерство иностранных дел Японии, как

¹⁵⁷ «Peace and war...», p. 838.

¹⁵⁸ *Ibid.*, p. 841.

¹⁵⁹ 對日包圍.

было указано выше, передало американскому послу Грю ответ японского императора на личное послание Рузвельта, в котором отклонялось предложение американского президента о личной встрече¹⁶⁰.

Японский меморандум от 7 декабря представляет документ, вскрывающий коварные методы дипломатии империалистической Японии. Правящие круги Японии пытались создать впечатление, что на протяжении почти девятимесячных переговоров они якобы действительно стремились достигнуть «мирного соглашения» по тихоокеанской проблеме в целом. На деле же эта запоздавшая дипломатическая акция имела цель обосновать и оправдать тщательно подготовленное военное нападение на американские и английские владения, обосновать и оправдать «оборонительными» целями начало войны на Тихом океане.

Ознакомившись с нотой японского правительства, Хэлл сказал японским послам: «За 50 лет общественной деятельности я никогда не видел документа, в котором было бы нагромождено столько гнусной мошеннической лжи таких масштабов, и я никогда до сегодняшнего дня не мог себе представить, что какое-либо правительство на нашей планете способно на подобную ложь»¹⁶¹.

8 декабря 1941 г. был обнародован манифест императора Хирохито по поводу начала войны на Тихом океане¹⁶². В тот же день было опубликовано заявление министерства иностранных дел Японии относительно разрыва переговоров¹⁶³. Это заявление, так же как и речь Тодзэ, произнесенная 8 декабря, имели целью оправдать начавшуюся войну. Премьер-министр утверждал, что, несмотря на все усилия прежнего и нынешнего правительства, мир в Восточной Азии нарушен; виновниками этого являются США, Англия, Голландия и Китай, которые совместно требовали безоговорочного вывода японских вооруженных сил из Китая, отказывались признать нанкинское правительство Ван Цзин-вэя, требовали расторжения японо-германо-итальянского тройственного союза, то есть настаивали на односторонних уступках Японии. В противоположность им Япония якобы до самого последнего времени пыталась добиться мирного соглашения¹⁶⁴.

¹⁶⁰ «Peace and war...», p. 839.

¹⁶¹ «The memoirs of Cordell Hull», vol. II, p. 1096.

¹⁶² Текст манифеста императора Хирохито от 8 декабря 1941 г. см.: 御詔勅集, 大日本國民教育會, 東京, 一九四三年, 81—91頁;

¹⁶³ 建部遂吾, 與亞之理想及經論, 東京, 一九四三年, 9—12頁. см. также Тагути Такэо, Тоа нихон-но кэнсэцу, стр. 486—487.

¹⁶⁴ 長谷川了, 日米開戦の真相, 東京, 一九四三年, 7頁. (далее — Хасэгава Сатоси, Нитибэй кайсэн-но синсо, стр. 7. Предложения сторон во время Вашингтонских переговоров см. также: 田村幸策, 大東亞外交史研究 東京, 一九四二年, 424—431頁.

Напад на Пёрл-Харбор, японские империалисты причинили большой урон тихоокеанскому флоту США. В момент нападения, начавшегося 7 декабря 1941 г., в 7 ч. 55 м. по гонолулскому времени, в Пёрл-Харборе находилось 86 кораблей, в том числе 9 линкоров, 7 крейсеров, 2 авианосца, минный заградитель, 28 эсминцев, 5 подводных лодок и суда вспомогательного назначения¹⁶⁵. Все авианосцы находились за пределами базы. Японцы нанесли главный удар силами авиации соединения Нагумо. Бомбардировке подверглись корабли американского флота, а также аэродромы и казармы. Внезапность позволила японским самолетам подавить американскую авиацию на аэродромах: из 202 американских самолетов только 52 удалось подняться в воздух, остальные были уничтожены. Американские вооруженные силы, в особенности военно-морские, понесли крупные потери. Личный состав вооруженных сил США потерял 3435 человек, Японии — 100 человек; американская авиация лишилась 188 самолетов, японская — 29; потери военно-морского флота США составили 18 кораблей, Япония же потеряла только пять подводных лодок¹⁶⁶.

Наибольший урон понесли линейные корабли американского военно-морского флота, против которых и был направлен главный удар. Американский флот потерял шесть линкоров, два линейных корабля получили повреждения. Были потоплены один тяжелый крейсер и два вспомогательных судна. Серьезный ущерб был нанесен одному тяжелому крейсеру, шести легким, трем эсминцам и трем вспомогательным судам¹⁶⁷.

Однако характерной чертой «Гавайской операции» было неполное выполнение задуманного японцами плана. Этот план, как было указано выше, предусматривал комбинированный удар силами авиации соединения Нагумо и подводного соединения Симидзу, имевшего на борту каждой из больших подводных лодок пять сверхмалых. Задача, поставленная перед сверхмалыми подводными лодками, — прорваться через противолодочные сети бухты Пёрл-Харбора и нанести удар

¹⁶⁵ «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)», 2-е издание, М., 1956, стр. 561. — Более детальные и несколько отличные данные приводит вице-адмирал Фукудомэ [см. Shigeru Fukudome, *Hawaii operation*, p. 1327, а также: Г. М. Гельфонд и Р. А. Хорощанская, *Пёрл-Харбор* («Морской сборник», 1947, № 8), стр. 116].

Подробно о нападении японцев на Пёрл-Харбор см.: Samuel Eliot Morison, *The rising sun in the Pacific 1931—April 1942*, vol. III, Boston, 1950, p. 80—146.

¹⁶⁶ «Report...», p. 71; «Documents on American foreign relations», vol. VIII, p. 169—270; «Hearings...», part 37, p. 1259—1260. — Морисон определяет потери американцев в 3581 человек, в том числе: убитых, пропавших без вести и умерших от ран — 2403 и раненых — 1178 человек (см.: Samuel Eliot Morison, *The rising sun in the Pacific 1931—April 1942*, vol. III, p. 126).

¹⁶⁷ «Chronology of the second world war», London, 1947, p. 92.

американскому флоту, не была выполнена. Только одна из них, воспользовавшись открытым проходом в сетевом ограждении Пёрл-Харбора, 7 декабря в 8 часов утра проникла в бухту и атаковала линейный корабль «Аризона», но была потоплена эскадренным миноносцем «Монагэн». Вторая лодка разделила ту же участь у входа в гавань. Две лодки пропали без вести. Пятая лодка, спущенная с опозданием на два часа, у входа в бухту подверглась атаке эскадренного миноносца, сбросившего глубинные бомбы. В результате лодка была захвачена в плен¹⁶⁸.

Таким образом, комбинированный удар авиации и подводных лодок оказался сорванным. «Результаты, достигнутые нашими подводными лодками в этой операции (Гавайской.— Д. Г.), — пишет Хасимото, — по сравнению с опустошениями, произведенными авианосной авиацией, оказались незначительными»¹⁶⁹.

Но и авиация лишь частично выполнила намеченный план уничтожения крупных кораблей тихоокеанского флота США — линкоров и авианосцев. Соединение Нагумо не атаковало американские авианосцы, которые к моменту вторжения японских сил оказались за пределами Пёрл-Харбора. Вице-адмирал Фукудомэ указывает, что Нагумо совершил ошибку, не уделяв должного внимания воздушной разведке района предполагаемых действий. Ночью 6 декабря, получив информацию об отсутствии в гавани американских авианосцев, Нагумо должен был, по мнению Фукудомэ, провести воздушную разведку всего района. Это позволило бы выбрать наилучшие мишени для атаки и обезопасить себя от нападения противника. Однако этого не было сделано¹⁷⁰. Кроме того, авиация не произвела бомбардировки кораблей, стоявших на ремонте, и наземных сооружений морской базы, в частности складов с горючим¹⁷¹.

Итоги японо-американских переговоров в Вашингтоне

Отставка третьего кабинета Коноэ и приход к власти одного из самых реакционных правительств Японии — правительства генерала Тодзэ, совпавшие с заключительной стадией Вашингтонских переговоров, способствовали значительному ускорению темпов подготовки войны на Тихом океане. Правительство Тодзэ имело в виду либо добиться от США выгодного для Японии соглашения, учитывая незавершенность подготовки к войне американских вооруженных сил, либо за шир-

¹⁶⁸ Мотицура Хасимото, *Потопление...*, стр. 38.

¹⁶⁹ Там же, стр. 25, 39.

¹⁷⁰ Shigeru Fukudome, *Hawai operation*, p. 1337.

¹⁷¹ F. C. Jones, Hugh Borton and B. R. Pearn, *The Far East 1942—1946*, London — New York — Toronto, 1955, p. 6.

мой Вашингтонских переговоров, скрытно закончить все необходимые приготовления для обеспечения наиболее эффективного военного удара по США и Англии. Одновременно было принято решение о начале войны против США и Англии, утверждён проект боевого приказа по Объединённому флоту о нападении на Пёрл-Харбор, Сингапур и Филиппины, определена его дата. Принятие этих решений сопровождалось и дипломатическими мерами, целью которых являлось укрепление внешнеполитического положения Японии (продление на пять лет «антикоминтерновского пакта» и присоединение к нему ряда сателлитов Японии и Германии).

Назначение Курусу специальным послом в Вашингтон означало, что японо-американские переговоры перешли в последнюю фазу. Главная задача «миссии обмана» Курусу состояла в том, чтобы создать впечатление, что дипломатические переговоры находятся в заключительной стадии, цель которой — подписание мирного соглашения с США; фактически же японские империалисты стремились замаскировать последние военные приготовления, чтобы иметь возможность внезапно напасть на американские и английские владения на Дальнем Востоке. Послам Курусу и Номура были направлены директивы, предписывавшие на базе предложений «А» («Ко») и «Б» («Оцу») завершить переговоры к определённому сроку (25—29 ноября). Тем не менее японское правительство до последней минуты не теряло надежды, что в самый последний момент удастся договориться с США о подписании выгодного Японии соглашения. В противном же случае по истечении указанного срока должна была последовать развязка — нападение на США и Англию.

Новые японские (20 ноября) и американские (26 ноября) предложения свидетельствовали о дальнейшем расхождении точек зрения сторон.

Между 1 и 7 декабря 1941 г. были завершены последние приготовления Японии к войне.

Новая дипломатическая акция США — послание Рузвельта японскому императору с предложением о личной встрече — не могла уже ослабить напряженности в отношениях двух держав и тем более завершить Вашингтонские переговоры мирным соглашением.

Ответная нота Японии на американское предложение от 26 ноября и на послание Рузвельта фактически означала разрыв переговоров. Она была вручена после того, как оперативные соединения, беспрепятственно прибывшие в исходный район для атаки, произвели нападение на Пёрл-Харбор. Таким образом, правящие круги Японии избрали в конце концов «южноразное» направление в качестве направления первоочередного удара, что, конечно, не означало отказа от антисоветской внешней политики и от подготовки военного нападения на СССР.

Важнейшим итогом девятимесячных японо-американских переговоров явилось нарастание остроты и непримиримости империалистических противоречий между двумя главными тихоокеанскими соперниками и конкурентами.

Во время Вашингтонских переговоров американское правительство упорно исходило из предположения, что, несмотря на неприемлемые условия и кажущуюся непримиримость и неуступчивость, Япония все же в конце концов заключит соглашение и не рискнет развязать войну на Тихом океане против США и Англии. Такое предположение базировалось на том, что Япония не закончила войны в Китае, что превращение этой войны в длительную и затяжную непрерывно истощает ее скудные запасы военно-стратегического сырья. Экономические же санкции США, ограничивавшие вывоз необходимого сырья в Японию, вели к снижению ее военного потенциала.

Позиция американской дипломатии исходила из интересов некоторых групп монополистической буржуазии. Посол США в Токио Джозеф Грю, находившийся на этом посту с середины 1932 г. вплоть до нападения на Пёрл-Харбор, упорно проводил политику «умиротворения» японского агрессора, которую он в своих мемуарах называл «конструктивным примирением». «Темин „умиротворение“, — писал Грю, — открывает путь, как я указывал, к неправильному пониманию. Я предпочитаю термин «конструктивное примирение», и в течение всех десяти лет моей миссии в Японии я пытался следовать политике конструктивного примирения»¹⁷². Тем самым Грю признавал, что в вопросе об оценке экономических санкций США по отношению к Японии американские «мюнхенцы» придерживались той же точки зрения, которую разделяли определенные круги японских империалистов, тесно связанные с американскими монополиями.

Жонглируя терминами «умиротворение» и «конструктивное примирение», Грю стремился замаскировать свою подлинную позицию «дальневосточного мюнхенца». Грю последовательно выступал против применения в отношении Японии каких-либо эффективных контрмер, в особенности экономических репрессий, весьма болезненно отражавшихся на японской экономике. В своих «Токийских записках» американский посол подчеркнул, что, с его точки зрения, неправильно применявшийся термин «умиротворение» нередко и якобы ошибочно ассоциировался с Мюнхеном. Грю утверждал, что правительство США в течение многих лет стремилось устранить враждебность Японии, «несмотря на то, что Япония делала многое, враждебное нам. Мы не верили в войну, мы не хотели войны, мы думали, что война должна быть предотвращена, и в то же вре-

¹⁷² Joseph C. Grew, *Report from Tokyo, A message to the American people*, New York, 1942, p. 38.

мя мы не готовились в каком-либо отношении к войне»¹⁷³. Применение США экономических санкций в отношении Японии усиливало, по мнению Грю, напряженность между обеими странами.

Японские сторонники компромиссного соглашения с США утверждали, что ограничения вывоза военно-стратегического сырья из США в Японию являлись актом экономической войны, равнозначным военным операциям японских вооруженных сил в Китае и Индокитае, враждебным актом, который «вынудил» Японию взяться за оружие. Грю также признавал, что Соединенные Штаты явно недооценивали реальную угрозу нападения Японии, а потому и оказались в начальной стадии тихоокеанской войны явно к ней неподготовленными.

Вместе с Хэллом Грю настойчиво доказывал необходимость самых серьезных уступок Японии с целью во что бы то ни стало заключить с ней соглашение, отдав ей не только то, что она уже успела захватить вооруженным путем, но и то, на что она претендовала. Политическая линия Грю, который имел «тесный личный и официальный контакт»¹⁷⁴ с английским послом в Токио Крейги, отражала точку зрения американских монополистов, заинтересованных в выгодных поставках Японии военно-стратегического сырья и, следовательно, в расширении японо-американских экономических связей. Грю и его подлинный хозяева стремились заключить с Японией компромиссное соглашение за счет Китая и Советского Союза, они пытались отвести японскую агрессию от сферы влияния американского капитала и направить ее против СССР, столкнуть Японию с Советским Союзом, ослабить таким образом обе страны и обеспечить выполнение своих агрессивных целей. Известный исследователь политики США на Дальнем Востоке Т. Биссон пишет, что некоторые влиятельные круги в Соединенных Штатах «стремились сохранить Японию в качестве противовеса Советскому Союзу»¹⁷⁵. Эти круги после возникновения советско-германской войны в период временных поражений Советских Вооруженных Сил были убеждены в том, что Япония обязательно воспользуется благоприятной обстановкой и выступит против СССР на Дальнем Востоке. Вторжение японских вооруженных сил в южную часть Индокитая, концентрация войск в Маньчжоуго, на границе с СССР, укрепляли уверенность этих кругов в том, что Япония изберег все же «северный» вариант войны, в осуществлении которого американские монополии могли бы оказать ей неоценимую помощь.

На таких же антисоветских позициях стояли и правящие круги Англии.

¹⁷³ Ibid., p. 37.

¹⁷⁴ Robert Craigie, *Behind the Japanese mask*, London, 1942, p. 95.

¹⁷⁵ T. Bisson, *America's Far Eastern policy*, New York, 1945, p. 124.

Политика Грю, Крейги и других сторонников «дальневосточного Мюнхена», нашедшая свое отражение и в вашингтонских переговорах, в действительности могла лишь поощрить и фактически поощряла японских империалистов к дальнейшим актам агрессии, к новому наступлению на позиции своих империалистических соперников и конкурентов, к скорейшему развязыванию войны на Тихом океане.

Американские империалисты выступали против агрессии Японии, лишь постольку, поскольку она непосредственно затрагивала интересы американских монополий, лишившихся огромного китайского рынка, а следовательно, и чрезвычайно важного источника извлечения высоких прибылей.

Ход японо-американских переговоров показал остроту и непримиримость империалистических противоречий между Японией и США, неумолимо приближавших войну на Тихом океане, предотвратить которую не могли переговоры дипломатов обеих стран. Одной из главных причин возникновения войны на Тихом океане, являвшейся составной частью второй мировой войны, было резкое обострение межимпериалистической, и в первую очередь японо-американской, борьбы за контроль над Китаем¹⁷⁶, Восточной и Юго-Восточной Азией, а также за господство над островами и водными просторами Тихого океана. Японские империалисты в союзе с Германией и Италией стремились вытеснить своих соперников и построить «новый порядок» в Азии. Американские империалисты пытались сохранить «старый порядок» и позиции своих монополий в Китае и Юго-Восточной Азии, вытеснить из этого района японских конкурентов и установить здесь свое безраздельное господство¹⁷⁷. Ради своих целей и интересов они готовы были пойти на военный конфликт с Японией, если последняя, несмотря на уступки США, откажется от соглашения. Видный чиновник государственного департамента США Д. Баллантайн признает, что у американцев было лишь два выхода: 1) принять японские условия и, следовательно, пожертвовать своими «принципами и безопасностью» США или 2) отказаться принять эти условия со всеми вытекающими последствиями¹⁷⁸.

Таким образом, в период японо-американских переговоров существовали две перспективы развития событий: 1) соглаше-

¹⁷⁶ Это признавали и японские буржуазные авторы. Так, например, Танака Канаэ писал, что причиной тихоокеанской войны был «китайский инцидент» (см.: 田中香苗, 大東亞戦期の支那事變處理, “太平洋”, 一九四二年, 七月, 14—15頁).

¹⁷⁷ Эдвин Фалк в своей книге «От Перри до Пёрл-Харбора», посвященной японо-американским отношениям в период с 1853 г. до конца 1941 г., признает, что причиной тихоокеанской войны являлась борьба Японии и США за господство на Тихом океане, в которой большое место занимала гонка морских вооружений (см.: Edwin A. Falk, *From Perry to Pearl Harbor. The struggle for supremacy in the Pacific*, New York, 1943).

¹⁷⁸ Joseph W. Ballentine, *Mukden to Pearl Harbor*, p. 664.

ние США и Японии на основе принципов «дальневосточного Мюнхена», что означало бы стовор за счет интересов китайского народа и агрессии японских империалистов против Советского Союза; 2) военный конфликт между Японией и США, который был логическим следствием непримиримости японо-американских империалистических противоречий и свидетельствовал о том, что они практически оказались сильнее, чем противоречия между двумя системами¹⁷⁹.

Причины выбора японскими империалистами «южного» направления войны

Мы стремились показать, что японские империалисты одновременно готовились к войне против Советского Союза и к войне против своих англо-саксонских империалистических соперников и конкурентов, имея в виду два возможных со стороны Японии направления военного нападения. В конце концов они предпочли «южное» направление войны «северному». Каковы же причины избранного ими решения?

Несмотря на острые противоречия между двумя системами, исключительную враждебность японских империалистов к СССР, правящие круги Японии предпочли «южное» направление потому, что считали его менее рискованным и более результативным для обеспечения господства на Тихом океане. Исторический опыт — провал японской интервенции 1918—1922 гг. и исход «малых» войн на Хасане и Халхин-голе — отчетливо свидетельствовал о том, что война против Советского Союза опасна не только с точки зрения возможности военного поражения Японии. Более того, эта война могла создать угрозу самому существованию буржуазно-помещичьего строя в Японии.

Учитывая печальный опыт антисоветских выступлений в прошлом и оценивая стратегическую обстановку на «южном» направлении как весьма благоприятную, японские империалисты считали, что война против США и Англии окажется для Японии более успешной и кратковременной, чем война против СССР. Они решили воспользоваться выгодно сложившейся, с их точки зрения, международной обстановкой для нанесения

¹⁷⁹ В «Записках Белого Дома» Гопкинса указываются три возможности, имевшиеся у Японии: 1) вторжение в Сибирь (т. е. на территорию Советского Дальнего Востока.— Д. Г.); 2) экспансия на юг и 3) усиление японских военных операций в Китае (см.: *The White house papers of Harry L. Hopkins. An intimate history of Robert E. Sherwood*, vol. I, London, 1949, p. 407).— Эдвин Рейшауэр утверждает, что у Японии в конце 1941 г. были два пути: первый — вывести свои войска из Китая, как то го требовали Соединенные Штаты; другой — прорвать экономическую блокаду, начав войну против «западных демократий» (см.: Edwin O. Reischauer, *The United States and Japan*, Cambridge, 1951, p. 179).

своим тихоокеанским империалистическим соперникам решающего удара, успех которого смог бы обеспечить господство Японии на Тихом океане и установление грабительского «нового порядка» в Восточной Азии. Успешный исход тихоокеанской войны, по замыслу японских империалистов, должен был значительно укрепить военно-промышленный потенциал Японии и тем самым содействовать завершению «китайского инцидента» и развертыванию новых военных авантур против свободолюбивых народов. Японские империалисты, как и их германские союзники, захватившие богатейшие ресурсы Европы еще до нападения на СССР, считали, что обладание неисчерпаемыми сырьевыми источниками стран Южных морей является необходимым условием обеспечения новой агрессивной войны.

Одной из важных причин выбора японскими империалистами «южного» направления войны являлся провал гитлеровского плана «молниеносной войны» против СССР. Даже в тяжелых условиях начальной стадии войны Советские Вооруженные Силы показали исключительную стойкость. Только им удалось под силу развеять миф о «непобедимости» гитлеровской армии. Поэтому японские империалисты, исходившие в своих антисоветских планах из «молниеносной» войны на советско-германском фронте, вновь оказались вынужденными временно отсрочить вторжение на территорию Советского Дальнего Востока и решили направить очередной удар против США и Англии. Это решение было принято в тот момент, когда немецко-фашистские войска вели битву за Москву, успешно завершив которую, гитлеровская клика рассчитывала победоносно закончить войну против Советского Союза. Выступление Японии против СССР, как было указано выше, намечалось произвестись одновременно с захватом Москвы гитлеровскими войсками.

Однако Вооруженные Силы Советского Союза расстроили коварные планы японских правящих кругов. Принимая решение о «южном» варианте войны, правительство Японии учитывало огромные потери немецко-фашистских войск в войне против СССР, свидетельствовавшие о мощи Советских Вооруженных Сил. Успешные действия Советской Армии заставили японских империалистов в начале декабря окончательно избрать для военного нападения в качестве первоочередного «южное» направление. Отражением этого решения явилась упоминавшаяся выше телеграмма министерства иностранных дел Японии послу в Берлине Осима от 1 декабря 1941 г., в которой указывалось, что Япония вовсе не собирается ослабить давление на Советский Союз, но в настоящий момент предпочитает воздержаться от каких бы то ни было прямых действий на севере, то есть против СССР¹⁸⁰.

¹⁸⁰ «Hearings...», part 16, p. 2390.

Неожиданный для агрессоров поворот событий на советско-германском фронте означал просчет авантюристических стратегических планов японских империалистов и всего тройственного союза в целом. Поскольку правящие круги Японии параллельно с подготовкой войны против СССР осуществляли широкие военные приготовления против США и Англии, изменить направление первоочередного удара для них не представляло больших трудностей.

Одной из важных причин временного отказа Японии от «северного» направления войны была также дальновидная внешняя политика Советского Союза, в частности в отношении Японии. Результатом этой политики явился советско-японский пакт о нейтралитете, в известной степени связавший руки Японии.

Японские империалисты считали, что после возникновения советско-германской войны СССР, полагаясь на пакт о нейтралитете, отведет свои войска с Дальнего Востока и перебросит их на Западный фронт. Но расчеты усыпить бдительность Советского Союза, чтобы обеспечить осуществление своих агрессивных антисоветских целей, провалились. СССР ни на минуту не ослабил безопасности своих дальневосточных границ, а советская дипломатия приложила много усилий, чтобы сохранить советско-японский пакт о нейтралитете и не допустить вступления Японии в войну на стороне гитлеровской Германии.

Вступление Японии в войну на Тихом океане в начале декабря 1941 г. произошло не без влияния гитлеровской Германии, заинтересованной в рассредоточении англо-американских сил и, следовательно, в ослаблении их давления на германо-английском фронте. Немалую роль сыграло обещание Германии вступить в войну на стороне Японии.

Когда начались японо-американские переговоры в Вашингтоне, Риббентроп заявил по этому поводу протест¹⁸¹, так как Германия не была заинтересована в мирном урегулировании спорных вопросов между Японией и США. Гитлеровская клика требовала, как было указано выше, чтобы Япония совершила как можно скорее нападение на Сингапур и обещала предоставить в ее распоряжение различные технические усовершенствования, необходимые для ведения подводной войны. Придавая большое значение индокитайскому плацдарму, Германия содействовала получению Японией в июне 1941 г. дополнительных военно-морских баз в южной части Индокитая в целях наиболее эффективного нападения на США и Англию. Поскольку назревал германо-американский военный конфликт, гитлеровская Германия требовала от своего дальневосточного партнера по агрессии выполнения обязательств, вытекавших из

¹⁸¹ Того Сигэнори, *Дзидай-но итэман...*, стр. 164, 226.

тройственного пакта, 10 июля 1941 г. Риббентроп направил германскому послу в Токио телеграмму, в которой указал, что он ни на секунду не сомневается в том, что, в случае начала военных действий между Германией и Америкой, Япония останется верной своим обязательствам, вытекающим из пакта трех держав¹⁸².

Гитлеровская Германия накануне войны на Тихом океане оказывала немалый нажим на своего союзника, усилившийся после отставки третьего кабинета Коноэ и формирования правительства Годзё. Во время беседы Риббентропа с Осима, состоявшейся 28 ноября, германский министр настаивал на нападении Японии на Англию и США, указав при этом, что, если Япония окажется в состоянии войны с Соединенными Штатами, Германия немедленно выступит на ее стороне¹⁸³. Несколько дней спустя японские дипломаты довели до сведения правительства Германии и Италии, что Япония готовится предпринять нападение на США, а потому просит их оказать нужную помощь. Как свидетельствуют материалы Нюрнбергского процесса, Германия и Италия ответили согласием, хотя тройственный пакт предусматривал их помощь лишь в случае, если Япония подвергнется нападению¹⁸⁴.

По мере завершения военной и дипломатической подготовки Японии к тихоокеанской войне отношения ее с Германией стали приобретать все большее значение. Гитлеровская клика всячески стремилась парировать попытки англо-саксонских держав заставить Японию отказаться от тройственного союза. С другой стороны, она усилила нажим на своего дальневосточного партнера, убеждая его как можно скорее вступить в войну против США и Англии, что было выгодно германским империалистам. В беседе с японским послом в Берлине Осима, состоявшейся 29 ноября¹⁸⁵, Риббентроп, касаясь японо-американских переговоров, заявил, что Япония не должна

¹⁸² Текст телеграммы Риббентропа Отту от 10 июля 1941 г. (Документ 2896-ПС, США-155) (см. «Trial...», vol. XXXI, p. 259—262). Того в своих «Записках» отмечал, что после формирования третьего кабинета Коноэ министр иностранных дел Тоёда заявил о позиции Японии по отношению к Германии и тройственному пакту. Она заключалась в том, что обязательства и помощь, предусмотренные тройственным пактом, не должны зависеть от воли или желания Германии, толкование этих обязательств и их осуществление Япония должна определять сама, исходя из ее самостоятельных, независимых позиций (см.: Того Сигэори, *Длидай но итэмэн...*, стр. 226).

¹⁸³ «Nazi conspiracy and aggression. Opinion and judgement». Office of United States chief of counsel for prosecution of axis criminality. Washington, 1947, p. 45.

¹⁸⁴ «Trial...», vol. XXII, p. 457.

¹⁸⁵ Телеграмма Осима от 29 ноября 1941 г., подробно излагающая содержание беседы с Риббентропом, была перехвачена и расшифрована американской разведкой. Полный ее текст приведен в стенографическом отчете Нюрнбергского процесса [см.: Документ ВВ-148, 656-Д («Trial...», vol. XXXV), p. 320—323].

упустить представляющейся ей возможности построения «нового порядка» в Восточной Азии. Он сказал, что если Япония в настоящий момент проявит нерешительность, а Германия «пойдет вперед» и построит новый порядок в Европе, то вся военная мощь Англии и Соединенных Штатов будет направлена против Японии¹⁸⁶. Германский министр доказывал японскому послу несовместимость японо-американского соглашения с участием Японии и Германии в тройственном союзе. Риббентроп усиленно убеждал своего собеседника в том, что вступление Японии в войну не только отвечает общим интересам обоих союзников, но прежде всего выгодно самой Японии¹⁸⁷.

Японские империалисты, форсируя подготовку военного нападения на США и Англию, были в неменьшей мере заинтересованы в поддержке гитлеровской Германии, дававшей возможность рассредоточить силы ее противников. Поэтому они спешили информировать своего партнера о состоянии японо-американских переговоров и о своих намерениях начать войну против США и Англии.

Свидетельством этого является секретная телеграмма Того послу в Берлине Осима от 30 ноября. В телеграмме говорилось: «Переговоры, начавшиеся между Токио и Вашингтоном в апреле текущего года при прежнем правительстве, несмотря на искренние усилия императорского правительства, ныне нахватаются на грани разрыва... Наша империя оказалась в серьезном положении и должна действовать решительно. Поэтому, будьте добры, добейтесь свидания с Гитлером и Риббентропом и конфиденциально сообщите им итог развития событий. Скажите им, что Англия и США заняли в последнее время провокационную позицию. Скажите им, что обе державы планируют переброску военных сил в различные районы Восточной Азии и что мы неизбежно ответим таким же передвижением войск. Скажите им также под строжайшим секретом, что ныне существует исключительная опасность неожиданного возникновения войны между англо-саксонскими нациями и Японией... и добавьте, что начало этой войны может наступить быстрее, чем кто-либо предполагает»¹⁸⁸.

Японские империалисты явно спешили сблизиться со своим германским партнером. По мере приближения военной развязки на Тихом океане возрастала заинтересованность Японии в более тесном сотрудничестве и координации действий с Германией, которые она намеревалась использовать главным образом в своих собственных империалистических целях. Аргу-

¹⁸⁶ «Стенограмма Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 192, л. 106; см. также: «Hearings...», part 12, p. 200; «Trial...», vol. XXXV, p. 321.

¹⁸⁷ «Hearings...», part 35, p. 676—677.

¹⁸⁸ «Hearings...», part 12, p. 204.

ментуруя необходимость более тесного сотрудничества Германии с Японией, японские дипломаты утверждали, что главной причиной разрыва Вашингтонских переговоров было выдвижение Соединенными Штатами на первый план требования о том, чтобы Япония вышла из тройственного союза и отказалась от поддержки Германии и Италии в случае вступления Соединенных Штатов в войну против германо-итальянского блока.

Стремясь дипломатически обеспечить развязывание военных действий на Тихом океане, японские империалисты добились не только поддержки и вступления в войну гитлеровской Германии. Немало усилий они затратили и на привлечение на свою сторону фашистской Италии. Подтверждение этому мы находим в дневнике итальянского министра иностранных дел Чиано (записи от 3 и 5 декабря, о которых говорилось выше).

Интересно отметить, что сразу же после нападения Японии на США и Англию Чиано записал содержание телефонного разговора с Риббентропом от 8 декабря 1941 г., во время которого германский министр выразил свое полное удовлетворение нападением Японии на Пёрл-Харбор. Чиано сделал в своем дневнике пометку о том, что он «счастлив» получить сообщение о военном наступлении Японии не менее, чем Риббентроп¹⁸⁹.

Гитлеровская Германия, как и фашистская Италия, была крайне заинтересована в совместных с Японией действиях против англо-американских союзников, во всемерном укреплении отношений с Японией. Естественно поэтому, что нападение Японии на США и Англию было с радостью воспринято в Берлине и Риме. Одобрение получили и методы, использованные дальневосточным партнером по «оси» для подготовки и развязывания войны на Тихом океане.

Выбирая «южное» направление войны, японские империалисты учитывали характерную для Соединенных Штатов и Англии (в особенности для США) недооценку сил и возможностей Японии и переоценку ее соперниками своих империалистических позиций на Тихом океане.

Правящие круги США надеялись, что Япония «не посмеет» начать войну на Тихом океане, учитывая явное экономическое превосходство США над Японией, состояние их военно-морских сил и возможностей быстрого пополнения военного и торгового флота. Слепленные планами использования Японии как орудия антисоветской политики, они недооценивали коварные методы японских империалистов, готовивших вероломное нападение на противника под прикрытием дипломатических переговоров.

В американских военных кругах нашла широкое распространение формула: «Расстояние — наша защита». Многие американские реакционеры всячески рекламировали недосагаемость США и не верили в реальность военного нападения Японии.

Японские империалисты справедливо считали, что широко распространенная среди руководящих политических деятелей США и Англии недооценка опасности нападения Японии является благоприятным фактором для военного выступления. Эти соображения усиливались тем, что особых мер по укреплению американских и английских владений на Тихом океане не было предпринято даже тогда, когда опасность войны стала очевидной.

Не менее благоприятным моментом они считали и «мюнхенские» тенденции в правящих кругах США и Англии, их стремление к «умиротворению» японского агрессора. Непоследовательность экономических санкций, отсутствие твердой решимости осуществлять действительные контрмеры против Японии поощряли японских империалистов к требованиям новых уступок со стороны США.

Японский агрессор делал ставку и на то, что война в Европе являлась центральным событием того периода. Япония считывала, что силы и внимание Англии и Соединенных Штатов отвлечены от тихоокеанского бассейна и, следовательно, их позиции в этом районе ослаблены.

Благоприятным фактором для выбора «южного» направления было то, что англо-саксонские союзники не могли в то время предпринять против Японии наступательных действий ввиду отдаленности США и Англии от своих тихоокеанских владений и незавершенности военных приготовлений. В докладе «Объединенной комиссии» говорилось, что командующий морскими силами в районе Пёрл-Харбора адмирал Киммель и командующий сухопутными силами того же района Ричардсон еще 25 января 1941 г. в совместном докладе высшим морским властям указывали, что если Япония вступит в войну или совершит открытый враждебный акт против Соединенных Штатов, то «наша позиция на Тихом океане должна быть оборонительной»¹⁹⁰. Кодированные планы «Рейнбоу» («Радуга») и план «АВС-1», как было указано выше, также исходили из стратегии обороны на Тихом океане.

В отличие от присущей американским военным кругам оборонительной концепции войны на Тихом океане руководители японских вооруженных сил придерживались наступательной стратегии. Японские империалисты решили в сложившейся благоприятной международной обстановке максимально использовать преимущества территориального расположения

¹⁸⁹ «The Ciano diaries...», p. 416.

¹⁹⁰ «Report...», p. 75.

Японии, позволявшие наивыгоднейшим образом развернуть военные действия. Разобщенность и изолированность американских и английских владений в юго-западном районе Тихого океана облегчали осуществление «южного» направления агрессии, делали его наиболее выгодным. К тому же Соединенные Штаты, располагавшие самым большим в мире военно-морским флотом, имели совершенно недостаточное количество баз и опорных пунктов в бассейне Тихого океана, в особенности в его юго-западной части.

Японский военно-морской флот занимал третье место в мире после флотов США и Англии. Если сравнить состав военно-морских флотов Японии и Соединенных Штатов, то на декабрь 1941 г. соотношение было следующим (табл. 3):

Таблица 3

Военно-морские силы США и Японии
(по состоянию на декабрь 1941 г.) *

Класс кораблей	Япония	США
Линкоры	10	13
Авианосцы	9	6
Авианосцы, переоборудованные из кораблей других классов	—	2
Тяжелые крейсера	...	
1-го класса	8	18
2-го класса	10	9
Легкие крейсера	16	10
Эсминцы	110	250
Подводные лодки	64	35
Всего кораблей	227**	343

* «The United States strategic bombing survey, Japan's struggle to end the war», Washington, 1946, p. 18 (далее — USSBS, Japan's struggle...).

** Дж. Б. Коен в своей монографии к 7 декабря 1941 г. насчитывает 297 японских военных кораблей (см.: Jerome B. Cohen, *Japan's economy in war and reconstruction*, London 1949, p. 252).

По данным Морисона военно-морской флот Японии к 7 декабря 1941 г. насчитывал: 10 линкоров, 10 авианосцев, 18 тяжелых и 17 легких крейсеров, 111 эсминцев и 64 подводные лодки. См.: Samuel Eliot Morison, *The rising sun in the Pacific 1931 — April 1942*, Boston, 1948, p. 58.

Следовательно, американский военно-морской флот превосходил японский по количеству кораблей почти в полтора раза. Однако он уступал японскому по количеству авианосцев,

легких крейсеров и подводных лодок, что свидетельствовало об интенсивных мерах, предпринятых Японией в связи с подготовкой нападения на США и Англию¹⁹¹.

Американский флот имел 1455 тыс. т. водоизмещения, японский — 1130 тыс. т. Помимо того, осенью 1941 г. в США на стапелях находилось большое количество кораблей, о чем свидетельствует следующая таблица (см. таблицу 4 на стр. 285).

Приведенные данные показывают несомненное преимущество военно-морского флота США. Но эти общие данные не дают представления о фактическом соотношении сил в юго-западном районе Тихого океана. К началу войны японский военно-морской флот был сосредоточен в одном районе, вблизи японских островов; это позволяло Японии иметь относительное превосходство морских и воздушных сил по сравнению со своими империалистическими соперниками в юго-западной части тихоокеанского района, так как Соединенные Штаты и Англия были вынуждены рассредоточивать свои силы в Атлантическом,

¹⁹¹ Несколько иные данные о японском военно-морском флоте к началу войны на Тихом океане приводит Джек Чен (см. Jack Chen, *Japan and the Pacific theatre of war*, p. 67). Пулестон в своем исследовании, посвященном вооруженным силам Японии и США на Тихом океане, приводит следующие данные о находившихся в строю кораблях военно-морского флота Японии и США (к началу тихоокеанской войны):

Типы кораблей	Япония	США
Линкоры	10*	15**
Авианосцы	8	6
Крейсера	46	37
Эсминцы	125	160***
Подводные лодки	71	105
Всего	260	323

* Включая «Хэй».

** Не включая «Вайоминг».

*** Не включая эсминцы, построенные 50 лет тому назад и использованные для торговли с Англией.

(См.: W. D. Puleston, *The armed forces of the Pacific. The military and naval power of the United States and Japan*, New Haven, 1941, p. 177). — «Американский ежегодник» насчитывает в начале войны 350 кораблей военно-морского флота США, в том числе: 7 авианосцев, 1 эскортный авианосец, 17 линкоров, 37 крейсеров, 172 эскадренных миноносца, 112 подводных лодок (см.: «The American year-book», 1946, New York, p. 369). — Британская энциклопедия насчитывает к началу тихоокеанской войны 343 американских военных корабля (см.: «Encyclopaedia Britannica», vol. XXII, London, 1946, p. 782).

Таблица 4
Строительство кораблей в США и Японии осенью 1941 г.*

Класс кораблей	Япония	США
Линкоры	8	17
Авианосцы	2	12
Крейсеры	10	54
Эсминцы	11	204
Подводные лодки	7	80
Всего	38	367

* W. D. Puleston, *The armed forces of the Pacific...*, p. 177.

Тихом, Индийском океанах и в Средиземном море. Относительное превосходство военно-морских сил Японии, Индокитай и Таиланда в указанном районе Тихого океана по сравнению с силами союзников — США, Англии и Голландии — видно из следующих данных, относящихся к концу 1941 г. (см. таблицу 5):

Таблица 5
Военно-морские силы Японии и ее союзников и США и их союзников в юго-западном районе Тихого океана (по состоянию на конец 1941 г.)*

Класс кораблей	Япония и ее союзники (Индокитай и Таиланд)	США и их союзники (Англия и Голландия)
Линкоры	13	2
Авианосцы	9	2
Крейсеры	46	23
Эсминцы	156	42
Подводные лодки	126	55
Сторожевые корабли	12	10
Всего	362	134

* Jack Chen, *Japan and the Pacific theatre of war*, p. 67.

Морское господство Японии в юго-западной части Тихого океана определялось не только относительным превосходством японского флота, но и разветвленной и удобной сетью стратегических морских баз, опираясь на которые можно было в кратчайший срок вывести из строя силы своих противников и

обеспечить подавляющее преимущество на начальном этапе войны.

Японские империалисты длительное время готовились к большой тихоокеанской войне.

Япония, создавшая еще в 1931 г. дальневосточный очаг второй империалистической войны и в июле 1937 г. начавшая большую войну против Китая, оказалась более подготовленной к новой тихоокеанской войне, чем ее соперники — США и Англия. За прошедшие годы она значительно увеличила численность своих вооруженных сил, о чем свидетельствуют следующие данные.

В 1931 г. общая численность японских вооруженных сил составляла 308 430 человек, в том числе армия 230 000 и флот 78 430, а в 1941 г. эта цифра возросла до 2 411 359 человек, в том числе по армии — до 2 100 000 и по флоту — до 311 359 человек¹⁹². Эти данные свидетельствуют об увеличении численности всех вооруженных сил Японии за 1931—1941 гг. почти в восемь раз, в том числе армии — почти в девять. Особенно интенсивно увеличивались вооруженные силы в 1937—1941 гг.

В период подготовки и в начальной стадии второй мировой войны японские империалисты создали массовую армию, армию вторжения, которая приобрела к моменту нападения на США и Англию необходимый боевой опыт. Кроме того, осуществляя непосредственную подготовку тихоокеанской войны, они обеспечили свое численное превосходство как на море (в юго-западном районе Тихого океана), так и на суше. Накануне войны Япония сосредоточила в Юго-Восточной Азии крупную армию вторжения: 14 пехотных дивизий, 4 полка артиллерии главного командования, одно мотомехсоединение. Только для операций против Филиппин японцы сосредоточили на острове Тайвань до шести пехотных дивизий, что вместе с частями усиления составило около 180 тыс. человек. В целях, учитывая переброски войск в район Южных морей, Япония имела к началу тихоокеанской войны в районе предполагаемых боевых операций 450 тыс. солдат и 1 428 самолетов¹⁹³. Концентрация крупных японских вооруженных сил, заблаговременная подготовка армии вторжения при отсутствии у США и Англии крупных вооруженных сил, недостаток войск, особенно сухопутных, в американских и английских владениях на Тихом океане — все это создавало благоприятные условия для эффективного нападения Японии. Этому же способствова-

¹⁹² «United States strategic bombing survey. The effect of strategic bombing on Japan's war economy», Washington, December, 1946, p. 107.
¹⁹³ В. А. Секистов, *Военные действия на второстепенных театрах второй мировой войны*, выпуск 1, *Война Японии против США и Англии на Тихом океане* (7 декабря 1941 г. — июль 1942 г.), М., 1950, стр. 20, 21.

ла слабая укрепленность американских баз в юго-западном районе Тихого океана, что объяснялось недалекостью американских изоляционистов, неоднократно проваливавших предложения об ассигновании средств на укрепление Гуама, Филиппин и других баз и опорных пунктов США в тихоокеанском бассейне. Так, в начале 1940 г. американский конгресс отпустил всего лишь 1 млн. долл. на реконструкцию морской базы в Гуаме, а в 1941 г. на постройку подземных ангаров и нефтехранилищ было ассигновано только 4,7 млн. долларов. «География учит, — писали Денлингер и Гери, — что незащищенные Гуам и Филиппины являются в сущности заложниками в руках Японии»¹⁹⁴.

Япония оказалась более подготовленной к войне на Тихом океане также и потому, что она задолго до ее начала тщательно разработала «Гавайскую операцию».

Наконец, одним из благоприятных условий для выбора «южного» направления войны являлась широко разветвленная сеть шпионажа, обеспечившая японским вооруженным силам возможность нанести своему сопернику наиболее чувствительные удары, в особенности на Гавайских островах.

Американские военные власти на Гавайских островах не сумели оградить военные объекты от шпионажа японцев, составлявших 37—40% населения островов. Из 427 тыс. населения, проживавшего на Гавайских островах, 152 тыс. составляли японцы, из них 144 тыс. находилось в Гонолулу¹⁹⁵. Многие из них жили здесь в течение 20 лет и под видом парикмахеров и портных часто навещали казармы американских войск в Гонолулу либо, находясь на службе у американских властей, передавали японскому консулу и его агентам важные секретные сведения. Немало среди них было и владельцев ресторанов или лавок, а также рыбаков, которые при помощи рыболовных тралеров сумели заблаговременно произвести все необходимые обследования. Благодаря этому японцы знали, каково состояние обороны главнейших объектов, расположение ангаров, места стоянки судов к моменту нападения и т. д.

Как показывает доклад «Объединенной комиссии» по расследованию обстоятельств японского нападения на Пёрл-Харбор, созданной по указанию Рузвельта, внезапность и большая результативность совершенного удара обусловливались, помимо скрытой подготовки, подрывной деятельностью японской разведки¹⁹⁶. До 7 декабря 1941 г. центром японского

¹⁹⁴ Денлингер и Гери, *Война на Тихом океане* (перевод с английского), М.—Л., 1939, стр. 130.

¹⁹⁵ Г. М. Гельфонд и Р. А. Хорошанская, *Пёрл-Харбор*, стр. 104.

¹⁹⁶ Генеральный секретарь Всемирной федерации христиан Дан Джилберт в своей книге пришел к выводу, что причина успеха японцев кроется в шпионаже, в подрывной деятельности «пятой колонии» (см.: Dan Gilbert, *What really happened at Pearl Harbor*, New York, 1943).

шпионажа на Гавайских островах являлось японское консульство в Гонолулу. Многочисленные японские агенты, сделав своей главной базой остров Оаху, использовали различные источники для сбора информации относительно расположения военных и военно-морских объектов на острове. Летом 1941 г. на Гавайских островах действовало свыше 200 агентов разведки, деятельность которых направлялась японским консулом в Гонолулу. Собирая таким путем нужные для подготовки внезапного нападения сведения, японский консул пересылал их в Токио и получал оттуда соответствующие указания.

В результате японская разведка смогла собрать необходимые точные сведения и, в частности, оказалась хорошо осведомленной относительно местонахождения кораблей американского военно-морского флота, в особенности в районе Пёрл-Харбора¹⁹⁷. Об этом, в частности, свидетельствует схема расположения американских судов в Пёрл-Харборе в момент нападения, составленная на 5 декабря 1941 г. японским летчиком Сакамаки Кадзуо, принимавшим участие в первой операции¹⁹⁸. Японские летчики авиагруппы оперативного соединения, предназначенного начать боевые операции, были снабжены специальными картами и курсами, что позволило им с максимальной точностью обрушить удар на корабли американского флота в Пёрл-Харборе. Все эти данные собирались заблаговременно и постоянно корректировались, о чем свидетельствуют донесения японского консула в Гонолулу, опубликованные в докладе «Объединенной комиссии».

Японские разведчики в Пёрл-Харборе произвели важные подготовительные мероприятия, непосредственно оказав помощь авиации во время воздушных налетов. На плантациях, заблаговременно приобретенных японскими резидентами, за несколько часов до налета на Пёрл-Харбор вырубали деревья таким образом, что очищенное место изображало стрелу, указывающую направление к важным военным и промышленным объектам американской крепости. Во время нападения японские резиденты при помощи коротковолновых передатчиков поддерживали непрерывную связь со своими агентами, что позволяло корректировать действия авиации и подводного флота.

Организация шпионажа на Гавайских островах дала воз-

¹⁹⁷ В донесении из Гонолулу в Токио от 10 марта 1941 г. (№ 043) сообщалось, что на 9 марта в Пёрл-Харборе находились следующие американские корабли: 4 линкора (2 класса «Нью Мексика» и 2 класса «Пенсильвания»), 5 тяжелых крейсеров, 6 минных крейсеров, 25 эсминцев, несколько подводных лодок и транспортов (см. «Hearings...», part 37, p. 663).
Такого рода донесения систематизировались и позволяли воспроизвести точную картину состава и расположения американских кораблей в Пёрл-Харборе.

¹⁹⁸ Kazuo Sakamaki, *I attacked Pearl Harbor*, p. 23; George Morgenstern, *Pearl Harbor, The story of the secret war*, New York, 1947, p. 334.

возможность японскому консулу в Гонолулу систематически направлять в Токио сообщения о движении американских судов в районе Пёрл-Харбора.

Имея в виду разведывательные цели, японские империалисты уделяли большое внимание иммиграции и в другие страны Южных морей. На Филиппинах проживало около 30 тыс. японцев, в том числе в Давао около 18 тыс. и в Маниле — около 5 тыс. человек. Это были главным образом рыбаки и торговцы¹⁹⁹, проявлявшие особую активность в сборе разведывательных сведений для японских консулов. В Сингапуре проживало 8 тыс. японцев, в Индонезии — около 7 тыс.²⁰⁰, в Северном Борнео и Сараваке до тысячи и в Гонконге — около тысячи японцев, которые преследовали те же цели.

Японцы стремились проникнуть также и в армию. В американской армии на Гавайях и в филиппинских войсках в качестве кадровых офицеров служило немало японцев, систематически работавших по заданиям японской разведки.

Таким образом, деятельность японских разведчиков, распространявшаяся не только на военные, но и на другие, в том числе экономические объекты, немало содействовала выбору Японией «южного», а не «северного» направления войны.

Фальсификация вопроса о возникновении и характере войны на Тихом океане в буржуазной литературе

В многочисленных американских официальных изданиях²⁰¹, в различных мемуарах и публицистических произведениях военных и политических деятелей США в годы войны и в особенности после ее окончания²⁰² делались и делаются попытки фальсифицировать вопрос относительно возникновения тихоокеанской войны, ее характера и целей²⁰³.

¹⁹⁹ Joseph Ralston Hayden, *The Philippines. A study national development*, New York, 1945, p. 715, 716, 717, 861.

²⁰⁰ О подрывной деятельности Японии в Индонезии, проводившейся под прикрытием торговой деятельности в течение продолжительного времени, см.: Ten years of Japanese burrowing in the Netherlands East Indies. Official report of the Netherlands East Indies government of Japanese subversive activities in the archipelago during the last decade, Netherlands information bureau, New York, 1944.

²⁰¹ «Hearings...», 1946, 39 parts; «Report...»; «Conclusions and recommendations of congress Pearl Harbor inquiry» («Army and navy journal», 1946, 27 July), p. 1435—1437.

²⁰² Husband E. Kimmel, *Admiral Kimmel's story*, Chicago, 1955; Robert A. Theobald, *The final secret of Pearl Harbor. The Washington contribution to the Japanese attack*, New York, 1954; T. B. Kittredge, *The Muddle before Pearl Harbor — inside story* («United States news and world report», 1954, 3 December), p. 52—63; 110—139.

²⁰³ Вопрос о нападении Японии на Пёрл-Харбор стал предметом официального разбора «Объединенной (следственной) комиссии американского конгресса по расследованию событий в Пёрл-Харборе» во главе с членом Верховного суда Робертсом, созданной по указанию Рузвельта 16 декабря 1941 г.

Тенденциозность подбора документов в официальных изданиях правительства США заключается в стремлении доказать исключительную беспечность командующего тихоокеанским флотом США адмирала Хасбенда Киммеля и командующего американскими сухопутными силами на Гавайских островах генерал-лейтенанта Вальтера Шорта, допустивших якобы возможность внезапного нападения Японии на Пёрл-Харбор и являвшихся, по заключению «Объединенной комиссии» (санкционированному американским конгрессом), единственными виновниками причиненного Пёрл-Харбору ущерба²⁰⁴. Тем самым доказывалась непричастность правительства и высшего военного и военно-морского командования к этому вопросу, который стал объектом ожесточенной политической борьбы в США.

Ответом на обвинения «Объединенной комиссии» являются мемуары адмиралов Киммеля и Тиоболда, изданные в 1954 и 1955 г. Киммель и Тиоболд пытаются опровергнуть предъявленное им обвинение в том, что они получили из Вашингтона серьезные предостережения о вероятности военного нападения Японии на Пёрл-Харбор. Они отклоняют также обвинение в том, что не приняли необходимых мер, которые позволили бы отразить внезапное нападение японских вооруженных сил²⁰⁵.

Киммель и Тиоболд сами обвиняют правительство США в том, что оно сознательно скрыло от них весьма важную дипломатическую и военную информацию.

Характеризуя внешнеполитические цели правительства США, Киммель и Тиоболд связывают их со стремлением Рузвельта предоставить Японии инициативу нападения и получить, таким образом, поддержку американского народа в войне против Японии²⁰⁶.

Мемуары Киммеля и Тиоболда имеют цель полностью оправдать их действия и переложить всю ответственность за причиненный Пёрл-Харбору ущерб лишь на правительство, высшее военное и военно-морское командование США. Вместе с тем при всей тенденциозной направленности этих мемуаров они содержат ряд документов, проливающих свет на вопрос о внезапности нападения Японии на США и Англию.

²⁰⁴ «Full text of report to president on Pearl Harbor investigation» («Army and navy journal», 1942, 31 January), p. 606.

²⁰⁵ Husband E. Kimmel, *Admiral Kimmel's story*, p. 32—33, 33—34, Pearl Harbor, 35, 36, 41, 43, 45; Robert A. Theobald, *The final secret of Pearl Harbor*, 35, 36, 41, 43, 45; Предупреждения, о которых упоминают Киммель и Тиоболд, исходили от высшего военного и военно-морского командования США, см. также: «Report...», p. 101; «Hearings...», part 14, p. 1405; part 15, p. 1783.

²⁰⁶ Husband E. Kimmel, *Admiral Kimmel's story*, p. 58; Robert A. Theobald, *The Final secret of Pearl Harbor*, p. 75—76.

Американская разведка располагала данными, которые свидетельствовали о реальности нападения Японии²⁰⁷. Однако некоторые группы американских империалистов считали, что Япония лишь шантажирует угрозой нападения, чтобы добиться у США максимальных уступок по всем важнейшим спорным вопросам, но в действительности не рискнет развязать новую войну, не закончив «китайский инцидент». Главная ответственность за незавершенность военных приготовлений США к войне с Японией и обороне Пёрл-Харбора несут правительство, высшее военное и военно-морское командование США, считавшие нападение Японии нереальным. Важнейшая причина такой оценки заключалась в том, что в основе стратегии верховного командования и государственного департамента США лежало стремление направить японскую агрессию против Советского Союза. Американские монополисты, одержимые ненавистью к СССР и глубоко зараженные идеями «дальневосточного Мюнхена», исходили из ошибочных политических расчетов²⁰⁸. Они считали, что помощь США, направленная на пополнение военно-стратегических запасов Японии, оплатится сторицей и их правящие круги сумеют использовать Японию, чтобы нанести удары по Советскому Союзу. Вместе с тем американские империалисты намеревались в ходе японо-советской войны ослабить и Японию. Таким образом, они стремились создать условия для обеспечения господства американского империализма не только на Тихом океане, но и во всем мире.

Наряду с версиями Киммеля и Тиоболда о «провоцировании» правительством США военного нападения Японии имеют хождение и фальсификации относительно того, что война готовилась только лишь Японией²⁰⁹, а США оказались «невинной» жертвой ее нападения. Американские фальсификаторы истории тихоокеанской войны пытаются, таким образом, отрицать, что война на Тихом океане являлась порождением противоречий современного монополистического капитализма, в особенности японо-американских противоречий, носивших непримиримый характер.

В японской и американской буржуазной мемуарной и публицистической литературе Коноэ, Того, Блюэт, Уэллес и другие авторы систематически делали попытки извратить важ-

²⁰⁷ «Hearings...», part 11, p. 5384, 5397. — Черчилль утверждает, что американцы уже в 1940 г. разгадали японские шифры и передавали содержание военных телеграмм и английскому правительству. См.: Winston S. Churchill, *The second world war, vol. III, The grand alliance*, London — Toronto — Melbourne — Sydney — Wellington, 1950, p. 532.

²⁰⁸ «Hearings...», part 17, p. 2568—2601.

²⁰⁹ В докладе «Объединенной комиссии» говорится, что «вся ответственность за нападение и его результаты лежит на Японии...» (см.: «Report...», p. 251).

нейшие вопросы истории войны на Тихом океане, в частности ее характер и цели.

Такие попытки были сделаны и на Токийском процессе рядом подсудимых, а также американской и японской защитой.

Подсудимый Того, бывший министр иностранных дел, как и Коноэ, Кидо и Номура в своих мемуарах, пытался изобразить себя противником тихоокеанской войны и поборником мирного разрешения спорных вопросов. В своих показаниях он заявил: «Я придавал большое значение вопросу о том, чтобы избежать войны любой ценой. Я видел последствия первой мировой войны в Европе и знал, что современная война принесет еще больше страданий и лишений народам воюющих государств. И я считал, что, только избегая войны, государство может развиваться должным образом. Поэтому я настаивал на том, что в случае провала переговоров необязательно должна начаться война; что даже при таких обстоятельствах мы должны проявить терпение и ждать, пока не изменится обстановка»²¹⁰.

Американский защитник главного подсудимого Тодзэ, адвокат Блюэт, в своих выступлениях на суде стремился доказать, что война на Тихом океане будто бы возникла случайно и что Япония не готовилась к этой войне²¹¹. Блюэт по существу оправдывал политику Японии, развязавшей войну в Китае и на Тихом океане, заявляя, что эта политика является результатом осуществления Японией «права на самооборону»²¹², результатом «отчаянной борьбы Японии за существование»²¹³. Он утверждал, что Япония была «вынуждена» прибегнуть к праву на «самооборону», которое и использовали Тодзэ и правительство Японии²¹⁴.

Однако все попытки фальсифицировать историю возникновения тихоокеанской войны, извратить ее истинный характер и представить японскую агрессию как акт «самообороны»

²¹⁰ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 47786. 35690.

Номура после войны писал: «Война началась вопреки моему мнению. Того говорил мне, что основы конфликта были заложены до его вступления на пост министра иностранных дел и ему ничего не оставалось делать, как следовать этому курсу...» «Я узнал о нападении на Пёрл-Харбор, — продолжал Номура, — из сообщений по радио» (см.: Kichisaburo Nomura, *Stepping-stones to war*, p. 931) — Курусу в своих мемуарах передает сказанные ему в августе 1942 г. слова Тодзэ о том, что, если бы послание Рузвельта японскому императору прибыло бы на несколько дней раньше и нота США от 26 ноября 1941 г. оказалась более неритерительной, вступление Японии в войну на Тихом океане якобы было возможно. Курусу утверждает, что если бы Хэлл вручил свой первоначальный компромиссный план вместо последней ноты 26 ноября, то развитие мировых событий приняло бы другой оборот (см.: Курусу Сабуро, *Нитибэй гайко...*, стр. 175—176).

²¹¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 47383.

²¹² Там же. стр. 47287.

²¹³ Там же. стр. 47355.

²¹⁴ Там же. стр. 47298—47299.

были отвергнуты Международным военным трибуналом для Дальнего Востока. Тем же результатом закончились попытки Того представить себя «другом» народов Азии и «противником» войны. Коноэ долгое время распространял лживую версию о том, что военно-морские круги и в первую очередь один из наиболее влиятельных ее лидеров адмирал Ямамото, выступали против тихоокеанской войны. Он утверждал, что в беседе с ним Ямамото будто бы заявил: «Я надеюсь, вы приложите все усилия к тому, чтобы избежать японо-американской войны»²¹⁵.

Японские и американские буржуазные фальсификаторы истории пытаются доказать, что в возникновении войны на Тихом океане повинна лишь немногочисленная клика руководителей армии и флота. Эта наиболее распространенная и политически выгодная американским реставраторам японского милитаризма версия искусственно противопоставляла военные круги («гумбацу») монополиям («дзайбацу») и имела цель оправдать главных вдохновителей и организаторов военных авантур — японских монополистов. В действительности нападение Японии на США и Англию было совершено в интересах всех группировок японских монополистов, стремившихся обеспечить свое господство над территорией Дальнего Востока и Тихоокеанским бассейном. Военные круги являлись орудием осуществления этой агрессивной политики.

Гитлеровская клика на Нюрнбергском процессе пыталась извратить вопрос о роли Германии в развязывании войны на Тихом океане. Риббентроп на допросе заявил, что Япония якобы даже не уведомила Германию о своем намерении напасть на Пёрл-Харбор. Другой представитель гитлеровской клики, Йодль, также на допросе утверждал, что нападение Японии на Пёрл-Харбор было полнейшей неожиданностью для него и Гитлера²¹⁶. Однако хорошо известно, что Германия была информирована своим дальневосточным союзником о планах подготовки нападения на Пёрл-Харбор. Поэтому попытки гитлеровской клики отмежеваться от агрессии Японии не выдерживают никакой критики.

²¹⁵ Otto Tolishus, *Through Japanese eyes*, New York, 1943, p. 18.

²¹⁶ «Документ 872, ВВ-480. «Триал...», vol. X, p. 202, 296—297; vol. XIV, p. 336; vol. XV, p. 397.

Адмирал Редер утверждал 6 декабря 1941 г., что гитлеровский штаб якобы почти не имел информации о политике, намерениях и планах Японии и предугадать последующий ход событий было невозможно. (См.: Tracy Barrett Kittredge, *A military danger...*, p. 735—736).

Американский буржуазный исследователь Джон Гюнтер также утверждает, что Япония совершила нападение на Пёрл-Харбор без консультации с Гитлером. (См.: John Gunther, *Inside Asia*, New York, 1942, p. 126).

Однако хорошо информированный Штамер в своей книге, посвященной поражению Японии, пишет, что Гитлер находился «за кулисами Пёрл-Харбора». (См.: H. G. Stahmer, *Japans Niederlage — Asiens Sieg. Aufstieg eines Grösseren Ostasien*, Bielfeld, 1952, S. 66—72).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ внешней политики Японии в период от начала второй мировой войны и до возникновения войны на Тихом океане (1 сентября 1939 г.— 7 декабря 1941 г.) позволяет сделать следующие основные выводы.

Для начального этапа второй мировой войны (сентябрь 1939 г. — июнь 1940 г.) характерна политика невмешательства Японии в войну на европейском театре. Япония не выступила на стороне держав «оси» ввиду незавершенности военно-мобилизационных мероприятий, рассчитанных на ведение «большой войны»; другой причиной было превращение войны в Китае в затяжную и наличие собственных империалистических целей построения грабительского «нового порядка» в Восточной Азии и в районе Южных морей. Исходя из своих внешнеполитических интересов, японские империалисты предпочли проводить выжидательную политику для прикрытия своих истинных агрессивных планов и максимального использования в своих интересах политики невмешательства в европейские события. Своей главной целью они считали завершение «китайского инцидента» военным и дипломатическим путем с помощью скрытых и открытых капитулянтов в Китае — Чан Кайши и Ван Цзин-вэя.

Следующий этап второй мировой войны (июнь 1940 г. — июнь 1941 г.) отличается активизацией экспансии империалистической Японии в Юго-Восточной Азии и в районе Южных морей (Индокитай, Таиланд, Индонезия). Острая внутривосточная борьба различных конкурирующих групп японской монополистической буржуазии по вопросу о темпах, направлении и сроках развертывания агрессии завершилась выдвижением на первый план крайне правых групп японских монополистов, усилением агрессии во внешней политике и реакции во внутренней политике Японии. Результатом этого курса за пределами страны явилось вторжение Японии в Индокитай, заключение тройственного союза с Германией и Италией, новые попытки закончить войну в Китае. Выражением этой политики внутри страны было введение «новой политической структуры», важной вехи на пути установления в Японии фашистского режима, и «новой экономической структуры», являющейся одной из форм полного подчинения государственного аппарата японским монополиям.

Усиление агрессивности внешнеполитического курса Японии нашло свое выражение в подготовке новых актов агрессии, направленных против СССР, США и Англии, Китая и стран района Южных морей.

Стремление правящих кругов Соединенных Штатов достичь компромиссного соглашения с Японией на антикитайской и антисоветской основе политики «дальневосточного Мюнхена», незавершенность подготовки США к войне с Японией, желание японских монополистических групп правящих кругов добиться от американских империалистов выгодного соглашения и максимально обеспечить внезапность и эффективность военного нападения на США в случае их отказа пойти на серьезные уступки — такова причина вашингтонских переговоров. В ходе этих переговоров можно наметить четыре стадии: первая стадия — от начала официальных переговоров до Великой Отечественной войны Советского Союза (8 марта — 22 июня 1941 г.), вторая стадия — от начала Великой Отечественной войны до оккупации Японией Южного Индокитая (22 июня — 29 июля 1941 г.), третья стадия — от оккупации Южного Индокитая до образования кабинета Тодзё (29 июля — 18 октября 1941 г.) и заключительная стадия — от образования кабинета Тодзё до разрыва переговоров и начала войны на Тихом океане (18 октября — 7 декабря 1941 г.).

Усиление агрессивности внешнеполитического курса Японии, происшедшее во время вашингтонских переговоров, обострило японо-американские империалистические противоречия. Острота этих противоречий по всем важнейшим спорным вопросам нашла отражение уже в начальной стадии переговоров.

Китай, являвшийся важнейшим объектом агрессии японских империалистов, сковывал их действия в южном направлении. Демократические силы страны последовательно боролись против империалистической Японии за свободу и независимость Родины. Национально-революционная армия — оплот демократических сил Китая вела эту борьбу в труднейших условиях, когда гоминдановские реакционеры всячески саботировали войну против Японии, тайно искали путей к капитуляции и провоцировали гражданскую войну. Китайский народ, сплоченный коммунистической партией в единый антияпонский демократический фронт, своим мужественным сопротивлением внешнему врагу срывал намерения капитулянтов предать национальные интересы.

С самого начала второй мировой войны Япония, Германия и Италия возобновили переговоры о заключении тройственного военно-политического союза. Переговоры эти завершились в сентябре 1940 г. подписанием тройственного пакта, окончательно оформившего образование германо-японо-итальянской коалиции.

Укрепление союзных отношений Японии с Германией и

Италией усиливало антисоветский внешнеполитический курс правящих кругов Японии.

В условиях территориального расширения второй мировой войны Советский Союз последовательно проводил свою миролюбивую внешнюю политику, политику обеспечения мира и международной безопасности. Заключение пакта о нейтралитете с Японией явилось победой мирной политики СССР, результатом умелого маневрирования советской дипломатии, которая принимала все меры для того, чтобы не допустить совместных военных действий Японии и Германии против СССР. Внешняя политика Советского Союза не позволила Японии создать новый очаг войны на его дальневосточных рубежах. Вместе с тем последовательная борьба Советского Союза за мир и безопасность народов срывала попытки «дальневосточных мюнхенцев» заключить сделку с японским агрессором за счет Китая и СССР.

Полугодовой период с момента нападения гитлеровской Германии на Советский Союз и до начала войны на Тихом океане (июнь — декабрь 1941 г.) характеризуется острой триполитической борьбой в правящих кругах Японии по вопросу о выборе *первоочередного* удара военного нападения: «северного» (против СССР) или «южного» (против США и Англии).

В течение первого полугодия советско-германской войны и вплоть до самого ее окончания Япония лишь формально проводила политику нейтралитета по отношению к Советскому Союзу. В действительности же, прикрываясь демагогическими декларациями о верности советско-японскому пакту о нейтралитете, японское правительство систематически нарушало его и совершало заведомо враждебные СССР акции. Япония концентрировала у дальневосточных границ Советского Союза отборную Квантунскую армию, непрерывно усиливала ее вооружение, а также проводила другие военно-мобилизационные мероприятия. Агрессивная политика Японии по отношению к СССР, являвшаяся основным источником напряженности на Дальнем Востоке, вынуждала Советский Союз держать здесь крупные военные силы, которые с успехом могли быть использованы на фронте борьбы против гитлеровской Германии и ее сателлитов. Японские войска систематически нарушали советско-маньчжурскую границу, развернув «малую пограничную войну», чтобы превратить ее в дальнейшем в большую анти-советскую войну. На территории Маньчжурии и Кореи Япония укрепляла антисоветский военно-промышленный плацдарм. В реакционной печати и по радио в Японии, Маньчжурии и Корее проводилась усиленная антисоветская пропаганда, непрерывно выдвигались клеветнические обвинения в том, что Советский Союз нарушает пакт о нейтралитете. Правящие круги Японии угрожали развязать войну против Советского

Союза, захватить его дальневосточные территории и Сибирь и включить их в состав японской «сферы сопроцветания». Японское правительство продлило «антикоминтерновский пакт» на новый пятилетний срок, еще более усилив его антисоветскую направленность. На протяжении всей Отечественной войны Япония блокировала побережье Советского Дальнего Востока и в соответствии с японо-германским соглашением о нанесении урона советско-американским экономическим отношениям производила вооруженные нападения на советские торговые суда. На основании японо-германского соглашения о сотрудничестве в проведении подрывной деятельности против СССР Япония передавала Германии различные секретные сведения о военно-промышленном потенциале Советского Союза, о его вооруженных силах и их передвижениях.

В тесной связи со всеми этими мероприятиями находилась разработка различных планов войны против СССР: «Оцу» (1939—1941 гг.) и «Кэнтokuэн» (1941 г.) — генерального стратегического плана антисоветской войны. Разрабатывались также оперативные планы координации боевых действий японских войск, находившихся в Маньчжурии, Кореи и во Внутренней Монголии, в целях развертывания армии вторжения на территорию Советского Дальнего Востока. О реальности японских антисоветских планов войны свидетельствовали планы расчленения Сибири и дальневосточных территорий СССР на «сферы влияния» Японии и Германии и установления разграничительной линии между ними. Японские правящие круги разрабатывали детальные проекты управления советскими территориями, намечавшимися к оккупации после возникновения японо-советской войны, а также готовились применить бактериологическое и химическое оружие.

Все перечисленные выше мероприятия являлись составными частями резко выраженной *враждебной* антисоветской политики, последовательно проводившейся Японией и вытекавшей из ее антисоветского и прогерманского внешнеполитического курса.

Следовательно, «нейтралитет» Японии по отношению к СССР в действительности являлся *формой активного участия Японии в войне против Советского Союза на стороне гитлеровской Германии*. В результате этой враждебной и вероломной политики Японии, значительно осложнившей борьбу СССР против гитлеровской Германии, советско-германская война не могла быть закончена в более ранние сроки и советскому народу был причинен большой ущерб, которого можно было избежать, если бы Япония действительно соблюдала советско-японский пакт о нейтралитете.

Японские империалисты стремились решать вопросы внешней политики, в особенности вопрос об открытом военном нападении на Советский Союз, не только исходя из общих инте-

ресов тройственного союза, но и на основе своих планов. Обострение японо-германских разногласий и противоречий по важнейшим вопросам (реализация обязательств, вытекавших из тройственного пакта, в частности выбор первоочередного направления военного нападения, вступление Японии в войну против Англии; переговоры Японии с США; использование экономических ресурсов Индонезии) отчетливо проявилось после заключения тройственного пакта, в особенности после падения Германии на СССР.

Во время японо-американских переговоров в Вашингтоне гитлеровская Германия выражала явное недовольство стремлением правящих кругов Японии исходить из собственных интересов и самостоятельных целей. Под предлогом выполнения обязательств тройственного пакта она намеревалась использовать Японию в борьбе против США и Англии в своих интересах, в частности для нападения на Сингапур.

Наиболее острые разногласия между Японией и Германией обнаружались по вопросу об отношении Японии к советско-германской войне, когда правящие круги Японии, руководствуясь своими планами, несмотря на усиленное давление германского союзника, предпочли стать на путь маневрирования, чтобы решить вопрос о *прямом* вступлении в войну против СССР в зависимости от дальнейшего развития событий на советско-германском фронте — главном театре второй мировой войны. Срыв советским народом германского «блицкрига» был одной из важнейших причин обострения японо-германских разногласий.

В итоге, несмотря на общность агрессивных целей Японии и Германии, разногласия между ними оказались серьезной преградой для осуществления совместных действий против СССР. Вместе с тем они вскрыли органическую слабость тройственного союза.

В. И. Ленин указывал, что любой блок империалистических государств не может иметь внутренней силы, потому что такое объединение представляет империалистический союз хищников, раздираемый глубочайшими внутренними противоречиями¹. По этой причине и тройственный союз не мог быть прочным объединением, несмотря на временную общность грабительских целей участников фашистского военно-политического блока. Стремление к территориальным захватам, присущее им, приводило к ожесточенной внутренней борьбе.

Враждебная политика Японии, представлявшая составную

¹ В. И. Ленин, *Речь на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 г.* (Сочинения, т. 31, изд. 4), стр. 300, 304; *Доклад о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда Советов 21 декабря 1920 г.* (Там же), стр. 436; *О лозунге Соединенных Штатов Европы* (Сочинения, т. 21, изд. 4), стр. 310.

часть ее антисоветского внешнеполитического курса, а также помощь, оказываемая Японией гитлеровской Германии, ослабили борьбу Советского Союза с немецко-фашистскими войсками.

Параллельно с подготовкой войны против Советского Союза японские империалисты усилили дипломатическую и военную подготовку к «южному» варианту войны против своих тихоокеанских империалистических соперников. Стремясь замаскировать подготовку к нападению на американские и английские владения на Тихом океане, Япония продолжала переговоры с Соединенными Штатами вплоть до возникновения войны на Тихом океане.

В процессе девятимесячных переговоров в Вашингтоне отчетливо обнаружилась непримиримость империалистических противоречий между двумя главными тихоокеанскими соперниками — Японией и США. Вследствие этого и не могла быть достигнута договоренность по наиболее спорным вопросам. Кроме того, переговоры вскрыли окончательный крах политики «дальневосточного Мюнхена», проводившейся правящими кругами США и Англии под маской «конструктивного примирения» с Японией на антисоветской и антикитайской основе. Провал этой политики показал всю преступность действий правящих кругов Соединенных Штатов и Англии, способствовавших вооружению Японии, укреплению ее военно-промышленного потенциала, ускорению нового военного конфликта на Тихом океане.

Правящие круги Японии в ноябре 1941 г. приняли окончательное решение считать «южное» направление более выгодным и менее опасным для Японии. Это решение было принято под влиянием успешных действий Советских Вооруженных Сил, сумевших развеять миф о «непобедимости Германии». Выбор южного направления означал вынужденную отсрочку антисоветского плана войны — «Кантокуэн».

К другим причинам выбора Японией «южного» направления войны относятся: неподготовленность США и Англии к войне; «мюнхенские» тенденции правящих кругов США и Англии, их готовность пойти на далеко идущие уступки для достижения компромиссного соглашения за счет Китая и СССР; недооценка ими сил и возможностей Японии, ее территориальной близости к странам Южных морей; переоценка прочности своих империалистических позиций на Тихом океане; преобладание в руководящих военных кругах США и Англии концепции оборонительной войны в отличие от наступательной стратегии Японии, осуществившей тщательную подготовку к войне; хорошо организованная японская разведывательная служба, усилившая эффективность нападения на американские и английские владения на Дальнем Востоке; японо-германские разногласия, усилившиеся после начала Ве-

ликой Отечественной войны, по поводу выполнения Японией обязательств тройственного пакта, предусматривавших военное нападение Японии на Советский Союз и координацию сил партнеров по «оси» во второй мировой войне.

Война на Тихом океане была составной частью второй мировой войны. Она явилась порождением противоречий современного монополистического капитализма, в особенности японо-американских империалистических противоречий. Возникновение тихоокеанской войны означало, что эти противоречия оказались не только острыми и непримиримыми, но и неизбежно ведущими к военному конфликту между главными империалистическими соперниками в борьбе за господство в Китае и на Тихом океане. Наряду с этим возникновение новой войны отчетливо показало, что японо-американские и японо-английские империалистические противоречия практически оказались сильнее, чем противоречия между Японией и Советским Союзом.

Японские и американские дипломаты и буржуазные историки тихоокеанской войны фальсифицируют подлинный ее характер. Они извращают роль военных и морских кругов и руководящих деятелей Японии в подготовке и развязывании войны и прежде всего стремятся оправдать главных организаторов империалистической агрессии — японских монополистов.

В настоящее время эти поджигатели новой войны утверждают, что Япония не может нести ответственности за участие в совместных с Германией действиях против СССР во второй мировой войне. Извращается также вопрос, касающийся советско-японского пакта о нейтралитете. Идеологи антисоветской политики и агрессии пытаются обвинить Советский Союз в нарушении пакта, в якобы незаконной его денонсации и преднамеренном нападении СССР на Японию в заключительной стадии второй мировой войны.

В действительности Япония являлась активным участником тройственного союза фашистских агрессоров и, как было указано выше, оказывала реальную помощь гитлеровской Германии в войне против СССР.

Обвинение СССР в нарушении пакта о нейтралитете с Японией не имеет никаких оснований. Советский Союз денонсировал его в полном соответствии со статьей 3-й пакта ввиду систематических нарушений Японией этого договора, вследствие оказания ею активной помощи Германии в войне против СССР. Вступление же Советского Союза в войну против Японии обуславливалось союзническими обязательствами, принятыми им на Ялтинской (Крымской) конференции в феврале 1945 г., и диктовалось интересами скорейшего окончания войны, восстановления и обеспечения всеобщего мира, чему упорно препятствовали правящие круги Японии, продолжавшие войну.

Распространяются фальсификации относительно того, что Соединенные Штаты оказались «невинной» жертвой нападения Японии. В действительности же правящие круги США отстаивали свои империалистические интересы на Дальнем Востоке. Непримириемость японо-американских империалистических противоречий явилась главной причиной войны на Тихом океане.

Военные приготовления Японии к новой войне в двух альтернативных направлениях сопровождались интенсивной экономической подготовкой, усиленной милитаризацией экономики (преимущественное развитие тяжелой промышленности, производства вооружения, накопление больших запасов военно-стратегических материалов). К началу тихоокеанской войны в Японии произошли существенные изменения в соотношении между тяжелой и легкой промышленностью и между промышленной и сельскохозяйственной продукцией. Милитаризация экономики и сопровождавшие ее усиление эксплуатации рабочих, ограбление трудящихся города и деревни, а также колоний и временно оккупированных территорий являлись источниками извлечения японскими монополиями высоких прибылей. Усиление тенденций государственного «регулирования» свидетельствовало о дальнейшем развитии государственно-монополистического капитализма в Японии.

Общие процессы промышленного развития страны обусловили изменения и в рабочем классе Японии. В обстановке форсированной подготовки новой войны, имевшей последствием усиление эксплуатации, обнищание и разорение трудящихся, развивалось антивоенное движение как среди японского народа, так и в рядах японских экспедиционных сил в Китае, которым прямо или косвенно руководили японские коммунисты. Рабочий класс организовывал на военных предприятиях забастовки, имевшие антивоенный характер (забастовки на верфях Кавасаки, авиационных заводах в Нагоя, в артиллерийском арсенале военного министерства в Кокура и на заводах тяжелой индустрии в Цуруми в апреле — октябре 1941 г.). В рядах японской армии в Китае распространялись антивоенные настроения, создавались антивоенные лиги и ассоциации. Однако прогрессивные силы не были в достаточной мере организованы, они не имели еще необходимого влияния на широкие народные массы, в том числе и на японскую экспедиционную армию в Китае. По этой причине они не смогли предотвратить возникновения новой агрессивной войны на Тихом океане, которая, однако, завершилась полным поражением японских империалистов, крахом их авантюристической реакционной политики и военной стратегии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава I.</i> Начало второй мировой войны и внешняя политика Японии	12
Декларация правительства Абэ	12
Наступление японских войск в Китае. Соглашение об организации «центрального» правительства в Китае от 30 декабря 1939 г.	15
Японо-американские и японо-английские отношения	18
Взаимоотношения Японии и Германии	21
Японо-советские отношения	23
Отставка правительства Абэ и формирование кабинета Енаи	24
«Китайский вопрос» 75-й сессии парламента. Создание маршноточного «центрального» правительства Ван Цзин-вэя	28
Ухудшение японо-американских отношений. Японо-английские отношения	30
Политика кабинета Енаи в отношении Советского Союза	33
<i>Глава II.</i> Внешняя политика Японии в период от капитуляции Франции до заключения тройственного пакта	35
Внутриполитическая борьба в Японии по вопросу об активизации экспансии в районе Южных морей	35
Подготовка оккупации Индокитая	38
Борьба в правящих кругах Японии по индокитайскому вопросу. Отставка кабинета Енаи	40
Второй кабинет Коноэ и его программа	42
Движение за создание «новой политической структуры» в Японии	45
Вторжение японских империалистов в Индокитай. Провокация японскими империалистами конфликта между Таиландом и Индокитаем. Сопrotивление вьетнамского народа японским оккупантам	50
Подготовка и подписание тройственного пакта от 27 сентября 1940 г. Японо-германские империалистические противоречия	57
<i>Глава III.</i> Расширение агрессии Японии в южном направлении. Советско-японские отношения до вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР. Первая стадия японо-американских переговоров	75
Обострение конфликта между Таиландом и Индокитаем и «посредничество» Японии	75
Поражения японских войск в Китае. Новое соглашение Японии с «правительством» Ван Цзин-вэя от 30 ноября 1940 г.	80

Обострение японо-английских империалистических противоречий	85
Подготовка Японией захвата Индонезии и усиление межимпериалистической борьбы за Индонезию	88
Экономические мероприятия правительства Коноэ. «Новая экономическая структура». Обострение внутривластной борьбы	95
Японо-советские отношения. Подготовка плацдарма в Маньчжурии для войны против СССР «План Оцу»	100
Японо-германские переговоры в Берлине (март—апрель 1941 г.)	104
Подписание советско-японского пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. и его значение	113
Обострение японо-американских империалистических противоречий. Подготовка Японии к войне на Тихом океане. Разработка военных планов в Японии и США	118
Первая стадия японо-американских переговоров (8 марта — 22 июня 1941 г.)	130
Глава IV. Японо-советские отношения в первое полугодие советско-германской войны (июнь — декабрь 1941 г.)	141
Вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз. Начало нового, решающего этапа мировой войны. Позиция Японии по отношению к советско-германской войне и советско-японскому пакту о нейтралитете	141
Решение имперского совещания от 2 июля 1941 г.	145
Отклики в США на позицию Японии по отношению к советско-германской войне	149
План «Кантокуэн» — стратегический план антисоветской войны японского империализма. Военно-мобилизационные мероприятия Японии	150
Образование третьего кабинета Коноэ. Усиление военных приготовлений Японии против СССР	156
Японо-германские отношения после возникновения советско-германской войны. Разногласия по вопросу о вступлении Японии в войну против СССР	161
Продолжение подготовки войны Японии против СССР. Разработка новых военных планов управления советскими территориями, намеченными к оккупации	168
Усиление давления гитлеровской Германии на Японию в конце 1941 г. Активная помощь Германии со стороны Японии	172
Причины отсрочки вступления Японии в войну против Советского Союза	176
Глава V. Продолжение японо-американских переговоров. Подготовка нападения Японии на США и Англию	179
Вторая стадия японо-американских переговоров от начала Великой Отечественной войны Советского Союза до оккупации Южного Индокитая (22 июня — 29 июля 1941 г.). Вторжение Японии в Южный Индокитай	179
Третья стадия японо-американских переговоров — от оккупации Южного Индокитая до образования кабинета Тодзэ (29 июля — 18 октября 1941 г.)	188

Глава VI. Заключительная стадия японо-американских переговоров и начало войны на Тихом океане (18 октября — 7 декабря 1941 г.)	219
Внешнеполитический курс правительства Тодзэ. Миссия Курусу. Подготовка «Гавайской операции»	219
Итоги японо-американских переговоров в Вашингтоне	270
Причины выбора японскими империалистами «южного» направления войны	275
Фальсификация вопроса о возникновении и характере войны на Тихом океане в буржуазной литературе	288
Заключение	293

Давид Исаакович Гольдберг
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ
(сентябрь 1939 г. — декабрь 1941 г.)

*
Утверждено к печати
Ленинградским государственным университетом
им. Жданова

*
Редактор издательства Т. М. Ангора
Художник Л. Э. Галлий
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор Л. Т. Цигельман
Корректоры Г. В. Афонина, М. Н. Гарбер и Л. Г. Тумасова

*
Сдано в набор 31/XII-1958 г.
Подписано к печати 14/IV-1959 г.
Т-04809 Формат 60×92¹/₁₆ Печ. л. 19
Усл. п. л. 19 Уч.-изд. л. 20,51
Тираж 2000 экз. Зак. 2763
Цена 14 руб. 50 коп.

*
Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

*
Типография Издательства восточной литературы
Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4.

Гла

302

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
4	3 сн.	治	法
12 и 301	4 св.	Декларация	Декларации
48	1 сн.	一九〇四年	一九四〇年
48	4 сн.	事	事裁
69	1 сн.	伐時	時代
90	8 св.	моряков Голландской	моряков в Голландской
142	20 сн.	министерства	министра
150	1 и 2 сн.	關	關
226	6 сн.	三7甲1卷, 頁-41-7	三卷, 174—176頁
235	6 сн.	японо-английских отношений	в японо-английских отношениях
235	8 сн.	японо-советских отношений	в японо-советских отношениях
264	8 сн.	II	II
269	22-23 св.	Американский флот потерял шесть линкоров, два линейных корабля получили повреждения.	Два линкора были потоплены, шесть получили повреждения.
290	6 сн.	Churchill	Churchill
297	9 св.	падения	нападения
301	12 св.	вопрос» 75-й	вопрос» на 75-й

Д. И. Гольдберг

